



"Снова любить"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

ПРОЛОГ. БРИТАНИЯ. 44 - 406 годы

Кельтский воин из племени катувеллони лежал лицом вниз в грязи на дымящейся земле. Его обнаженное избитое, израненное тело было окрашено в синий цвет. Вокруг лежали тысячи мертвых и умирающих соплеменников, а римские легионеры, методически продвигаясь по полю битвы, добивали тех несчастных, которые все еще цеплялись за жизнь. Он услышал крики слетевшихся хищных птиц, и дрожь пробежала по его телу.

Неподалеку стояла группа римских военачальников, наблюдая за происходящим. Слегка повернув голову, он посмотрел на них сквозь приоткрытые веки и, к своему удивлению, узнал самого императора. Воин украдкой приблизил руку к своему дротику. Его пальцы потихоньку охватили древко, ощутив привычное удобство гладкого обожженного дерева. Он едва дышал - дыхание причиняло ему сильную боль.

С нечеловеческим усилием он приподнялся, затем с дьявольским криком, вложив в бросок все оставшиеся силы, метнул свое оружие прямо в римского императора. К глубокому разочарованию воина, высокий молодой трибун, стоящий в группе, среагировал гораздо быстрее, чем можно было предположить, и заслонил императора, приняв удар дротика на свой наколенник.

Катувеллонский воин не успел оценить храбрость юноши. Он был уже мертв; второй трибун отсек ему голову, также выскочив вперед на защиту императора. Окровавленная голова с длинными спутанными волосами покатила по земле, остановившись у ног императора.

Клавдий посмотрел вниз и глубоко вздохнул. Он узнал одного из личных телохранителей предводителя племени катувеллони. Он заметил юношу, когда катувеллони прибыли на мирные переговоры, хотя при этом они коварно стянули свои силы, рассчитывая изгнать римлян из Британии. У молодого человека было крошечное, но очень заметное родимое пятно на левой скуле. Клавдий, как и другие его воины, был ранен. Он печально покачал головой: война отвратительное дело. Как много загублено молодых жизней, подобно этой. Юноши воевали и погибали, а такие, как он, старики планировали эти войны. Он отвернулся от отрубленной головы и посмотрел на трибуна, защитившего его от неминуемой смерти.

- Как он? - спросил император лекаря, который стоял на коленях перед распростертым на земле трибуном, пытаясь остановить кровь.

- Будет жить, - последовал суровый ответ, - но воевать больше не сможет, цезарь. Дротик, по Божьей милости, только пробил коленную кость и повредил сухожилия. Юноша останется хромым до конца своих дней.

Клавдий кивнул, затем спросил раненого:

- Как твое имя, трибун?

- Флавий Друзас, цезарь.

- Тогда нет ли между нами родственных связей? - воскликнул удивленно император; его собственное имя было Клавдий Друзас Неро.

- Отдаленные, цезарь.
- Кто твой отец?
- Тит Друзас, цезарь, и мой брат тоже Тит.
- Так, - промолвил император задумчиво. - Твой отец в сенате. Насколько я помню, он достойный человек.
- Да, цезарь.
- Ты трибун латиклавия четырнадцатой когорты, - отметил император, оглядев доспехи юноши. - Теперь, я полагаю, ты должен отправиться домой, Флавий Друзас.
- Да, цезарь, - последовал покорный ответ, но Клавдию послышалось нечто большее, чем разочарование, в голосе молодого человека.
- Ты не хочешь домой? - спросил он. - Разве у тебя нет юной возлюбленной или жены, с нетерпением ожидающей твоего возвращения? Как долго ты был в четырнадцатой когорте, Флавий Друзас?
- Почти три года, цезарь. Я надеялся сделать карьеру в армии. Я младший сын Тита Друзаса. У меня есть еще три брата. Самый старший следует, конечно, по стопам отца, а Гай и Луций - члены магистрата. Еще один член магистрата от семьи Друзаса - и нас обвинят в монополии, - закончил Флавий Друзас с легкой улыбкой. Затем вздрогнул от боли и побледнел: лекарь из его ноги извлек дроги к.

Клавдий почти застонал, сочувствуя страданиям юноши. Хотя звание трибуна латиклавия ниже звания командира легиона, оно считалось почетным. В состав каждого легиона входили шесть трибунов, пять из них обычно были закаленными в боях ветеранами. Звание трибуна латиклавия, как правило, присваивалось юноше до двадцати лет из знатной семьи, которого посылали на два или три года в армию, чтобы воспитать, или скрыть юношеские грешки, или отвлечь от дурных товарищей. Обычно в конце срока трибун латиклавия возвращался домой на должность члена магистрата к богатой жене.

Император обратился к командиру легиона:

- Он хороший солдат, Алий Маджеста? Командир легиона кивнул:
- Самый лучший, цезарь. Он пришел к нам, как и все они, зеленым молокососом, но в отличие от остальных, что побывали у меня за время службы, Флавий Друзас был настойчив в учебе. Он остался, в то время как другие мои трибуны уходили через год. Я планировал повысить его в звании. - Он посмотрел на побледневшего юношу. - Жаль, цезарь. Он хороший военачальник, но я не могу держать хромого трибуна.

Клавдий испытывал искушение спросить у Алиа Маджесты, какая должна быть у человека походка, чтобы принимать правильные военные решения, но воздержался. Его собственная хромота и заикание всю жизнь были причиной насмешек. Он считался ни на что не годным даже в своей собственной семье. Но когда его ужасного племянника Калигулу свергли и убили, армия обратилась к нему с призывом править Римом. Клавдий лучше, чем кто-либо, сознавал, с какой проблемой столкнулся Флавий Друзас. Предубеждение подобного рода трудно побороть, - Ты получишь награду за спасение моей жизни, - сказал он твердо.

- Я только выполнил свой долг, цезарь! - запротестовал молодой трибун.

- И, выполняя его, поставил крест на своей военной карьере, - ответил император. - Что ждет тебя дома? У тебя ничего нет, поскольку ты младший сын. Спасая мою жизнь, ты, в сущности, погубил свою, Флавий Друзас. Я нарушу благородные традиции цезарей, если допущу такое. Я предлагаю тебе одно из двух. Подумай хорошенько, прежде чем выбрать. Вернись в Рим с почестями, если пожелаешь. Я дам тебе благородную жену и пенсию до конца твоих дней. Или останься здесь, в Британии. Я дам тебе земли в вечное пользование, дам денег, чтобы ты мог построить дом.

Флавий Друзас задумался. Вернувшись в Рим, он будет вынужден, с благородной женой или без нее, жить в отцовском доме, который однажды станет домом старшего брата. Его пенсии вряд ли хватит, чтобы купить собственный дом. Его жена сама может оказаться младшей дочерью без приданого. Как они обеспечат приданое дочерям или карьеру сыновьям? Если же он останется в Британии, у него будут собственные земли. Он никому не будет обязан. Он станет основателем новой ветви семьи и упорным трудом достигнет богатства.

- Я остаюсь в Британии, цезарь, - сказал он, чувствуя, что принял правильное решение.

- Вот так, - рассказывал своим детям Тит Друзас Кориниум летом 406 года, - наша семья прибыла на эту землю триста шестьдесят два года тому назад. Первый прибывший, Флавий Друзас, был еще жив, когда королева Бодисия восстала против Рима. Несмотря на то что в городе, где обосновался Кориниум, было спокойно, он решил для блага семьи породниться с кельтами, а не посылать за римскими женами. Так его сыновья нашли жен в племени добунни, а сыновья и дочери, которые появились вслед за ними, смешались в браке с кельтскими и римскими британцами, и так до наших дней.

- А теперь Рим оставляет Британию, - промолвила жена Тита Джулия.

- Приятное избавление, - отозвался Тит. - Рим кончился. Римляне, должно быть, при этом испытывают горькие чувства. Лучше мы, британцы, раз и навсегда избавимся от Рима, чем поставим на карту собственные судьбы. Если мы не сделаем этого, саксонцы, переселившиеся из Северной Галлии и из Рейнских земель на наш юго-восточный берег, будут продвигаться в глубь страны и поглотят нас.

Молодые люди озорно улыбнулись друг другу. Их отец всегда так мрачен.

- О, Тит, - проворчала Джулия. - Саксонцы просто крестьяне. Мы цивилизованные люди, вряд ли они победят нас.

- Да, достаточно цивилизованные, - согласился Тит. - Может быть, поэтому я опасаясь за Британию. - Он поднял своего младшего сына Гая, который играл на полу. - Когда люди становятся такими цивилизованными, что не боятся варваров у своих ворот, опасность очень велика. Боюсь, маленький Гай и его дети пострадают от нашего безрассудства.

Часть I. КЕЙЛИН. БРИТАНИЯ. 452 - 454 годы

Глава 1

- О, Гай, как ты мог! - раздраженно обратилась Каина Бенина к своему мужу. Она была высокой, красивой кельтской женщиной. Темно-рыжие волосы она заплетала в несколько

косичек, которые укладывала вокруг головы. – Я не могу поверить, что ты попросил Рим прислать мужа для Кейлин. Она ужасно разозлится на тебя, когда узнает. – Длинная мягкая желтая шерстяная туника Каины Бенины грациозно колыхалась, когда она нервно ходила по залу.

– Ей пора выходить замуж, – парировал Гай Друзас Кориниум, – а здесь нет никого, кто мог бы ей подойти.

– Кейлин исполнится в следующем месяце только четырнадцать, – напомнила ему жена. – Сейчас не времена Юлианов, когда маленьких девочек, не успевших созреть, выдавали замуж! Меня не удивляет, что ни один юноша не подходит ей. Ты же очень любишь свою дочь, а она тебя. Ты постоянно держишь ее взаперти, и у нее действительно не было возможности встречаться с достойными молодыми людьми. Даже если бы ей встретился кто-нибудь, никто из них не сравнится с любимым отцом. Кейлин должна вести менее замкнутую жизнь, как другие девушки, и она найдет юношу своей мечты.

– Сейчас это невозможно, ты знаешь, – ответил Гай Друзас Кориниум. – Мы живем в опасном мире, Каина. Когда последний раз мы отважились поехать в Кориниум? Повсюду бандиты. Только в стенах нашего поместья мы находимся в относительной безопасности. Кроме того, город не тот, что был когда-то. Если кто-нибудь купит наш дом в Кориниуме, я продам его. Мы не живем там с нашей свадьбы, и он заперт с тех пор, как три года назад умерли мои родители.

– Может быть, ты прав, Гай. Да, лучше продать дом. За кого бы ни вышла замуж Кейлин, она наверняка захочет остаться здесь, в поместье. Она никогда не любила город. А теперь скажи, кто тот юноша, который должен приехать из Рима? Останется ли он в Британии или захочет вернуться на родину? Учел ты это?

– Он младший сын в семье из ветви нашего рода в Риме, моя дорогая.

Каина Бенина вновь покачала головой:

– Твоя семья не возвращалась в Рим целых два столетия. Я знаю, что две ветви семьи никогда не теряли связи, но твои отношения всегда оставались деловыми, там и следа не было от родственных чувств. Мы ничего не знаем о людях, которым ты собираешься отдать свою дочь. Как ты додумался до этого? Кейлин не понравится, я тебя предупреждаю. Тебе не удастся обвести ее вокруг пальца в этом деле.

– Римская ветвь нашего семейства всегда относилась к нам с уважением, – сказал Гай. – У них очень хорошая репутация. Я выбрал младшего сына, потому что ему, как и моему предку, выгоднее остаться в Британии, чем влачить жалкое существование в Риме. Кейлин получит виллу Хилтоп и ее земли в качестве приданого и останется рядом с нами. Все устроится нормально. Я поступил правильно. Каина, уверяю тебя, – заключил он.

– Как зовут юношу, Гай? – спросила она, вовсе не уверенная в его правоте.

– Квинт Друзас, – ответил он. – Он самый младший сын моего двоюродного брата Мания Друзаса, главы семейства в Риме. Маний пишет, что мать безумно любит его, но согласна отпустить, уверенная, что здесь, в Британии, он станет уважаемым человеком, если получит земли.

– Гай, а что, если он не понравится Кейлин? – спросила Каина Бенина. – Ты не подумал об этом, не так ли? Разве твои родственники в Риме не обидятся, если ты отправишь их сына назад? Ведь они возлагают на этот брак так много надежд.

- Он обязательно понравится Кейлин, - настаивал Гай, может быть, с чуть большей уверенностью, чем он чувствовал на самом деле.

- Я не позволю тебе толкать ее в супружескую постель, если она не согласится, - жестко заявила Каина Бенина, и Гай Друзас Кориниум неожиданно понял, почему он влюбился в дочь вождя этой холмистой страны добунни, а не в другую девушку из римско-британской семьи. В ней была несокрушимая твердость духа и обворожительная красота, а дочь походила на мать.

- Если он действительно не понравится ей, - пообещал он. - я не буду заставлять Кейлин. Ты же знаешь, я ее очень люблю. В этом случае я дам Квинту немного земли и найду ему подходящую жену. Для него такой вариант намного лучше, чем оставаться в Риме со своей семьей. Теперь ты удовлетворена? - Он улыбнулся ей.

- Да, - прошептала она голосом, похожим на кошачье мурлыканье.

«У него очень привлекательная улыбка», - подумала она, вспоминая то время, когда впервые увидела Гая. Ей было четырнадцать, как сейчас Кейлин. Он пришел со своим отцом в деревню ее отца, чтобы купить прекрасные брошки, которые изготавливали местные умельцы. Она влюбилась раз и навсегда. Вскоре Каина узнала, что он - бездетный вдовец и, по-видимому, не спешит вновь жениться. Его отец, однако, был в отчаянии от такого упрямства.

Гай Друзас Кориниум был последним в длинной ветви римских британцев. Старший брат, восемнадцатилетний Флавий, умер в Галлии, служа в легионах. Сестра, Друзилла, скончалась в шестнадцать лет при родах. Его первая жена умерла после нескольких выкидышей.

Каина, дочь Берикоса, поняла, что нашла того единственного человека, с которым могла быть счастливой. Без лишнего стыда она расставила свои сети, чтобы поймать его.

К ее удивлению, на это потребовалось совсем немного усилий. Гай Друзас Кориниум оказался таким же пылким, как и она. Его слишком стыдливая первая жена в свое время наскучила ему. Гаю надоели женщины и девицы на выданье, которые пытались соблазнить его после трагической смерти Альбинии. Каина постаралась, чтобы он заметил ее, и он не смог оторвать от нее глаз. Она была стройной, как молодое деревце, а ее высокие полные юные груди обещали наслаждения, о которых он не смел даже мечтать. Она молча дразнила его своими сапфировыми глазами и копной длинных рыжих волос, озорно кокетничая с ним, пока он не сдался. Он желал ее так, как не желал ни одной женщины в своей жизни. На этот раз он поделился своими мыслями с отцом.

Каина была красивой, сильной, здоровой и умной девушкой. Ее кровь, смешавшись с кровью их рода, могла только укрепить семью. Титу Друзасу Кориниуму стало легче, он был доволен.

Берикос, вождь добунни, считал по-другому.

- Мы никогда не смешаем нашу кровь с кровью римлян, - говорил он мрачно. - Я торгую с вами, Тит Друзас Кориниум, но никогда не отдам свою дочь в жены вашему сыну. - Его голубые глаза были холодны как лед.

- Я всем своим существом британец, как и вы, - отвечал ему Тит негодуяще. - Мой род живет на этих землях уже три столетия. Наша кровь смешалась с кровью катувеллоны, айсени, так же как ваш род смешался с разными племенами.

- Но никогда - с римлянами, - последовал упрямый ответ.

- Легионы давно ушли, Берикос. Мы теперь живем как один народ. Позволь моему сыну Гаю взять в жены твою дочь Каину. Она всем сердцем стремится к нему, как и он к ней.

- Это так? - обратился к дочери Берикос, и его длинные усы сердито задрожали. Он любил ее всем сердцем. Ее измена их гордому наследию была для него мучительной.

- Да, это так! - ответила она вызывающе. - Я хочу взять в мужа Гая Друзаса Кориниума и никого другого.

- Очень хорошо, - проворчал Берикос сердито, - но знай, что, если ты возьмешь его в супруги, ты не получишь моего благословения. Я никогда больше не взгляну на тебя. Ты для меня перестанешь существовать. - Он надеялся, что эти резкие слова испугают ее и заставят изменить решение.

- Пусть будет так, отец, - сказала Каина с такой же твердостью.

Она покинула деревню добунни в тот же день, чтобы никогда уже не вернуться назад. И хотя она потеряла свободу, которой пользовалась дома на холмах, но зато обрела новую родню, которая любила ее и была к ней добра. Джулия, ее свекровь, мудро посоветовала отложить свадьбу на шесть месяцев, чтобы Каина освоила манеры воспитанной девушки. Через год после свадьбы они с Гаем покинули дом в Кориниуме и поселились в родовом имении в пятнадцати милях от города. Она еще не зачала ребенка, и родители Гая надеялись, что жизнь в сельской местности поможет молодой паре в их попытках. Надежды оправдались: к семнадцати годам Каина родила двоих сыновей, Тита и Флавия. Кейлин появилась на свет двумя годами позже. После этого у них больше не было детей, но Каина и Гай не беспокоились по этому поводу. Трое детей, которыми боги осчастливили их, росли здоровыми, красивыми и умными.

Берикос, однако, никогда не забывал своих слов, сказанных перед замужеством Каины. Она посылала ему весточки о рождении сыновей и дочери, но, верный своему слову, вождь добунни вел себя так, как будто она не существовала. Мать Каины тем не менее пришла из деревни после рождения Кейлин. Она сразу заявила, что останется с дочерью и зятем. Ее звали Бренной, она была третьей женой Берикоса. Каина была ее единственным ребенком.

- Он не нуждается во мне. У него есть другие, - вот так объяснила Бренна свое решение. Она осталась, оценив, может быть, в большей степени, чем ее дочь, цивилизованный образ жизни британцев римского происхождения.

Вилла, в которой теперь жила Бренна со своей дочерью, зятем и внуками, была небольшой, но удобной. Ее вход с портиком и четыремя белыми мраморными колоннами производил впечатление помпезности по сравнению с очаровательным внутренним атрием, к которому он вел. Атрий обсадили дамасскими розами, которые цвели дольше других цветов. В центре атрия размещался небольшой прямоугольный бассейн с лилиями, в котором круглый год плавали маленькие разноцветные рыбки. В доме было пять спальных комнат, библиотека Гая Друзаса, кухня и круглая столовая, стены которой были покрыты росписью. Особенно поразили Бренну кафельные ванны и отопительная система, согревавшая дом в сырую, холодную погоду. Дом под красной черепичной крышей был теплым и уютным, и его обитатели жили счастливой, дружной семьей.

Каина, правда, сожалела, что ее родственники любили город со всей его суетой. Тит занимал место в совете. Для них жизнь на вилле казалась скучной. Проходили годы, дороги стали более опасными для путешествий, и их визиты сократились. Каина и Гай не помнили тех дней, когда легионы покидали страну, сохранив в полном порядке четыре британские провинции и дороги,

но старшее поколение не забыло этого. Джулия оплакивала уход легионов, потому что без них властям было очень тяжело поддерживать порядок. На их обращение к Риму с мольбой о помощи через несколько лет после ухода войск император ответил резко. Британцы должны сами позаботиться о собственной безопасности. У Рима свои проблемы.

Через три года Гай и Каина получили сообщение, что Джулия заболела. Гай собрал вооруженный отряд и поспешил в Кориниум. Мать умерла за день до его прибытия. Отец, будучи не в силах справиться с потерей жены, с которой прожил большую часть жизни, зачах и через неделю скончался. Гай присутствовал на их похоронах. Когда он вернулся домой, семья еще больше сплотилась.

И вот сейчас Каина Бенина, оставив мужа со своими расчетами, поспешила на поиски матери. Бренна работала в саду, пересаживая растения в теплую весеннюю землю.

- Гай обратился за мужем для Кейлин к своей семье в Риме, - начала Каина без предисловий.

Бренна не спеша поднялась на ноги, отряхивая грязь с голубой туники. Мать и дочь очень походили друг на друга.

- Какие боги заставили его сделать такую глупость? - воскликнула она. - Кейлин, конечно, не примет никакого мужа, пока сама не выберет. Меня удивляет, что Гай может быть так глуп. И он заранее не посоветовался с тобой, Каина?

Каина печально улыбнулась:

- Мама, Гай редко советуется со мной, когда собирается сделать то, что, по его предположению, не получит моего одобрения.

Бренна покачала головой:

- Да, мужчины имеют такую привычку. Тогда нам, женщинам, остается только исправлять ошибки и избавляться от неприятностей. Боюсь, мужчины хуже детей. Мужчины часто норовят все делать по-своему. Когда нам ждать этого жениха?

Каина приложила руку к губам.

- Я так расстроилась, что забыла спросить его. Но это случится скоро, иначе он ничего не сказал бы. Через несколько недель мы отметим день рождения Кейлин. Может быть, Квинт Друзас тогда и приедет. Я полагаю, что Гай замыслил такое вероломство еще с прошлого лета. Ему известно имя юноши и даже его история. - Ее голубые глаза потемнели от гнева. - В самом деле, я начинаю подозревать, что этот сговор готовился давно.

- Нам надо обо всем рассказать Кейлин, - решила Бренна. - Она должна знать, что готовит ей отец. Уверена, Гай не заставит ее выйти замуж за этого Квинта, если тот не понравится ей. Это не в его правилах. Он достаточно справедлив.

- Да, верно, - признала Каина. - Он сказал, что, если Кейлин откажется от его выбора, он найдет Квинту Друзасу другую жену и даст ему участок земли. Сомневаюсь, мама, что римские родственники обрадуются, узнав, что их сын женится на другой девушке, когда им обещали нашу дочь. Среди наших знакомых нет молодых девушек, чьи семьи могли бы дать приданое, равное или хотя бы приближающееся к тому, что может дать Гай. Времена сейчас очень тяжелые, мама. Только благоразумие моего мужа позволит Кейлин воспользоваться преимуществами богатой наследницы.

Бренна взяла за руку дочь, стараясь ее успокоить.

- Давай не будем создавать трудности или видеть их там, где они не существуют, – мудро заметила она. – Может быть, Квинт Друзас станет прекрасным мужем для Кейлин.

- Мужем? Что это за разговоры о муже, бабушка? Обе женщины виновато вздрогнули и, обернувшись, оказались лицом к лицу с главным объектом своего разговора – высокой, стройной молодой девушкой с большими фиалковыми глазами и копной непокорных каштановых волос.

- Мама, бабушка, кто такой Квинт Друзас? – спрашивала Кейлин. – Я не хочу выбранного для меня мужа; я совсем не готова к замужеству.

- Тогда лучше скажи об этом своему отцу, дочка, – прямо ответила Каина. Несмотря на то что ее беспокоила возникшая проблема с Кейлин, она не привыкла врать. Откровенный разговор лучше, особенно в такой трудной ситуации, как эта.

- Твой отец обратился к своей семье в Риме за женихом для тебя. Он полагает, пришло время для твоего замужества. Квинт Друзас – имя юноши, и, я подозреваю, он может прибыть в любую минуту.

- Я, конечно, не выйду замуж за этого Квинта Друзаса, – заявила Кейлин с холодной решимостью в голосе. – Как отец мог решиться на такое? Почему я должна выходить замуж до женитьбы Флавия и Тита, или он обратился в Рим и за невестами, чтобы обвенчать моих братьев тоже? Если это так, то он должен знать, что они стремятся к женитьбе не больше меня!

Бренна не могла сдержаться и рассмеялась.

- В тебе намного больше кельтского, чем римского, дитя мое, – сказала она посмеиваясь. – Не беспокойся об этом Квинте Друзасе. Твой отец сказал, что, если он тебе не понравится, ты не пойдешь за него; но, может быть, он окажется мужчиной твоих мечтаний, Кейлин. Это тоже возможно.

- Я не могу понять, почему отец решил, что я нуждаюсь в муже, – проворчала Кейлин. – Нелепо даже думать об этом. Я хочу пока оставаться дома со своей семьей. Если я выйду замуж, мне придется взять на себя обязанности по дому, завести детей. Я совсем не готова к этому. Я лишусь свободы и сразу стану взрослой. А мне так не хочется. Какой абсурд! Несчастливая Антония Порция вышла замуж два года назад, когда ей было только четырнадцать. Посмотрите сейчас на нее! У нее двое детей. Она растолстела и выглядит такой измученной. Неужели замужество, по мнению отца, должно сделать меня счастливой? А муж Антонии! Я слышала, что он спит с очень хорошенькими египетскими девочками-рабынями. Со мной этот номер не пройдет, уверяю вас. Когда придет время, я сама выберу себе мужа, и он не посмеет шлаться, или я убью его!

- Кейлин! – укорила ее Каина. – Где ты только слышала такие непристойные сплетни об Антонии Порции? Меня удивляет, что ты повторяешь их.

- О, мама, все знают. Антония жалуется на своего мужа на каждом шагу. Она чувствует себя обманутой, хотя я думаю – это ее вина. Последний раз я видела ее на сатурналиях; она не могла остановиться, рассказывая о своих горестях. Несчастливая прижала меня в углу и болтала целый час.

- Это ошибка ее отца, ты знаешь. Он выбирал мужа для нее.

- Как самодовольна она бывала иногда! Как любили важничать перед другими девочками, когда мы встречались на праздниках. Секстус Сципио так красив, хвасталась она. Красивее всех мужей в нашей округе. Ну во всем Британии не было красивее мужчины, чем ее муж. К тому же он богат. Богаче всех мужей. О боги, а как она флиртвала! Она и сейчас флиртует, но, боюсь, теперь она поет другие песни. Нет, это не для меня. Я сама выберу себе мужа. Он будет мужчиной благородным, с сильным характером. Бренна кивнула;

- Тогда выбирай с умом, когда придет время, дитя мое.

- Как выбрала я, - тихо произнесла Каина, и ее собеседницы улыбнулись, согласившись.

Когда они собрались вечером за ужином, Кейлин пристала к отцу:

- Я слышала, ты послал в Рим за особым подарком к моему дню рождения, папа? - Ее большие фиалковые глаза лукаво блеснули. После обеда она загрустила, но, подумав, постаралась взять себя в руки и сейчас казалась веселой. Отец решил, что она готова выйти замуж. Совсем недавно у нее начались месячные циклы.

Гай Друзас покраснел и с любовью посмотрел на свою дочь:

- Ты сердисься?

Кейлин явно была настроена агрессивно. Даже на него это подействовало. Ее кельтская кровь намного горячее, чем у братьев-близнецов.

- Я не готова к замужеству, - сказала Кейлин, глядя прямо и глаза отцу.

- Замужеству? Кейлин? - Ее брат Флавий разразился громким смехом.

- О боги, пожалейте бедного парня! - воскликнул его близнец Тит. - Кто эта жертва, что должна быть принесена на алтарь супружества?

- Он приедет из Рима, - сообщила Кейлин. - Некто по имени Квинт Друзас. Я полагаю, с ним придут девицы, выбранные вам в жены, дорогие братцы. Да, я уверена, это так. У нас состоится тройное бракосочетание. Это поможет сберечь состояние наших родителей в такие тяжелые времена. А теперь, может быть, мама назовет имена невест? Маджеста и Октавия? Нет, я думаю, Горация и Лавиния.

Шестнадцатилетние юноши побледнели, но потом, когда вся семья разразилась смехом, поняли, что это всего лишь шутка. Они выглядели очень комично.

- Видишь, отец, - сказала Кейлин, - даже мысль о кем-то выбранных супругах крайне неприятна моим братьям. И она еще более неприятна мне. Неужели у тебя нет возможности остановить прибытие этого Квинта Друзаса? Его путешествие окажется напрасным. Я не выйду за него замуж.

- Квинт Друзас прибывает через два дня, - произнес Гай, чувствуя себя виноватым.

Два дня! Оскорбленная Каина зло прищурилась.

- И ты не сказал мне, хотя этот человек уже в двух днях пути от нашего дома? О, Гай! Это просто невыносимо! Все мое время. Мне некогда даже приготовить к встрече гостя из

Рима. – Она с раздражением посмотрела на мужа.

– Он из нашего семейства, – ответил Гай тихо. – Кроме того, наш дом всегда в порядке, Каина. Ты хорошо это знаешь.

– Надо почистить и проветрить комнату для гостей. Ею не пользовались несколько месяцев. Там всегда заводятся мыши, когда она закрыта. На кровати надо сменить матрац. Старый весь свалялся. Ты знаешь, сколько времени потребуется, чтобы соорудить новый матрац. Гай? Нет, конечно, не знаешь!

– Пусть спит на старом, мама, – заявила Кейлин. – Уедет побыстрее, если намнет бока.

– Он не уедет, – вмешался Гай Друзас, вновь обретая равновесие и достоинство главы дома. – Я обещал его отцу, что обеспечу будущее Квинта в Британии. В Риме у него этого будущего нет. Мой двоюродный брат Маний просил меня найти место для мальчика. Я дал слово, Каина.

– Разве ты первым обратился к нему с этой глупой затеей отдать замуж Кейлин? – «– настаивала она. Теперь она начинала видеть дело в другом свете.

– Нет, Маний Друзас написал мне два года назад, – объяснил Гай. – Квинт самый младший его ребенок. Если бы он был девочкой, все было бы проще, они могли бы выдать девочку замуж со скромным приданым; но он не девочка. Просто для Квинта в Риме нет места. Сыновья от первого брака Мания выросли вместе с их собственными детьми. Маний выделял им свои земли, по мере того как они обзаводились семьями. Его дочери обеспечены хорошим приданым и удачно вышли замуж.

Затем, после нескольких лет вдовства, он неожиданно влюбился. Его новая жена Ливия родила ему сначала дочку. Маний был достаточно богат, чтобы обеспечить ее приданым. Потом Ливия родила Манию сына. Мой двоюродный брат решил, что мальчик наследует его дом в Риме. Жена согласилась с этим, поскольку они не собирались больше иметь детей, но... Каина рассмеялась.

– Кузен Маний последний раз погрузил свой фитиль, и Квинт родился по неосмотрительности, – закончила она вместо мужа.

Он кивнул:

– Да. Мой кузен надеялся обеспечить небольшим наследством своего последнего ребенка, но ты знаешь. Каина, в каком плохом состоянии пребывала экономика Рима в последние годы. Правительство постоянно расходовало больше, чем следовало. Надо было содержать легионы. Налоги выросли в три раза. Деньги обесценились. Мой кузен с трудом содержит семью. Молодому Квинту ничего не осталось. Поэтому Маний Друзас обратился ко мне за помощью. Он предложил Квинта в качестве мужа для нашей дочери. Мне кажется, это неплохая идея в такое время.

– Все нет, – сухо сказала жена, – и ты в первую очередь должен был обсудить это со мной.

– Я не выйду замуж за этого Квинта Друзаса, – снова вмешалась Кейлин.

– Ты уже несколько раз повторила это, дочка! – обрезала Каина. – Я уверена, что твой отец посчитается с твоим решением, как и я. Однако проблема остается: что делать? Квинт Друзас проделал длинный путь, надеясь на новую, лучшую жизнь. Мы не можем отослать его назад. Честь отца – несомненно, честь всей нашей семьи. – Она на мгновение сморщила лоб, затем

оживилась:

- Гай, кажется, я придумала. Сколько лет Квинту Друзасу?

- Двадцать один, - ответил он.

- Мы скажем ему, что сейчас Кейлин слишком молода для замужества. Мы намекнем, что его отец не правильно понял тебя. Ты только предлагал помочь Квинту обосноваться в Британии. Если Кейлин в конце концов влюбится в него, тогда свадьба, конечно, состоится. Фактически ты ведь не заключал брачного контракта с Манием Друзасом, Гай, не так ли? - Она с беспокойством посмотрела на мужа. - Нет, не заключал.

- Тогда все гораздо проще, - вздохнула она облегченно. - Мы отдадим молодому Квинту эту маленькую виллу и прилегающие к ней земли вдоль реки, те, что ты купил несколько лет назад в поместье Септими Агриколы. Они плодородны, там прекрасные яблоневые сады. Мы обеспечим его рабами, и, упорно трудясь, он сможет многого добиться.

Гай Друзас улыбнулся впервые за этот день.

- Это прекрасное решение, - согласился он, - Боюсь, без тебя я не справился бы, моя дорогая.

- Действительно, Гай, я тоже так думаю, - ответила Каина.

Все остальные рассмеялись.

Когда они успокоились, Кейлин сказала:

- И все же, мама, не надо набивать новые матрасы. Не забудь, мы хотим, чтобы Квинт Друзас покинул этот дом как можно скорее.

Снова раздался смех. На этот раз к смеющимся присоединился и Гай Друзас, почувствовавший облегчение оттого, что его красивая, умная жена нашла выход из трудной ситуации. Много лет назад он не ошибся, женившись на Каине, дочери Берикоса.

Через два дня, как и было обещано. Квинт Друзас прибыл на виллу своего дяди. Квинт приехал верхом на гнедом жеребце, которого подарил ему отец, когда он уезжал из Рима. Черные пронзительные глаза Квинта Друзаса разглядывали тучные вспаханные земли дядюшкиной фермы; аккуратно подрезанные деревья во фруктовом саду; прекрасно отремонтированные постройки; он про себя отметил хорошее состояние рабов, которые работали на весеннем солнышке. Квинт остался очень доволен увиденным, но его совсем не радовали планы отца.

- У тебя нет выбора, кроме Британии, - говорил ему сердито отец, когда он возражал против его решения. Мать Квинта Ливия тихо плакала. - Здесь в Риме у тебя нет будущего, Квинт! Все, что я имею, распределено между твоими родными братьями и сестрами. Ты знаешь, это правда. Ужасно, что тебе, моему младшему ребенку, я не могу предложить ни земли, ни денег. Гай Друзас Кориниум очень богатый человек, с большим наделом земли в Британии. Несмотря на то что у него два сына, он даст хорошее приданое своей единственной дочери - земли, дом, золото! Все может стать твоим, сын мой, но за это ты должен заплатить тем, что покинешь Рим. Ты должен остаться в Британии и работать на тех землях, которые получишь. Если ты сделаешь так, то будешь счастлив и доволен всю жизнь. Британия более плодородна, я уже говорил. Тебя ожидает прекрасная жизнь, обещаю тебе. Квинт, - закончил отец.

Квинт повиновался, хотя не был доволен решением родителей. Британия где-то на краю света,

и климат там отвратительный, каждый это знает. Тем не менее он не мог оставаться в Риме. Армила Цицера становилась все требовательнее. Прошлой ночью она сказала, что беременна и что им следует пожениться. Ее отец очень могущественный человек; Квинт Друзас знал, что он может испортить жизнь любому, кто, по его мнению, сделает дочь несчастной. Лучше покинуть Рим.

Армила что-нибудь придумает, она не раз находила выход в таких случаях. Он не первый мужчина, которого она хотела поймать в свои сети. Сенатор Цицера – богатый человек, но мужья двух других его дочерей томились под властью отца. Не такой представлял свою жизнь Квинт Друзас. Он хочет стать независимым человеком.

Все это пришло ему на ум, когда он приближался к вилле своего дяди Гая Друзаса Кориниума. Предполагал ли он, что всю жизнь будет работать на землях Британии? Однако теперь ничего не поделаешь. В конце концов, надо подумать о будущем. Он вернется в Рим с полными карманами золотых монет и всю жизнь проживет в достатке.

Он увидел небольшую группу людей, вышедших из виллы приветствовать его, и изобразил улыбку на красивом лице. Высокий мужчина с темными волосами и светлыми глазами, непохожий ни на одного Друзаса, по-видимому, его дядя Гай. Стройная женщина с прекрасной высокой грудью и темно-рыжими волосами, должно быть, жена дяди. Пожилая женщина с седыми волосами, несомненно, ее мать. Отец говорил, что кельтская свекровь дяди Гая живет с ними. Два подростка являли собой копию отца. Им, наверное, около шестнадцати лет. И девушка.

Квинт Друзас подъехал уже достаточно близко, чтобы отчетливо видеть ее. Высокая, как все в ее семье, выше его самого, подумал он с раздражением. Ему не нравились высокие женщины. Ее длинные каштановые волосы множеством беспорядочных локонов спускались на плечи. Он разглядел светлую кожу и правильные черты лица: прямой нос, большие глаза, рот, подобный бутону розы. Она действительно красивая, подумал он, однако невзлюбил ее с первого взгляда.

- Добро пожаловать в Британию, - сказал Гай, когда юноша остановил перед ними свою лошадь и спешил.

- Благодарю, дядя, - ответил Квинт Друзас, а затем вежливо поприветствовал всех остальных, представленных ему. К своему изумлению, он почувствовал, что не понравился своей предполагаемой невесте, так же как и она ему. Однако женщина не обязательно должна нравиться мужчине, чтобы он мог жениться на ней и завести детей. Кейлин Друзас - здоровая молодая девушка, с ней можно смело смотреть в будущее. Он намерен взять ее в жены.

В последующие два дня Квинт ожидал, что дядя Гай начнет разговор о брачном контракте и назначит день свадьбы. Кейлин избегала его как чумного. Наконец как-то утром, дней через десять после его приезда, Гай отвел его в сторону.

- Я дал обещание твоему отцу, поскольку наши семьи связаны кровными узами, - заговорил Гай. - Я помогу тебе начать новую жизнь здесь, в Британии. Поэтому я выделил тебе прекрасную виллу и участок земли с фруктовым садом у реки. Все это сделано официально и зарегистрировано надлежащим образом в магистрате Кориниума. У тебя будет столько рабов, сколько потребуется для обработки земель. Остальное зависит от тебя. Квинт.

- Но я ничего не смыслю в хозяйстве! - вспыхнул Квинт Друзас.

Гай улыбнулся:

- Я знаю об этом, мой мальчик. Как мог такой красивый парень, как ты, пребывая в Риме, иметь представление о земледелии? Но мы научим тебя и поможем.

Квинт Друзас твердил себе, что не должен терять самообладания. Возможно, ему удастся продать дом и землю и сбежать назад в Рим. Но Гай разрушил все его надежды:

- Несколько лет назад я купил земли у реки - часть владений старого Септима Агриколы. С тех пор они лежат под паром. Мне посчастливилось дешево купить их у наследников, которые живут в Глевуме. Сейчас цены на имущество слишком низки для тех, кто хочет продать, но высоки для тех, кто хочет купить.

» В ближайшее время побег не получится, - мрачно подумал Квинт Друзас, - но, раз состоится свадьба с Кейлин, мы по крайней мере получим деньги «.

- Когда, - спросил он дядю, - вы предполагаете праздновать бракосочетание между мной и вашей дочерью?

- Бракосочетание? Между тобой и Кейлин? - Гай Друзас сделал удивленное лицо.

- Мой отец сказал, что предполагается брак между вашей дочерью и мной, дядя. Я думал, что прибыл в Британию как жених, чтобы вновь воссоединить две ветви нашей семьи. - Красивое лицо Квинта Друзаса выражало явно сдерживаемый гнев.

- Извини, Квинт. Твой отец, должно быть, не понял меня, мой мальчик, - сказал Гай. - Я только предлагал обеспечить тебя здесь, в Британии, тем, что в Риме ты не мог бы получить. Я считал это своим долгом, потому что мы связаны кровными узами. Если ты и Кейлин когда-нибудь полюбите друг друга, я, конечно, не буду возражать против вашей женитьбы, но наши семьи не заключали брачного контракта. Я сожалею о недоразумении. - Он сердечно улыбнулся и похлопал юношу по руке. - Кейлин еще подросток. На твоем месте, мой мальчик, я бы нашел себе крепкую здоровую женщину среди дочерей наших соседей. Через несколько дней у нас праздник посвящения в мужчины - либералия - для наших близнецов. Соберутся соседи со своими семьями. Вот подходящий случай посмотреть на местных девиц. Ты хорошая добыча. Квинт. Помни, теперь ты состоятельный человек!

Не будет женитьбы. Не будет женитьбы! Эти слова жгли его мозг. Для Квинта Друзаса переписка между отцом и дядей Гаем не являлась тайной, и он был абсолютно уверен, что отец имел в виду его женитьбу на Кейлин Друзас. Неужели отец не правильно понял? Он ведь не мальчик, он на двадцать лет старше Гая Друзаса.

Или отец знал, что не будет женитьбы? Неужели Маний Друзас обманул его, отправив из Рима только потому, что Гай хотел предложить ему часть своих земель? Неужели Маний Друзас соблазнял своего младшего сына богатой невестой, потому что знал - в противном случае он не поедет? Это было единственным объяснением, к которому пришел Квинт Друзас. Его дядя Гай оказался честнейшим человеком во всех отношениях. Не то что его отец, хитрая старая римская лиса.

Квинт Друзас чуть не застонал вслух, запустив руку в волосы. Его отправили на край света, в Британию. Он должен стать фермером. Квинт содрогнулся от отвращения, представив долгую унылую жизнь, заполненную козами и цыплятами. Он больше не увидит знаменитых боев гладиаторов в Колизее или гонки колесниц по Аппиевой дороге. Не будет лета на Капри с его теплыми голубыми водами и нескончаемыми солнечными днями. Не будет визитов в самые невероятные в мире бордели с их великолепными женщинами, которые доставляли удовольствие на любой вкус.

Может быть, он добьется успеха и эта маленькая сучка Кейлин влюбится в него... Нет. Это похоже на чудо. Он не верил в чудеса. Чудеса – это для таких религиозных фанатиков, как христиане. Кейлин Друзас выразила явную неприязнь к нему, как только они посмотрели друг на друга. Она вела себя подчеркнуто вежливо в присутствии старших и полностью игнорировала его, когда они оказывались наедине. Ему, конечно, не нужна такая непокорная жена. Женщины с кельтской кровью представлялись ему именно такими. Жена дяди и свекровь тоже слишком прямолинейны и независимы.

Квинт Друзас попытался смириться с постигшим его разочарованием. Он оказался один в чужой стране, за сотни лье от Рима. Ему необходимы доброжелательность и влияние Гая Друзаса и его семьи. У него ничего нет, даже денег на обратную дорогу. Если он не сможет добиться Кейлин, а богатое приданое ее отца, несомненно, когда-нибудь уйдет вместе с ней, найдется другая девушка с хорошим приданым. Теперь ему нужно расположение Кейлин и ее матери Каины, если он хочет найти богатую жену.

Двоюродные братья Квинта, Флавий и Тит, должны были праздновать свое шестнадцатилетие двадцатого марта. Либералия приходилась на семнадцатое марта. Эта церемония обычно совершалась незадолго до дня рождения мальчиков, поэтому родители решили совместить два праздника.

В этот особый день с мальчика снимали красную тогу его детства и вместо нее надевали белую тогу мужества. Здесь, в Британии, надевание тоги было чисто символическим, поскольку мужчины никогда не носили ее – климат слишком суров. Квинт убедился в этом. Он быстро привык к теплой тунике из светлой шерсти и вязаным штанам.

В Британии еще сохранились старые обычаи римской семьи. Если не было других причин, соседи находили самые разнообразные поводы собраться вместе. На этих собраниях подбирались пары для молодых людей.

Здесь друзья получали возможность увидеться, потому что просто так приехать теперь стало невозможно. Соседи пригоняли скот, отбирали производителей. Перед каждой поездкой на вилле Гая Друзаса Кориниума совершались жертвоприношения и возносились молитвы богам, чтобы отъезжающие безопасно добрались домой.

Утром в день либералии Квинт Друзас обратился к Каине в присутствии Кейлин:

– Не могли бы вы представить меня сегодня незамужним женщинам и девицам, моя госпожа? Теперь, когда я благодаря щедрости дяди Гая стал обеспеченным человеком, мне хотелось бы найти жену, которая разделила бы со мной судьбу. Я полагаюсь на вашу мудрость в этом деле, как полагался бы на мою любимую мать Ливию.

– Я уверена, – сказала Каина, – что такой красивый юноша, как ты, без труда найдет себе жену. – Она повернулась к дочери; – Как ты думаешь, Кейлин? Кто больше всех может понравиться нашему кузену? Среди наших знакомых есть много прелестных девочек, готовых выйти замуж.

Кейлин посмотрела на своего двоюродного брата.

– Ты хочешь жену с хорошим приданым, не так ли, Квинт? Или просто решил стать добродетельным? – спросила она язвительно. – Нет, я не думаю, что только ради добродетели.

Он принужденно засмеялся.

- Уж слишком ты умна, маленькая кузина. Я очень удивлюсь, если с таким острым язычком ты когда-нибудь найдешь себе мужа. Мужчина предпочитает немного сладкого в речи.

- Будет и сладость в избытке для настоящего мужчины, - ответила Кейлин дерзко, улыбаясь ему с нарочитой любезностью.

В это утро Тит и Флавий сняли свои золотые медальоны, которые носили на шее со дня рождения. Медальоны, служившие амулетами для защиты от зла, были возложены на алтарь семейных богов. После жертвоприношения амулеты уже не надевали.

Потом близнецы облачились в белые туники, которые отец заботливо приготовил для них согласно обычаю. Так как Тит и Флавий Друзас происходили из благородной семьи, туники, надетые на них, имели две широкие темно-красные полосы.

Поверх туники надели белоснежные тоги мужественности - одежду зрелого мужчины.

Если бы они жили в Риме, то процессия, состоящая из семьи, друзей, свободных граждан и рабов, проследовала бы в Форум, где имена обоих сыновей Гая Друзаса занесли бы в список граждан. Со времен императора Аврелиана стало традицией регистрировать в Риме все рождения через тридцать дней, а в провинциях власти только тогда заносили имя мальчика в список граждан, когда он официально становился мужчиной. Это был торжественный момент. Имена Тита и Флавия Друзаса Кориниума тоже будут включены в список, хранившийся в Кориниуме. Одновременно будут принесены жертвы богу Либеру.

Как только соседи и друзья начали прибывать на семейный праздник, Кейлин отвела братьев в сторону.

- Кузен Квинт хотел, чтобы мы представили ему тех, кто мог бы стать его будущей женой, - сказала она, подмигивая. - Думаю, мы поможем ему. Он скоро придет сюда. Я с трудом могу оставаться вежливой в его присутствии.

- Почему он так тебе не нравится, Кейлин? - спросил Флавий. - Он ведь ничего не сделал тебе плохого. Раз отец сказал ему, что вашей свадьбы не будет, ты могла бы вести себя менее агрессивно. А вместо этого ты при каждом удобном случае стараешься уколоть его. Не понимаю тебя.

- Мне он кажется хорошим парнем, - согласился Тит с братом. - Его манеры безупречны, и на лошади он ездит прекрасно. Я думаю, отец был прав, когда говорил Квинту, что ты еще слишком молода для замужества.

- Я не слишком молода, чтобы выйти замуж за настоящего мужчину, если он появится, - ответила Кейлин. - Что касается Квинта Друзаса, в нем есть что-то такое, от чего мой внутренний голос предостерегает меня, но не знаю, от чего именно. Просто я думаю, что он опасен для всех нас. Скоро он уедет на виллу у реки и поселится там с женой, вот этого я и жду! А сейчас подумайте, какие девушки подойдут ему? Думайте! Вы оба знаете каждую порядочную и не очень порядочную девицу на несколько миль вокруг.

Братья дружно засмеялись, поглядывая друг на друга. Это уж точно, они разбирались в девушках, и Гай Друзас объявил, что его сыновья уже стали мужчинами и что им надо найти жен и женить, пока они не стали причиной скандала, сделав ребенка чьей-нибудь дочке или, еще хуже, совратив чью-нибудь жену.

- Барбара Джулия, - протянул Флавий задумчиво. - Она красивая девушка с прекрасной

большой грудью. Это хорошо для детей.

- И Элиза Октавия или Нома Клавдия. - предложил Тит. Кейлин кивнула - .

- Да, все они подходят. Ни одна из них не нравится мне, поэтому я не собираюсь предупреждать их относительно нашего кузена Квинта.

Из окрестных поместий прибывали семьи. Близнецы высказали свои предложения матери, и Каина послушно сделала соответствующие представления. Красивое лицо Квинта Друзаса в сочетании с его владениями делало его более чем привлекательным.

- Ему нужна рука одной из трех девиц, - сказала Кейлин сухо своей бабушке. - Барбара, Нона и Элиза будут драться, как кошки, чтобы завладеть им. Неужели и я должна так глупо улыбаться, чтобы заслужить внимание и привязанность мужчины? Это отвратительно!

Бренна хихикнула.

- Они просто кокетничают с Квинтом, - сказала она. - Кто-то из них завоюет сердце твоего кузена. Мужчины и женщины кокетничают веками. Однажды появится мужчина, который понравится тебе так сильно, что ты начнешь кокетничать с ним, моя Кейлин. Поверь мне.

» Может быть «, - подумала Кейлин, но все же ей казалось, что эти три девицы, вертящиеся перед Квинтом, очень глупые создания. Она бродила среди гостей, заполнивших сады виллы. Никто не обращал на нее особого внимания, потому что это был не ее день, а братьев. Кейлин наконец-то почувствовала в воздухе весну. Земля стала теплой, веял нежный ветерок, хотя день выдался не такой ясный, как они ожидали. Кейлин заметила Антонию Порцию, и, прежде чем решила свернуть в другую сторону, Антония громко окликнула ее; улизнуть не было возможности.

- Как поживаешь, Антония? - спросила вежливо Кейлин, приготовившись к потоку слов, ведь Антония Порция не могла просто ответить на вопрос без множества подробностей.

- Я развожусь с Секстусом, - сообщила Антония драматично.

- Что? - изумилась Кейлин. Она впервые слышала о таком.

Антония взяла Кейлин под руку и сказала доверительным тоном:

- Да, действительно, он сбежал от меня с этой маленькой рабыней-египтянкой. Отец в бешенстве. Он сказал, что я не должна оставаться в браке с Секстусом Сципио при таких обстоятельствах. Он должен дать мне развод! - Она хихикнула. - Иногда не так уж плохо иметь отца - начальника магистрата Кориниума. Я, конечно, получу развод, потому что Секстус опозорил меня публично. Отец говорит, что ни один порядочный член магистрата не допустит, чтобы добродетельная жена и ее дети страдали при таких обстоятельствах. Если Секстус когда-нибудь вернется, он увидит, что у него ничего нет, но я слышала, они сбежали в Галлию. Представляешь? Он говорил, что влюбился в нее. Как глупо! - Ее голубые глаза на мгновение сузились. - Я слышала, из Рима приехал твой кузен и твой отец дает ему поместье старого Агриколы. Говорят, он божественно красив. Мои поместья не хуже тех земель, ты знаешь. Мой отец хотел купить их для меня, но твой отец получил их в Глевуме первым. Как его зовут? Я имею в виду твоего кузена. Ты меня представишь ему, Кейлин? Болтают, что он ищет себе жену. Богатая женщина вроде меня была бы для него неплохой парой, как ты думаешь? - Она опять хихикнула. - Разве это не прекрасно, если мы станем кузинами, Кейлин? Ты всегда нравилась мне, ты знаешь. Ты никогда не говоришь гадостей обо мне другим девочкам за моей

спиной. Ты у меня, пожалуй, единственная подруга!

Кейлин была поражена. Они едва общались; семнадцатилетняя Антония старше ее, и они очень редко виделись. До нынешнего дня.

» Ну и глупая корова! – подумала Кейлин. – Она действительно хочет встретиться с Квинтом. Полагаю, вырвав его из-под носа у других, она испытает двойную победу. Она хотела бы одержать верх над теми, кто плохо говорит о ней, и доказать всем, что она еще очень привлекательная женщина, а Секстус Сципио – хам и дурак «.

- Ты так мила, дорогая Антония, – услышала Кейлин свой голос, в то время как ее мозг оценивал представившиеся возможности.

Антония, может быть, и толстовата, но еще вполне привлекательна. Женившись на ней. Квинт получит богатую жену, оба поместья и деньги. Антония – единственный ребенок у отца и однажды унаследует его состояние. Кроме того, она глупа и эгоистична. Секстус Сципио, наверное, был очень несчастен с ней, если решил оставить все, что создала его семья за последние несколько столетий. Антония Порция, конечно, заслуживает Квинта, и, несомненно, Квинт Друзас заслуживает дочери начальника магистрата Кориниума.

- Ну конечно, я представлю тебя моему кузену Квинту, Антония. Однако ты должна обещать, что не упадешь в обморок, – посмеивалась про себя Кейлин. – Он красив как бог, клянусь! Я так хотела понравиться ему, но, увы, не вышло. Если мы с тобой станем кузинами, я буду счастлива. – Она потянула Антонию за собой. – Пойдем прямо сейчас! Моя мама уже начала представлять ему всех достойных девиц из округи. Ты же не хочешь, чтобы они обошли тебя? Когда Квинт увидит тебя, дорогая Антония, твоя и его жизнь изменится. О, это было бы так чудесно!

Квинт Друзас чувствовал себя как рыба в воде в окружении хорошеньких девиц на выданье, которые крутились вокруг него. Он увидел, как подошла Кейлин с маленькой пухленькой блондинкой, но решил подождать, пока она заговорит с ним, и только после этого обратить на нее внимание.

- Кузен Квинт, это моя хорошая подруга Антония Порция. – Кейлин подтолкнула глупо ухмыляющуюся женщину вперед. – Антония, это мой важный кузен из Рима. Я уверена, что у вас много общего. Антония – единственный ребенок начальника магистрата Кориниума, Квинт.

» Ну и ну! – подумал он, – Маленькая кузина Кейлин в самом деле может быть очень полезной. Что же она выкинет на этот раз? «Да, он был озадачен. Она вполне определенно сообщила ему, что блондинка – дочь влиятельного человека и к тому же наследница. Он не мог понять, почему Кейлин решила помочь ему. Она открыто проявляла неприязнь к нему с первой минуты их встречи. Предлагаемая претендентка должна иметь какой-то изъян. Он пристально посмотрел в прозрачные голубые глаза Антонии, пытаясь понять, какой же это изъян. Хорошо бы отыскать его!

Он приложил руку к сердцу и сказал:

- Глядя на вас, госпожа Антония, я наконец понимаю, почему британские женщины так славятся своей красотой. Я припадаю к вашим ногам.

Губы Антонии округлились в восторженном «О!..», в то время как другие девицы, толпившиеся вокруг Квинта Друзаса, раскрыли рты от удивления. Затем красивый молодой римлянин взял Антонию Порцию под руку и попросил, чтобы она показала ему сады. Пара медленно

удалялась от собравшихся, вызывая восхищение одних, тогда как другие таращили глаза от изумления.

- В вашей семье не было сумасшедших, Кейлин Друзас? - спросила Нона Клавдия весьма раздраженным тоном.

- Что на тебя нашло - представлять Антонию Порцию такому достойному человеку? - допытывалась Барбара Джулия.

- И что он в ней нашел? - громко удивлялась Элиза Октавия. - Мы намного моложе и красивее.

- Я не хотела огорчить вас, - невинно сказала Кейлин. - Я просто посочувствовала бедной Антонии. Я только что узнала, что она разводится. Секстус, ее муж, сбежал с девчонкой-рабыней. Я искала способ ободрить ее, представив моему кузену. Конечно, я никогда не думала, что он увлечется ею. Она старше всех нас, и ты права, Элиза, заметив, что мы красивее. - Кейлин пожала плечами. - Вкусы мужчин не поймешь. Может быть, она быстро наскучит Квинту и он вернется к вам.

- Если бы ваша вилла, Кейлин, была не так далеко от Кориниума, ты бы знала о разводе Антонии, - заметила Барбара с раздражением. - Откровенно говоря, никто из нас не винит Секстуса Сципио. Антония эгоистична от рождения. Все, что увидит, сразу желает иметь. Секстус клялся, что она довела его до бедности. Если он запрещал ей что-нибудь, ее отец донимал беднягу укорами. Она плохая мать, она груба с рабами, как говорит мой отец. О, она мила и очаровательна, когда все делается так, как она хочет, но если скажешь слово поперек - берегись! Ей нужен был Секстус Сципио - самый красивый и богатый человек в округе. Однажды она завлекла его в свои сети, однако стала еще хуже, чем была, маленькая испорченная сучка! В самом деле, тебе надо предупредить своего кузена.

- Я слышала, - проговорила Нона Клавдия, понизив голос так, что другие девушки были вынуждены наклониться вперед, - что, хотя Антония получила поместье мужа, его движимое и недвижимое имущество, Секстус Сципио и его маленькая любовница сбежали с большим количеством золота. Мой отец был его банкиром, ты знаешь. Он говорит, что Секстус Сципио перевел деньги за границу за несколько месяцев до этого. Антония никому не говорит об этом. Не хочет даже думать. Мысль о том, что ее муж может вернуться и счастливо жить в достатке, для нее невыносима.

- Она, очевидно, расставила сети для нового мужа, - сказала Барбара с досадой, - и опять это самый красивый мужчина в провинции, да к тому же он богат. Не знаю, почему Антонии так везет?!

- Он вовсе не богат, - сообщила им Кейлин, надеясь отпугнуть их и поспособствовать делу Антонии. - Он младший сын двоюродного брата моего отца в Риме. Это очень большая семья. Бедному Квинту ничего не досталось. Мой отец пожалел его и предложил своему кузену Манию прислать его к нам. Затем дал ему виллу у реки со всеми прилегающими к ней землями. Конечно, он одолжил ему рабов, чтобы обрабатывать земли и содержать фруктовый сад, так что мой кузен Квинт имеет очень мало, кроме своего красивого личика.

- Земли Антонии такие же, как у реки, - сказала Нона. - Когда твой великолепный кузен узнает это, он еще больше заинтересуется ею. Антония - богатая женщина. Откровенно говоря, Квинт Друзас будет дураком, если упустит ее. Боюсь, у нас нет шансов.

- Ты действительно так думаешь? - воскликнула Кейлин. - О, дорогая!

Бренна присоединилась к внучке, когда девочки удалились.

- Твой план коварен, как друид, Кейлин Друзас, - пробормотала она.

- Скоро он женится, - сказала Кейлин, - и я буду спасена. Спасибо богам, что он сразу не понравился мне. В нем есть что-то такое, бабушка, чего я не могу объяснить, но чувствую: Квинт Друзас опасен для меня и для всех нас. Надеюсь, он женится на Антонии Порции из-за ее богатства и связей. Я не успокоюсь, пока он не покинет наш дом. - Она заглянула в добрые глаза Бренны:

- Ты не считаешь меня глупой, что я сужу так резко?

- Нет, - ответила Бренна. - Я всегда говорила: в тебе больше кельтского, чем в твоих братьях. Твой внутренний голос предостерегает тебя от Квинта Друзаса. Слушайся его, дитя мое. Этот голос не обманет тебя. Когда мы не прислушиваемся к этому голосу, » мы совершаем ошибки. Всегда доверяй своим инстинктам, Кейлин, - посоветовала бабушка.

Глава 2

- Почему из всех хорошеньких девушек в провинции Квинт выбрал Антонию Порцию? - громко удивлялась Каина, обращаясь к мужу и семье.

Роскошно обставленное венчание их кузена состоялось утром в Кориниуме. Теперь они возвращались на свою виллу, которая находилась в восемнадцати милях от города. Стояла хорошая погода. Гай и его сыновья ехали верхом на лошадях. Три женщины сидели в открытой повозке. Они путешествовали большой компанией семей из близлежащих вилл. Соседи собрались вместе, чтобы нанять отряд хорошо вооруженных людей для защиты во время пути.

- Антония Порция - очень привлекательная женщина, - ответил Гай жене.

- Не то я имела в виду, - возразила Каина, - и ты хорошо знаешь, о чем я говорю. Гай! Квинт мог бы выбрать невинную девушку из хорошей семьи. Вместо этого он решил жениться на разведенной женщине с двумя детьми и отцом, который не может ни в чем отказать своей дочери. Антоний Порций - трудный тесть, бедный Секстус Сципио уже испытал это.

- Подожди, дорогая, - прервал ее Гай Друзас, - ты знаешь не хуже меня, что Квинт выбрал Антонию по трем причинам. Она богата. Ее земли не хуже тех, что я дал ему. Это ведь не секрет. Каина. Квинту была обещана земля и жена, если он приедет в Британию. Конечно, я предполагал, что женой станет Кейлин, но поскольку она не захотела - и в самом деле, если говорить честно, Кейлин и Квинт были бы плохой парой, - Квинт разумно выбрал Антонию. Он достаточно тверд, чтобы справиться с ней. Это будет хороший брак.

- Я думаю, они очень красивая пара, - вмешалась Кейлин. Ее мать засмеялась:

- Ты думаешь. Квинт и Антония хорошая пара, потому что спаслась от брака с ним, дочка! Теперь где ты будешь искать супруга?

- Когда появится настоящий мужчина, мама, я узнаю его, - ответила Кейлин уверенно.

- Почему, - спросил Флавий, - Антония и Квинт выбрали тебя в качестве свидетельницы, сестричка?

Кейлин улыбнулась с наигранной любезностью:

- Ты не знаешь почему, Флавий? Я представила нашего кузена Квинта моей дорогой подруге Антонии. Полагаю, они решили, что в проделках Купидона есть и моя доля ответственности за то большое счастье, которое они обрели друг с другом.

- Кейлин! - воскликнула ее мать. - Ты представила Квинта и Антонию друг другу? Ты раньше никогда не говорила мне об этом. Я удивлялась, как они встретились в тот день.

- Разве я не упоминала об этом, мама? Наверное, это вылетело у меня из головы, просто я решила, что это не важно, - ответила Кейлин. - Да, я познакомила их. Это было на либералии, когда мои братья стали мужчинами.

- Ты коварна, как друид! - воскликнула мать.

- Бабушка сказала то же самое, - ужаснулась Кейлин.

- Действительно, - согласилась Бренна. - Из трех твоих детей она больше всех похожа на девушку из кельтского племени добунни. Берикос одобрил бы ее.

- Мама, - спросила Кейлин, - почему Берикос был против твоего брака с отцом? - Она никогда не думала об отце матери как о деде. Его имя редко упоминалось в их доме, и она ни разу не видела его. Для Кейлин он оставался загадкой, как, вероятно, и она для него.

- Мой отец - очень гордый человек, - объяснила Каина. - Может быть, слишком гордый. Добунни входили в состав могущественного кельтского племени катувеллони. Сын их великого правителя Коммиуса по имени Тинкоммиус привел группу соплеменников в эти края много веков назад. Они стали называться добунни. Твой дед - потомок Тинкоммиуса. Он очень гордится своим родом и еще тем, что до меня никто и никогда не заключал браков с римлянами. Он всегда ненавидел римлян, хотя с нами делить ему было нечего.

Когда я увидела твоего отца и влюбилась в него, Берикос страшно разгневался. Он уже выбрал для меня мужа, человека по имени Карвилиус. Но мне не нужен был Карвилиус. Мне хотелось соединиться с твоим отцом, поэтому Берикос отказался от меня. Я возненавидела его. Я возненавидела добунни.

- Он дурак и всегда был таким, - проворчала Бренна. - Когда ему сообщили о рождении близнецов, на его лице на мгновение появилась улыбка, а потом он помрачнел и сказал:

«У меня нет дочери». Другие его жены. Сира, Брайна и эта маленькая глупая Маеве, всегда так хвастались своими внуками, а мой единственный ребенок был изгнан, и мне нельзя было слова сказать. Действительно, что я могла сказать? Я не могла даже повидать мальчиков.

- Но, - спросила Кейлин Бренну, - если Берикос имел еще трех жен и других детей, почему он так разозлился на маму за то, что она последовала зову своего сердца? Разве он не желал ей счастья?

- У Берикоса было десять сыновей от других жен, но мой ребенок - его единственная дочь. Каина была любимицей своего отца, вот почему он позволил ей уйти и вот почему никогда не мог простить то, что она отвернулась от родных очагов, - печально пояснила Бренна и продолжила:

- Однако когда ты родилась, я сказала Берикосу, что, если он не может простить римско-британского брака твоей матери, я должна покинуть племя, чтобы жить с моей дочерью. У него есть другие внуки, а у меня - только дети твоей матери. Несправедливо лишать меня дочери и

права качать на коленях своих внуков. Это случилось четырнадцать лет назад. Я никогда не жалела о своем решении. Я гораздо счастливее с моей дочерью и ее семьей, чем с Берикосом и его убийственной гордостью.

Каина взяла мать за руку и крепко пожала ее. Женщины улыбнулись друг другу, затем Бренна протянула руку и ласково похлопала Кейлин по щеке.

Бракосочетание Квинта отпраздновали первого июня. К удивлению всех и его самого, он оказался достаточно умелым хозяином своих поместий, включая обширные земли жены. Он решил, что вилла у реки слишком обветшала, и разрушил ее. Его поля колосились тучным зерном. Фруктовые сады разрастались. Квинт, с комфортом устроившийся на роскошной вилле жены, прибавил в весе. Его привязанность к Антонии всех удивляла. Хотя он имел возможность взять любую рабыню для удовлетворения своих прихотей в постели, он не делал этого. Пасынки боялись и уважали его. Рабам не на что было жаловаться. Что касается Антонии, то ранней осенью она забеременела.

- Просто поразительно! - сказал Гай жене. - Бедная Гонория Порция за все годы замужества смогла родить только одного ребенка, а ее дочь созревает как дыня каждый раз, как муж переступит порог ее спальни. Ну, я должен признать, что сватовство Кейлин оказалось удачным. Мой кузен Маний должен быть благодарен мне за счастье своего сына.

Однако Квинт Друзас был совсем не тем человеком, каким казался. Приобретенное богатство только разожгло его аппетит. Правительство распалось вместе с городами. Квинт понимал, что центральная власть скоро прикажет долго жить. Когда это произойдет, Британией начнут управлять богатые и могущественные люди. Квинт Друзас решил, что к этому времени он обязательно станет самым богатым и влиятельным человеком в Кориниуме. Он с жадностью поглядывал на поместья своего дяди Гая Друзаса Кориниума.

Антония недавно болтала о возможных браках его двоюродных братьев Тита и Флавия. Они уже баловались с девушками-рабынями в доме своего отца. Поговаривали, что один из них - и неизвестно, кто именно, поскольку они были похожи, - сделал ребенка молоденькой девочке-рабыне. Их браки означали возможность скорого появления детей, нового поколения наследников поместья Гая Друзаса Кориниума.

И еще Кейлин. Ее родители скоро найдут мужа для нее. Весной она тоже будет праздновать день рождения. Пятнадцать лет вполне подходящий возраст для замужества. Могущественный муж в союзе с дядей Гаем - эта мысль не радовала Квинта Друзаса. Он хотел завладеть землями, принадлежащими его благодетелю, и чем быстрее он получит эти земли, тем меньше сложностей будет с их продажей. Оставался один вопрос: как достичь цели и при этом не попасться?

Надо избавиться от Гая и его семьи, но как? Никто не должен заподозрить его. Нет. Он больше всех будет горевать на похоронах Гая Друзаса Кориниума и его семьи, и он останется единственным наследником поместий его дяди. Квинт улыбнулся. В конце концов он будет богаче всех своих братьев в Риме! Он вспомнил, как противился поездке в Британию. Дурак, он упустил бы единственный шанс в своей жизни.

- Ты выглядишь таким счастливым, любовь моя, - сказала Антония, улыбаясь ему, когда они лежали в постели.

- Как же мне не быть счастливым, дорогая, - ответил Квинт Друзас жене. - У меня есть ты и еще многое другое. - Он подвинулся поближе и потрогал ее заметно увеличившийся живот. -

Он первый в нашей великолепной семье, Антония.

- О да! - согласилась она, поймав его руку и целуя ее. «Сыновья Антонии, - подумал он, нежно лаская любимую жену. - Они так юны и так слабы. Любая болезнь может унести их жизнь...» Досадно, что сыновья Секстуса Сципио могут однажды завладеть всем его имуществом. Конечно, Антония не допустит, чтобы они остались без наследства. Она хоть и не очень хорошая мать, но любит своих детей. Однако все может случиться. Все...

Сын Квинта Друзаса родился первого марта, точно через девять месяцев со дня бракосочетания отца и матери. Младенец появился на свет крупным, здоровым ребенком. Однако радость Антонии по поводу рождения ребенка была кратковременной: на следующее утро ее сыновей от брака с Секстусом Сципио обнаружили в атрии на дне бассейна с рыбками. Обе женщины-рабыни, приставленные наблюдать за детьми, были найдены при самых компрометирующих обстоятельствах: обнаженные, слившиеся в сладострастном объятии и пьяные. Никто не сомневался в их причастности к преступлению. Обоих удавили и захоронили еще до исхода рокового дня. Антония была вне себя от горя.

- Я назову его Постхьюмус в память о его братьях, - трагически объявила Антония. Крупные слезы катились по ее щекам, когда она смотрела на своего сына, который жил на свете всего один день. - Как жаль, что он никогда не увидит их!

- Он будет назван Квинтом Друзасом-младшим, - сказал Квинт, целуя жену и надевая ей на руку два тяжелых золотых браслета. - Ты не должна терзать себя так, дорогая. А то у тебя пропадет молоко. Я не хочу, чтобы он сосал грудь какой-нибудь рабыни. Молоко рабынь не так полезно, как материнское. Моя мать Ливия всегда верила в это. Она сама выкормила моего брата, сестру и меня. - Он подошел к ней и, положив руку на одну из ее грудей, произнес с некоторой угрозой в голосе:

- Антония, не лишай моего сына того, что ему положено. Сыновья Секстуса Сципио были невинными младенцами, и потому сейчас они с богами. Ты ничем не можешь помочь им, дорогая. Это пройдет, тебе надо подумать о живом ребенке, которого милостиво послали нам боги. - Наклонившись, он опять поцеловал ее в губы.

Няня забрала младенца у Антонии и положила ребенка к ногам своего хозяина. Квинт Друзас взял на руки завернутый в пеленки комочек, тем самым признавая мальчика своим истинным отпрыском. Это формальное признание означало, что новорожденный принят в его римскую семью со всеми ее правами и привилегиями. Через девять дней после рождения Квинт Друзас-младший должен официально получить имя на большом семейном празднике.

- Ты не забудешь, дорогая, о чем я говорил, не так ли? - спросил Квинт Друзас жену, передавая сына няне и поднимаясь с постели. - Наш ребенок - это самое главное для тебя.

Антония кивнула, ее голубые глаза расширились от удивления. В муже появилось что-то такое, чего она раньше не замечала, и она вдруг испугалась. Квинт всегда был так снисходителен к ней. Теперь, казалось, он не видит ее, сын стал самым главным в его жизни.

Он улыбнулся ей:

- Я доволен тобой, Антония. Ты достойно прошла через суровое испытание. Ты подходящая мать для моих детей.

Он покинул спальню и направился в библиотеку. Теперь, без пасынков, бегающих повсюду, в доме стало спокойнее. Даже как-то грустно. Но через несколько лет вилла снова наполнится

смехом и криком детей. Его детей. На столе горел единственный светильник, когда он вошел в личное святилище, плотно закрыв за собой дверь. Только в самом крайнем случае его могли здесь побеспокоить, когда эта дверь была закрыта. Сразу после женитьбы на Антонии он приучил слуг к тому, что его комната – святая святых. Никто не мог войти туда без его приглашения.

- Вы сделали все очень хорошо, – сказал он двум мужчинам, которые появились из полумрака комнаты.

- Это не составило труда, хозяин, – ответил тот, что повыше. – Обе няньки быстро напились. Немного вина с порошком, немного любви, опять немного вина, опять немного...

- Да, да! – сказал раздраженно Квинт Друзас. – Картина, которую ты нарисовал, совершенно ясна. Расскажите мне о мальчишках. С ними не было хлопот? Я не хочу, чтобы потом вдруг объявились какие-нибудь свидетели.

- Мы придушили их в постели, когда они спали, хозяин. Потом перетащили их тела в бассейн в атриум. Никто нас не видел, уверяю вас. Это произошло в полночь, все спали. До того как прикончить мальчишек, мы приготовили хорошенькую сценку для тех, кто обнаружит нянек. Эти девицы выглядели совершенно непристойной парой. – Он похотливо хихикнул.

- Вы обещали нам свободу, – обратился второй мужчина к Квинту Друзасу. – Когда это произойдет? Мы сделали все, как нам было приказано.

- Я говорил, что вы должны выполнить два моих задания, – ответил Квинт Друзас. – Это было только первое.

- Какое же второе? Нам нужна свобода! – заявил высокий мужчина.

- Ты слишком нетерпелив, Като. – Квинт Друзас посмотрел на него с недовольным выражением лица. Квинта забавляло, что он так вежливо обращается со своими рабами. – Через девять дней, – продолжал он, – моему сыну официально дадут имя и состоится церемония очищения. Это семейное событие, которое отмечается дома. Мой тесть приедет из Кориниума, дядя Гай и его семья прибудут из соседней виллы. Я хочу, чтобы вы как следует занялись моим дядей и его семьей.

В мае – кельтский праздник. Я помню это по прошлому году. В этот вечер Гай Друзас отпускает своих рабов после захода солнца и до рассвета. Я собираюсь использовать этот обычай. Ночью вы уберете дядю и его семью. В качестве дополнительной награды можете украсть его золото из потайного места, о котором я вам скажу, когда придет время. Поднимется переполох, и через несколько дней я обнаружу, что те два новых раба из Галлии, которых я недавно купил, сбежали. Вы поняли меня? – Он смотрел на рабов холодным взглядом, обдумывая, как бы получше убрать их, чтобы его никогда не разоблачили. Нет. Он может на них положиться. Он знал людей: эти негодяи исчезнут мгновенно, пересеку! пролив и скроются в Галлии.

- Это праздник костров, – сказал Като.

- Праздник костров? – Квинт Друзас посмотрел вопросительно.

- Вы упомянули кельтский праздник. Он отмечается первого мая, хозяин. Других весенних праздников нет.

- Сколько совпадений! - Квинт Друзас мимолетно улыбнулся. - Я женился первого июня. Наш сын родился первого марта. Теперь первого мая я окажусь на пороге моей судьбы. Я начинаю верить, что единица - мое счастливое число. - Он посмотрел на двух галлов. - Я затемню на время светильник. Выходите через сад и ведите себя осмотрительно. Оба! Вы можете легко проникнуть в дом, когда дядя и его семья будут гостить у нас. Если не сумеете, управляющий отправит вас на поля. Там вы и поработаете для меня.

Утром Квинт Друзас отправил послания своему тестю в Кориниум с просьбой приехать и дяде Гаю, приглашая всю его семью на день объявления имени нового Друзаса и очищения.

До прибытия на празднование Гай Друзас Кориниум и его семья не знали о смерти двух старших сыновей Антонии.

- О, дорогая, - сказала Каина, целуя молодую женщину, - я ужасно огорчена. Почему ты не обратилась ко мне? Моя мать и я приехали бы. Кейлин тоже. Женщине так тяжело оставаться наедине с собой во время такого несчастья.

- В этом не было нужды, - тихо произнесла Антония. - Мои малыши теперь с богами. Квинт уверил меня в этом. Я ничего не могу сделать для них. Я должна думать о младенце. Квинт не хочет, чтобы его кормила рабыня. Я не могу истощать себя, иначе у меня пропадет молоко. Это очень не понравилось бы Квинту, а он так добр ко мне.

- Он околдовал ее, - сказала Кейлин с отвращением.

- Она влюблена в него, - ответила Каина.

- Я думаю, кому-то очень выгодно, что оба сына Секстуса Сципио исчезли, - тихо заметила Кейлин. Каину поразили эти слова:

- Кейлин! Что ты говоришь? Неужели ты обвиняешь Квинта Друзаса в таком противоестественном поступке? Он любил этих маленьких мальчиков и был хорошим отчимом для них обоих.

- Я никого ни в чем не обвиняю, мама! - отрезала Кейлин, - Я просто заметила, что отсутствие малышей Антонии выгодно. Ты должна признать. Квинта очень устраивает, что остался только его ребенок, который однажды унаследует все им приобретенное.

- Почему, когда ты говоришь о Квинте, - спросила Каина, - у тебя всегда такие мрачные мысли, Кейлин? Девушка покачала головой.

- Не знаю, - честно призналась она. - Мой внутренний голос предостерегает меня, он шепчет мне о какой-то опасности, еще не знаю какой. Я думала, что после его женитьбы на Антонии этот голос замолчит, но нет, с каждым разом он становится еще громче в присутствии Квинта.

- Может быть, ты завидуешь браку Квинта? - допытывалась Каина. - Может, ты сожалеешь о своем решении не выходить замуж за него?

- Ты с ума сошла, мама! - Отвращение на прелестном личике Кейлин красноречиво говорило Каине, что она ошибается.

- Извини, я только спросила, - пробормотала Каина. - Иногда мы сожалеем о том, от чего отказываемся или что сами бросаем.

Их позвали в атрий, где был установлен семейный алтарь. С гордостью Квинт назвал сына своим именем. Осторожно надел на шею младенца красивую золотую буллу. В медальон с крышкой, соединенной пружинкой, между двух створок он вложил талисман, который будет защищать его сына до совершеннолетия. С достоинством патриарха большой семьи Квинт Друзас вознес молитву богам, особенно богу Марсу, так как это был месяц Марса. Он молился о том, чтобы младший Квинт Друзас прожил долгую, счастливую жизнь. Затем он принес в жертву ягненка, который родился в тот же день, что и его сын, и двух белоснежных голубей в честь богов, чтобы они благосклонно приняли его молитвы.

Когда религиозный обряд закончился, началось празднование и застолье. Все члены семьи Гая Друзаса преподнесли младенцу маленькие игрушки: сделанные из золота и серебра фигурки зверей, рыб, цветов, миниатюрные мечи, плуги. Это были традиционные подарки новорожденному в день очищения и объявления его имени.

Квинт Друзас расслабился, пребывая в хорошем настроении. Распивая вино со своими двоюродными братьями Титом и Флавием, он пристал к ним:

- Я слышал, что есть какая-то девчонка-рабыня на вилле вашего отца, которая созрела, как летняя дыня. Кто из вас виноват, а?.. - Он шутливо ткнул пальцем в их сторону и усмехнулся.

Близнецы покраснели и виновато засмеялись.

- Точно не знаем, - признался Флавий. - С детства мы всем делились.

- Мать очень рассердилась на нас. Она говорит, мы должны найти себе пару и жениться до окончания лета, иначе станем причиной скандала, - сказал Тит своему старшему кузену. - У девушки случился выкидыш, поэтому мы никогда не узнаем, кто был отцом, хотя нам и не хотелось это знать.

- А отец говорит, мы не должны опускать свои ведра в колодцы, не зная, свежая ли там вода, - добавил Флавий.

- А вы выбрали себе невест, братья? - спросил Квинт.

- Нет еще, - ответил Флавий. - Отец собирается поискать их немного подальше Кориниума. Он говорит, пора освежить кровь в семье. Я думаю, ему не нравятся девушки, которые окружают нас здесь.

- Выбор не особенно велик, - заметил Квинт. - Мне повезло с моей любимой Антонией. Пусть боги пошлют вам обоим такую же удачу, мои юные братья, и пусть я доживу до празднования дня присвоения имени всем вашим детям. - Он поднял свой кубок и выпил.

Они, в свою очередь, приветствовали его.

- А что Кейлин? - спросил Квинт. - Скоро ли она найдет себе мужа? С каждым днем она становится все красивее. - Он посмотрел через комнату, туда, где сидела Кейлин со своей матерью. - Если бы я не влюбился в Антонию с первого взгляда, я был бы в отчаянии от потери вашей прелестной сестры. Кого бы она ни выбрала, ее избранник станет счастливым человеком.

- Кажется, нет человека, который бы увлек нашу сестру, - сказал Флавий. - Я буду очень удивлен, если отыщется такой. Иногда наша сестра ведет себя очень странно. Мы говорим, в ней больше кельтской, чем римской крови. Жаль, если она помрет девственницей.

- Еще вина, хозяин? - Высокий раб стоял рядом с Квинтом.

- Да, Като, благодарю. И наполни кубки моим братьям тоже, - весело приказал он.

В праздничную ночь на каждом холме пылали костры. Кельтский праздник в честь нового сезона земледелия отмечался всеми. Казалось, стирались барьеры между мужчинами и женщинами, свободными гражданами и рабами - все дружно плясали вокруг костров и распивали огромные чаши сладкого медового вина.

Гай Друзас Кориниум только что оторвался от своей жены в уединенной спальне пустого дома, когда ему показалось, что послышался шум. Поднявшись, он вышел в атрий узнать, в чем дело. Он так и не увидел двоих злоумышленников, которые появились сзади и мгновенно задушили его.

Каина не поняла, что происходит, услышав глухой стук от падения какого-то тяжелого предмета. Она поднялась, чтобы посмотреть, в чем дело, но дошла лишь до середины спальни, когда в комнату ворвались двое мужчин.

- Я говорил тебе, она красавица, - сказал высокий. Нетрудно было угадать их намерения. В ужасе Каина начала отступать.

- Я дочь Берикоса, вождя добунни, - сумела выговорить она, хотя ее горло сжималось от страха.

Высокий схватил Каину, прижался губами к ее рту, который только что принимал нежные поцелуи мужа. Каина боролась с нападавшим как львица, царапаясь и плюясь. Засмеявшись, мужчина бросил ее на супружеское ложе и навалился сверху; его руки задрали ночную тунику. Другой мгновенно оказался у ее головы, заглушив рукой пронзительные крики. Каина молила богов о скорейшей смерти.

Бренна вернулась на виллу рано. Она сопровождала Кейлин на праздник, но ее внучка вовсе не нуждалась в ней. Никто не мог выдержать капризы Кейлин, и, кроме того, девушка не хотела уединяться в темноте с каким-либо мужчиной. Она просто присоединилась к тем, кто танцует и поет.

Бренна споткнулась обо что-то в полутемном атрии. Нагнувшись, она с ужасом узнала своего зятя. Он был мертв. Ее затрясло. С огромным усилием она поднялась на ноги и с бьющимся сердцем побежала в спальню дочери. Каина лежала обнаженная, раскинувшись среди скомканных окровавленных простыней. Бренна рухнула на пол, даже не поняв, что ей нанесли удар.

- Со старухой намного проще, - заметил Като небрежно.

- Но с молодой было забавнее, - ответил его напарник. - Какое сражение она нам устроила! Однако девчонка будет лучше всего. Прежде чем мы убьем ее, давай бросим кости, кому достанется ее девственность, а кому остатки.

Тит и Флавий, вернувшись домой совершенно пьяными от медового вина, даже не заметили своих убийц. На них напали из засады, быстро задушили, а затем притащили вместе с телом отца в спальню родителей, чтобы Кейлин не наткнулась на них.

Галлы ждали. Минуты превратились в час, затем в другой.

- Где же эта чертова девчонка? - ворчал раб что пониже.

- Мы не можем больше ждать, - сказал Като. Он показал пальцем в окно. - Уже светает. Мы должны поджечь дом так, чтобы он показался праздничным костром, и быстро убираться отсюда, пока не вернулись слуги. Девчонка не стоит того, чтобы нас поймали. Ты думаешь. Квинт Друзас спасет нас, если мы попадемся? Человек, который убил своих пасынков, чтобы они не могли получить его наследство, и убил семью своего дяди, чтобы завладеть его землями, не поможет нам. Я подозреваю, он убьет нас тоже, если сможет. Золото, которое он обещал, находится в потайном месте под статуей Юноны в нише. Давай заберем его и смотаемся. Я не верю, что этот римский мерзавец даст нам время, чтобы скрыться. Он явится за нами завтра. Мы же одурачим его, отправившись не в Галлию, а в Ирландию. Ему и в голову не придет, что мы удрали в этом направлении.

Бренна тихо лежала, впитывая его слова. Она молилась, чтобы они не обнаружили, что она все еще жива. Когда они уйдут, она как-нибудь сбежит, чтобы предупредить Кейлин об убийстве. Она с трудом сдерживала стон, кусая губы. Голова страшно болела. Она решила, что потеряла много крови. Только бы боги дали ей силы подольше остаться в живых, чтобы отомстить за Каину и ее семью! Она больше никогда не попросит их ни о чем.

Бренна почувствовала запах гари. Услышала удаляющиеся шаги. Увидела две пары сапог, когда убийцы выходили в дверь, в спешке оставив ее приоткрытой. Она не двигалась. Надо убедиться, что убийцы ушли.

Вскоре спальня наполнилась густым дымом. Задыхаясь от едкого дыма, Бренна поняла, что больше не может оставаться здесь. Медленно, преодолевая боль, с кружащейся головой, она поползла к открытой двери и выбралась в атрий. Здесь не было мебели, которая могла бы гореть, как в других комнатах. Хотя атрий быстро заволокло густым черным дымом, она знала дорогу к двери. Ее чуть не стошнило, и, ухватившись за колонну, чтобы не упасть, мучимая сухими спазмами, едва держась на ногах, напрягая силы и спотыкаясь, Бренна пересекла атрий, добравшись наконец до главного выхода из дома. Ухватившись за дверную ручку, она, шатаясь, выбралась наружу, на прохладный, сырой воздух и, изнемогая, сделала еще несколько шагов от дома.

Вокруг никого не было. Нападавшие скрылись. Над ней сияла полная луна, безмятежно наблюдая за сценой кровопролития. Бренна жадно глотала свежий воздух, прочищая легкие, наполненные дымом. Она должна найти Кейлин!

Но получилось так, что Кейлин нашла ее. С развевающимися волосами она бежала по тропинке, но, увидев бабушку, лежащую на земле, девушка остановилась и опустилась на колени.

- Бабушка! Дом горит! Что случилось? Где мать и отец? Мои братья? - Она взяла старую женщину под руки, пытаясь поднять ее. Бренна застонала. - О! Ты ранена, бабушка?! Почему никого нет? Рабы еще не вернулись с праздника?

- Уходи, дитя мое! Мы должны поскорее покинуть виллу! Нам грозит смертельная опасность... Помоги мне... Скорее! - с трудом проговорила Бренна.

- А наша семья? - повторила Кейлин, предчувствуя сердцем, что ответит бабушка.

- Мертвы. Все. Подойди и помоги мне. Нам нельзя оставаться здесь, Кейлин. Поверь мне, милая! - ответила Бренна, рыдая.

- Почему мы не можем подождать возвращения рабов? Мы должны сообщить властям! - сказала Кейлин отчаянно. Бренна посмотрела внучке в лицо:

- У меня нет времени объяснять тебе. Ты должна поверить мне, если хочешь жить. Теперь помоги. Я ослабела от потери крови, а мы должны уйти, чтобы спастись.

Кейлин испугалась.

- Куда мы пойдём, бабушка?

- Есть только одно место, куда мы можем пойти, дитя мое. К добунни. К твоему деду Берикосу. Только он может спасти нас от этого дьявола. - Опираясь на внучку, Бренна тронулась в путь. - Нам предстоит одолеть всего несколько миль, ты ведь не знала этого, не так ли? Всю свою жизнь ты прожила всего в нескольких милях от Берикоса и не подозревала об этом. - Бренна замолчала, понимая, что ей нужны силы, если они хотят добраться до места живыми. Берикос должен узнать, что случилось. А потом, если это будет угодно богам, она умрет. Но Берикос должен знать.

- Я не знаю дороги! - воскликнула Кейлин. - Ты можешь показать мне дорогу, бабушка?

Старуха кивнула, но ничего больше не сказала.

Они сошли с наезженной дороги, и Бренна повела внучку вверх на один из холмов, а затем вниз к подножию другого. Их путь пролегал через невысокий густой лес; яркая луна освещала им дорогу. Ночь стояла тихая, обитатели леса давно замолкли. Лишь где-то начинала щебетать какая-то птица, сообщая о приближении рассвета. Иногда они останавливались передохнуть, но Бренна не могла себе позволить долго задерживаться. Она не боялась погони, но опасалась, что не выдержит и умрет. Они пересекли большой луг, где в предрассветном сумраке пасся олень, и вошли в другой лес. Небо над ними заметно посветлело. Они шли достаточно долго, и Кейлин чувствовала, что они уже приближаются к цели.

- Далеко еще, бабушка? - спросила она после нескольких часов ходьбы. Большей частью они шли вверх по холмам, и она устала от непривычной нагрузки. Легко представить, как должна была чувствовать себя старая женщина. Бренна давно уже столько не ходила, тем более в таком тяжелом состоянии.

- Недалеко, детка. Деревня твоего деда находится по другую сторону этого леса.

Лес начал редеть, засветилось небо, когда они вышли из-за деревьев. Перед ними вырос небольшой холм, на вершине которого виднелась деревня добунни. Внезапно перед ними появился юноша. Очевидно, он стоял на страже и был удивлен, увидев кого-то так рано. Затем его лицо просияло, когда он наконец узнал бывшую хозяйку дома.

- Бренна! Это ты?

- Я, Корио, - ответила Бренна, и ее колени подогнулись.

- Помогите мне! - вскрикнула Кейлин, тщетно пытаясь не дать бабушке упасть.

Корио, оправившись от изумления при виде Бренны, прыгнул вперед и подхватил теряющую сознание женщину.

- Иди за мной, - сказал он Кейлин и, не оглядываясь, начал быстро подниматься на холм.

Кейлин едва поспевала за ним. Ее волнение было велико, однако она успела заметить, что холм окружен тройными каменными стенами. За третьей стеной была деревня. Корио направился к самому высокому дому, Кейлин последовала за ним, войдя в большой зал. Вперед вышла женщина шести футов ростом, одетая в темно-синюю тунику. Она быстро взглянула на Кейлин, не скрывая одобрения, затем посмотрела на ношу Корио.

- Это Бренна, бабушка, она ранена, - сказал Корио.

- Положи ее сюда, мой мальчик, на скамейку, поближе к огню, - приказала пожилая женщина. - Теперь пойд и принеси мои лекарства. - Она посмотрела на Кейлин. - Ты брезгуешь или можешь помочь?

- Скажите, что надо делать, - ответила Кейлин.

- Я Сира, первая жена Берикоса, - представилась высокая женщина. - Ты дочь Каины, не так ли? Ты похожа на нее.

- Да, я дочь Каины. Меня зовут Кейлин. - Глаза девушки наполнились слезами. - Бабушка умрет? - спросила она.

- Пока не знаю, - ответила Сира честно. - Что случилось? Кейлин покачала головой:

- Не знаю. Я вернулась домой после праздника костров. Дом был в огне. Бабушка лежала снаружи. Она говорит, что вся моя семья мертва, больше мне ничего не известно. Она настояла, чтобы мы пришли сюда. Она даже не позволила мне сообщить властям или дожидаться, когда рабы вернутся с праздника.

- Берикос! - Голос Бренны звучал резко. - Я должна поговорить с Берикосом! - Она попыталась встать со скамьи.

- Лежи спокойно, Бренна, - сказала Сира. - Я послала за Берикосом, но если будешь противиться, ты умрешь и не скажешь ему то, что должна сказать. Сейчас отдыхай.

- Сира! Что я слышу? Бренна вернулась? - Другая женщина, не такая высокая, но повыше Кейлин, присоединилась к ним. Кейлин не помнила, чтобы она когда-либо видела это хорошенькое, миленькое лицо. В нем было что-то знакомое, но что - Кейлин пока не могла понять. Сейчас это лицо исказилось от горя. Голубые глаза наполнились слезами. - Бренна! Это ты! О, я никогда не думала, что увижу тебя опять!

- Маеве, - сказала Бренна тихо, но Кейлин почувствовала любовь в голосе бабушки. - Ты по-прежнему так же глупа, я вижу.

Маеве наклонилась и поцеловала окровавленный лоб женщины:

- А ты по-прежнему так же упряма и горда, сестра моя.

- Сестра? - Кейлин посмотрела на Сиру.

- Маеве - сестра твоей бабушки. Ты не знала об этом, детка? Да, я вижу, не знала.

- Почему бабушка называет ее глупой? - поинтересовалась Кейлин, понимая теперь, что лицо Маеве было копией лица Бренны, только немного моложе.

- Твоя бабушка и Берикос были не очень хорошей парой, - честно призналась Сира. - Они

поженились поспешно, потому что страстно желали друг друга. Через некоторое время после этого твоя бабушка родила ребенка. Несколькими годами позже твой дед влюбился в Маеве, а она в него. Бренна была в ужасе. Она боялась, что сестра также будет несчастна. Она умоляла Маеве не выходить замуж за Берикоса, но та отказывалась слушать. Бренна обзвала ее дурочкой и относилась к ней так до сих пор, несмотря на то что брак между Маеве и Берикосом оказался удачным. – Сира повернулась к другой женщине:

– Пойди и приведи Берикоса, Маеве. Он в доме Бриджит.

Корио вернулся с корзиной лекарств, и Сира принялась за дело. Она отрезала у Бренны прядь густых белых волос и покачала головой, увидев размеры раны. Положение оказалось намного серьезнее, чем она предполагала. Волосы Бренны слиплись от крови. Череп пробит, большой осколок торчит из раны. Сира с трудом представляла, как можно обработать такую рану. Очень осторожно она стала промывать рану вином, вздрагивая, когда Бренна стонала. Обильно посыпала сверху одним из своих целебных порошков, затем наложила повязку с чистым сухим мхом. За всю свою жизнь она никогда не чувствовала себя такой беспомощной.

Девушка стояла рядом с ней, ни разу не вскрикнув. Казалось, ее присутствие успокаивало Бренну. Откровенно говоря, Сира думала, что сейчас только покой, время и воля богов могут что-либо изменить к лучшему.

Корио на время вышел из зала и, вернувшись с маленькой чашей в руке, передал ее своей бабушке.

– Я подумал, может быть, тебе это понадобится для Бренны, – сказал он.

Она одобрительно улыбнулась:

– Да, это то, что надо. Ну, Бренна, выпей-ка! Это придаст тебе силы. Помоги ей немного приподняться, Кейлин. Кейлин присела на скамью позади бабушки и осторожно приподняла ее.

– Что она пьет? – спросила Кейлин, заметив, что Бренна жадно потягивает маленькими глотками красноватую жидкость.

– Это бычья кровь, – ответила Сира. – Она очень питательна и поможет Бренне восстановить собственную кровь. – Сира сдержала улыбку, увидев на лице Кейлин отвращение. По крайней мере девочка не падает в обморок.

– Сира! – прогремел низкий голос. – Что происходит?

Неужели то, что рассказала Маеве, правда?

Кейлин подняла голову. В зал вошел высокий мужчина с белоснежными волосами и такими же усами. Он был одет в темно-зеленую шерстяную тунуку, вышитую золотой ниткой у ворота и на рукавах. На шее у него сверкало золотое ожерелье, отделанное зеленой эмалью. Такого великолепного украшения Кейлин никогда не видела. Широким шагом он направился прямо к скамье, где лежала Бренна, и посмотрел на нее.

– Привет, Берикос, – произнесла Бренна насмешливо.

– Так ты вернулась... – мрачно промолвил Берикос. – Благодаря чему мы удостоены такой чести, Бренна? Я думал, что никогда больше не увижу тебя.

- Я не такая, как ты. Ты стал старым, Берикос, - сказала Бренна. - Моей ноги здесь бы не было, если бы не Кейлин. Я скорее умерла бы в лесу, чем пришла к тебе. Но моя внучка...

Я здесь ради нее, Берикос, а не ради себя.

- У нас нет ничего общего с внучкой, - ответил он.

- Берикос! - Голос Сиры стал резким. - Не упорствуй в своей глупости сейчас, когда случилось такое. Каина мертва. Выражение горя промелькнуло на лице старика и исчезло.

- Как? - спросил он бесстрастным голосом, глубоко пряча боль, чтобы никто не мог ее видеть.

- Прошлой ночью, - начала Бренна, - я пошла с Кейлин на праздник костров, но устала и вернулась домой рано. В атрии я наткнулась на мертвое тело своего зятя Гая Друзаса. Я побежала в спальню Каины. Она лежала неподвижно на постели, истерзанная и избитая до смерти. Я даже не почувствовала удара, обрушившегося на меня. Очнувшись, я увидела тела Гая и двух наших внуков, Тита и Флавия, рядом со мной.

Убийцы ждали Кейлин.

- Квинт Друзас! - закричала Кейлин, побледнев как мел.

- Да, детка, твой внутренний голос не обманул тебя. - Бренна посмотрела на Берикоса и продолжила свой ужасный рассказ.

- А что твой хваленый римский магистрат в Кориниуме? - спросил Берикос язвительно, когда она закончила. - Или больше нет римского правосудия?

- Начальник магистрата в Кориниуме - тесть Квинта Друзаса, - сказала Бренна. - Какие шансы у Кейлин против него?

- Тогда чего ты от меня хочешь, Бренна?

- Я прошу защиты, Берикос, хотя эта просьба уязвляет мое самолюбие. Я прошу защитить Кейлин и меня. Рабы еще не возвратились на виллу, когда все это случилось. Никто не знает, что мы одни уцелели, никто не должен об этом узнать. Кейлин - твоя внучка, и ты не можешь отказать мне. Не знаю, переживу ли я эту ночь. Я ранена, мои легкие обожжены. Я собрала все свои силы, чтобы привести Кейлин сюда, к тебе.

Берикос мрачно молчал.

- Племя защитит вас обеих, - сказала Сира. Муж зло посмотрел на нее, но она невозмутимо добавила:

- Бренна все еще твоя жена, Берикос, мать твоей единственной дочери. Кейлин - твоя внучка. Родная кровь! Ты не можешь отказать им в приюте и защите по нашим законам, или ты забыл эти законы из-за старой страсти к Бриджит?

- Я воспользуюсь вашим гостеприимством только до тех пор, пока жива бабушка, - заявила Кейлин сердито. - Когда она уйдет через врата смерти в другую жизнь, я найду свою дорогу в этом мире. Я не знаю вас, Берикос из племени добунни, и не нуждаюсь в вас.

Легкая неприветливая улыбка коснулась уголков губ старика. Холодными голубыми глазами он серьезно посмотрел на Кейлин в первый раз с того момента, как вошел в зал.

- Смелые слова, беспородная сучка, - сказал он, - но я хочу знать, какие удобные римские дорожки приготовила ты себе, чтобы выжить в этом суровом мире?

- Я не боюсь, - ответила Кейлин вызывающе, - и я способна учиться. Хочу также напомнить, что я британка, Берикос. Я родилась здесь, как и мои родители, и прародители с обеих сторон, и поколения до меня. Меня воспитали в уважении к старшим, но не испытывайте мое терпение или поймете, что не сможете спрятаться за стеной своих почтенных лет!

Берикос занес над ней руку, но быстро опустил, удивленный злобой, которую увидел в ее пристальном взгляде. Она не такая высокая, как добунни, но и не маленькая. Она напомнила ему Каину многими чертами, но темперамент, конечно, бабушкин. Темперамент - вот что прежде всего при влекло его в Бренне. К сожалению, он не смог терпеть ее характер, а Бренна не стала покорной. Он подозревал, что с этой девчонкой произойдет то же самое. Кейлин. Его внучка. Он понимал, что она будет колючкой у него в боку, но другого выбора нет, он обязан обеспечить ей защиту и кров в своем доме.

- Ты можешь остаться, - произнес он и, резко повернувшись, пошел прочь.

Бренна привалилась к Кейлин.

- Я устала, - сказала она.

- Корио, - позвала Сира, - отнеси Бренну в свободную спальню с южной стороны от очага. Там будет удобнее и теплее. Иди с ней, детка. Когда уложишь ее, возвращайся. Я покормлю тебя. Ты, должно быть, очень голодна после такого путешествия и потрясения.

Юноша бережно поднял Бренну, быстро пронес через зал и осторожно положил на кровать. Кейлин укрыла бабушку овечьим одеялом, подоткнув его с боков, глубоко вздохнула и тревожно посмотрела ей в лицо. Но Бренна не видела этого: она уже спала.

Кейлин вздрогнула от чьего-то прикосновения к своей руке. Повернувшись, она впервые увидела лицо Корио, приятное, с кроткими голубыми глазами.

- Пойдем, моя бабушка покормит нас. Хлеб всегда лучше есть теплым. Мы ведь двоюродные брат и сестра, не так ли? Мой отец Эппилус - младший сын Сиры. Я первый родственник, которого ты встретила. У твоей матери десять братьев, и все они живы. У многих есть дети, а у некоторых даже внуки. Здесь ты не будешь одинокой.

Кейлин посмотрела на Бренну. Она лежала бледная, но дыхание ее было спокойным и ровным. Девушка повернулась и последовала за юношей. Сира занималась приготовлением завтрака. Женщина положила ячменную кашу на два свежих куска хлеба и протянула обоим.

- На столе есть ложки, если ты так не привыкла, - сказал Корио. - Садись. - Он жадно откусил кусок хлеба с кашей. Сира поставила перед ними два бокала.

- Разбавленное вино, - сказала она и, поскольку в зале больше никого не было, присоединилась к ним. - Ты напоминаешь свою мать и все же выглядишь не совсем так, как она в твои годы. Она была счастлива с твоим отцом?

- О да, - ответила Кейлин. - У нас была счастливая семья! - Внезапно весь ужас трагедии стал ей ясен. Еще вчера ее мать, ее отец, ее братья были живы. Ничто не предвещало трагического конца, этой кровавой резни всей семьи. Зачем жить, когда все они умерли?

Это был первый праздник костров, когда ей разрешили остаться одной, без сопровождения. В эту ночь Бренна предоставила внучке свободу, и, почувствовав себя самостоятельной, Кейлин начала смотреть на вещи совсем по-другому. Все молодые люди желали потанцевать с ней, и она танцевала у костра почти до зари. Она не хотела прятаться в темноте с каким-нибудь парнем, но выпила свою первую чашу медового вина и чувствовала себя замечательно. Кейлин хотела вернуться домой со своими братьями, но они намного раньше исчезли в темноте с двумя девицами. Больше она их не видела. Только когда первые лучи зари осветили небо и музыка наконец смолкла, она пошла к вилле и обнаружила, что до нее здесь побывала смерть.

Кейлин побледнела и отодвинула кусок хлеба. Сама мысль о еде вызывала тошноту. Сира сразу догадалась.

- На то воля богов, - сказала она тихо. - Иногда они добры, иногда жестоки, потом снова добры. Ты и Бренна живы, потому что ваше путешествие в этом мире еще не окончено. Ты ведь не сомневаешься в мудрости богов, Кейлин Друзас?

- Да! - воскликнула Кейлин. - Зачем мне жить, когда моя семья погибла? Что могли совершить мои братья в своей жизни такого, что их существование стало неудобным в этом мире? Им было только семнадцать!

- Я не могу ответить тебе, детка, - честно призналась Сира. - Могу лишь сказать - происходит то, что должно произойти. Что такое смерть? Это только переход из этой жизни в другую. Мы не должны бояться ее. Когда придет твое время, те, кого ты любишь, кто ушел раньше, будут ждать тебя на Священных островах. А до этого ты должна почитать богов, которые создали тебя и даровали такую судьбу, которая им была угодна. Ты можешь, конечно, скулить, отчаиваться, обвинять их в несправедливости, но зачем попусту растрачивать драгоценное время, отведенное тебе?

- Мне даже нельзя их оплакивать? - спросила Кейлин с горечью.

- Оплакивать можно только их ужасный конец, - сказала Сира, - но не их самих. Они ушли в лучший мир. А теперь ешь завтрак, Кейлин Друзас. Тебе нужны силы, чтобы позаботиться о Бренне.

- Не обращайтесь со мной как с глупым ребенком, госпожа, - попросила Кейлин.

- Тогда не веди себя как ребенок, - ответила Сира с легкой улыбкой, вставая из-за стола. - По виду ты уже вполне взрослая девушка, а мы не ленивый народ. Мы надеемся, ты будешь зарабатывать на пропитание, а не чувствовать себя нахлебницей. - Она отвернулась от Кейлин и начала готовить завтрак для остальных членов семьи.

- Пусть бабушкино ворчание не вводит тебя в заблуждение, - сказал Корио с усмешкой, когда Кейлин зло посмотрела Сире вслед. - У нее мягкое сердце. Она старается, чтобы ты не навредила сама себе.

- Станный способ выражать любовь, - мрачно проворчала Кейлин.

- Хочешь, я расскажу тебе о семье? - спросил Корио, пытаясь отвлечь ее. Когда она кивнула, он начал:

- Хотя наш дед наплодил десятерых сыновей, только трое живут в этой деревне: мой отец Эппилус и мои дяди Люготорикс и Сеговакс, сыновья Брайны. Остальные со своими семьями разбросаны по другим деревням на холмах, принадлежащих добунни. У нашего деда пять жен.

- А я думала, только четыре, - прервала Кейлин.

- Четыре живых, а всего пять. Брайна отправилась на Священные острова несколько лет назад. Недавно Берикос женился на женщине по имени Бриджит. Она не добунни, а из племени катувеллони. Наш дед одурел из-за нее. Она не намного старше тебя, Кейлин, но невероятно злая. Моя бабушка - главная среди жен Берикоса, но если мнение Бриджит противоречит мнению Сиры, Берикос поддерживает Бриджит. Это несправедливо, но ему нравится покровительствовать ей. К счастью, Бриджит оставила моей бабушке и Маеве их обязанности по ведению домашнего хозяйства. Это ее слабая сторона. Она предпочитает проводить дни в своем доме, натираясь благовониями и готовясь доставить удовольствие деду. Когда она отваживается выйти, ее сопровождают две служанки, которые предупреждают все ее желания. Они говорят, что она держит деда в руках с помощью колдовства и тайных снадобий.

Трое высоких мужчин, один темноволосый, два других с волосами, как у Кейлин, подошли и присели рядом с ними.

- Мать говорит, что ты дочь Каины, - обратился к ней темноволосый мужчина. - Ты ребенок нашей сестры, красавица? Я Эппилус, отец этого красивого молодого бездельника и младший сын Сиры и Берикоса.

- Да, я дочь Каины и Гая Друзаса. Меня зовут Кейлин, - ответила она тихо.

- Я Люготорикс, - представился один из темно-рыжих мужчин, - а это мой брат-близнец Сеговакс. Мы сыновья Брайны и Берикоса.

- Мои братья Тит и Флавий тоже были близнецами, - сказала Кейлин, и по ее щекам снова покатались слезы. Она даже не пыталась утереть их.

Мужчины отвернулись, давая девушке время успокоиться, а Корио робко положил руку кузине на плечо и погладил ее. Кейлин взяла себя в руки и даже сумела найти комичное в своем положении. Бедный добрый Корио пытался утешить ее, но в действительности его сочувствие чуть не довело ее до истерики. Ей необходимо выплакаться и погоревать, но не сейчас. Не здесь. Попозже, когда она найдет укромное место, где никто не увидит ее слез. Успокоившись, Кейлин глубоко вздохнула.

- Спасибо, все хорошо, - произнесла она, отодвигая руку Корио.

Все трое мужчин с уважением встретили ее спокойный, уверенный взгляд, и Эппилус сказал:

- Я вижу, ты все еще носишь буллу.

- Я не замужем, - ответила Кейлин.

- Внутри твоей буллы есть маленький кусочек оленьего рога и капелька янтаря, в которой застыл крошечный цветочек, - проговорил Эппилус. - Разве я не прав, Кейлин?

- Откуда вы знаете, что лежит в моем амулете? - спросила она с удивлением. - Я полагала, что только я и моя мама знали об этом. Даже бабушка не знает, что в моей булле. Она священна.

- Да, но не для твоих ложных римских богов, - ответил он. - Рог оленя посвящен Цернунносу, нашему богу охоты. Янтарь - это частичка Дану, матери-Земли, соприкоснувшейся с Лагом, богом солнца; цветочек означает плодородие, это Маха, которая является одновременно богиней жизни и смерти. - Он улыбнулся ей. - Братья твоей матери послали тебе эту защиту

еще до твоего рождения. Я верю, амулет уберег тебя, и поэтому ты смогла добраться до нас.

- Я об этом не знала, - тихо сказала Кейлин. - Моя мама немного рассказывала о своей жизни до брака с моим отцом. Я думаю, единственное, что она могла сделать, чтобы не причинять боль тем, от кого она ушла и кого очень любила, так это совсем не общаться с ними.

Эппилус улыбнулся:

- Ты все правильно поняла, Кейлин. Такая мудрость смолоду восхищает. Я рад принять тебя в семью твоей матери. Полагаю, наш отец не сделал этого. Он никогда не мог простить Каине брак с Гаем Друзасом, и эта гордыня дорого обошлась ему. Он очень любил твою мать, ты знаешь. Она была его радостью.

- Почему он ненавидит римлян и все, что касается их культуры? Некоторые римляне прожили на этих землях много лет. Семья моего отца смешалась с британцами так давно, что в нас почти не осталось ничего римского. Только наш родоначальник был настоящим римлянином. Его сыновья женились на девушках из племени добунни, как и мой отец.

- Нашим отцом, - объяснил Люготорикс, - владеет прошлое. Британское прошлое. Прошлая слава добунни. Прошлое, которое начало блекнуть и меняться с приходом римлян несколько веков назад. Наша история, Кейлин Друзас, передается из уст в уста, и Берикос может пересказывать ее, как бард. Сира, близкая к нему по возрасту, помнит Берикоса еще юным мальчиком. Он всегда изучал историю нашего народа, его обычаи. Берикос знал, что когда-нибудь будет править нами, и тайно страстно желал восстановить былую славу добунни. Когда ушли легионы, Сира говорит, он плакал от радости, но с той поры мало что изменилось в Британии.

Однако он видел упадок городов, построенных римлянами, и форм управления, оставленных ими здесь. Вортигерн, который называет себя королем Британии, по сути, никогда не мог объединить племена. Сейчас он постарел и не имеет реальной власти над добунни и другими кельтами. Для Берикоса брак твоей матери с твоим отцом был величайшим предательством. Он собирался выдать ее за воина по имени Карвилиус. Наш отец надеялся, что Карвилиус поможет ему вернуть с годами все территории добунни, отнятые римлянами, но этому не суждено было сбыться. Каина полюбила Гая Друзаса, и мечта нашего отца рухнула.

- Я совсем ничего не знаю о народе моей матери. Мне надо многое узнать, чтобы понять, - медленно произнесла Кейлин. - Моя бабушка говорит, мы не можем вернуться домой. Она говорит, что мой кузен Квинт Друзас убьет меня, чтобы завладеть землями моего отца. Я должна стать добунни, дядюшки. Надеюсь, это возможно?

- Ты дочь Каины, - ответил Эппилус. - Ты уже добунни.

Глава 3

Деревня, где находилась Кейлин, была центром территории кельтов из племени добунни и представляла собой типичное для Британии укрепленное поселение на холме. В ней насчитывалось пятнадцать домов, обнесенных крепостными стенами. Дом ее деда был самый большой. Все дома, за исключением дома Берикоса, строились из дерева, со стенами из прутьев, обмазанными глиной, с крышей из соломы. Дом вождя был каменный, но также крытый соломой. На территории племени добунни существовало еще десять деревень, но в каждой из них было только по восемь домов. Дом деда показался Кейлин достаточно удобным, но он сильно отличался от виллы, где выросла девушка. На вилле полы были выложены из мрамора, иногда в виде мозаики. В доме ее деда пол тоже оказался каменным, но в других

домах добунни – земляной. На вилле стены были покрыты штукатуркой, разрисованы и украшены. Стены из глины и прутьев у деда, конечно, некрасивы, но хорошо защищают от дождя и холода. А это самое главное назначение стен. На вилле отца она имела собственную маленькую спальню. В доме деда ей приходилось делить постель с Бренной. Их ложе находилось в нише и, по мнению Кейлин, было вполне уютным.

– Ты вовсе не избалована, – заметила Сира, когда Кейлин однажды днем чистила горох. – Я подумала, что, раз ты воспитывалась, окруженная рабами, ты мало знаешь и много требуешь.

– В далекие времена в Риме женщины, даже высшего сословия, были трудолюбивы и хорошо знали домашние дела. Они лично следили за домашним хозяйством. Хотя предки моего отца сотни лет прожили в Британии, эти традиции сохранились. Моя мать научила меня готовить, ткать и шить. Я буду хорошей женой. Сира.

Сира улыбнулась:

– Да, думаю, будешь. Но кто станет твоим мужем, Кейлин Друзас? Я удивляюсь, что ты еще не замужем.

– Пока мне никто не нравится. Сира, – сказала Кейлин. – Мой отец попытался однажды найти мне пару, но я не захотела. Я сама выберу мужа, когда придет время. А сейчас мне нужна свобода, чтобы ухаживать за бабушкой и зарабатывать на пропитание. Я еще многого не знаю.

Сира помолчала. На празднике Лага, после сбора урожая, будет большое собрание всех добунни. Может быть, там появится юноша, который понравится Кейлин. Ей уже пятнадцать – возраст, подходящий для замужества. Сира знала всех юношей своего племени, но не могла решить, кого из них выбрать.

Кейлин нужно выйти замуж через год. Больше Бренна не проживет. Хотя внешне она не пострадала от пожара на вилле, на ее легких, вероятно, это сказалось. Она уже никогда не восстановит свои силы. Малейшее движение давалось ей с большим напряжением. Большую часть времени она проводила сидя на лавке или дремала. Даже короткий переход был для нее пыткой, поэтому Корио носил ее с места на место, чтобы она могла как-то участвовать в жизни семьи. Если Кейлин не замечала, как чахнет ее бабушка, то Сира и Маеве видели это.

Ежедневная жизнь в деревне Берикоса была полна хлопот: обработка полей, уход за домашним скотом и многое другое. Земля принадлежала всему племени, но личная собственность на скот разделила соплеменников. Берикос имел большое стадо, поэтому семья не испытывала недостатка в молоке и мясе. Иногда излишки продавали. Берикос владел стадом овец, которые давали шерсть отличного качества. Каждый мужчина в его семье имел по крайней мере две лошади, а у Берикоса был целый табун. На подворье стоял нескончаемый гомон кур, гусей, уток. Берикос держал и свиней. Кельтская солонина была известна всему западному побережью, и добунни продавали ее. Берикос разводил также охотничьих собак, которыми особенно гордился.

Кейлин научилась работать в огороде Сиры. Это был труд, который ее семья обычно поручала рабам. Руки ее загрибели и потрескались через несколько дней работы, но Кейлин узнала от кузины Нуалы, младшей сестры Корио, что крем из топленого овечьего сала и травы может смягчить огрубевшую кожу. Нуала, четырнадцатилетняя девушка, брала Кейлин с собой пасти овец. Кейлин наслаждалась этими часами на свежем воздухе среди зеленых склонов холмов. Нуала рассказывала ей о семье добунни, и Кейлин тоже поведала Нуале о жизни своей семьи до той трагедии. Она стала первой настоящей подругой Кейлин. Эта добунни была добрее и

веселее, чем римско-британские девочки, с которыми она росла. Она была повыше Кейлин, с длинными темными волосами и блестящими голубыми глазами.

Кейлин редко видела своего деда и почитала это за счастье. Он проводил ночи с молодой женой Бриджит в ее доме. Бриджит, однако, готовила плохо, что не устраивало старика, поэтому он ел в своем доме. Кейлин избегала Берикоса ради Бренны, но он не забыл ее.

- От нее мало проку, как от всех римских женщин? - спросил он Сиру однажды.

- Каина научила ее готовить, прясть и шить, - ответила Сира. - Она работает на совесть. Мясо, которое ты поглощаешь с таким удовольствием, приготовлено Кейлин.

- Гм... - буркнул старик.

- Она следит за моим огородом, Берикос. Мои кости такие же старые, как и твои. Мне тяжело полоть, мотыжить, пересаживать. Теперь Кейлин делает все это за меня. Она быстро всему обучается. Нуала берет ее с собой пасти овец. И еще Кейлин ухаживает за Бренной. Каина хорошо воспитала ее. Она славная девочка, и нам надо найти ей мужа. Бренна долго не проживет, и после ее смерти Кейлин почувствует одиночество.

- У нее есть мы! - резко оборвал Берикос.

- Этого недостаточно, - настаивала Сира.

- Хорошо, - сказал вождь добунни, - по крайней мере она зарабатывает себе на пропитание, если верить тебе. Сира.

- Я не из тех жен, кто врет тебе, Берикос, - сердито ответила Сира. - За ложью обращайся к своей катувеллонке.

- Почему ты не можешь поладить с Бриджит? - проворчал он.

- Потому что она не уважает ни меня, ни Маеве. Она пользуется твоим покровительством, Берикос, и ты ей потакаешь. Она обращается к самой темной стороне твоей души и поощряет то, что ты никогда бы не сделал до женитьбы на ней. Она порочна, капризна и недостойна быть женой вождя добунни. Но зачем только я трачу слова на тебя? Ты ничего не хочешь слушать. Я никогда не лгала тебе, Берикос. Кейлин хорошая девочка, - тихо закончила Сира.

В середине июня собрали урожай ранней пшеницы, полбы. В конце июля убрали позднюю пшеницу, ячмень, рожь и просо. Зерно, предназначенное для семян и торговли, засыпали в подземное каменное хранилище, которое закрыли, обмазав глиной. Зерно для ежедневного пользования хранилось в амбаре. Скошенное сено уложили для просушки.

Нуала и Кейлин собирали листья вайды, аккуратно укладывая их в камышовые корзинки. После обработки из листьев вайды получали изумительную голубую краску, которой славились кельты. Девушки выкапывали корни марены - из них готовилась превосходная красная краска. Смешав их, получали яркий пурпурный цвет, пользующийся большим спросом. Этими красителями обычно окрашивали одежду, которую ткали из льна и конопли.

Первый день августа был праздником великого кельтского бога солнца Лага. Он отмечался по всей Британии перемирием между враждующими племенами. После уборки урожая устраивался большой сбор добунни с играми, состязаниями, музыкой и пением баллад. Кейлин хорошо знала этот праздник. В Кориниуме в день Лага проводилась большая ярмарка.

Теперь она даже не думала, что когда-нибудь вновь увидит город. Вскоре после гибели ее семьи Эппилус и Люготорикс отправились в Кориниум узнать, что говорят о смерти Гая Друзаса и его семьи. Остановившись у самой большой таверны, они заговорили с хозяином о сгоревшей вилле, которую видели в нескольких милях от города.

- Кажется, недавно там был пожар, - небрежно сказал Эппилус.

- Кто-нибудь пострадал? - спросил Люготорикс.

Хозяин таверны, любивший поболтать и не очень занятый в этот солнечный день, глубоко вздохнул и ответил:

- Это большая трагедия. Вилла принадлежала Гаю Друза-су Кориниуму. Его семья владела ею сотни лет, со времен императора Клавдия. Прекрасные люди. Несомненно, очень почтенная семья. Мне говорили, у него было трое детей. Два мальчика и девочка. И еще мать жены. Теперь все мертвы. Вилла загорелась на прошлом празднике костров, и вся семья погибла.

- Теперь земля продается? - осторожно осведомился Эппилус.

- Нет, - ответил хозяин таверны. - То, что оказалось бедой для Гая Друзаса Кориниума, стало удачей для его племянника Квинта Друзаса. Этот молодой человек приехал из Рима всего пару лет назад. Женился на дочери начальника магистрата в Кориниуме, богатой женщине с собственным правом на имущество. Теперь он наследует земли, принадлежавшие Гаю Друзасу Кориниуму. Знаете, как говорится, богатство идет к богатству, не так ли?

На обратном пути, когда они уже возвращались в свою деревню, Эппилус сказал:

- У меня есть желание как-нибудь подстеречь темной ночью этого Квинта Друзаса и перерезать его ненасытную глотку. Мало того, что они умертвили всю семью, ты знаешь, Бренна нам говорила, что они сделали с Кайной перед смертью.

- Убийство Квинта Друзаса не вернет нам сестру и ее семью, - ответил Люготорикс брату. - Сейчас мы должны подумать о Кейлин. Сира говорит, что Бренна долго не протянет. Мы должны найти мужа нашей красавице.

- Может быть, на празднике Лага, - задумчиво промолвил Эппилус, - когда соберутся все добунни. Есть кто-нибудь среди сыновей наших братьев, кто бы подошел девушке? Это должен быть человек с достатком. Что бы ни говорил отец, Кейлин нашей крови.

Группа незнакомых смуглых людей в цветных одеяниях, сидящая в трех закрытых повозках, прибыла в деревню Берикоса вечером накануне праздника Лага. Их радушно приняли и в связи с предстоящим событием пригласили остаться на торжества.

- Это цыгане, - сказала Нуала осведомленно. - Они хорошо разбираются в лошадях и, говорят, хорошо гадают.

Действительно, на следующий день, когда начались празднования, одна морщинистая старуха цыганка уселась под полосатым навесом и собралась предсказывать, как пойдут дела в торговле.

- О! - взволнованно воскликнула Нуала, - Пусть она предскажет нашу судьбу, Кейлин! Я хочу знать, будет ли у меня молодой красивый муж, который всегда ненасытно хотел бы меня. - В ответ на удивленный взгляд Кейлин Нуала озорно хихикнула. - Кельты говорят откровенно, -

сказала она.

- Мне нечего подать старухе, - вздохнула Кейлин. - Если бы не твоя бабушка, у меня вообще ничего бы не было, кроме туники, в которой я пришла сюда. Впрочем, кое-какие драгоценности у меня остались: гранатовые сережки в ушах и золотая с эмалью брошь, которую я приколола на празднике костров. Ты можешь пойти, Нуала, и узнать свою судьбу. А я послушаю.

- Дай ей горшочек с бальзамом, который я научила тебя делать, - сказала Нуала. - Этого вполне достаточно, уверяю. Мы пойдем вместе, но я войду первой и дам ей эту булавку из бронзы с эмалью. Это очень щедрый подарок, но она мне больше не нравится.

Сестры приблизились к навесу. Старуха выглядела древним изваянием. Когда они вошли, она внимательно посмотрела на них своими черными глазами. «Она похожа на черепаху, греющуюся на скале ранней весной», - подумала Кейлин.

- Входите, входите, красавицы, - приветствовала их цыганка, посмеиваясь. - Хотите, чтобы старая Гранни предсказала вам судьбу? - Она улыбнулась им беззубой улыбкой.

Нуала протянула ей булавку, и старуха взяла ее, внимательно разглядывая и удовлетворенно кивая головой.

- Никто не умеет лучше вас, кельтов, работать с эмалью, - сказала она восхищенно. - Дай мне твою руку, девочка. Я посмотрю, какая жизнь уготовлена тебе. - Посмеиваясь, она взяла руку Нуалы и начала пристально всматриваться. - А-а-а-а! - сказала она и снова посмотрела:

- Да! Да!

- Что там? - воскликнула Нуала. - Что ты видишь, старая?

- Сильного, красивого мужчину, моя девочка, и не одного. Ты будешь женой дважды. У тебя будет много детей и внуков. Да! Ты проживешь долгую жизнь, детка, правда, не всегда легкую, но ты не будешь несчастной. - Цыганка отпустила руку Нуалы.

- Два мужа? - Нуала выглядела озадаченной, а затем рассмеялась:

- Ну что же, если недостаточно одного, я буду счастлива иметь другого! И много детей, говоришь? Ты уверена?

Старуха утвердительно кивнула.

- Ну что же, - сказала Нуала, - это хорошая судьба, и я довольна. Что может быть лучше для девушки, чем замужество и дети? - Она подтолкнула Кейлин вперед. - Теперь предскажи будущее моей кузине! Оно должно быть по крайней мере не хуже моего. Дай ей бальзам, Кейлин! - закончила Нуала нетерпеливо.

Кейлин протянула цыганке маленький каменный горшочек с бальзамом. Та взяла ладонь девушки и внимательно посмотрела на нее.

- Недавно ты избежала смерти, - начала предсказательница. - Тебе придется избегать ее не раз, девочка, в течение жизни. - Она посмотрела в лицо Кейлин, и девушка задрожала. Цыганка опять взглянула на ее руку. - Я вижу мужчину, и не одного. - Она покачала головой. - Золотую башню. Ой, как все перепуталось здесь! Я ничего не могу разобрать. - Она выпустила руку Кейлин. - Я не могу предсказать твое будущее, детка. Извини. Возьми назад свой бальзам.

- Нет, - ответила Кейлин. - Оставь его у себя, но скажи мне только одну вещь, старуха. Потеряю ли я вскоре любимого мной человека?

Цыганка снова взяла руку Кейлин и ответила:

- Недавно ты потеряла нескольких человек, любимых тобой, детка. Да, твою связь с прошлой жизнью скоро оборвет смерть. Прости меня...

- Не извиняйся, - сказала Кейлин. - Ты только подтвердила то, что говорит мне мой внутренний голос. Пусть твои боги хранят тебя. - Она повернулась и вышла, Нуала последовала за ней.

- Это Бренна, да? - спросила Нуала. Кейлин кивнула.

- Я пытаюсь не показывать виду ради нее, - сказала она. - В моем присутствии все притворяются, что ничего не замечают, но все мы знаем, даже бабушка. Она была со мной всю мою жизнь. Она спасла меня от смерти и отвела в безопасное место. Я так хочу, чтобы она выздоровела и жила еще много лет, но это невозможно, Нуала. Она умирает постепенно, и при всей моей любви к ней я ничем не могу ей помочь.

Нуала успокаивающе обняла кузину за плечи и погладила ее.

- Смерть - это только переход между этой и следующей жизнью, Кейлин. Ты знаешь это. Тогда почему ты уже горюешь, хотя Бренна сделала только первый шаг?

- Я горюю, потому что не могу сделать даже этого шага, Нуала. Я остаюсь одна по эту сторону двери, в то время как моя семья находится по другую сторону. Я потеряла родителей и братьев!

Нуале нечем было утешить Кейлин, поэтому она промолчала. Она жила в семье и с трудом могла представить, что значит не иметь ее; едва вообразив такое, она готова была заплакать. Пытаясь отвлечься, она предложила:

- Пойдем посмотрим состязания в беге. Мой брат Корио бегают очень быстро. Юноши из других деревень безуспешно пытаются победить его.

- И не могут? - спросила Кейлин с легкой улыбкой. Любовь Нуалы к своему брату граничила с поклонением.

- Никто не может победить Корио, - гордо настаивала Нуала.

- Я могу! - послышался юный голос, и, повернувшись, кузины увидели красивого молодого человека с темными волосами, стянутыми сзади кожаным ремнем.

- Хвастливый Бодвок, - усмехнулась Нуала, - ты не смог превзойти моего брата на прошлом празднике Лага. Почему ты решил, что сможешь быть лучше его сейчас?

- Потому что в этом году я сильнее, чем в прошлом, - сказал Бодвок, - и когда я стану победителем в состязании, Нуала, в награду ты поцелуешь меня.

- Ни за что! - негодуя заявила она, покраснев, но Кейлин заметила, что ее возмущение на самом деле не такое искреннее, как Нуала хотела представить.

Бодвок обаятельно улыбнулся.

- Ну, посмотрим, - сказал он и отошел к другим юношам, готовящимся к забегу.

- Кто он? - спросила Кейлин.

- Это Бодвок. Его отец Карвилиус - глава одной из деревень нашего деда. Твоя мать должна была выйти замуж за Карвилиуса, но когда вместо него выбрала твоего отца, он женился на катувеллонке. Бодвок - последний из их детей.

- Ты нравишься Бодвоку, Нуала, - подзадорила Кейлин свою младшую кузину. Нуала хихикнула.

- Это верно, - согласилась она. И прибавила:

- Он красивый.

- И, я думаю, ужасно хочет тебя, - сказала Кейлин. - Он может стать твоим первым мужем.

- О, не говори никому о том, что цыганка предсказала мне двух мужей, - попросила Нуала. - Ни один мужчина не захочет иметь со мной дела, если будет думать, что это укоротит его жизнь. Тогда я умру старой девой.

- Не скажу, - пообещала Кейлин. - Однако пойдем посмотрим состязание и увидим, должна ли ты Бодвоку поцелуй.

Никто не верил, что кто-нибудь победит Корио, но, к всеобщему удивлению, на этот раз Бодвок финишировал на целую ногу впереди чемпиона. В кожаных сандалиях, с влажной от пота мускулистой грудью, он подошел широким шагом к удивленной Нуале.

- Ты должна мне поцелуй, Нуала с голубыми-голубыми глазами, - сказал он тихо, и широкая улыбка озарила его красивое лицо.

- Почему это я должна целовать мужчину, победившего моего любимого брата? - спросила она, затаив дыхание и чувствуя слабость в коленках. Он был так... так великолепен!

Бодвок не согласился с ней. Он подошел, прижал к себе Нуалу и наклонился, чтобы поцеловать ее. Нуала глубоко вздохнула и обмякла, почувствовав, как его губы прижались к ее губам. Она чуть не упала, когда он нежно освободил ее от своих объятий. Девушка выпрямилась. Ее обычно бледное лицо стало краснее, чем у всех наблюдавших за этой сценой бегунов, включая хохотавшего брата.

- Нуала? - произнесла Кейлин низким голосом. Голос кузины привел Нуалу в чувство. Отступив, она изо всей силы ударила Бодвока.

- Я не говорила, что разрешаю целовать меня, дурак! - крикнула она и убежала.

- Она любит меня! - воскликнул Бодвок и по вернулся к Корио:

- Скажи своему отцу, что я хочу взять в жены Нуалу! - выпалил он и поспешил вдогонку да убегающей девушкой.

Толпа разошлась. Кейлин посмотрела на Корио, - Она хочет быть с ним?

- Бодвок нравится Нуале уже несколько лет, а теперь не четырнадцать. Возраст вполне подходящий, чтобы стать женой. Они хорошая пара. Ему восемнадцать лет, и он крепкий

парень. У них родятся красивые дети, Кейлин. Теперь нам надо найти мужа и для тебя, кузина. Не думаю, что ты можешь считать меня подходящим претендентом, верно? – Какое-то мгновение он с надеждой смотрел в ее глаза, и Кейлин ощутила, к своему удивлению, что ее кузен Корио испытывает к ней чувства, которые, если поощрить их, могут перерасти в любовь.

– О, Корио! – воскликнула она и взяла его за руку. – Я люблю тебя, но моя любовь – это любовь сестры к брату. Не думаю, что когда-нибудь она станет чем-то большим. – Кейлин обняла его. – В этот период моей жизни мне больше нужен друг, а не муж. Будь моим другом.

– Такой красивой девушки я никогда не видел, а она хочет стать только другом, – сказал Корио печально. – Я, наверное, прогневал богов, и поэтому они ниспослали мне такое несчастье.

– Ты самый милый брат, – рассмеялась Кейлин, – и я совсем не переживаю за тебя. Твоя дорога усеяна разбитыми сердцами!

В этот вечер Кейлин получила представление о предках добунни. Ее дед встал перед собранием всех добунни в своем зале и начал рассказывать историю кельтского племени. Рядом с ним играл молодой музыкант, мелодия, в зависимости от рассказа, звучала то нежно, то неистово. Сира и Маеве суетились в зале, следя за тем, чтобы гостям было удобно, а младшая жена Берикоса Бриджит гордо сидела на возвышении у всех на виду.

Прожив три месяца среди добунни, Кейлин редко видела Бриджит и никогда не разговаривала с ней. Бриджит была красива холодной красотой, у нее была безупречная мраморная кожа, серебристые глаза и черные-черные волосы. Она держалась в стороне, считая, что ей ничего не надо, кроме покровительства ее пожилого мужа.

– А когда он умрет, что с ней будет? – как-то спросила Сира.

– Она найдет другого старого дурака, – сухо ответила Маеве. – Ни один молодой мужчина не возьмет ее, ведь у нее нет сердца. А какой-нибудь старик может обмануться, решив, что ему будут завидовать, поскольку он обладает такой красивой молодой женой.

...Через несколько дней после праздника Лага собрали последний урожай. В садах сняли яблоки и груши. Поля вспахали и засеяли озимой пшеницей. Кенлин выкопала морковь, репу и лук для зимних заготовок.

– Капусту оставь. – посоветовала Сира. – Пока нет опасности сильных морозов, в огороде ей будет лучше. А чечевицу всю надо собрать, детка. Я хочу сама посушить ее и положить на хранение.

– Присмотри за Кейлин, когда меня не станет, – сказала Бренна Сире как-то днем. – Все, кого она любила, покинули ее. Она храбрая девочка, но я слышу, как она плачет по ночам, думая, что я сплю. Она очень страдает.

– А почему не Маеве? – спросила Сира. – Она ведь твоя сестра.

– Маеве все еще сходит с ума по Берикосу, – ответила Бренна, – и, кроме того, Кейлин все время проводит тобой, Сира. Она относится к Маеве с уважением, но доверяет и любит тебя. Обещан, что присмотришь за ней, моя дорогая старая подруга. Мое время уходит с каждым часом, но я не могу спокойно покинуть этот мир, пока не буду уверена, что у Кейлин есть хороший друг и защитник.

– Когда ты уйдешь через врата смерти, я буду опекать Кейлин как собственную внучку, –

пообещала ей Сира. - Клянусь Лагом, Дану и Махой. Можешь спать спокойно, я сдержу свое слово.

- Я верю, - сказала Бренна с явным облегчением. Бренна умерла в канун Нового года, через шесть месяцев после ранения. Она легла спать и не проснулась на следующее утро. Кейлин вместе с Сирой и Маеве обмыли тело и приготовили его для погребения. Кейлин и ее бабушка почти ничего не имели. Однако рядом с телом Бренны уложили разрисованные горшочки и бронзовые сосуды для еды и питья, немного ювелирных изделий, мех, одежду и другие вещи, которые нужны женщине согласно обычаю, учитывая, что она должна быть похоронена, как подобает жене вождя.

Бренну похоронили за несколько часов до захода солнца, когда должен был начаться Новый год. Музыкант играл печальную мелодию, в то время как присутствующие медленно шли за телом. Берикос сопровождал свою жену к месту ее последнего успокоения вместе с другими членами семьи. Даже Бриджит присутствовала среди официальных плакальщиц. Как всегда, она старалась быть в центре внимания Берикоса.

- Неужели Бренна не могла подождать наступления Нового года? - ныла она на ухо мужу.

- Мне кажется вполне нормальным, что Бренна выбрала этот последний день года, чтобы закончить свое существование здесь и уйти через врата смерти, - резко ответил Берикос.

- А праздник сегодня вечером накрылся крышкой гроба, - сказала Бриджит.

Сира видела, что происходит, но не могла вмешаться. Кейлин повернулась и встала прямо перед Бриджит, не давая ей двигаться дальше.

- Как ты смеешь так непочтительно говорить на похоронах моей бабушки? - спросила она. - Так катувеллони учат своих дочерей вести себя? Моя бабушка была добродетельной и порядочной женщиной. Все, кто был с ней знаком, уважали ее. А ты заботишься только о себе и своих желаниях!

- Кто эта... эта девчонка? - сердито спросила Бриджит мужа.

- Моя внучка Кейлин, - ответил он. - Внучка Бренны.

- А, беспородная сучка! - усмехнулась Бриджит.

- Я не беспородная! - гордо заявила Кейлин. - Я британка. Не думай, что твоя кровь такая чистая, Бриджит из племени катувеллони. Мне рассказывали, что легионеры распахали немало борозд у женщин вашего племени. Твой римский нос выдает тебя. Удивляюсь, что мой дед не заметил этого, хотя он так одержим своей страстью к тебе, что ничего не видит, кроме пары больших сисек и крепких ягодич.

- Ты позволяешь ей говорить со мной таким тоном, Берикос?! - воскликнула Бриджит, покраснев от возмущения.

- Она права, Бриджит. Ты непочтительна к смерти, а я одержим страстью к тебе, - ответил Берикос, усмехнувшись.

- Ее следует наказать! - настаивала Бриджит.

- У тебя хватит храбрости попытаться, катувеллонка? - парировала Кейлин. - Нет, не хватит!

Ты прячешься за спину моего деда и хнычешь, когда что-то не выходит по-твоему. Все знают, кто ты – игрушка для безрассудного старика, чья страсть сделала его посмешищем. Что ты будешь делать, Бриджит из племени катувеллони, когда Берикос сам помрет? Найдешь другого старика, чтобы соблазнить его своей юностью и смазливой мордашкой? Но твоя молодость не вечна!

Лицо Берикоса потемнело от гнева.

– Замолчи, Кейлин! – приказал он. – Я полагал, что сегодня мы пришли похоронить Бренну, а я слышу ее голос из твоих уст. Как будто это она укоряет меня. Ты говоришь об уважении, а где же твое уважение к Бренне, если ты вот так прерываешь ее похороны? А сейчас успокойся, девчонка! Сегодня я не хочу больше слышать ни одного твоего слова.

Кейлин посмотрела на него вызывающе, но промолчала. Бриджит, однако, разразилась слезами и убежала, а обе ее служанки последовали за ней.

– Только боги знают, чего мне это стоит, – сквозь зубы проворчал Берикос, обращаясь к Сире и Маеве. – Может быть, мне наказать девчонку?

– Гнев Кейлин – это отражение ее боли, Берикос, – мудро заметила Сира. – Вспомни, всего шесть месяцев назад вся ее семья была жестоко, предательски истреблена. Только Бренна уцелела, и Кейлин жила ради Бренны. Она так заботилась о ней.

– Кейлин считала, что моя сестра – это все, что у нее осталось, – добавила Маеве. – Теперь Бренна тоже ушла. Кейлин удручена одиночеством. Каина была хорошей женой и матерью. Они жили дружной семьей.

– Да, – сказала Сира. – Подумай, Берикос, как бы ты себя чувствовал, если бы все, кого ты любишь и кем дорожишь, вдруг исчезли и ты остался один? Для Кейлин никто никогда не заменит тех, кого она потеряла, но мы должны помочь ей смириться со своей судьбой и начать новую жизнь.

– Девчонке следует научиться придерживать свой язык, – ответил Берикос, все еще уязвленный грубыми словами внучки. – Ты должна лучше обучить ее манерам добунни. В следующий раз я накажу ее, – пригрозил он, посмотрев туда, где на некотором расстоянии от них, у могилы Бренны, стояла скорбная фигура девушки. Затем Берикос покинул обеих жен, направившись в зал, где вскоре должен был начаться праздник Нового года.

Сира в отчаянии покачала головой.

– Они так похожи, – сказала она. – Кейлин может быть такой же прямолинейной, как Бренна, но упряма, как Берикос. Они опять столкнутся, можешь не сомневаться.

– А Бриджит попытается как-нибудь отомстить, – беспокоилась Маеве. – Еще ни разу не бывало так, чтобы ее публично оскорбили и чтобы при этом Берикос не защитил ее, показав явное пренебрежение.

В этот вечер Кейлин помогала Сире готовиться к Новому году. Бриджит, учитывая положение мужа, оделась с особой тщательностью. Ее алая туника была вышита золотом у ворота и на рукавах. На тонкой шее красовалось изящное золотое ожерелье, отделанное филигранью и покрытое красной эмалью. В ушах – жемчужные серьги. Длинные черные волосы распущены и схвачены вокруг лба лентой, украшенной золотом и жемчугами. Она следила за своей противницей, обдумывая план мести. Все, что приходило ей в голову, не устраивало ее.

Очевидно, момент неподходящий, но, когда он придет, она, конечно, будет знать, что делать. А пока она привяжет к себе Берикоса так крепко, что он будет согласен со всем, что бы она ни пожелала, и тогда наступит время для мести.

Берикос, стараясь умаслить свою молодую жену, сказал:

- Я хочу поделиться с тобой секретом, Бриджит. - Он наклонился к ней поближе и почувствовал возбуждающий аромат, который исходил от нее.

- Расскажи мне, - шепнула она, соблазнительно надув красные губки, - а потом я открою тебе свой секрет.

- Я послал в Саксонию за воином, чтобы он приехал и поучил наших мужчин военному искусству, которое они подзабыли. Если все произойдет так, как я задумал, следующим летом мы сможем вернуть земли добунни, захваченные римлянами. Легионы ушли и больше не вернуться, а после них остались только крестьяне да толстые торговцы. Мы уничтожим их. Они думают, кельтские племена поставлены на колени, но мы докажем им, что это не так, Бриджит. Мы вернем все, что нам принадлежит, мечом и огнем! Наш успех вдохновит других вернуть свои земли. Британия снова будет нашей. Все будет как в старые времена, моя красавица. А что ты мне скажешь?

- Помнишь цыган, которые приходили на праздник Лага? Так вот, одна моя служанка узнала от них секрет, как доставить тебе такое удовольствие, о котором ты никогда не мечтал, мой господин. - Ее голос затих, а его сердце учащенно забилося. - Все это время я старалась в совершенстве научиться этому приему и наконец овладела им. Этой ночью я покажу тебе. Не пей лишнего, Берикос, или мои усилия пропадут даром. - И она призывно облизнула губы. Он отодвинул бокал в сторону.

- Пойдем сейчас, - сказал он.

- Но если ты уйдешь, праздник может закончиться, - слабо запротестовала она. - Еще рано, Берикос. Давай немного подождем, прошу тебя.

- Новогодние костры догорели, - ответил он. - Однако мой костер горячо пылает для тебя, Бриджит, жена моя.

- Не торопись, мой господин. - Бриджит победно улыбнулась. - Не лучше ли немного подождать? - Она крепко поцеловала его в губы.

- Сегодня днем моя внучка намекнула мне, что я уже не юноша, - мрачно заметил Берикос. Он встал и потянул Бриджит за собой:

- Пойдем! Ночь близится к концу.

Они покинули зал, и Сира с горечью улыбнулась:

- Бриджит напоминает нам еще раз, кто управляет старым жеребцом, ведущим за собой это стадо.

- Интересно, что она сделала, чтобы заставить его уйти так рано? - спросила Маеве.

- Предложила поиграть в любовные игры, можешь не сомневаться, - ответила Сира. - У него всегда был зверский аппетит на женскую плоть. Желание у него, конечно, большое, но что он

может сделать со своим возрастом?

- В тебе говорит ревность, - изумилась Маеве.

- А в тебе? - сказала Сира. - Я, может быть, считаюсь старой женщиной в силу моих лет, но почему бы моим желанием не быть такими же горячими, как у Берикоса? Я бы не возражала, если бы он пришел в мою постель сейчас или потом. Он всегда был хорошим любовником.

- Да, был, - согласилась Маеве. - А сейчас, поскольку мы постарели, никто нами не восхищается и не попросит разрешения Берикоса разделить с нами постель. Так одиноко!

- Вспомни, когда мы были помоложе, - сказала Сира, - Берикос так гордился тем, что другие мужчины, приезжавшие с визитом, желали его жен. Ему всегда доставляло огромное удовольствие проявлять свое гостеприимство в наших постелях. Но и он имел свою долю у прибывших женщин. Помнишь, как трое вождей из соседних племен приехали заключать договор и прельстились нами? Маеве засмеялась, вспоминая:

- Да! Они прибыли одни, чтобы никто не знал об их приезде. Берикос постарался предложить нас, а сам остался без пары на ночь. У Бренны скоро должна была появиться Каина, и она не могла быть с ним. А остальные женщины были его родственницами. О, как давно это было!

- Да, очень давно, - подтвердила Сира. - Старые обычаи отмирают, сейчас мужчины не хотят делить с кем-либо своих женщин, как раньше. Это плохо, не правда ли? Можно предохраниться от нежелательной беременности, однако ребенок от благородного мужчины всегда считался даром Божьим. Должна признать, что теперь редко появляется возможность получить удовольствие от разнообразия.

С приближением зимы дни становились короче. Солнце вставало позже, а садилось, если сравнивать с летом, примерно в середине дня. Сира и Маеве решили навестить своих сыновей и внуков в других деревнях, прежде чем выпадет снег. Когда они собрались в деревню, где жила семья Бодвока, к ним присоединилась Нуала.

- Ты идешь только потому, что там сможешь переспать с ним, - поддразнивала Кейлин свою кузину. - Ты что, хочешь занять большой живот до будущего праздника костров? (Праздник костров был традиционным временем бракосочетаний среди кельтских племен.) - Если у меня появится большой живот и мы в конце концов поженимся, больше всех будет рад Бодвок и его семья. Они поймут, что я плодородное поле, а у Бодвока хорошие семена. У наших людей, Кейлин, это не считается позором. У британцев не так, верно? Твоя кровь перемешана, но я думала, ты последуешь обычаям добунни.

- Мы соблюдаем многие обычаи кельтских народов, Нуала, - сказала Кейлин, - но у римлян девушки вступают на брачное ложе девственницами. Кажется, британцы также придерживаются этого обычая.

- Жаль, - заметила Нуала. - Как же можно доставить удовольствие своему мужу, если не знаешь, как это делается? - Затем ее голубые глаза расширились от неожиданного открытия. - У тебя никогда не было мужчины, Кейлин? - спросила она, потрясенная. - Даже Корио? О, когда я вернусь от Бодвока, я найду способ убрать пробел в твоём образовании, дорогая кузина. Конечно, очень хорошо уметь читать, но женщина должна знать намного больше, чтобы доставить удовольствие мужчине в постели.

- Не думаю, что мне хочется спать с женщиной, - заявила Кейлин.

- Весной тебе исполнится шестнадцать, кузина, - сказала Нуала. - Я расскажу тебе все, что надо знать, а потом мы найдем хорошего мужчину для практики. Бодвок вполне подойдет!

- Но ты же собираешься выйти замуж за Бодвока! - возбужденно воскликнула Кейлин.

- Я не ревнива. К тому же ты не любишь его. Он изумительный любовник, Кейлин. Просто превосходный для первого раза! Уверена, он будет счастлив помочь нам в этом деле.

- Не знаю, смогу ли я сделать это, Нуала. Я воспитывалась не так свободно, как ты. Это не по мне, - сказала Кейлин.

- Когда двое по взаимному согласию занимаются любовью, мы не считаем это чем-то плохим, - пояснила Нуала. - Нет вреда в том, чтобы давать и получать удовольствие. Твоя мать, конечно, была уже не девственницей, когда выходила замуж за твоего отца. - Она похлопала по плечу свою явно огорченную кузину. - Мы поговорим с тобой об этом, когда я вернусь из деревни Карвилиуса.

Мать Кейлин никогда не говорила ей такие вещи. И Бренна никогда не рассказывала об этом. В то время как многие девушки ее возраста, и даже моложе, вели разговоры о тайнствах любви, Кейлин не проявляла особого любопытства. Ни один мужчина не был для нее достаточно привлекательным, чтобы возбудить ее интерес. Она выросла, у нее появились маленькие упругие груди два года назад, но она никогда не считала, что должна вести жизнь взрослой женщины. И вот теперь оказалось, что должна.

Сира и Маеве проявили особое старание в поисках мужа для нее. Их цель была известна: ей нужен защитник. Берикос едва терпит Кейлин и при первой возможности постарается избавиться от нее. У Кейлин больше нет семьи. Правда, Сира и Маеве присматривали за ней, но мало ли что может случиться в их отсутствие?

- Держись подальше от деда, когда мы уйдем, - предупреждала Сира в день отъезда. - Бриджит все еще хочет отомстить тебе, и она попытается, особенно когда здесь никого не будет, чтобы защитить тебя. Ты уверена, что не хочешь пойти с нами, детка? Тебя с радостью встретят.

Кейлин покачала головой:

- Вы так добры, но мне надо побыть наедине со своими мыслями. У меня не было времени с той поры, как я появилась здесь. Я постараюсь не попадаться на глаза Берикосу, обещаю тебе. Сира. Я не хочу, чтобы он отрекся от меня, как от моей матери. Она по крайней мере ушла к моему отцу, а мне куда идти?

- Не беспокойся, рабы заготовили ему мясо впрок, они хорошие работники. У тебя не будет проблем с готовкой. Желудок и член - вот главное в его жизни сейчас. Ты позаботишься о желудке, а Бриджит - об остальном, - наставляла ее Сира с брезгливым выражением лица.

Кейлин засмеялась:

- Если бы Берикос услышал тебя, он сказал бы, что ты говоришь, как Бренна. Я уверена. Не беспокойся, я буду следить за рабами как надо.

Два дня все шло хорошо, а утром третьего дня в зал вошла возбужденная Бриджит.

- Где Сира? - спросила она у Кейлин, которая в одиночестве работала за ткацким станком.

- Ушла два дня назад навестить своих сыновей, - вежливо ответила Кейлин. - Разве вы не знали, госпожа?

- Знала? Откуда мне знать? Кто-нибудь говорил мне об этом? - возмущалась Бриджит. - Тогда Маеве! Найди Маеве! - потребовала она возбужденно.

- Маеве тоже ушла, - ответила Кейлин.

- О боги! Что мне делать? - вскричала Бриджит. Кейлин с трудом сдерживалась. Казалось, Бриджит искренне расстроилась. Неожиданно для самой себя Кейлин услышала свой голос:

- Могу я чем-нибудь помочь, госпожа? Голубые глаза Бриджит сузились, и она, задумавшись, посмотрела на Кейлин.

- Ты умеешь стряпать? - спросила она наконец. - Можешь приготовить небольшой праздничный стол сегодня вечером? Берикос принимает важного гостя. Мы должны быть особенно гостеприимны. - Она покраснела и затем призналась:

- Я не умею стряпать, во всяком случае, не могу приготовить нужные блюда.

- Я хорошо готовлю и с помощью рабов подам ужин, достойный важного гостя, госпожа, - сказала Кейлин.

- Тогда сделай это! - жестко приказала Бриджит. - И получше, сучка, или в этот раз я скажу твоему деду, чтобы он наказал тебя за твою наглость. Сейчас никто не защитит тебя. - Она повернулась и поспешно вышла из зала, шурша полами своего желтого платья.

«Мне надо было уйти с Сирой и Масве, - подумала Кейлин. - Тогда бы ей не поздоровилось. Можно представить, что в этом случае подумал бы Берикос о своей красивой молодой жене! Неблагодарная сука! Я, конечно, все сделаю, но только ради Сиры, она так добра ко мне».

Кейлин поспешила на кухню, которая располагалась сразу за залом, дала указания слугам приготовить густую похлебку из чечевицы с бараниной и стала наблюдать, как рядом на вертеле на медленном огне жарится говядина. На углях тушились капуста, репа и лук. Свежие булочки, испеченные днем, были хороши с маслом и сыром. Кейлин вытерла до блеска дюжину яблок и красиво уложила их в отполированную медную вазу. В зале она поставила их на стол для гостей, похвалив юную рабыню, которая только что закончила натирать его воском. Огромный стол был гордостью и радостью Сиры. Она упивалась тем, что в других залах столы изношенные и исцарапанные ножами и бокалами, а в ее зале стол сиял как новый. Рабыня принесла тяжелые медные подсвечники.

- Хозяйка всегда ставит их для важных гостей, - сказала она.

Кейлин поблагодарила девочку и поставила подсвечники на стол. Затем взяла у служанки большие толстые свечи и осторожно насадила их на металлические шипы. Потом отошла и улыбнулась. Стол выглядел так, как будто его накрывала Сира. У Берикоса не будет причин для недовольства.

Внезапно Кейлин ощутила, что кто-то наблюдает за ней. Она обернулась и, оглядев зал, увидела высокого мужчину. Даже на расстоянии Кейлин поймала его дерзкий взгляд.

- Кто это? - спросила она рабыню.

- Это гость вашего деда, - прошептала девочка. - Саксонец.

Кейлин повернулась и спустилась с помоста. Не торопясь, она подошла к мужчине.

- Что я могу сделать для вас, господин? - вежливо спросила она, даже не подумав, говорит ли он на латыни.

- Я хотел бы попросить разрешения посидеть у вашего огня, госпожа, - последовал ответ. - День сегодня холодный, а мне пришлось проделать длинный путь.

- Конечно, идите к огню, - ответила Кейлин. - Я принесу вам бокал вина, хотя вы, наверное, предпочитаете пиво.

- Благодарю за вино, госпожа. Могу я спросить, с кем имею честь разговаривать? Я не хотел бы никого обидеть в этом доме.

- Я Кейлин Друзас. Извините за столь скромный прием, но госпожа Сира, хозяйка этого дома, отправилась навестить своих внуков до того, как выпадет снег. Мы не знали о вашем приезде, иначе она бы не уехала. Хорошо ли позаботились о вашей лошади, господин? - Кейлин налила немного вина в серебряный бокал, украшенный темно-зелеными агатами, и протянула его огромному саксонцу. Раньше она никогда не видела таких больших мужчин. Он был даже больше, чем кельты, которых она знала. Его одеяние отличалось от привычной ей одежды: красные штаны и темно-синяя туника, из которой его грудь грозила вырваться наружу при каждом вдохе.

- Благодарю вас, о моей лошади позаботились слуги вашего деда. - Он осушил бокал и вернул его с ослепительной улыбкой. У него были крупные, изумительно белые зубы.

- Еще? - вежливо спросила девушка. «Ах, какие у него красивые золотистые волосы», - подумала она. Прежде Кейлин никогда не видела волос такого цвета.

- Нет, пока достаточно. Благодарю вас. - Ослепительно синие глаза, синие, как летнее небо, смотрели на нее. Кейлин покраснела. Этот человек тревожил ее.

- Вульф Айронфист, - представился он.

- Ваше имя звучит очень грозно, господин, - ответила она. Он по-мальчишески усмехнулся.

- Меня начали так звать, когда я был еще подростком, потому что мог разбивать орехи одним ударом кулака, - сказал он посмеиваясь. - Позже, однако, я получил другое имя, когда вступил в легионы цезаря в Рейнских землях, где я родился.

- Вот почему вы говорите на нашем языке! - вырвалось у Кейлин, и она опять покраснела. - Простите, я слишком несдержанна, - смутилась она.

- Нет, - сказал он. - Вы прямолинейны и честны. В этом нет ничего неприличного, Кейлин Друзас. Мне это нравится.

Ее щеки запылали, когда его губы произнесли ее имя, но любопытство было сильнее застенчивости.

- Зачем вы приехали в Британию? - спросила она.

- Мне сказали, в Британии есть перспектива. Земля! На моей родине остался никем не

востребованный небольшой участок. Я провел десять лет в легионах, а теперь хотел бы осесть, заняться земледелием на своей собственной земле и растить детей.

- Вы женаты?

- Нет. Сначала земля, а потом жена или две, - заявил он, не скрывая своей практичности.

Кейлин застенчиво улыбнулась и подумала, что саксонец - самый красивый мужчина, которого она когда-либо видела. Затем, вспомнив о своих обязанностях, она сказала:

- Вы должны извинить меня, господин. Так как госпожа Сира ушла, кухня поручена мне. Мой дед очень беспокоится по поводу еды и любит ее с пылу с жару. Оставайтесь у огня и устраивайтесь поудобнее. Я послала за Берикосом, чтобы сообщить ему о вашем прибытии.

- Благодарю вас за доброту и гостеприимство, госпожа. Кейлин поспешила из зала и послала первую попавшуюся служанку за хозяином. Затем вернулась на кухню проследить за последними приготовлениями к обеду, попросила приготовить кувшины с вином, пивом и медом для вечернего застолья. Она попробовала похлебку и приказала повару добавить еще немного чеснока. Говядина шипела на огне, издавая аппетитный запах.

- Я послала человека к реке проверить сети, маленькая хозяйка, - сказала ей повариха. - Он обнаружил двух прекрасных жирных окуней. Я нафарширую их зеленым луком и петрушкой и зажарю на углях. Пусть будет лучше больше, чем меньше. Мне говорили, что саксонец-гигант долго путешествовал верхом. Думаю, он хочет есть.

- Этого хватит, Орна? - беспокоилась Кейлин. - Берикос разозлится, если решит, что мы не уважили гостя. Я никогда раньше не готовила для такой важной персоны и не хочу опозорить Сиру и всех добунни.

- Хватит, хватит, маленькая хозяйка, - успокоила девушку краснощекая повариха. - Вы приготовили ужин на славу. Прекрасная густая похлебка, говядина, рыба, овощи, хлеб, сыр и яблоки. Это очень хорошая еда.

- А окорок у нас есть? - громко поинтересовалась Кейлин и, когда пухлая Орна кивнула утвердительно, сказала:

- Тогда надо получше подать его. Да, и свари еще дюжину яиц. А груши! Я положу их с яблоками. И пожалуйста, позаботься, чтобы было побольше хлеба, Орна.

- Я прослежу за этим, - сказала Орна. - А теперь идите и наденьте свое самое лучшее платье, маленькая хозяйка. Вы намного красивее, чем катувеллонская женщина. Сегодня вечером вы должны сидеть за столом с вашим дедом на месте госпожи Сиры. Поспешите!

Глава 4

Кейлин оставила кухню и вернулась в зал. Сначала она не думала идти к деду и его гостю. С тех пор как Сира и Маеве уехали, Кейлин ела на кухне. Тем более Бриджит не понравится, если она появится в их компании в этот вечер, но пусть Бриджит катится ко всем чертям, решила Кейлин. Орна права. Она должна занять место Сиры. Кейлин поспешила в свою спальню, чтобы переодеться. К удивлению, там ее ожидал небольшой тазик с теплой водой. Она улыбнулась. Слуги, конечно, солидарны с ней в ее неприязни к Бриджит и выражали эту солидарность стремлением помочь ей затмить молодую жену Берикоса.

Кейлин сняла тунику и отложила ее в сторону. Открыв небольшой сундучок, она достала свое лучшее платье из светлой шерсти, окрашенной смесью вайды и краппа. Роскошный пурпурный цвет производил потрясающее впечатление. Ворот и манжеты рукавов были вышиты золотом и серебром. Сира дала ей это платье на праздник Лага, но Кейлин ни разу не надевала его. Она тщательно вымылась кусочком мыла с ароматом жимолости. Положив в сундучок тунику, которую она носила каждый день, Кейлин надела пурпурное платье поверх льняной рубашки. Корио сделал ей гребень из грушевого дерева. Кейлин улыбнулась, когда закалывала им копну своих густых рыжих локонов. Ее голову украшала скромная лента с жемчужинами и кусочками пурпурного кварца – подарок Маеве в день Лага.

Услышав голос деда, Кейлин поспешно покинула свою спальню и сделала знак слугам подавать еду. Она заняла свое место за столом, вежливо поклонившись Берикосу, который лишь слегка наклонил голову в ее сторону. Когда Бриджит открыла рот, чтобы выразить недовольство присутствием Кейлин, Берикос свирепо посмотрел на жену, и та заткнулась, так и не произнеся ни единого слова. Кейлин прикусила губы, чтобы не рассмеяться. Она понимала, это совсем не значит, что Берикос полюбил ее; просто старик достаточно умен и понимает, что Бриджит не может управлять слугами А Кейлин, он узнал от Сиры, может.

Бриджит села между мужем и его гостем. Она кокетничала с Вульфом Айронфистом, что, по ее мнению, должно было способствовать успешному выполнению планов Берикоса. Молодой саксонец отвечал вежливо и был весьма поражен женой хозяина. Он слышал, что кельты гостеприимный народ, но жена есть жена. То и дело его пристальный взгляд останавливался на Кейлин, молчаливо сидевшей по другую сторону от Берикоса. Она только иногда давала указания слугам и, он видел, очень хорошо управляла ими. Она будет хорошей женой кому-то. Почему-то ему показалось, что она еще не замужем. Кейлин выглядела такой невинной, чувствовалось, что она еще девушка.

Бриджит заметила, как красивый саксонец посматривает на внучку ее мужа. В ее голове стал созревать коварный план. Она так терпеливо выжидала несколько недель подходящего момента, чтобы отомстить Кейлин Друзас! Сейчас этот момент настал. Кейлин опозорила ее публично перед всей деревней, и, что хуже всего, Берикос отказался наказать девчонку. Как эти две старые вороны. Сира и Маеве, злорадствовали, защищая Кейлин от ее гнева, но сейчас они далеко. Бриджит ненавязчиво наполняла и наполняла бокал мужа, сначала густым красным вином, потом медовым. Берикос мог много выпить, но все же в последнее время стал сдавать.

На стол поставили дымящуюся горячую похлебку, говядину, ветчину и рыбу. Затем принесли тарелки с овощами, сыр и хлеб. В порыве великодушия Берикос одобрительно кивнул своей внучке. Не отставая от старика, саксонец ел и пил бокал за бокалом, пока наконец со стола не убрали еду и не начался серьезный деловой разговор.

– Если я обучу ваших юношей и поведу их, Берикос, что вы дадите мне со своей стороны? – спросил Вульф Айронфист. – После десяти лет в легионах я могу научить ваших кельтов воевать не хуже римлян. Римляне имеют самую лучшую в мире армию. Мои знания очень ценные. Я должен получить взамен не меньше.

– Что вы хотите? – проворчал старик.

– Землю, – последовал простой ответ. – Мне надоела война, но я сделаю это для вас, если вы дадите мне в собственность землю.

– Нет, – сказал Берикос. – Только не землю! Я хотел бы прогнать всех римлян и других

иноземцев из Британии, чтобы земля опять принадлежала моему народу. К чему же еще мне стремиться на старости лет?

- Единственными иноземцами в Британии сейчас являемся мы, саксонцы, - усмехнувшись, ответил Вульф Айронфист. - Истинные римляне давно ушли отсюда, а те, кого вы называете римлянами, на самом деле британцы, Берикос. Их кровь перемешана с такой же, как у вас, кельтской, и многие поколения уже больше не иноземцы. Если вы хотите стать королем этой страны, я помогу вам в обмен на землю и буду верен вам, но идея изгнать из Британии всех, в ком не чистая кельтская кровь, безрассудна и невыполнима.

- Но если я добьюсь успеха, - настаивал Берикос, - другие племена - катувеллоны, айсени, силюры - присоединятся ко мне. - В порыве он опрокинул бокал, но Бриджит быстро поставила и наполнила его. Берикос выпил.

- Нет, не присоединятся. Они привыкли к мирной жизни, - сказал саксонец. - Они не хотят войны. Вы продолжаете жить в другом веке, Берикос. Времена изменились, они меняются даже сейчас, когда мы сидим и беседуем. Теперь мы, саксонцы, проникаем в Британию. В следующие пятьдесят лет эта земля станет родиной для наших потомков. После нас придут другие люди, они также растворятся, смешаются с британцами и станут коренными жителями. Так устроен мир: одно племя завоевывает другое, смешивая кровь, - и появляется другой народ. Вы должны принимать это, потому что ничего не можете изменить, Берикос, как не можете изменить фазы Луны или времена года. Я обучу ваших кельтов военному искусству, вы станете самым сильным военачальником в этой стране, но за это вы должны дать мне в собственность землю. Может быть, я найду себе жену или даже двух среди ваших женщин. Это справедливое предложение, Берикос.

Берикос ничего не ответил саксонцу. Он сидел молча, размышляя про себя, никак не желая расставаться со своей мечтой. До сих пор никто, кроме Сиры, не осмеливался говорить ему, что его планы невыполнимы. Тогда не надо было посылать за саксонским воином, чтобы учить его людей сражаться, потому что кельты славились своей воинской доблестью. Однако сейчас он видел, что люди его племени растут изнеженными. Они с удовольствием обрабатывают земли, содержат коров и овец. Вот что Рим сделал с ними. Отнял у них мужество.

Он слышал, что в Ирландии кельты по-прежнему оставались настоящими мужчинами. Они жили, чтобы сражаться с врагами. Может быть, ему следовало послать за ирландцами, чтобы закаленные в боях воины повели за собой добунни. Он потянулся опять за бокалом и глотнул медового вина, которое подлила Бриджит. Оно оказалось крепким, обжигающим. Он выглядел усталым и озадаченным. Его катувеллонская родня со стороны жены проживала ближе к саксонскому берегу юго-восточной Британии. По его просьбе они нашли уважаемого воина среди саксонцев, и Вульф Айронфист прибыл с лучшими рекомендациями. Однако Берикоса не устраивало предложение саксонца.

Бриджит наклонилась и тихо прошептала мужу на ухо:

- Мы можем склонить саксонца на свою сторону, если наберемся терпения, господин. Давай предложим ему традиционное кельтское гостеприимство. Мы пошлем к нему красивую женщину согреть постель. Не настоящую добунни, а твою внучку, Кейлин Друзас. Мы не должны позволять ни одной из наших женщин смешивать свой сок с саксонским.

Кейлин не такая, как мы, не так ли, Берикос?

Он покачал головой и тихо пробормотал;

- Но какое удовольствие может доставить ему эта маленькая нечистокровная сучка? Она ведь девственница.

- Тем более ее следует отдать саксонцу. Право первой ночи считается особой привилегией у всех племен. Ты удостоишь чести саксонца, предоставив ему такое право с той, кто, по его мнению, одной крови с тобой.

Берикос хитро взглянул на молодую девушку, сидящую рядом с ним. Она, конечно, красива, подумал он с сожалением. Ее цветение неповторимо, и это особенно привлекает. Ничего, что она потеряет девственность. Скоро они найдут ей мужа, и Кейлин надо знать, как доставить удовольствие мужчине. Ни один мужчина не хочет иметь новобрачную, пугливую и неумелую в постели. Он повернулся к Вульффу Айронфисту:

- Мы уже достаточно поговорили на эту тему сегодня, мой юный друг. Не знаю, соглашусь ли я с тобой, но ты должен дать мне время подумать. Я не так стар, чтобы не менять свои убеждения, если надо. Давай поговорим об этом завтра утром. У нас есть обычай оказывать честь гостю, предоставляя ему одну из наших женщин, чтобы согреть постель. Я отдаю тебе мою внучку, Кейлин. Она разделит с тобой ложе в эту ночь, не возражаешь, девочка?

Если бы он ударил ее, Кейлин не была бы так удивлена. Затем она увидела улыбающуюся Бриджит и тотчас поняла, кто надумил старика на этот шаг. Ей хотелось только одного: отказаться и убежать. То, что требовал Берикос, - невыносимо. Но потом, когда разум возобладал над эмоциями, Кейлин поняла, что отказ не только взбесит деда, но и поставит его в затруднительное положение, как и всех добунни. За всю свою жизнь она никогда не чувствовала себя такой одинокой. Самодовольно улыбающаяся Бриджит придумала, конечно, прекрасную месть. Она знала, что в отличие от кельтов британцы римского происхождения сохраняли своих дочерей невинными до замужества. Вот почему муж, которого они собирались найти для нее, должен быть кельтом. Он не будет считать недостатком потерю девственности. У нее не осталось выбора.

- Ну что, девочка? - В голосе старика слышалась угроза.

- Как скажете, Берикос, - ответила она, глядя прямо в глаза старику, пока он сам не отвел взгляд. Никогда в своей жизни она не была так напугана, но Бриджит не должна знать об этом.

- Хорошо, хорошо, - проворчал он и повернулся к своей жене. - Пора ложиться спать, Бриджит. Пожелай нашему гостю доброй ночи. Я скоро приду к тебе.

Улыбаясь, Бриджит поднялась из-за стола.

- Доброй ночи, Вульф Айронфист. Желаю вам много удовольствий, - хихикнула она. - Я буду ждать тебя с нетерпением, мой господин, - обратилась она к Берикосу и с сияющей улыбкой поспешно вышла из зала.

- Иди к себе в постель, Кейлин, - приказал ей дед. - А мы с Вульфом Айронфистом выпьем по последнему бокалу вина, пока ты ждешь его.

Кейлин поднялась и не спеша вышла из-за стола. Она ни слова не сказала на прощание Берикосу и красавцу саксонцу, сидящему с ним рядом. Берикос, несомненно, пошлет юношу к ней в постель через некоторое время. Она не знала точно, каких правил надо придерживаться в подобном случае. Лучше промолчать.

В спальне Кейлин открыла маленький сундучок, сняла платье и аккуратно положила его рядом

с лентой. Надо ли снимать рубашку? Она понятия не имела об этом. Она никогда не видела родителей вместе в постели. Она абсолютно ничего не знала о том, что должно произойти между ней и Вульфом Айронфистом. Каина никогда не обсуждала с дочерью такие вещи. Поскольку Кейлин не собиралась выходить замуж, с ней не говорили об интимных отношениях между мужчиной и женщиной. Ее близнецы-братья тоже скрывали от нее это, как и родители.

Лучше, наконец решила Кейлин, вести себя скромно. Она не спеша сняла мягкие домашние туфли и, также положив их в сундучок, закрыла его. Затем забралась в постель, которая помещалась в стенной нише.

Недавно набитый смесью душистого сена, лаванды, вереска и лепестков роз, матрас был мягок и благоухал. Чехол сшили из плотного льняного полотна, а сверху застелили его тонкой мягкой льняной тканью. Ложе покрывало одеяло из рыжей лисицы, которое согревало в самую холодную, сырую погоду. В небольшой нише над головой горел маленький масляный светильник, освещая спальню. Кейлин сначала хотела уменьшить огонь, но потом решила оставить все как есть. Светильник заливал помещение мягким желтым светом. Ей нужна вся ее храбрость, чтобы встретить без страха то, ожидает ее впереди.

Вульфа Айронфиста проводила до спальни служанка. Усевшись на сундучок, он снял сапоги и аккуратно отставил их в сторону. Затем встал, снял тунику и штаны. Служанка, которая скрывалась в полумраке и видела его наготу, чуть не упала в обморок. За всю свою жизнь она никогда не встречала такого мужчину! У него были широченные плечи и спина. Когда он повернулся, взору служанки открылись сильные мускулистые руки и гладкая загорелая грудь. Его ноги были подобны стволам деревьев, огромные, хорошей формы, покрытые золотистым пушком. Ее широко раскрытые глаза скользнули по его торсу, как у Тантала, и ниже, к его мужскому сокровищу, и губы ее сложились в маленькое «o!..» от почтенного восхищения. Девушка молча удалилась, завидуя молодой хозяйке, которая, конечно, получит сегодня ночью большое наслаждение от любви саксонца.

Вульф Айронфист развязал кожаный ремешок, стягивавший сзади его длинные волосы, и белокурые пряди упали на плечи. Неяркий свет освещал спальню. Приблизившись к ложу, он откинул меховое покрывало и улегся в постель. На какое-то мгновение ему показалось, что он один, потому что Кейлин прижалась к дальней стенке, спиной к нему, и сначала он не заметил ее. Хотя он видел, как она скромна, он ожидал более теплого приема. Он не нужен ей? Или она просто застенчива? Повернувшись к ней лицом, он протянул руку и откинул ее прелестные локоны. Затем, наклонившись вперед, горячо поцеловал ее в обнаженную шею.

- Твоя кожа подобна шелку, - сказал он восхищенно и нежно погладил ее рукой.

Кейлин, только слегка затрепетавшая от прикосновения его губ, теперь вся задрожала. Вульф Айронфист понял - что-то с этой девушкой происходит. Почему она так дрожит? Он почувствовал, что на ней надета рубашка. Ему стало неловко, но он отбросил свои сомнения. Надо попробовать еще раз.

- Ты не сняла рубашку, - произнес он тихо. - Позволь мне помочь тебе.

- Я не знаю, надо ли, - последовал невнятный ответ, и ему показалось, что она еще дальше отодвинулась от него, хотя он знал, что дальше двигаться некуда.

- Мне говорили, что кельтские девушки празднуют день матери-Земли, - сказал он, расстегивая и снимая рубашку с ее съежившегося от страха тела. Он бросил, одежду на сундучок и снова повернулся к девушке. Ее фигура великолепна, а кожа изумительно

прекрасна. Он нежно коснулся пальцами ее плеча, она вздрогнула.

- Ты не хочешь разделить со мной свое ложе, Кейлин Друзас? - тихо спросил он. - Мне сказали, что таков обычай вашего народа. В чем дело?

- Я не так воспитана. У нас в роду позорно незамужней девушке спать с мужчиной, Вульф Айронфист, но я обязана повиноваться желаниям деда. Всего несколько месяцев назад я опрометчиво сказала Берикосу, что, как только моя бабушка уйдет из этой жизни в другую, я покину добунни, что смогу сама о себе позаботиться. На самом деле я не могу защитить себя и не имею представления, как это сделать. Поэтому я должна подчиняться приказам Берикоса. А он не особенно ласков со мной. - Под конец ее голос слегка задрожал.

- Ты не добунни? Что за черт? - удивился Вульф.

- Моя мать - ребенок его третьей жены - была единственной дочерью Берикоса, - объяснила Кейлин. - Ее имя Каина. Мне рассказывали, дед нежно любил ее, но отказался от нее, когда та вышла замуж за моего отца, чья семья берет начало от римского трибуна. Мне понравилось то, что ты сказал деду сегодня вечером о британцах. К сожалению, Берикос не понимает этого.

И Кейлин рассказала Вульфу Айронфисту, как она пришла в деревню Берикоса, как умерла ее бабушка несколько недель назад.

- Мне неплохо здесь, с народом моей матери. Они приветливы и добры ко мне. Но дед не может забыть, что в моих жилах течет и римская кровь, - закончила она.

- Госпожа Бриджит не любит тебя, - пронизательно заметил Вульф.

- Нет, не любит. Это она все подстроила, но у добунни действительно есть обычай предлагать важным гостям женщин на ночь. Бриджит думает таким образом убить одним ударом двух зайцев. Отомстить мне и повлиять на вас, чтобы помочь деду и заслужить его благосклонность.

- Что ты думаешь о его планах по поводу Британии? - спросил Вульф Айронфист. Ему понравилась эта красивая и, очевидно, умная девушка еще с того момента, когда он увидел ее днем с вазой блестящих яблок. Он не хотел причинять ей боль.

- Я думаю, вы правы, господин, и Берикос обманывает себя, - сказала Кейлин искренне. - Вы сможете ему?

- Повернись, Кейлин Друзас, и посмотри на меня. Трудно разговаривать с твоей спиной, - ответил Вульф. В его низком голосе прозвучал намек на усмешку, когда он обратился к ней.

- Не могу, - призналась Кейлин. - Вы обнажены, верно? Я никогда не видела мужчину обнаженным... совсем обнаженным, - поправилась она, вспоминая борцов, которые развлекали гостей на празднике либералии.

- Я закроюсь одеялом, - пообещал он. - Тебе будут видны только мои руки, плечи и голова. Ты тоже можешь плотно завернуться, чтобы было удобно. Я не хотел бы смущать тебя, Кейлин Друзас, но предпочитаю видеть твое милое лицо, когда мы разговариваем. Здесь полумрак, а то мне кажется, я разговариваю с каким-то духом, - пошутил он.

Она надолго задумалась, а потом сказала;

- Хорошо, но не смотрите на меня так внимательно. Я не могу справиться со смущением. Все

это совершенно ново для меня, хотя не так страшно, как я думала раньше. – Кейлин осторожно повернулась, прижав мех к своей груди. Он ободряюще улыбнулся, а она покраснела до корней своих темно-рыжих волос. – Так вы поможете Бернкосу? – повторила она, едва сдерживаясь, чтобы не разразиться слезами, потому что страх неожиданно вернулся при взгляде на него, и сердце ее бешено заколотилось.

На секунду он увидел блеск ее глаз. Они были похожи на влажные фиалки. Затем ее ресницы быстро опустились, как темные порхающие бабочки, на бледные щеки.

– Кажется, Берикоса не устраивает моя цена, – ответил Вульф Айронфист.

– Земля, – сказала Кейлин, и неожиданно ей в голову пришла великолепная идея. – Меня устраивает ваша цена, господин, а в обмен я попрошу у вас только две вещи. Думаю, вы убедитесь, что моя сделка лучше.

– Вы дадите мне землю за то, чтобы я обучил и возглавил добунни? – спросил он, обескураженный ее предложением.

Кейлин засмеялась:

– Нет. Вы правы относительно шансов добунни возратить кельтским племенам их бывшее могущество – шансов нет. Но я должна отомстить человеку, который организовал убийство моей семьи и убил бы меня, если бы не случайность. Земли семьи Друзаса Кориниума по праву принадлежат мне как единственному уцелевшему члену этой семьи. Одна я не смогу ничего сделать, чтобы утвердить свои права. Мой кузен Квинт Друзас найдет способ убить меня, чтобы удержать то, что он украл. Но вы могли бы убить Квинта Друзаса ради меня, Вульф Айронфист. И если вы женитесь на мне, мои земли станут вашими, не так ли? Это гораздо лучше того, что предлагает мой дед. – Кейлин закончила, удивленная собственной смелостью, сделав такое предложение. Возможно, только сейчас она поняла, как жить дальше без добунни.

– Ваши земли плодородны? Достаточно ли там воды? – спросил он, удивленный тем, что тоже подумал о таком варианте. Почему бы нет? Он хотел стать землевладельцем, и ему нужна жена. Замысел девушки – прекрасное решение проблем.

– Наши земли плодородны, – уверила она, – и воды достаточно. Есть хорошие поля под зерно и луга для выпаса коров и овец. А наши прекрасные сады! Вилла моего отца сгорела, но мы можем построить новый дом. Рабы, принадлежавшие моему отцу, также станут моими. Берикос должен преподнести нам щедрый свадебный подарок, так полагается. Сира и Маеве проследят, чтобы это была хорошая доля.

Вульф Айронфист не стал долго думать. Ее предложение превосходно, и только дурак мог отказаться от него.

– Я согласен, – ответил он. – Я женюсь и тогда верну твои земли, Кейлин Друзас. Я даже помогу старому негодяю, твоему деду. До зимы мы будем вынуждены жить здесь. Несколько месяцев я буду обучать молодых добунни, тех, кто захочет изучить военное искусство. Окончательно мы проверим их мастерство, когда отберем земли у твоего кузена. Затем пусть ими командует Берикос. Если ты права относительно этих людей, они не пойдут за ним дальше границ своих полей. – Он пристально посмотрел на нее:

– Ты умница, ягненочек! – Протянув руку, он приподнял ее лицо и быстро коснулся губами ее губ. – Мы не будем говорить твоему деду о наших планах. Я только скажу, что хочу взять тебя в

жены.

- Он не откажет вам в этом, - сказала она, чувствуя, как краска стыда заливает ее лицо. - Конечно, он и Бриджит думают, что «нечистокровная сучка», как они любят называть меня, «спарилась с иноземцем», как они называют саксонцев.

- Мы еще «не спарились», - произнес он тихо, глядя на нее.

- Мы еще не поженились, - быстро возразила она, чувствуя, как заколотилось ее сердце.

- Мы не можем оскорбить твоего деда, ягненок, и он не поверит, что меня охватила горячая страсть к тебе, если мы не сделаем того, чего от нас ожидают сегодня ночью. - Он запустил свою большую руку в ее волосы, приподняв голову. - Мне нравится цвет твоих волос и прелестные вьющиеся локоны, Кейлин. У саксонских девушек прямые светлые волосы. Они заплетают их в две косы и часто стригут наголо, когда выходят замуж, чтобы доказать свою покорность мужьям. Я не смог бы сделать такое с твоими душистыми локонами. Хорошо, что по воле судьбы ты британка, а не саксонка, - закончил он, улыбнувшись. Осторожно, но настойчиво он откинул ее голову назад, обнажив шею. Затем, положив ее на спину, покрыл ее юное тело медленными, горячими поцелуями.

Кейлин отчаянно прижала мех к груди. Она не знала, что делать. Она не знала, следует ли что-то делать. Внезапно он пристально посмотрел на нее своими голубыми глазами. Она почувствовала, что не может отвести взгляда. «Снова становится жарко», - подумала она, бессознательно желая сбросить одеяло.

Вульф Айронфист был абсолютно уверен в ответе на вопрос, который задал ей:

- Ты девственница, ягненок? Конечно, она девственница. Ее лицо выражало смущение, она колебалась между страхом неизвестности и любопытством.

- Да, - промолвила она, понизив голос. - Простите, я не способна доставить вам удовольствие. Я просто не знаю, что делать.

- Мне нравится, что ты девственница, - сказал он нежно, - и я научу тебя всему, что тебе надо знать. - И он на мгновение прижал ее локоны к своим губам.

- Я даже не знаю, как целоваться, - сказала она удрученно.

- Этому искусству легко обучиться, - уверил он ее серьезным тоном, но в его голубых глазах плясали веселые искорки. - Во многом это происходит инстинктивно. Когда я целую тебя, целуй в ответ. Пусть твое сердце подскажет тебе. Позже я посвящу тебя в тонкости. - Наклонив голову, он нежно поцеловал ее, и после секунды сомнений Кейлин вернула поцелуй. - Очень хорошо, - похвалил он. - Давай повторим.

На этот раз его поцелуй был крепче, и она почувствовала, что ее губы слегка погрузились в его. Она чуть не задохнулась, когда самый кончик его языка возбуждающе, едва касаясь, затрепетал у нее во рту. Это ощущение вызвало у нее головокружение. Кейлин обхватила его руками, чтобы удержаться, как если бы она падала.

Он оставил ее губы и зарылся лицом в волосы.

- Ты так приятна на вкус, ягненок, и восхитительно пахнешь. Я никогда не встречал девушку, от которой исходил бы такой нежный аромат, как от тебя. Почему? - Теперь он

смотрел ей прямо в глаза, и Кейлин опять покраснела. – Ты всегда будешь краснеть, когда я смотрю на тебя? – спросил он нежно. – Ты так прекрасна!

– Я думаю, ваша похвала чрезмерна, господин, – ответила она и, осознав, что обнимает его, попыталась разжать руки, но он запротестовал:

– Мне нравятся твои объятия, ягненочек. Думаю, все твои девичьи страхи напрасны. Ты должна знать, что я мужчина, которому можно доверять. Я не отношусь к тем, кто рассыпает комплименты, как капли дождя. Я хвалю тебя, потому что ты заслуживаешь этого, Кейлин Друзас. Ты красивая. Я никогда не видел такой красивой женщины. Я буду гордиться такой женой, и любой мужчина позавидует мне, увидев тебя, ягненочек. Мы с тобой родим красивых, здоровых детей.

– Как? – откровенно спросила она. Он по-мальчишески усмехнулся:

– Тебе так хочется знать? Тогда продолжим наши уроки. Протянув руку, он начал стягивать с нее лисье покрывало. Кейлин тихо вскрикнула, пытаясь остановить его, но напрасно. Однако выражение благоговения на его красивом лице, когда он впервые увидел ее наготу, позволило Кейлин ощутить власть женщины над мужчиной. Сначала он не прикасался к ней. Только его глаза упивались ее гладким, чистым телом; ее маленькими круглыми грудями, грациозным изгибом талии; ее стройными, но достаточно полными бедрами; густыми вьющимися кудряшками на холмике Венеры.

Он улыбнулся и коснулся ее там одним пальцем.

– Эти кудри такие же, как на голове, – сказал он. Она наблюдала за ним молча, с широко раскрытыми глазами.

Затем он попросил:

– Сними мою половину покрывала, ягненочек. Она стянула мех и затаила дыхание при взгляде на него. Он назвал ее красивой, а сам-то как красив! Его тело было божественным, изумительно пропорциональным. Ничто не удивило ее, кроме придатка между ног. Она с любопытством посмотрела на него, осторожно дотронулась до него пальчиком, как он трогал ее.

– Что это? – спросила она. – Для чего он служит тебе? У меня нет такого.

Вульф Айронфист не верил своим ушам: ее любопытство столь наивно!

– Да, у тебя нет, но у твоих братьев было. Ты никогда не видела у них?

– Что это? – повторила она.

– Это называется мужским членом, – Значит, у моих братьев тоже было такое. Я никогда не видела. Они много говорили о проблемах Рима сегодня, возникших из-за упадка морали. Они не считали, что мы должны стыдиться нашего тела, но были также убеждены, что не следует непристойно выставлять его напоказ. А что твой член делает?

– Это средство, с помощью которого мое семя перетекает в твоё лоно, ягненочек. От ласки мой член станет большим и твердым. Я вставлю его в тебя и выпущу свое семя. Это доставит нам обоим удовольствие.

- Куда тыставишь его? Покажи мне, - потребовала она. Он наклонился и поцеловал ее еще раз. Одновременно он пальцем осторожно раздвинул нежные лепестки ее плоти.

- Туда, - сказал он, отрываясь от ее рта.

- О! - ответила она. Это легкое прикосновение не просто поразило ее. Это было подобно взрыву у нее между ног. Все ее существо ощутило легкие пульсирующие толчки.

- Мы еще дойдем до этого, - сказал он, убирая свой палец. - Я отвечу на все твои вопросы позднее, ягненочек, но сейчас лучше помолчать.

- Почему ты называешь меня ягненочком? - продолжала она возбужденно.

- Потому что ты невинный маленький ягненок с большими фиалковыми глазами и непослушными рыжими кудрями, а я волк, который собирается съесть тебя, - ответил он. Затем его губы крепко прижались к ее губам. Он хотел быть кротким. Он хотел быть терпеливым. Но ее близость возбуждала в нем страстное желание. Он пытался сдерживаться, хотя на самом деле чем дольше он терпел, тем сильнее ему хотелось Кейлин. Ее губы разжались, и он погрузил язык ей в рот. Она попыталась отстраниться, но он крепко держал ее.

Сначала она старалась уклониться от языка, ищущего ее язык, но он не позволил ей. Она почувствовала вкус медового вина от его дыхания, и это возбудило ее. Постепенно ее язык отыскал его, слился с ним в страстном танце, что доставило обоим удовольствие. Ее руки опять сжали его тело и привлекли к себе, ее молодые груди прижались к его гладкой груди.

Отстранившись, он взял в руки ее лицо и покрыл его поцелуями. Его губы иногда скользили к ее шее и ниже, к ложбинке между грудями. Когда она тихо вскрикнула, он успокоил ее:

- Ничего, ягненочек, не бойся.

Она чувствовала, как набухли ее груди. Когда он взял одну из них в руку и начал нежно ласкать ее, она облегченно застонала. Она хотела, чтобы он ласкал ее так. Она хотела, чтобы он не отпускал ее грудь. Ее сердце неистово колотилось, казалось, оно выскочит из груди.

Вульф наклонился и начал целовать ее молодые груди, завладев ими. Его язык осторожно лизал ее соски, сначала один, потом другой, возбуждая ее мягкую плоть крепкими поцелуями, вызывающими острое ощущение. Кейлин громко, прерывисто задышала ему в ухо, когда он наконец сомкнул свои губы на ее соске и начал сосать его.

- Как приятно! - услышал он ее стон, когда передвинулся к другому соску, оказывая ему такое же почтение, как и его собрату.

Кейлин наблюдала полузакрытыми глазами, как он поклонялся ее телу, словно божеству. Она чувствовала слабость в ожидании неизвестного, но в душе стала увереннее, чем раньше. Она вдруг ощутила, что он склонился над ней, лаская и целуя ее тело. И то, что выступало вперед, было... было... его членом! Но он неожиданно стал таким огромным! Невозможно, чтобы он мог войти в ее юное тело. Он разорвет ее пополам!

- Он слишком большой! - воскликнула она с неподдельным страхом, уперевшись ладонями в его грудь и пытаясь оттолкнуть. - Пожалуйста, не надо! Я не хочу делать это сейчас! - Она изогнулась, сопротивляясь ему.

Он застонал. Это был стон отчаяния.

- Позволь мне вставить только кончик в тебя, ягненок, и ты увидишь, все будет хорошо.

- Только кончик? - спросила она дрожащим голосом. Он кивнул и осторожно направил член рукой. Она была удивительно влажной от возбуждения, и он легко вошел в нее. Горячая плоть радостно приняла его, плотно сомкнувшись вокруг кончика члена. Вульф хотел бы знать, как долго он сможет сдерживаться. Она просто восхитительна! Какое безумие заставило его затеять такую глупость? Он жаждал погрузиться в нее как можно глубже. Он глубоко вздохнул.

- Ну вот, - прошептал он, - это ведь не так ужасно, не правда ли, ягненок?

Вторжение было чувствительным. Она отчетливо ощущала член. Его кончик растянул ее, но не причинял боли.

Он нежно поцеловал ее в губы и прошептал, касаясь их:

- Если ты позволишь мне войти чуть дальше, я доставлю тебе величайшее наслаждение.

Поскольку она не ответила, он начал надавливать своим членом вперед, продвигаясь слабыми, частыми толчками и продолжая целовать ее рот, лицо, шею.

Кейлин закрыла глаза и позволила ему делать все, что он хотел. Хотя ощущение было новым для нее, в общем, оно не казалось неприятным. Становилось все теплее, и она очень удивилась, когда обнаружила, что ее тело начало двигаться в такт с его телом и она не могла сдержаться. Действительно, двигаясь с ним, она чувствовала всепоглощающее наслаждение. Как будто сотни бабочек бились внутри ее тела. Кейлин вдруг обхватила руками его лицо и впервые страстно поцеловала.

Он наблюдал за меняющимся выражением ее лица. Так наблюдают за небом, когда ясная погода сменяется бурей.

- Ты начинаешь чувствовать наслаждение, мой ягненок? - прошептал он ей. - Тебе хорошо? Позволь мне завершить то, что мы начали. Я так хочу обладать тобой до конца!

- Да! - сказала она отчетливо. Кейлин почувствовала, как он крепко сжал ее и начал проникать глубже все более частыми ударами.

Быстрее, быстрее и быстрее, и вот когда под натиском его оружия пала ее девственность, острая, обжигающая боль пронзила ее. Боль охватила все ее тело, когда он до конца вошел в нее с победным криком. Кейлин задохнулась от обжигающего огня, заполнившего ее живот. Ее ногти царапали его напрягшуюся спину. Она закричала бы от этого ужасного ощущения, если бы его губы не закрыли ее рот в тот самый момент, когда он лишил ее девственности.

Он причинил ей боль! Он даже не предупредил об этой попытке! Конечно, нет. Он хорошо понимал, что она не отдалась бы ему добровольно, если бы знала об этой ужасной боли. Она ненавидела его! Она никогда не простит ему. Она... она... она неожиданно осознала новое, восхитительное чувство, охватившее ее. Боль утихла так же быстро, как и появилась. Ничего не осталось, кроме теплого, приятного блаженства. Вульф опять задвигался, и сладостный огонь, разлившийся по ее жилам, был не похож ни на что, когда-либо испытанное прежде.

- О-о-о-о! - всхлинула она. - О! - Внутри росло горячее напряжение. - Что происходит со

мною? – отчаянно застонала она, когда почувствовала, что в ее теле что-то начало стремительно нарастать помимо ее воли. Она парила в небесах! Это было восхитительно! Она не хотела, чтобы это кончалось! Вверх... Вверх... Вверх... Она могла продолжать это бесконечно. Внезапно чувство достигло кульминации, взорвавшись тысячью разлетевшихся звезд в ее теле и мозгу. – О-о-о-о! – закричала она, охваченная блаженством и разочарованная тем, что ощущение восторга растаяло так же быстро, как и пришло. – Нет! – Кейлин открыла глаза и посмотрела на него. – Еще! – потребовала она.

Вульф Айронфист рассмеялся, но в его голосе не было насмешки. Он смеялся смехом счастливого человека, почувствовавшего облегчение. Он отвел волосы с ее лица и скатился с нее, поцеловав в кончик носа. Потом, оперевшись на спинку кровати, взглянул ей в лицо и сказал:

– Надеюсь, ты получила, как и я, большое удовольствие от нашей любви, ягненок. – И он крепко обнял ее.

Кейлин кивнула, повернув голову, чтобы видеть его. Ее восторг слегка поуменьшился, но она осталась довольна.

– Когда боль прошла, все было прекрасно, – сказала она застенчиво.

– Боль бывает только первый раз, – заверил он. – Мы наделаем с тобой прекрасных детей. Боги благосклонны к нам, Кейлин Друзас. Думаю, мы подходим друг другу во всех отношениях.

– Твое семя такое горячее, – сказала она, краснея от воспоминания, когда она почувствовала, как оно вливается в нее острыми толчками. – Может быть, даже сейчас мы зачали нашего первого сына, Вульф Айронфист, – закончила она, когда они снова забрались под покрывало.

Он положил свою белокурую голову на ее грудь и был доволен, когда она убаюкивала его так же покровительственно, как это делал он. Он пришел к добунни в поисках земли. Боги с их мудростью ниспослали ему Кейлин и новое будущее.

– Если бы мы оказались в твоём обществе, – сказал он, – и я попросил бы твоей руки у отца, и он согласился, как бы мы праздновали нашу свадьбу?

– Церемония начнется на вилле моего отца, – заговорила Кейлин. – Дом украсят цветами, если они будут, или зелеными ветвями и красивыми тканями. С первыми лучами зари начнут наблюдать за предзнаменованиями, и если они окажутся благоприятными, еще до восхода солнца придут гости. Они приедут из соседних вилл и из города Кориниума.

Невеста и жених войдут в атрий, и церемония начнется. Нас подведет друг к другу счастливая в браке мать семейства, которая будет нашей свахой. Она соединит наши руки при десяти официальных свидетелях, хотя фактически все наши гости будут присутствовать при этом.

– А почему десять? – спросил он.

– Десять потому, что в Риме вначале было десять семей патрициев, – ответила она и продолжила:

– Затем я должна произнести древние слова, выражающие согласие выйти замуж:

«Если ты – Гай, то я – Гая». Потом мы подойдем к семейному алтарю и сядем на стулья, покрытые шкурами овец, принесенных в жертву по такому случаю. Затем мой отец предложил

бы пирог, символ Юпитера. Мы должны были бы съесть пирог, в то время как отец громко молился бы Юноне, покровительнице брака, Ноденсу и другим богам земли, римским и кельтским. После этого мы считались бы обвенчанными. Есть и другие церемонии бракосочетания, но в моей семье всегда было так.

Потом мои родители устроили бы большой праздник, который длился бы весь день. В конце праздника кусочки нашего свадебного пирога раздадут гостям на счастье. Затем меня официально проводят в дом моего мужа. Нас будут сопровождать люди с факелами, музыканты и все, кто присоединится к шествию. Эта процессия считалась заключительной в официальной процедуре бракосочетания в прошлом. По обычаю, невесту сопровождают три юноши, у которых живы отец и мать. Двое пойдут рядом со мной, держа меня за руки, а третий пойдет впереди, неся ветку боярышника. Позади меня должны нести веретено и прялку. Мне дали бы три серебряные монеты; одну я отдам богам дорог, вторую тебе, а третью богам – покровителям твоего дома.

- А мне ничего не надо делать, только шагать в гордом одиночестве? – спросил он.

- О нет! – продолжила Кейлин. – Ты будешь разбрасывать кунжутные лепешки, орехи и другие сладости. Когда мы прибудем в твой дом, я украшу дверные проемы цветной шерстью, а саму дверь намажу драгоценными маслами. Затем ты поднимешь меня и перенесешь через порог. Считается плохой приметой, если невеста поскользнется, входя в новый дом.

- Я не позволю тебе поскользнуться, – пообещал он и, подняв голову, поцеловал ее в губы, – Это все?

- Нет, – сказала Кейлин с легкой улыбкой. – Есть еще кое-что. Когда ты внесешь меня в дом, я должна повторить те же слова, которые говорила на брачной церемонии. Затем дверь закроют люди снаружи.

- И мы наконец останемся одни! – воскликнул Вульф Айронфист.

- Нет, – ответила Кейлин посмеиваясь. – Мы, конечно, пригласим к себе гостей. Ты опустишь меня на ноги и предложишь мне огонь и воду как символ жизни, которую мы должны разделить, и как символ моего долга в нашем доме. В очаге уже будут дрова и лучина для растопки, которые я зажгу от свадебного факела. Затем я брошу факел нашим гостям. Считается удачей получить свадебный факел.

- Тогда наши гости разойдутся по домам и мы наконец останемся одни, – нетерпеливо перебил он. – Я прав, Кейлин Друзас?

Она засмеялась:

- Нет.

- Нет? – повторил он шутливо-обиженным тоном.

- Сначала я должна прочитать молитву, – сказала она.

- Длинную молитву? – Он притворился огорченным.

- Не слишком длинную, – ответила она, – и после этого сваха поведет меня к нашему брачному ложу, которое установят в центре атрия в первую брачную ночь. Оно всегда будет оставаться там как символ нашего союза.

- Для невесты с женихом это очень длинный день, - покачал он головой.

- А как саксонцы празднуют свои свадьбы? - спросила она.

- Мужчина покупает свою жену, - ответил Вульф Айронфист. - Конечно, он обычно старается сначала определить, как настроена девушка. Потом он обращается к ее семье - разумеется, через посредника, - чтобы узнать, что и сколько они возьмут за девушку. Затем заключается официальная сделка. Ее могут принять сразу, а могут еще немного поторговаться. Когда цена согласована и произведен обмен, устраивается праздник, а потом счастливая пара отправляется домой - без гостей, должен добавить, - закончил он. Затем он погладил ее по подбородку. - Скажи мне свои слова, Кейлин Друзас. - Его голос был нежным, тон ласковым, его мужское естество вновь возбудилось. - Скажи мне свои слова, ягненок! Я буду тебе хорошим мужем, клянусь всеми богами, твоими и моими.

- Если ты - Гай, то я - Гая, - произнесла Кейлин. «Как странно! - подумала она. - Я всю свою жизнь ждала настоящего мужчину, чтобы сказать ему эти слова, но никогда не думала говорить их в постели совершенно голому саксонцу в деревне добунни». И все-таки Кейлин считала, что ей повезло. Она чувствовала, что Вульф Айронфист благородный и добрый человек. Она нуждалась в его защите, потому что у нее никого не осталось. Сира и Маеве сделали для нее все, что могли, но они ушли, и она оказалась в руках Берикоса и его злобной катувеллонской жены. Другого случая не представится. Затем она услышала голос саксонца, твердый и уверенный, и посмотрела в его голубые глаза.

- Я, Вульф Айронфист, сын Орма, беру тебя, Кейлин Друзас, себе в жены. Я буду обеспечивать и защищать тебя. Клянусь великими богами Вудом и Зором, моими покровителями.

- Я буду тебе хорошей женой, - пообещала ему Кейлин.

- Я знаю, - сказал он. Затем он рассмеялся:

- Хотел бы я знать, что подумают твой дед и эта ведьма Бриджит о таком повороте событий?

- Он потребует у тебя выкуп за меня, я уверена. Ничего не давай ему! - ответила Кейлин. - Он ничего не заслуживает.

- То, за что мы ничего не платим, ничего не стоит, ягненок, - возразил Вульф. - Я ценю тебя выше всех женщин. Я дам ему хорошую плату, чтобы тебе не было стыдно.

- Ты так добр, - сказала она. - Как мне отплатить за твою доброту ко мне? Ты мог бы поразвлечься со мной ночью и бросить. И если бы ты поступил таким образом, я не была бы опозорена, потому что у добунни так принято, но тем не менее позор остался бы в моем сердце.

Легкая озорная улыбка тронула его мужественные красивые черты.

- Я знаю, как ты можешь отплатить, ягненок, - заявил он и положил ее руку на свой член, который опять был в состоянии нетерпеливой готовности. - Я намерен взыскать полную плату, ягненок, не только этой ночью.

Ее юное лицо выглядело очень соблазнительно, чего раньше он не замечал.

- Это прекрасно, мой муж, - согласилась она. - Ты не услышишь от меня ни одной жалобы в этом вопросе. Моя семья всегда учила меня отдавать долги. - И она притянула его к своим

ждушим губам, готовым для поцелуев.

Глава 5

Берикос посмотрел на своего гостя.

- Хорошо ли спалось? - спросил он. - Вы не изменили своего мнения по поводу того, о чем мы вчера говорили?

- Ваша внучка прелестна, - ответил Вульф Айронфист и сделал большой глоток темного пива. - Я удостоен большой чести, получив право первой ночи, Берикос. Вы должны уточнить, какой помощи вы ждете от меня, но я по-прежнему считаю вашу идею обреченной на неудачу...

- Я принимаю вашу цену, - мрачно промолвил Берикос.

- Землю? - Саксонец вопросительно поднял брови.

Берикос угрюмо кивнул.

- Вы получите плохого соседа, - заявил Вульф старику. - Я никогда бы не стал доверять вам... если только...

- Если что? - ухватился Берикос за тонкую ниточку надежды.

- Для безопасности выделите мне землю сейчас. Когда я обучу ваших людей, я поменяюсь с каким-нибудь кельтом, проживающим на саксонском побережье, - предложил Вульф Айронфист. - Таким образом, я буду владеть землей там, а то, что вы дадите здесь, будет принадлежать человеку вашей крови. Может быть, и не из вашего племени, но вы все кельты.

Берикос кивнул:

- Да, так будет лучше; придет день, когда мы переселим всех вас обратно в Рейнские земли. Надеюсь, тогда у вас не будет ко мне претензий, не так ли? Я, со своей стороны, не нарушу условий нашей сделки. Прекрасно! Я согласен!

- Не так скоро, мой друг, - сказал Вульф Айронфист. - Я хочу еще кое-что от вас. Думаю, наша сделка не пострадает, если мы породнимся. Ваша внучка нравится мне. Мне нужна жена. Ее смешанная кровь раздражает вас, но не смущает меня. Я дам вам порядочный выкуп за нее, если вы согласитесь.

- По нашим законам она тоже должна дать свое согласие, Вульф Айронфист. Если она согласится, я буду рад принять выкуп за нее, - ответил Берикос. - Впрочем, нет, вы сделаете мне одолжение, забрав от меня Кейлин. Моя жена Сира изводит меня поисками мужа для нее. Что вы собираетесь дать за нее?

Саксонец бросил ему монету. Она ярко сверкнула в воздухе. Берикос поймал ее. Его глаза загорелись. Он изо всех сил укусил монету, и в его взгляде отразилось удивление.

- Золото? Это золотая монета, Вульф Айронфист! Девчонка едва ли стоит целой золотой монеты, - медленно произнес Берикос. Он хотел заполучить золото саксонца, но совесть замучит его, если он поступится честью. - Кроме того, девчонка вряд ли даст свое согласие на брак.

- Она уже согласилась, - сказал юноша. - Это подходящая цена, так как дает гарантию, что вы

не лишите меня жизни после того, как я перестану быть полезным для вас, Берикос из племени добунни.

Старик засмеялся:

- Вы никому не доверяете, Вульф Айронфист? Что же, это мудро, в этом мире никому нельзя полностью доверять. Хорошо, я принимаю ваши условия. Теперь эта девушка - ваша жена. Вы скоро узнаете, что промахнулись с выбором жены, - она покажет свой характер, но я не возьму ее назад. - Он плюнул на свою правую руку и протянул ее саксонцу, который, сделав то же самое, крепко пожал протянутую руку Берикоса.

- Согласен, Берикос, но я не буду сожалеть о сделке, уверяю вас. Кейлин станет прекрасной женой. Ее мать хорошо обучила ее обязанностям женщины по отношению к мужу и дому.

- Да, - тихо ответил старик, - Каина была хорошей девочкой.

- Доброе утро. Ночь принесла вам много удовольствия? - хихикнула Бриджит, входя в зал. Ее небесно-голубая туника с серебряной вышивкой грациозно колыхалась, когда она подошла, притворно улыбаясь.

- Конечно, госпожа, ночь прошла неплохо, - ответил Вульф Айронфист.

- Вульф согласился помочь нам! - воскликнул довольный Берикос и начал объяснять своей молодой жене, в чем суть сделки. Закончив объяснение, он добавил:

- Я отдал ему в жены Кейлин, - Что ты сделал? - Глаза Бриджит широко раскрылись от неожиданности. Это вовсе не входило в ее планы. Она хотела, чтобы саксонец изнасиловал Кейлин и растоптал ее душу. Она хотела навредить девочке и опозорить ее.

- Вульф попросил у меня руки Кейлин, - повторил Берикос. - Ее испорченная кровь не беспокоит его. Моя внучка согласилась.

Он показал монету и сказал:

- Вульф дал мне это в качестве выкупа. Это золоу. Твой отец согласился принять кусок серебра и пару охотничьих собак за тебя, Бриджит.

Глаза Бриджит заблестели при виде золота, и Вульф подумал, что Берикос очень долго не получил бы выкупа за свою внучку, если бы вышло так, как задумала Бриджит. Выражение ее лица оставалось угрюмым, и наконец она поинтересовалась:

- Завтрак, конечно, не приготовлен? Кейлин забросила свои обязанности и в голове у нее только свадьба? Хорошей жене следовало бы приготовить завтрак вовремя! Я надеюсь, Сира скоро вернется.

- Если бы ты, Бриджит, не проспала до полудня, - ответила Кейлин, входя в зал, - ты нашла бы завтрак на столе. Берикос и мой муж давно поели. Отправляйся на кухню и скажи, что я распорядилась покормить тебя. - Она весело улыбнулась:

- А у меня достаточно дел. Сегодня утром прибыл гонец из форта Карвилиус. Сиру и Маеве ожидают до захода солнца. Мы будем обедать, как только они придут. Постарайтесь не опоздать, госпожа. - Кейлин повернулась к деду:

- Сделка между моим мужем и вами состоялась, Берикос?
- Да, - ответил он, слегка передернув уголками рта. «Девчонка упряма и не хочет слушаться; я ей устрою», - подумал он. - В будущем обращайся повежливее с моей женой, нечистокровная сучка, - предупредил он. - Она достойна уважения.
- Только если заслужит его, Берикос! - оборвала Кейлин и, повернувшись, покинула их.
- Ну вот! - воскликнул Берикос. - Теперь вы видели, Вульф Айронфист, как она может грубить, но слишком поздно! Она ваша жена.
- Стрела направлена не в мою сторону, Берикос. Мне нравится, когда женщина умеет постоять за себя. Но если она позволит себе грубить или не повиноваться мне, я непременно поколочу ее, - ответил он.

Сира, Маеве и Нуала прибыли к вечеру, когда ранний зимний закат раскрасил облака великолепными красками: красной, оранжевой, золотой и фиолетовой. Над деревней Берикоса висела одинокая холодная яркая звезда, как будто указывая им путь к теплomu, безопасному убежищу. Нуала радовалась возвращению домой, она крепко обняла свою кузину, в то время как старшие снимали плащи.

Берикос рассказал о замужестве Кейлин своим старшим женам, прежде чем они могли услышать об этом еще где-нибудь. Обе, конечно, пришли в ужас и страшно разозлились на Бриджит за ее коварство.

- Она сделала это назло! - кричала Маеве, которая редко выражала гнев перед мужем. - Ты напился вина и медовухи, не сомневаюсь, и потворствовал козням этой суки! Позор, Берикос!
- Ты не должна принимать его как мужа, детка моя, - сказала Сира спокойным тоном, за которым скрывалась обида. - У нашего народа не считается позорным, если женщина вступит в связь с несколькими мужчинами. Если она научится доставлять истинное наслаждение мужчинам, это только укрепит ее репутацию способной жены. Ты можешь отказаться от брака, если захочешь. Берикос вернет саксонцу кусок золота. Это можно сделать с честью.
- Я не хочу отказываться, Сира, - спокойно заявила Кейлин, - Вульф Айронфист хороший человек. Я согласна стать его женой. Нет никого, к кому меня так тянет. Разве не вы приставали ко мне с замужеством, госпожа? - съехидничала она.
- Но когда он закончит здесь свою работу, - запричитала Сира, - он увезет тебя на саксонское побережье, и мы больше никогда тебя не увидим!
- Я скажу - счастливого пути! - усмехнулась Бриджит. Сира повернулась к ней:

- Заткнись, сука! От тебя только одни неприятности! - Затем она посмотрела на мужа. - Я уважала тебя всю жизнь, Берикос, - начала она. - Я никогда не перечила тебе и поддерживала твои решения даже тогда, когда видела, что они не правильные. Я молчала, когда ты отрёкся от единственной дочери, и ни слова не сказала в защиту Каины, хотя было что сказать. Я скрежетала зубами, когда ты не позволил нам разделить радость при рождении внуков Бренны, и я молчала, когда Бренна покинула нас, отправившись к Каине и ее семье.

Ты глупый старик, Берикос! Ты хочешь вернуть величие добунни. Какое величие? Мы никогда не были великими. Мы всегда были небольшим племенем. Если ты попытаешься выселить британцев с их земель, они встанут на защиту своих пашен и пастбищ, которые обрабатывали

несколько сотен лет. Твой план безумен. Если мне не удастся помешать тебе, то уж я точно не допущу, чтобы единственная внучка Бренны покинула нас! Отдай саксонцу земли, которые ты обещал, но Кейлин останется здесь. Конечно, если ты не хочешь провести остаток своих дней без меня и Маеве, – закончила она.

Берикос сидел ошарашенный. За все годы их брака Сира никогда не разговаривала с ним так резко, наедине или при людях. Он никогда не видел ее такой разгневанной.

- Что ты имеешь в виду – без меня и Маеве? – Это было все, что он смог сказать. Он уважал ее и никогда не ругал за слишком откровенные речи.

- Мы уйдем от тебя, Берикос, – мрачно ответила Сира. – Мы уйдем к своим сыновьям. Но тебе нечего бояться. Я уверена, Бриджит с успехом справится с домашним хозяйством, нежно позаботится о тебе, когда ты заболеешь, будет следить, чтобы еда была приготовлена по твоему вкусу. Разве она не знает, как готовить твои любимые блюда? Возможно, нет, но я уверена, ты расскажешь ей.

- В этом нет необходимости, – беспокойно проворчал Берикос.

Сира насмешливо вскинула густую бровь.

- Разве? – удивилась она.

- Я найду правильное решение, клянусь! – пообещал Берикос разгневанной женщине. – Не надо спешить.

- Посмотрим, старик, – мрачно произнесла Сира. Кейлин взглянула на своего мужа, заговорщицки подмигивая. Они договорились рано утром, удобно устроившись в постели, не упоминать о ее землях, пока не подготовятся хорошенько. Они не станут настаивать на сделке с Берикосом. Когда придет время, они вернут имущество, принадлежавшее семье Друзаса Кориниума.

По деревням добунни объявили, что все желающие изучить военное искусство должны собраться в деревне Берикоса, где им предстоит жить, питаться и учиться. У стен вокруг форта построили несколько деревянных барачков для будущих воинов. Пришли сто пятьдесят юношей в возрасте от тринадцати до восемнадцати лет. Берикоса расстроил такой поворот дела. Он рассчитывал на большее.

- Чего ты ожидал? – втолковывала ему Сира. – Нас всего тысяча человек. Многие молодые люди уже женились и не хотят оставлять свои семьи. Зачем?

- А честь? – воскликнул Берикос, задетый ее словами. Маеве засмеялась:

- Честь мало согревает мужчину в холодную зимнюю ночь. А разве женщина хочет провести зиму в одиночестве, только со своими детьми или, еще хуже, с младенцем и без мужчины, который позаботился бы о ней?

- Вот что римляне сделали с нами! – печально заметил Берикос.

- Римляне не сделали с нами ничего такого, чего мы сами не захотели, – сказала Сира прозаично. – Кроме того, какой разумный народ не предпочтет мир войне?

- Наш народ, – ответил Берикос. – Наш народ, который выйдет из невежества и, преодолев

равнины и океаны, окажется в Британии, Ирландии, Уэльсе и Галлии. Наша кельтская раса!

- Когда ты наконец поймешь, что это время ушло, Берикос? – спокойно сказала Сира своему мужу. Она примирительно положила руку на его локоть, но он стряхнул ее.

- Нет! Этого не может быть. Это время вернется! – настаивал он.

- Тогда обучай своих воинов, упрямый старик! – воскликнула она раздраженно. – Когда наступит весна, увидим, что из этого получится.

Пришла зима с ее холодными ветрами, ледяными дождями и снегом. Вульф Айронфист занимался со своими новобранцами, заставляя их совершать однодневные переходы в любую погоду с пятидесятифунтовым снаряжением за плечами. Когда они поначалу жаловались, он холодно поучал:

- Римские легионеры носят больше. Может быть, это одна из причин, почему вы потеряли свои земли. Вы предпочитаете сидеть за столом с бокалом вина и рассказывать всякую чепуху.

Молодые добунни скрежетали зубами, но больше не жаловались. В прозрачном воздухе форта слышался звон мечей и звуки вонзающихся в цель копий. Это воины отработывали приемы нападения и защиты.

Обучая добунни, Вульф вел себя как грубый надсмотрщик, но с женой он преображался. Сира и Маеве соглашались, что саксонец, хотя и казался жестоким противником на поле боя, становился мягким в общении с Кейлин и ребятишками форта, которые бегали за ним, добываясь его благосклонности. Часто он брал парочку малышей на руки и шел с ними через всю деревню по своим делам. Все дети обожали его, а девушки пытались привлечь его внимание. Несмотря на то что Вульф Айронфист женат, ничто не заставляло его ограничиваться лишь одной женой. Однако он разочаровал девушек, только пересмеиваясь с ними, на большее у саксонца не было времени.

Кейлин обрела некоторое спокойствие. У нее был добрый, привлекательный муж, который так страстно желал ее.

Ей нравились его ласки, и казалось, что ничего больше и не надо. Кроме того, она вскоре забеременела.

Она чувствовала, что у ее родителей были другие отношения, не такие, как у нее с Вульфом Айронфистом, но не понимала, в чем разница.

Муж радовался большому животу Кейлин. У добунни это служило доказательством его мужских способностей. Берикос же совсем загрустил. Теперь он никогда не избавится от саксонца. Если и раньше Сира и Маеве настаивали, чтобы он и Кейлин остались здесь, то теперь они были непреклонны. Берикос вздыхал про себя. Какая разница, уедет этот чертов саксонец или останется? К тому же Вульфу могут убить в сражении.

Длинными темными зимними ночами Кейлин наслаждалась любовью в объятиях Вульфа. Однажды она сказала, чтобы он был поосторожнее с ней. Ему нравилось, обняв ее сзади своими огрубевшими руками, ласкать ее маленькие разбухшие груди. Ее нежные соски с каждым днем становились все более чувствительными.

- Какой распутной ты стала! – пошутил он однажды ночью, когда вставил свой большой меч в ее ножны сзади, чтобы не навредить ребенку. Он ласкал ее грудь, шаловливо теребя бутоны ее

сосков. Затем его руки скользнули ниже, обхватив ее бедра и крепко обняв живот. Он нежно покусывал ее шею, прижался носом, а затем поцеловал.

Кейлин извивалась в его объятиях.

- Разве женам нельзя быть немного распутными, муж мой? О!.. - тихо вскрикнула она и начала слегка вращать бедрами, когда он вошел в нее поглубже.

Вульф застонал. Он никогда не знал женщины, которая бы так действовала на него, как Кейлин. Она быстро возбуждала его и так же быстро доводила до конца. Он не был уверен, что это нравилось ему, но, безусловно, нельзя сказать, что не нравилось. Не в состоянии разобраться в этом, он начал двигаться, и ее отрывистые стоны только усиливали его наслаждение.

Кейлин ошеломление думала, что ей пора привыкнуть к нему, но каждый раз, когда он овладевал ею, ее страсть все возрастала и она едва выдерживала, настолько это было мучительно-приятно. Казалось, он рос и разбухал у нее внутри, пока наконец они оба не исходили наслаждением. Даже сейчас, когда у нее внутри шевелился ребенок, она наслаждалась его любовью.

- А-а-а-а-а! - застонала она.

- Скоро мы должны прекратить это, - сказал он неохотно.

- Почему? - удивилась она.

- Боюсь, я могу причинить вред ребенку, - ответил он.

- Тогда ты возьмешь другую женщину? - спросила она, и он услышал в ее голосе нотки ревности, что очень порадовало его.

Он долго молчал.

- Ты не хочешь этого? - спросил он с безразличным видом.

Теперь Кейлин замолчала на некоторое время. Возражала бы она? И если да, то почему?

- Да, - наконец ответила она. - Я буду против, если ты возьмешь другую женщину в свою постель. Но не спрашивай меня почему. Я сама не знаю. Против, и все!

- В таком случае я не сделаю этого, - сказал он. - Если я не смогу сдерживать свои желания как мужчина, тогда я не более чем зеленый юнец. Кроме того, я видел, какие трудности возникают у твоего деда, у которого много жен. Обойдусь, хотя не обещаю, что всегда буду так сдержан, ягненок.

Кейлин удовлетворенно улыбнулась его словам. Других жен не будет, если она сможет удержать его. Одной жены вполне достаточно любому мужчине, даже такому могучему, великолепному мужчине, как Вульф Айронфист. Она всегда сумеет ублажить его. Затем возникла мысль: а почему это так волнует ее? Сможет ли она заботиться о нем? А он, станет ли он на самом деле заботливым мужем? Кейлин погрузилась в сладкую дремоту, а рядом с ее ухом сладко сопел ее муж. Чувство счастья и защищенности охватило ее, с этим она и заснула.

Через несколько дней, ярким апрельским утром, Вульф Айронфист начал действовать в

соответствии со своим планом возврата имущества жены. Собрав молодых воинов, которых обучал всю зиму, он обратился к ним:

- Не хотели бы вы продемонстрировать ваше умение, оказав мне помощь в захвате виллы, принадлежащей римлянину по имени Квинт Друзас?

Молодые люди выглядели озадаченными. Тогда Корио, двоюродный брат Кейлин, сказал:

- Большинство юношей хотят вернуться в свои деревни, Вульф. Уже идет сев, и их ждут семьи. Ты ведь никогда не рассчитывал, что они станут выполнять безумные планы Берикоса?

Вульф Айронфист рассмеялся:

- Нет, Корио, не рассчитывал. Однако Квинт Друзас - это тот самый парень, который уничтожил семью Кейлин и виноват в смерти Бренны. Я обещал Кейлин, когда вступал с ней в брак, что верну ей и нашим детям земли ее семьи.

Голубые глаза Корио расширились, затем он усмехнулся:

- Вот почему ты никогда не требовал у деда земель, которые он обещал тебе! Ты знал заранее, что земли Кейлин станут твоими.

- Да, но для этого ты и эти парни должны помочь мне вернуть их и отдать под суд Квинта Друзаса, - сказал откровенно Вульф Айронфист. - Я не смогу сделать это без твоей помощи, Корио.

Корио «повернулся к остальным юношам.

- Потребуется всего несколько дней, - начал он. - Мы восстановим справедливость, и Кейлин сможет вернуться домой, чтобы растить детей, отдать почести своей умершей семье, жить мирно, как мы. - Он посмотрел на своих товарищей, а когда каждый кивнул в знак согласия, повернулся к Вульфу Айронфисту и сказал:

- Мы сделаем это!

- Тогда хорошенько отдохните ночью, друзья, - посоветовал им саксонец. - Мы выступаем утром.

Затем он распустил их, но Корио тронул его за руку, очевидно, желая продолжить разговор.

- Что, Корио?

- Мне надо сказать тебе кое-что, Вульф. Это касается моего деда, но ты должен хранить в тайне то, что я расскажу.

- Согласен, - ответил Вульф.

Корио не стал вилять, а начал с главного:

- Мужчины собирались на тайное собрание. Как ты знаешь, Берикос живет в прошлом, которому он не принадлежит и которое никому не нужно. Чем старше он становится, тем больше растет и пожирает его стремление выпроводить всех римлян из Британии. Бриджит поддерживает его. Мы не согласны с ним, но, так как он наш вождь, мы обязаны слушаться его. Однако мы хотим заменить его другим вождем. Мой отец Эппилус был избран руководить

добунни. Берикос может с честью уйти и жить так, как ему захочется.

- Когда это должно произойти? - спросил Вульф Айронфист.

- Накануне праздника костров, - ответил Корио. - Мы возвратим земли Кейлин, а потом вернемся, чтобы помочь сместить моего деда.

- Думаю, вы приняли мудрое решение, - сказал Вульф. - Некоторые старики, обладающие властью, с годами становятся только мудрее. Их суждения правильные, и к ним прислушиваются. Другие, однако, с годами теряют чувство реальности. Боюсь, Берикос один из них. Твой народ никогда по-настоящему не будет жить спокойно, пока он правит вами. Я понимаю ваше стремление к миру. В прошлом я достаточно насмотрелся на войну и не собираюсь снова воевать. Только если придется защищать свои земли и семью. Других причин нет.

- Я прожил всю свою жизнь среди этих холмов, - заговорил Корио. - Дальше города Кориниума я нигде не бывал. Это удивительное место с мощеными улицами, хорошими магазинами и гончарными мастерскими, театрами и ареной. Тем не менее я не смог бы жить там, Вульф. Там так много шума, суеты и грязи, а мне говорили, что существуют города еще больше, чем Кориниум, даже здесь, в этой стране. Рассказывают, что на юго-востоке есть огромный город под названием Лондиниум. Из Кориниума туда ведут две дороги, очень дальние, но у меня никогда не было желания отправиться по какой-нибудь из них.

Я слышал рассказы о том, как ты сражался в Галлии и в Рейнских землях. Они не произвели на меня впечатления, как на некоторых парней. Они пугают меня, а кельты, как полагают, не должны ничего бояться. Как и ты, я не вижу других причин для борьбы, за исключением защиты своих земель и семьи. Большинство из нас думают так же, поэтому Берикос должен уйти. Очевидно, он не обрадуется, но у него нет выбора, кроме как смириться с волей добунни.

- Бриджит, конечно, тоже не будет рада, - заметил Вульф. - Вам следует остерегаться ее. Она вредная женщина и не постесняется выдать тех, кто, по ее мнению, предает ее или Берикоса.

- Ты не должен говорить мне о Бриджит, - тихо ответил Корио. - Когда она впервые пришла в наш форт в качестве невесты моего деда, она пыталась соблазнить меня. Она не забыла, что я отверг ее. Кстати, я не единственный мужчина, к которому она приставала. Другое дело, если бы Берикос предлагал ее, но он не делал этого. Он очень гордится ею и ревнует ко всем, кто смотрит ей вслед. Ты прав, она не обрадуется. В качестве жены вождя она занимала определенное положение, а быть просто женой старика ей не понравится. - Корио улыбнулся:

- Вот уж мы повеселимся, когда это произойдет! Она мало кому нравится.

- Она хотела навредить Кейлин, подговорив Берикоса положить ее в мою постель, когда я впервые прибыл сюда, - сказал Вульф Айронфист. - Она знала, что Кейлин воспитана не так, как принято у добунни, и надеялась опозорить и унижить ее, используя меня в качестве своего оружия.

- Я знаю, - тихо промолвил Корио. - Если бы все обернулось по-другому, не так, как случилось, я бы собственными руками задушил Бриджит.

Вульф Айронфист внимательно посмотрел на юношу. На мгновение он увидел в лице Корио что-то такое, чего раньше никогда не замечал, но это выражение быстро исчезло.

- Ты любишь Кейлин? - спросил он.

- Я предлагал ей стать моей женой вскоре после того, как она появилась здесь, но она не любит меня, по крайней мере как мужчину. Она сказала, что относится ко мне как к брату. - Он криво усмехнулся. - Какой мужчина, влюбленный в девушку, захочет услышать, что он для нее только родственник? Готов спорить, ты не напоминаешь ей ее братьев. Ты любишь ее? Я знаю, ты добр к ней. Но однажды Кейлин поймет, что этого мало. Она в большей степени кельтка, чем римлянка. Ей нужно, чтобы ее любили, а не просто занимались любовью.

Громадный саксонец глубоко задумался. Значит, они думают, что он не любит Кейлин. Та любовь между мужчиной и женщиной, о которой говорит Корио, большая роскошь. Мужчина ищет жену, чтобы она могла рожать, была хорошей помощницей и, может быть, если повезет, хорошим другом. Любовь. Он мысленно повторял это слово, как будто хотел получить ответ - что же это такое. Любил ли он ее? Ему так хорошо с ней рядом. Не только когда они в постели, а просто быть рядом, чтобы видеть, как она улыбается ему, чувствовать ее свежий аромат, разговаривать, прижавшись к ней холодной ночью. Вульф испытывал смешанные чувства, когда другие мужчины восхищенно поглядывали на его беременную жену. Он был горд и одновременно немного ревновал ее.

Он подумал, как сложилась бы его жизнь без нее, и понял, что не может представить себе такое. Эта мысль ошеломила его, и он услышал, как отвечает Корио:

- Да, я люблю ее.

В этих словах, прозвучавших в весеннем воздухе, было что-то безумное, но он чувствовал в глубине души, что это правда!

- Хорошо, - сказал Корио с улыбкой. - Я рад, что ты любишь ее, потому что Кейлин любит тебя.

Сообщение Корио удивило Вульфа Айронфиста.

- Любит? - переспросил он. - Она никогда не говорила мне об этом, даже в минуты страсти. Откуда ты знаешь, что она любит меня? Она говорила тебе об этом?

Корио покачал головой:

- Нет, Вульф, но я вижу это по ее лицу каждый раз, когда она проходит мимо, по ее глазам, когда она смотрит на тебя в зале, по тому, как она гордо улыбается, когда тебя хвалят в ее присутствии. Все это - признаки ее чувств к тебе, но, поскольку семья слишком опекала ее, она еще не сознает, что значат эти чувства.

- Я говорил ей, что не собираюсь брать другую женщину, даже когда мы не сможем заниматься любовью из-за будущего ребенка. Мне показалось, она осталась довольна, - сообщил Вульф Айронфист собеседнику.

Корио засмеялся.

- Вот видишь! - воскликнул он торжествуя. - Она ревнует, а это, мой друг, верный признак того, что женщина влюблена.

Оба мужчины, беседуя, вошли в зал. Кейлин сидела за ткацким станком. Она подняла голову, и приветливая улыбка появилась на ее губах.

- Вульф! Корио! - Она поднялась. - Вы голодны, хотите пить? Дать вам что-нибудь?

- Завтра мы идем на твою виллу, - начал Вульф.
- Я пойду с вами, - заявила Кейлин.
- Ни в коем случае, - сказал он. - Это мужская работа.
- Земли моего отца и земли кузена не охраняются. В этом никогда не было необходимости. Вы не встретите никакого сопротивления, обещаю вам. Квинт Друзас будет протестовать, но даже его тесть, начальник магистрата в Кориниуме, не сможет отрицать, что эти земли по праву принадлежат мне.
- Ты подвергнешь себя и ребенка опасности, - покачал головой Вульф Айронфист. - Сначала я должен убить этого Квинта Друзаса. Вспомни, он не пожалел твою семью.
- Я никогда не забуду его предательства, пока жива! - ответила Кейлин. - Конечно, ты должен убить его, но не так, чтобы магистрат мог обвинить тебя в убийстве. У моего сына должен быть отец.
- А мать моего сына должна остаться здесь, в безопасности, - продолжил Вульф, полагая, что это логично.
- Если я не пойду с вами, как они узнают, что я жива? Я хочу, чтобы Квинт увидел меня и понял, что я пришла не только требовать то, что по праву принадлежит мне, но и разоблачить его преступление перед людьми.
- Ты не можешь скакать на лошади, Кейлин, - вмешался Корио.
- У тебя есть небольшое седло сзади, - ответила Кейлин. - Мой живот еще не так велик. Ребенок появится только к сбору урожая. Я должна быть там. Я имею право видеть, как свершится правосудие!
- Хорошо, - наконец согласился ее муж, - выступаем до рассвета, Кейлин. Если встретим сопротивление, ты должна спешиться и спрятаться. Обещаешь мне это, ягненок?
- Да, - сказала она и затем улыбнулась с немного жестоким выражением лица. - Это будет весьма устрашающее зрелище, когда огромный отряд вооруженных воинов появится из леса и поскачет через поля. Уже сто лет такого не бывало, и, конечно, сейчас никто в округе не помнит ничего подобного. Вы будете вселять ужас во всех, кто увидит вас. - Она посмотрела на обоих мужчин:
- Берикос знает о ваших планах?

Они отрицательно покачали головами.

- Мы только сообщили ему, что совершим учебный поход, - ответил Вульф. - Он больше ничего не должен знать.
- Ты прав, не должен, - согласилась Кейлин. - Он с каждым днем становится все более странным, все время проводит с Бриджит. Мы видим его только за трапезой утром и вечером. Откровенно говоря, меня это устраивает.

Оба ее собеседника безмолвствовали. Смещение Берикоса не касалось Кейлин. Скоро это произойдет.

Было сыро и холодно, когда они встали в ночной темноте, чтобы подготовиться к выступлению. Вульф протянул жене мужские штаны.

- Корио передал их для тебя, - сказал он. - Внутри у них подкладка из кроличьего меха, и они достаточно большие для твоего живота.

Кейлин пришла в восторг от этой одежды. Она сделала пояс из длинной полоски ткани, чтобы поддерживать штаны, надела рубашку, а сверху тунику. Сапожки на меху сразу согрели ей ноги. Она заколола волосы гребнем из грушевого дерева и, накинув плащ, молча вышла вслед за мужем во двор, где Корио и остальные воины уже ждали их на лошадях.

Вульф Айронфист сел в седло, затем нагнулся и, подтянув Кейлин, усадил позади себя. Она обняла его за талию, и они тронулись. Узкий месяц тускло освещал землю. Особенно темно было в лесу. Но с каждой минутой небо меняло цвет от черного как деготь до темно-серого и наконец стало серым, когда они пересекли огромный луг, который Кейлин запомнила еще по прошлому путешествию в форт добунни почти год назад. Птицы весело щебетали, когда они ехали через второй лес. Затем отряд перебрался через холмы, за которыми дорога вела к дому, такому знакомому Кейлин.

На гребне последнего холма они остановились. Посмотрев вниз, Кейлин различила руины своего родного дома. Никто не расчистил пожарище, хотя окружающие поля вспаханы и деревья в садах аккуратно подрезаны.

- Отвези меня к вилле, - попросила она мужа. - Еще очень рано, и мы никого не потревожим вокруг.

Вульф Айронфист повел своих воинов вниз по склону холма. Они остановились перед развалинами, и Кейлин сползла с лошади. Долгое время она стояла, разглядывая дом, а затем вошла. Осторожно направилась в атрий, перешагивая через рухнувшие балки, валявшиеся повсюду и закрывавшие то, что когда-то было великолепным каменным полом, выложенным мозаикой. Вульф, Корио и еще несколько человек последовали за ней.

Добравшись до спальни родителей Кейлин, вся группа вошла внутрь. Они увидели белеющие кости и четыре черепа, которые лежали на полу в разных местах.

- Это моя семья, - сказала Кейлин, и на глаза ее навернулись слезы. - Он даже ради приличия не похоронил их с почестями. - Слезы текли по ее лицу. - Смотри, это моя мать Каина на кровати. Все сгорело, кроме нескольких костей и черепа, который лежит на том месте, где когда-то было ее любовное гнездышко. А там в ряд лежат мои братья и отец. Череп отца самый большой, я уверена. - Она опустила на колени и коснулась рукой черепа поменьше. - Это Тит. Я знаю, потому что один из передних зубов отколот. Я попала в него шаром и повредила, когда была маленькой. Я сделала это случайно. А это Флавий. Они были так красивы и так полны жизни, когда я видела их в последний раз!..

Она вдруг почувствовала себя совсем разбитой, но, собрав силы, поднялась на ноги.

- Теперь идем. Когда возвратим земли, мы вернемся, чтобы достойно похоронить мою семью, они того заслуживают. - Кейлин повернулась и пошла назад через руины на свежий утренний воздух.

Корио покачал головой.

- Она настоящая кельтка! - произнес он восхищенно.

- Вы воспитали крепких женщин, - ответил Вульф Айронфист.

Мужчины присоединились к Кейлин.

- Где логово Квинта Друзаса? - спросил саксонец свою жену.

- Я провожу, - ответила Кейлин твердым холодным голосом.

Рабы на полях, принадлежавших Квинту Друзасу, увидели приближающийся вооруженный конный отряд добунни и задрожали от ужаса, застыв на месте. Добунни не обратили на них внимания. Вульф уверил, что несправедливо убивать безоружных рабов. Подъехав к великолепной просторной вилле двоюродного брата Кейлин, они остановили лошадей. Рабы, которые выравнивали граблями дорогу, покрытую гравием, расступились перед ними. Как было заранее условлено, пятьдесят человек остались в седлах перед входом на виллу. Кейлин, Вульф, Корио и еще сотня человек без предупреждения вошли в дом.

- Что... что такое? Вы не имеете права входить сюда! - закричал управляющий, выскочив вперед, как будто мог остановить их.

- Мы уже вошли, - сказал Вульф Айронфист суровым голосом. - Немедленно позови сюда своего хозяина! Или предпочитаешь, чтобы я насадил тебя на меч, жирное насекомое?

- Это дом дочери магистра, - пропищал управляющий, стараясь выполнить свой долг.

- Если магистр у себя дома, вызови его тоже, - приказал Вульф и ткнул его в жирное пузо кончиком меча. - Мое терпение кончается! - прорычал он.

Вскрикнув от страха, так как меч проколол его тунику, управляющий повернулся и исчез. Его сопровождал смех добунни.

- От Антиохии до Британии все они одинаковы, эти высокопоставленные слуги, - заметил Вульф. - Напыщенные и надутые от собственной важности.

Пока они стояли в ожидании, добунни осматривали атрий. Большинство из них никогда не бывали в таких прекрасных домах. Затем в комнату вошел Квинт Друзас. Кейлин из-за спины мужа украдкой взглянула на своего кузена. Он растолстел с той поры, когда она последний раз видела его. Однако все еще был красив, правда, его глаза смотрели устало.

- Как вы посмели войти в мой дом без предупреждения и без приглашения, вы, дикари! - заорал он, прекрасно понимая, что словами не сможет остановить этих людей. - Чего вы хотите? Изложите свое дело, если, конечно, у вас есть ко мне дело, и проваливайте!

Вульф Айронфист оценил стоящего перед ним человека и понял - он слаб. Это не воин. Это подонок, который заставляет других убивать для него, а потом забирает большую часть награбленного. Саксонец отошел в сторону, давая Кейлин возможность выйти вперед.

- Привет, Квинт Друзас! - сказала она, чрезвычайно довольная тем, что выражение гнева на его лице мгновенно сменилось изумлением.

- Ты же мертва... - пробормотал он.

- Нет, я жива, кузен. Я вернулась, чтобы потребовать то, что принадлежит мне по праву, и посмотреть, как свершится правосудие, - заявила она. - Я не пощажу тебя, как ты не пощадил

мою семью!

- Что такое? Что такое? - В атрий вошел магистр Порций с дочерью. Антония первая увидела Кейлин и открыла рот от изумления:

- Кейлин Друзас! Как это вышло? Ты же погибла в этом страшном пожаре почти год назад! Но, оказывается, это не так. Где ты была? Почему на тебе эта ужасная одежда?

Кейлин кивнула Антонии, но слова ее были обращены к магистру Порцию:

- Начальник магистрата Кориниума, я требую правосудия!

- Правосудие свершится, - ответил магистр торжественно, - но скажи, детка, как ты уцелела в этом ужасном пожаре и почему не появлялась до сих пор?

- По непонятным мне причинам, - сказала Кейлин, - боги уберегли меня от смерти в этом большом пожаре, разрушившем мой дом. Я задержалась на празднике костров. А когда вернулась на виллу, она была в огне и моя бабушка лежала на земле. Она настояла, чтобы мы спасались бегством, сообщив, что наша жизнь в большой опасности. Всю ночь мы шли, пока к рассвету не добрались до форта моего деда Берикоса, вождя добунни. Там бабушка рассказала, что произошло.

- И что же произошло? - спросил Квинт Друзас раздраженно.

- Ты, римское дерьмо! - со злостью закричала Кейлин. - Ты недостойн называться Друзасом. Ты погубил мою семью и теперь еще смеешь разыгрывать невинного младенца? Я молю богов, чтобы они покарали тебя, Квинт Друзас! - Кейлин снова обратилась к магистру:

- Мой кузен нанял двух галлов, пообещав им свободу за страшную цену. Они пробрались на виллу, убили моих родителей и братьев и одним ударом свалили Бренну. Они не знали, что не убили ее. Она лежала, дожидаясь, когда сможет сбежать. Она слышала, как эти галлы хвастались тем, как хорошо они выполнили приказ своего хозяина, сначала убив двух маленьких пасынков и представив дело так, будто во всем виноваты нерадивые няньки. Убийство моей семьи завершало их службу Квинту Друзасу. Они даже знали, где мой отец прятал золото, и забрали его, перед тем как сбежать.

Меня тоже должны были убить, но я задержалась. Галлы испугались разоблачения и казни. Они подожгли дом и сбежали. Моя бабушка спаслась, ползком пробравшись через пламя и дым. Мы добрались до моего деда, опасаясь, что кузен, узнав о нашем спасении, завершит начатое дело. Бренна так и не выздоровела, она умерла перед Новым годом. А я вернулась, магистр Порций. И я требую то, что по праву принадлежит мне как единственному живому члену семьи Друзаса Кориниума. Теперь я замужняя женщина, и после сбора урожая у меня родится ребенок. Я хочу вернуть свои земли. Я требую, чтобы убийца был наказан! - закончила Кейлин.

Слишком многое надо было осознать. Магистру Порцию никогда не нравился Квинт Друзас, но он сдерживал свои чувства, так как и Секстус Сципио тоже не нравился ему. Он решил, что, как любящий отец, он из-за ревности недолюбливает мужей Антонии. Теперь он понял, что, может быть, был прав и его дочь не способна выбрать хорошего человека. Сейчас Кейлин обвинила своего кузена в убийстве не только ее семьи, но и двух его маленьких внуков. Это ужасно, но в глубине души он верил, что это правда. Квинт холодный, тяжелый человек. Однако Антоний Порций - начальник магистрата. И все, что он делает, должно соответствовать букве закона. Он глубоко вздохнул:

- Я могу, конечно, вернуть тебе земли, Кейлин Друзас.

Они, несомненно, твои по праву наследования, и у тебя есть муж, чтобы обрабатывать и охранять их. Что касается твоих обвинений в адрес Квинта Друзаса, какие доказательства ты можешь представить мне, кроме того, что рассказала тебе бабушка? Кейлин мрачно посмотрела на него и ответила:

- Однажды моя мать рассказала мне, что еще до того, как она вышла замуж за моего отца, в то время, когда она жила со своими родителями в Кориниуме, вы были влюблены в нее. Однако она любила моего отца и отказала вам, сделав это очень мягко, потому что уважала вас. Неужели в вашем сердце, Антоний Порций, не осталось жалости, чтобы помочь мне отомстить за ее смерть? Знаете, что галлы моего кузена сделали с ней? Они изнасиловали и избили ее, перед тем как убить. Моя бабушка увидела окровавленное, избитое лицо и тело дочери. Когда-то она была очень красивой женщиной. Этот убийца, за которого ваша дочь вышла замуж, даже не соизволил похоронить останки членов моей семьи. Они лежат там, где были убиты, в то время как Квинт Друзас возделывает наши поля с помощью наших рабов. И это есть римское право наших предков?

Магистр, казалось, вот-вот заплачет. Она говорила правду. Сердцем и душой, той частью, которая была кельтской, он верил этому, но не мог помочь Кейлин.

- Закон, Кейлин Друзас, требует доказательств. У тебя нет доказательств, кроме слов умершей старой женщины. Этого недостаточно. Я хотел бы помочь тебе, если бы мог, но я не могу. Нет доказательств.

Кейлин разразилась слезами.

- Я столько пережила и пришла к вам за справедливостью, а получаю отказ! Могу ли я жить дальше, зная, что Квинт Друзас продолжает беспечно существовать, а моя семья истреблена? - Она вытерла слезы тыльной стороной ладони, минута слабости прошла. Она посмотрела на своего кузена. - Ты это сделал, Квинт Друзас! Не думай, что избежишь наказания. Заруби себе на носу: теперь ты не сомкнешь глаз. Я хочу увидеть, как ты будешь наказан, даже если это станет концом моей жизни, убийца!

- Ты сошла с ума, от горя твой разум помутился, Кейлин, дорогая, - сказал Квинт скучающим высокомерным тоном. Он не мог допустить потери земель своего дяди после всего того, что пришлось сделать. Он найдет выход. Ему нужно только время; пока его тесть считает, что из-за недостатка улик его не могут преследовать в судебном порядке, у него есть время.

- Ну, раз все уладилось, могу я предложить вам вина? - Антония весело улыбнулась, как будто ничего не поняла из того, что здесь было сказано.

- Ничего не уладится до тех пор, пока твой муж не заплатит за свое преступление, - холодно сказала Кейлин. - Ради богов, Антония, неужели ты не понимаешь, что сделал Квинт? Не только мне, но и тебе тоже!

- Квинт хороший муж, Кейлин, - ответила Антония натянуто.

- Квинт - бессердечный ублюдок! - резко перебила Кейлин. - Прежде чем расправиться с моей семьей, он заставил галлов убить сыновей, которых ты родила от Секстуса Сципио. Невинных детей!

- Мои сыновья утонули в бассейне в атриум из-за нерадивости распущенных нянек, - ответила

Антония, но ее голос задрожал от тайных сомнений, которые она всегда скрывала.

- Галлы по приказу твоего мужа задушили детей в постели, а потом бросили их безжизненные тела в бассейн атрия, - заявила Кейлин прямо и жестоко.

- Это не правда! - Антония начала всхлипывать.

- Правда! - ответила Кейлин резко, - Тебе больно сознавать, что сделал Квинт? Может быть, тогда, Антония, ты лучше поймешь, что чувствую я.

- Квинт! Скажи мне, это так? - плакала Антония. - Скажи мне!

- Да, кузен, - произнесла Кейлин с издевкой. - Расскажи ей правду, если, конечно, умеешь это делать. Говорил ли ты хоть раз в своей жизни правду? Расскажи жене, матери твоего единственного сына, что ты не собирался устранять ее сыновей от первого брака, а потом расскажи ей, что ты не приказывал тем же галлам умертвить мою семью, чтобы наследовать земли моего отца. Расскажи ей, Квинт! Расскажи ей правду, если осмелишься, но ты не посмеешь, не так ли? Ты трус!

Лицо Квинта Друзаса исказилось от страшной ярости.

- А ты сука, Кейлин Друзас! - прошипел он. - Кто из богов так ненавидит меня? Кто спас тебя от смерти в ту ночь, когда я предпринял все, чтобы незаметно покончить со всеми?

Кейлин бросилась на своего кузена и вцепилась ногтями в его красивое лицо.

- Я сама убью тебя! - закричала она, оскалив зубы.

Квинт Друзас замахнулся, чтобы ударить ее, но неожиданно кто-то схватил его и связал ему руки за спиной. Его охватила паника, когда он увидел огромного саксонского воина, решительно заслонившего Кейлин. Квинт Друзас понял по выражению его лица, что ему грозит смерть.

- Нет!.. - завыл он, безуспешно пытаясь освободиться от железных тисков, удерживающих его.

Вульф Айронфист вытащил меч из ножен. Это было обоюдоострое лезвие тридцати трех дюймов длиной, сделанное из прекрасной кованой стали. Твердо держа оружие за рукоятку, саксонец нанес удар прямо в сердце Квинту Друзасу, слегка повернув лезвие. Его голубые глаза не отрываясь смотрели в глаза своей перепуганной жертве. Взгляд Вульфа был безжалостен. В ответ он увидел нескрываемый ужас, который был лишь малой платой за все страдания и душевные муки, причиненные Квинтом Друзасом всем окружающим, и особенно Кейлин. Когда жизнь угасла в глазах римлянина, Вульф вытащил лезвие из его груди и вытер его о тогу Квинта. Корио отпустил тело, и оно рухнуло на пол.

Саксонец вызывающе посмотрел на магистра, но Антоний Порций спокойно сказал:

- Он приговорил себя своими собственными словами. - Он обнял дочь за плечи. - Подождите здесь, - сказал он мужчинам и вывел Антонию из атрия.

- Реалистичный человек, - сухо заметил Корио.

- Он всегда был практичным, - сказала Кейлин. - Мой отец говорил о нем, что Антоний Порций легче пуха, потому что летит по ветру в любом направлении, как гусиное перо. - Она взглянула

на безжизненное тело кузена. - Я рада, что он мертв. Об одном только сожалею - он не страдал так, как моя мать.

- Твоя мать теперь с богами, - произнес Корио. - А этот римлянин - нет, я уверен. - Он посмотрел на Вульфа. - Думаю, теперь люди могут подождать снаружи. Здесь нет опасности.

- Отпусти их, - приказал Вульф Айронфист и обратился к своей жене:

- Пойди присядь, ягненок. Эти волнения вредны для женщины в твоем положении. Ты устала? Не хочешь чего-нибудь выпить?

- Не беспокойся, Вульф, - ответила она. - Разве я напоминаю изнеженное создание, которое надо баловать? - Однако она присела на мраморную скамейку около бассейна. Воды в нем не было.

Антоний Порций вернулся в атрий.

- Я передал мою дочь служанкам, - сказал он. - К несчастью, она опять беременна. - Он сел рядом с Кейлин. - Дорогая, что сказать, как облегчить твои страдания? - Он устало покачал головой. - Он никогда не нравился тебе, я знаю. Мне тоже, но я думал, что я, глупый старик, ревную свою единственную дочь к ее мужу. Ну, теперь он мертв и больше не причинит вреда ни тебе, ни Антонии. Что было, то было. Когда я возвращусь в Кориниум, я позабочусь о том, чтобы о твоём существовании стало известно и тебе официально вернули земли. Ваших рабов и другое имущество, конечно, тоже возвратят. Где ты живешь? Вилла ведь разрушена.

- Воины добунни, сопровождающие нас, помогут отремонтировать зал. Мы с честью похороним моих родных, потом очистим виллу от обломков и начнем строить заново. Ничего не сохранилось. Нам придется начинать все с самого начала, как моему предку, первому Друзасу Кориниуму, - сказала Кейлин.

- Великан саксонец твой муж? - полюбопытствовал Антоний Порций.

- Да. Мы поженились пять месяцев назад, - ответила она и, увидев беспокойство на его лице, продолжила:

- Это был мой выбор, Антоний Порций. Кельты не заставляют своих детей насильно вступать в брак.

- Я знаю, - подтвердил он. - Со всей своей римской репутацией, Кейлин Друзас, во мне много кельтского, как и в тебе.

- Я британка, - ответила она. - Я британка, и Британия моя родина. В душе у меня мир. Я горжусь моими предками, их историей. Я уважаю их, но я британка, а не римлянка и не кельтка. Мой муж Вульф Айронфист - саксонец, но наши дети будут, как я, британцами. Я хочу, чтобы они знали историю моей семьи, а Вульф расскажет о своей, но они будут британцами. Сейчас мы все должны быть британцами, если хотим выжить, магистр Порций. Все изменилось или меняется. Мы живем в жестоком мире.

- Да, дитя мое, - согласился он и встал вместе с ней. - Теперь иди, Кейлин Друзас. Иди со своим сильным молодым мужем и начинай новую жизнь. Со временем ужас этого дня пройдет. Мои внуки будут играть с твоими детьми, и между нами будет мир, как когда-то. - Он нежно поцеловал ее в лоб и передал Вульфу. - Пусть боги всегда будут с вами, - сказал он.

Они вышли из атрия виллы в сопровождении Корио.

- Новая жизнь, - сказал Вульф Айронфист. - Мне нравится, как это звучит.

- Да, - согласилась Кейлин и улыбнулась обоим мужчинам. - Новая жизнь для всех нас. Для Британии и для британцев.

Глава 6

Верный своему слову, магистр Порций прибыл в Кориниум и вычеркнул имя Кейлин из списка умерших, чтобы официально возратить ей ее имущество. Затем он закрыл свой дом в городе и отправился к дочери. Он знал, что она нуждается в присутствии мужчины в доме. У нее нет других родственников, кроме него. Он знал, что она будет долго горевать, ведь Антония действительно любила Квинта Друзаса и отказывалась признавать его вину.

К своему большому удивлению, Антоний Порций обнаружил, что его дочь не пребывает в отчаянии. Напротив, он застал ее озлобленной и сердитой. Кроме того, она стала проявлять чрезмерную любовь к своему маленькому сыну, Квинту младшему. Антония любила всех своих детей, но никогда не докучала им, предпочитая оставлять их на попечение служанок, что не нравилось ее отцу. Теперь вдруг она не могла даже на минуту оставить без внимания своего сына.

- Ты не должна позволять ему делать все, что ему вздумается, дочка! - бранил ее Антоний Порций в день своего возвращения. Маленький Квинт капризничал, и, утешая его, Антония подарила ему новую игрушку.

- У него нет никого в этом мире, кроме нас, отец! - ответила она раздраженно. - Благодарите Кейлин Друзас, мой маленький Квинт и ты, сынок, которого я ношу в своем лоне, за то, что вы остались без отца. Теперь я должна быть и матерью, и отцом для моих малюток. Все из-за Кейлин Друзас!

- Антония, дорогая, - успокаивал ее отец, - ты должна посмотреть правде в лицо. Ты не можешь жить с сердцем, переполненным горечью. Кейлин Друзас не отвечает за смерть твоего мужа. Разве ты ничего не поняла из того, что он говорил перед смертью? Квинт Друзас умертвил семью Кейлин, а потом поджег ее виллу, чтобы скрыть преступление и завладеть их землями. Он признался в этом. Как ты этого не понимаешь?

- Я не верю в это! - упрямо сказала Антония.

- Зачем Кейлин сочинять такую историю, Антония? - упорствовал отец. - Какую цель она преследовала? Если бы это не было правдой, тогда зачем им с Бренной надо было бежать к Берикосу? Если бы пожар возник случайно, было бы проще сказать, что они спасались от пожара.

- Может быть, потому что она убила свою семью, отец. Ты никогда не предполагал такой возможности? Нет, конечно, нет! - воскликнула Антония.

- Антония! - Он пришел в ужас от ее слов, настолько они были безумны. - Какой смысл Кейлин делать это?

Подавленная горем вдова мрачно смотрела на него, не говоря ни слова.

- Антония, - продолжал отец, - как ты можешь горевать о человеке, который решился убить

двух твоих сыновей?

- Это не правда! - пронзительно закричала Антония. - Это не может быть правдой!

- Меня ужасает это так же, как и тебя, но в этом есть определенная логика. Разве Квинт Друзас был таким мягким, прекрасным человеком и не было моментов, когда ты боялась его?

- Да, однажды, - тихо призналась Антония, - как раз после того, как Луция и Пауля нашли мертвыми, когда нашему сыну исполнился только один день от роду. Я была полна горя, но Квинт сурово обошелся со мной; он боялся, как бы из-за тяжелой утраты у меня не пропало молоко. Он очень рассердился на меня, отец. Он сказал, что его сына должна кормить мать, а не какая-то истощенная рабыня. Я испугалась его в этот момент, но потом все прошло.

» Так вот почему Антония кормила своего младшего сына, - подумал магистр Порций. - Старших она никогда не кормила «.

- Он не мог убить моих сыновей, - не замолкала Антония. - Он любил их! Кроме того, эти развратные няньки были найдены в непристойном виде, и от них пахло вином.

- А раньше этих женщин видели когда-либо пьяными или, может быть, их обвиняли в развратном поведении? Я помню их обеих. Они любили моих внуков. Ты сама тщательно выбирала девушек, когда родились Луций и Пауль. Они преданно ухаживали за мальчиками. К тому же, прежде чем они смогли сказать что-либо в свою защиту, их обвинили и сразу задушили. Кто сделал это?

- Квинт, - ответила Антония.

- Квинт, - тихо повторил отец. - Да, Квинт. Мне кажется это подозрительным, дорогая. Рабы, занимающиеся домашними работами, находятся в твоём подчинении. Разве он не мог подождать твоего решения по этому делу? Конечно, нет, потому что знал: эти несчастные женщины расскажут о галлах, а те, в свою очередь, чтобы спасти собственные шкуры, выдадут Квинта Друзаса. Уверен, мои предположения верны.

Антония упрямо покачала головой:

- Это Кейлин виновата!

- Но почему же Кейлин? Почему? - настаивал отец.

- О, отец, неужели ты не понимаешь? Если бы Кейлин не вернулась, ничего бы не случилось! Квинт был бы жив, а у моих сыновей был бы отец. Но она пришла со своими обвинениями, и ее муж убил моего!

- А два твоих старших сына? А семья Друзасов? - воскликнул магистр. - А жестокое убийство, сожженная вилла, останки Друзасов, оставленные под ветром и дождем? Неужели тебе никого не жаль, кроме себя, Антония? О боги!

Мне стыдно за тебя! Я не воспитывал тебя такой эгоисткой! - Магистр Порций отвернулся от дочери, разочарованный и сердитый.

- Разве эгоистично любить мужа, отец? Если так, то меня не волнует, что ты думаешь обо мне! Я любила Квинта Друзаса, а Кейлин отняла его у меня. Больше меня ничто не беспокоит. Даже если я не права, какое это имеет значение? Я обречена жить до конца своих дней без любви.

Мои дети вынуждены расти без отца. За эти и другие преступления я заставлю Кейлин Друзас ответить. Я ненавижу ее! Надеюсь, когда-нибудь она узнает боль и страдания, которые причинила мне... Ненавижу! Никогда не прощу ей этого! Несправедливо, отец, что теперь у нее, а не у меня самый красивый муж в провинции. Она отняла у меня Квинта Друзаса, а ее утешает этот великолепный саксонец. Меня же некому поддержать!

Антония Порция расстроили неразумные рассуждения дочери. Он мог как-то понять ее гнев, но эта неожиданная нелепая зависть по отношению к Кейлин и ее мужу была ему неприятна. Может быть, подумал он, со временем Антония осознает случившееся. Она успокоится, и все будет в порядке. Прошло еще слишком мало времени. Магистр Порций знал свою дочь. Она погорюет немного, а потом ей встретится другой красавец и Квинт Друзас будет забыт. С ней всегда так бывало, когда она теряла мужчину. Скоро другой займет место Квинта.

Проведя несколько дней со своей дочерью, магистр собрался уезжать; он взял лошадь и поскакал через поля к имению Друзаса Кориниума. Развалины сгоревшей виллы расчистили. На мраморном полу в атриум и бывшей столовой теперь воздвигли зал из деревянных балок и камня. Крылья виллы, где раньше располагались спальни, ванны и кухня, еще не были восстановлены. Это будет более простой и практичный стиль, чем тот, к которому привыкла Кейлин, подумал Антоний Порций и вздохнул.

По всей Британии жители были вынуждены делать то же самое, чтобы как-то выжить. Добрые старые времена, когда процветал изящный, роскошный стиль жизни, унаследованный от римских предков, подходили к концу. Чтобы продолжить старые традиции, люди должны учиться строить. Хотя магистр понимал: кто-то может строить лучше, кто-то хуже. Он улыбнулся. Впрочем, все не так уж плохо. Кейлин и Вульф вместе, у них хорошие земли и, вероятно, родится много детей. В конце концов, это самое главное, когда все разрушено. Молодая пара вежливо приветствовала его. Они показали ему свежие могилы семьи Кейлин. Из Кориниума вызвали резчика по мрамору, чтобы он соорудил памятник, используя мрамор виллы. Новый зал пока был небольшим; потом, сообщил Вульф гостю, они построят более просторный и пышный зал. Но у них и сейчас есть комната, прозванная солнечной, где они могут побыть наедине друг с другом. Очаг сложили из кирпича, крышу искусно покрыли плотно перевязанной соломой с узкими отверстиями для дыма.

- Мне удалось вытащить некоторые вещи со старой кухни, - гордо сообщила Кейлин магистру. - Горшки и кое-какая посуда не пострадали от огня. Думаю, после чистки их снова можно будет использовать.

- Но вам многое нужно: и утварь, и обстановка. Может быть, у Антонии есть вещи, которые ей не нужны, и она могла бы переслать их вам, - сказал магистр неуверенно.

- Я ничего не хочу брать от вашей дочери, - гордо заявила Кейлин. - Добунни дадут нам все, что требуется. Берикос должен мне приданое, а Сира проследит, чтобы он отдал его.

- А я умею плотничать, помимо моей военной профессии, - присоединился к разговору Вульф. - Кроме того, среди наших рабов есть мастеровые. Просто на все требуется время, а время - это то, чем мы наделены больше всего, Антоний Порций.

- Вы не сможете как следует отстроить зал, пока не будет собран урожай, - заметил старик. - В летние месяцы вы должны заняться полями, которые уже вспаханы и зеленеют. Урожай - главное ваше богатство. Вам потребуется амбар или два.

- Согласен, - сказал Вульф. - Но найдутся те, кто не сможет работать на полях, а также будут

дождливые дни, когда поля нельзя обрабатывать. Мы должны закончить необходимые работы до зимы.

Молодые супруги приехали в деревню Берикоса на праздник костров и бракосочетание Нуалы и Бодвока. Эпилус уже стал вождем племени добунни. Для этого, однако, не потребовалось свергать Берикоса. Он избежал унижения. Через несколько дней после того, как Кейлин, Вульф и его люди отправились отомстить за ее семью, у старика случился удар, парализовало нижнюю часть тела, и он совсем потерял речь. Только Сира и Маеве могли понимать то, что он пытался им сообщить.

Поэтому добунни не стали смещать его с высокого поста. В своем теперешнем состоянии он не мог управлять людьми. Поскольку это касалось каждого, боги позаботились об их судьбе, и Берикос ушел в отставку хотя не по своей воле, но с честью. Старик, однако, злился, главным образом из-за того, что теперь Бриджит командовала им.

- Она бросила его, - с удовлетворением сообщила Сира Кейлин. - Не сразу, а когда удостоверилась в том, что он никогда полностью не поправится. - Сира мрачно улыбнулась. - Она взяла свою служанку, драгоценности и все, что он приобрел для нее. Мы проснулись однажды утром, а ее нет - она исчезла вместе с глупым подростком, о котором не стоит говорить. Парень вернулся через несколько дней поджав хвост. Бриджит отъехала к своим катувеллонским родственникам и сразу нашла себе нового мужа. Мы не сказали об этом Берикосу. Не стоит причинять ему дополнительную боль.

- Я начинаю жалеть его, - сказала Кейлин, - но потом вспоминаю, как он отрекся от моей матери и как плохо относился к бабушке, когда мы пришли к нему за помощью. Я не могу забыть, как он заставил меня спать с Вульфом, хотя знал, что я девственница и воспитана не так, как добунни.

- Но ты счастлива с Вульфом, не так ли? - спросила Сира.

- Да, но что было бы, если бы Вульф оказался не таким порядочным человеком? Сира кивнула:

- Да, у тебя много обид, но попытайся простить его, Кейлин. Он глупый, упрямый старик. Он не может измениться, а ты, детка, можешь. Он любил твою мать, и, я подозреваю, он любит тебя тоже, потому что ты дочь Каины, но он слишком горд, чтобы признаться в этом.

- Он считает, я похожа на Бренну, - тихо сказала Кейлин, - и никогда не простит мне этого. Он слышит, как Бренна говорит моими устами. - Она улыбнулась. - Я постараюсь только ради тебя, Сира. Ты так добра ко мне.

Нуала и Бодвок сочетались браком во время праздника костров. Живот невесты уже вполне округлился, и, когда поздравляли Бодвока, Нуалу основательно поддразнивали, но она не обращала на это внимания.

- Может быть, мы уйдем отсюда и поселимся около тебя и Вульфа, - сообщила она своей кузине.

- Покинете добунни? - удивилась Кейлин. - Кельты привыкли жить общиной вместе с родственниками и друзьями. - Она испугалась, подумав, как Нуала и Бодвок оставят все это.

- Почему бы нет? - ответила Нуала. - Времена меняются. Здесь жизнь для нас с Бодвоком слишком ограничена. Мы любим наши семьи, но уж очень хочется жить немного по-другому. У тебя и Вульфа нет никого. Если бы мы жили рядом, то могли бы ходить друг к другу в гости.

Да и деревни добунни достаточно близко, чтобы навещать наши семьи. У вас ведь много земли, верно?

Кейлин кивнула:

- Когда Антоний Порций вернет мне земли моего отца, он включит и виллу, которая была отдана Квинту Друзасу, когда он прибыл из Рима. Вы с Бодвоком можете взять эту землю. Мы с Вульфом отдадим ее вам в качестве свадебного подарка! Вам придется построить новый дом, Нуала, но земли там очень плодородны, хорошо орошаются, и есть прекрасный сад. Замечательно, что вы будете рядом.

- Наши дети вырастут вместе, - сказала Нуала с улыбкой. Кейлин нашла своего мужа и сообщила, что собирается сделать.

- Правильно! - согласился он, улыбнувшись. - Бодвок - хороший сосед. Мы поможем ему построить дом, ведь скоро у них появится ребенок, необходимо иметь свою крышу над головой.

С заходом солнца зажглись праздничные костры и начался пир с вином и танцами. В течение дня Кейлин занималась родственниками и свадьбой, но на закате ею овладела глубокая печаль. Всего год назад убили ее семью. Она бродила среди пирующих и неожиданно оказалась рядом с Берикосом. Хорошо, подумала она, сейчас подходящее время попытаться помириться с этим старым негодяем. Он сидел на стуле со спинкой. Она устроилась рядом на земле.

- Однажды, - начала она, - моя мать рассказала мне, что, когда она была маленькой, никто не мог прыгнуть выше тебя через костер. Мне кажется, это был единственный раз когда она заговорила о тебе. Думаю, она ушла от тебя специально в это время года. Я не похожа на нее? Если так, тогда кто я?

Удивленная, она почувствовала, как рука старика тяжело опустилась на ее голову. Повернувшись, Кейлин взглянула на него. Единственная слезинка катилась по его небритому лицу. На мгновение Кейлин почувствовала озлобление. Старик не имел права так вести себя после той бессердечности и жестокости, которую он проявил не только по отношению к ней, но и по отношению к Бренне и Каине. Потом что-то произошло у нее в душе, и она почувствовала, что злость пропала. Она сквозь слезы улыбнулась ему.

- Мы похожи, Берикос? У меня характер не только Бренны. Твой тоже. Мы не только остры на язык, но и излишне горды в придачу. - Она похлопала себя по животу. - Только богам известно, на кого будет похож твой правнук.

Он не то засопел, не то захихикал по поводу ее замечания. Потом вдруг произнес:

- Хорошо!

- Хорошо? - переспросила она. Он энергично закивал, и из его гортани донесся звук, похожий на смех. - Ты действительно так считаешь? Ну что же, после праздника Лага увидим, прав ли ты, - ответила Кейлин с легкой улыбкой.

На следующее утро к ней подошла Сира и сказала:

- Ты сделала Берикоса счастливым, детка. Твоя мать гордилась бы тобой. Думаю, это поможет ему обрести мир с самим собой и с Кайной.

Кейлин кивнула.

- Почему бы нет? - сказала она. - Прошлой ночью двери между двумя мирами приоткрылись. Может быть, не так широко, как на Новый год, но открылись. Я чувствую, моя мать хотела бы, чтобы я была великодушной к Берикосу. Странно, не правда ли. Сира? Всего лишь несколько недель назад Берикос был крепок, полон жизни и повелевал своим народом. А сейчас он - никто, просто слабый и жалкий старик. Как быстро боги вершат свое правосудие, когда решают, что для этого пришло время!

- Жизнь недолговечна, детка, и слишком быстро проходит, как ты скоро убедишься. Во времена пылкой юности ты чувствуешь себя полной сил и нет ничего невозможного! А потом вдруг превращаешься в высохшую шелуху, но желания остаются, хотя уже нет сил. - Она засмеялась. - Ну, тебе пора. Иди со своим мужчиной. Позови меня, когда должен будет появиться ребенок. Мы с Маеве поможем тебе.

Кейлин попросила остановиться у скамейки, где, греясь на утреннем майском солнышке, сидел ее дед. Она наклонилась и поцеловала его седую голову, потом, взяв его за руку, пожала ее.

- Прощай, дед, - тихо сказала она. - Я привезу тебе ребенка, когда он родится.

Они вернулись домой, и Кейлин, полная сил, помогала укладывать ветки и штукатурить стены нового амбара, в то время как Вульф и слуги работали на полях. Лето выдалось хорошим, не слишком засушливым и не очень дождливым. В садах наливались фрукты, тяжело свисая с ветвей. Зерно созревало медленно, но сено уже скосили, высушили и уложили в амбары на зиму.

Коровы прибавили в весе, стадо значительно увеличилось этой весной с рождением телят. Овцы тоже расплодились, приближалось время их стрижки. Кейлин, сидя на открытом воздухе около зала, удовлетворенно смотрела на поля. На мгновение ей показалось, что ничего не изменилось. Тем не менее все стало другим. Другое время, и она начала ощущать это особенно сильно.

Однажды вечером они с Вульфом лежали на склоне холма, глядя на звезды.

- Почему ты никогда не рассказываешь о своей семье? - спросила она. - Я ношу твоего ребенка, ничего не зная о тебе.

- Ты моя семья! - Он взял ее за руку.

- Нет! - настаивала она. - Кто твои родители? Есть ли у тебя братья и сестры? Что случилось с ними? Они в Британии?

- Мой отец умер еще до моего рождения, - сказал он. - Мать умерла, когда мне исполнилось всего два года. Я не помню их. Они умерли молодыми, и я был их единственным ребенком.

- Но кто же воспитывал тебя? - Ей было жаль, что у него не осталось близких родственников, но, с другой стороны, это означало, что он целиком принадлежит ей.

- Меня воспитывали родственники из моей деревни в Германии. Я переходил от одного родственника к другому как милое, но нежеланное животное. Они не выражали неприязни, но, поверь, жизнь была тяжелой. На самом деле никому не хотелось иметь еще один рот. Я ушел от них, когда мне исполнилось тринадцать, и поступил в легионеры. Я никогда не вернусь к ним. Теперь здесь моя земля, мой дом. Ты и мой ребенок - моя семья. До встречи с тобой я был

одинок.

- До нашей встречи, - сказала она, - я тоже была одинока. Боги милостивы к нам, Вульф.

- Да, - согласился он, глядя в небо. Они увидели падающую звезду, оставившую в небе след.

Однажды от магистра Порция прибыл раб с посланием. У Антонии начались роды, и магистр находился в затруднении. Он писал, что служанки Антонии оказались беспомощными, хотя в это верилось с трудом. Он просил Кейлин приехать на виллу и помочь им. Вульф Айронфист недовольно ворчал, но Кейлин решила, что, поскольку магистр был так добр к ним, ей не следует отказываться.

- Мы подложим подушку в двуколку, и я доеду со всеми удобствами, - сказала она мужу. - Наш ребенок должен появиться на свет через несколько недель. Даже если мы поедем медленно, я смогу быть там к концу дня.

Когда Кейлин прибыла, магистр Порций очень благодарил ее, так как Антония все еще мучилась родовыми схватками.

- После смерти Квинта она отослала всех женщин, заменила их легкомысленными девчонками. Не понимаю почему, - ответил он на немой вопрос Кейлин.

- Возможно, она хотела начать новую жизнь, - предположила Кейлин. - Может быть, те женщины наводили на нее грустные мысли. Они напоминали ей тех, кого она потеряла, те лучшие времена, которые ушли безвозвратно.

- Может быть, ты права, Кейлин Друзас, - ответил он.

- Вы просили меня прийти, и я пришла, - сказала Кейлин. - Как чувствовала себя Антония до моего приезда? Я помогу ей, конечно, но я не специалист. Разве среди ее служанок нет акушерки?

Он беспомощно пожал плечами:

- Не знаю.

- Я раньше никогда не принимала роды, но знаю, что надо делать. Антония сама поможет мне, это ее четвертый ребенок. Отведите меня к ней.

Они пришли в ее комнату. Женщина лежала одна, служанки исчезли. Голубые глаза Антонии на мгновение вспыхнули гневом, когда она увидела, с кем пришел отец, но, подавив его, она сказала:

- Зачем ты пришла, Кейлин Друзас?

- Твой отец попросил помочь тебе, хотя, верно, ты знаешь лучше меня, как рожать детей. Поэтому я буду делать то, что смогу, Антония. Твои молодые служанки беспомощны.

Антония застонала, почувствовав схватки, но кивнула головой.

- Хорошо, что пришла, - признала она неохотно. Ребенок, который вскоре появился, оказался мертвым, вокруг его маленькой шеи намоталась пуповина. Это был мальчик; он был совсем синий. Кейлин плакала, не скрывая слез, огорченная несчастьем Антонии. Хотя она ненавидела своего кузена Квинта, она знала, что Антония очень любила его. Кейлин,

влюбленная в Вульфа, могла представить глубокое горе Антонии от потери сына после смерти Квинта Друзаса. Однако Антония не заплакала.

- Так даже лучше, - сказала она с чувством неизбежности того, что произошло. - Мой несчастный маленький Мариус теперь с богами, со своим отцом. - Она печально вздохнула.

Квинт вряд ли с богами, подумала Кейлин угрюмо, когда Антоний Порций попытался утешить свою дочь.

- Я останусь на ночь, а утром поеду домой, - сказала им Кейлин, слегка вздрогнув, когда почувствовала слабый спазм в животе. Она начала волноваться.

- Что это? - спросила Антония, бросив быстрый взгляд.

- Немного брыкается, - ответила Кейлин самоуверенно, хотя на самом деле чувствовала себя неважно. Ей не хотелось оставаться здесь, но до утра было еще далеко.

- Не покидай меня так скоро, Кейлин Друзас, - умоляла Антония. - Побудь со мной несколько дней, пока не утихнет чувство потери. В твоём нынешнем положении ты не очень нужна своему красавцу мужу. Остайся со мной ненадолго. Готова спорить, ты получишь удовольствие в моих ваннах, ведь у тебя дома нет таких удобств.

Кейлин задумалась над соблазнительным предложением Антонии. Она действительно хотела домой. Откровенно говоря, сейчас ей неприятно было находиться рядом с Антонией. Если она на самом деле страдала от потери маленького сына, Кейлин ничем не могла ей помочь. Что она за жена шина? Ее умоляющий тон казался искренним, а предложение - заманчивым, и Кейлин соблазнилась возможностью понежиться в ванне. У нее действительно нет сейчас такой ванны с системой подогрева. Прошло уже больше года с тех пор, как она не принимала ванны. Неплохо бы остаться ненадолго, чтобы позволить себе такое удовольствие.

- Хорошо, - сказала она, - я останусь только на два или три дня. - Она завернула маленький трупик в пеленки и приготовила его для захоронения. Затем Кейлин позвала служанок Антонии, чтобы они привели в порядок свою хозяйку.

Хозяйка едва обратила на них внимание. Антония была слишком занята своими мыслями. Она заметила схватки у Кейлин. Может быть, она собирается преждевременно рожать? Она могла ошибиться в сроках. Антония Порция поняла, что у нее никогда больше не будет такой возможности отомстить; ей хотелось, чтобы месть была жестокой. Если Кейлин родит здесь, одна, без своего мужа, тогда жена Вульфа Айронфиста и их ребенок окажутся в ее власти.» О, Квинт, - подумала она, - помоги мне отомстить за твою несправедливую смерть от рук этого варвара. Помоги мне заставить его страдать, как страдала я! Почему он должен быть счастливым, а я нет?«

- Хорошо, что ты остаешься с Антонией, - сказал магистр Порций Кейлин вечером, когда они ужинали. - Эта трагедия случилась в самое неподходящее для меня время. Я нашел покупателя на мой дом в Кориниуме. Я хочу остаться здесь с Антонией, поскольку ей очень одиноко без мужа. Сейчас вокруг мало молодых мужчин, и у нее нет возможности опять выйти замуж. Моему внуку требуется мужская рука. Если Антония когда-нибудь снова выйдет замуж, хороший зять не прогонит меня из этого дома. И хотя она не одобряет этого решения, я думаю, моя дочь нуждается во мне.

- Вам надо уехать в Кориниум? - догадалась Кейлин.

- Да, дорогая. Я плохо следил за моим домом с тех пор, как Антония впервые вышла замуж за Секстуса Сципио. Я жил там один и запустил хозяйство. Сейчас надо сделать небольшой ремонт, чтобы новые владельцы согласились с моей ценой. Они хотят вступить во владение как можно скорее. Я рад, что вообще нашел покупателей в эти тяжелые времена. Я собираюсь лично проследить за работой, поэтому и хотел бы уехать на несколько недель. Я знаю, ты не сможешь остаться с Антонией на все это время, но если ты побудешь с ней хотя бы несколько дней - это поможет ей побороть печаль. - Он ласково улыбнулся, говоря о своей дочери. - Она слишком балует маленького Квинта, - сказал он доверительно, - а без меня вообще о дисциплине можно забыть.

- Два-три дня, - сказала Кейлин, - не больше. Ребенок должен родиться в отцовском доме. Жены моего деда. Сира и Маеве, придут принимать у меня роды.

Он кивнул:

- Я не прошу больше двух дней, Кейлин, и благодарю тебя за твою доброту к моей дочке. Она не всегда была добра к тебе, я знаю, но ты, конечно, ее лучшая подруга.

На следующее утро магистр Порций отбыл в Кориниум. Увидев, что он уехал, Антония почувствовала облегчение. Трудно было бы выполнить план, если бы он остался. О да, боги были, конечно, на ее стороне в этом деле, и она рада, что они одобряют ее месть. В данном случае она должна быть их орудием возмездия против Кейлин и ее мужа.

Вскоре Кейлин стало грустно. Даже когда ее родители были живы и она жила на такой же прекрасной вилле, она никогда не была так ленива, как эта женщина. Антония, по-видимому, быстро пришла в себя после тяжелых родов. Она проводила время, хлопоча вокруг Квинта-младшего и прихорашиваясь. Болтливые, глупые девчонки, окружавшие ее, ничего не делали.

Кейлин знала из разговоров с Антонием Порцием, что его дочь опустошена и озлоблена после смерти своего мужа. Однако недавно овдовевшая, перенесшая смерть новорожденного, Антония вела себя так, как будто ничего не случилось в ее маленьком мирке. Кроме того, она проявляла благосклонность к той, чей муж казнил ее мужа. Кейлин чувствовала, что ей становится все более тревожно. Почему, именем всех богов, она согласилась составить компанию этой женщине даже на два дня? Что еще хуже, она не могла избавиться от Антонии, которая, казалось, была везде, куда бы она ни пошла, и все время болтала, болтала, болтала ни о чем. Чем дольше Кейлин оставалась в этом доме, тем больше ее внутренний голос не давал ей покоя, особенно когда хозяйка сообщила ей, что утром отправила посыльного передать Вульффу Айронфисту, чтобы он приезжал за женой через три дня.

- Как хорошо, что ты позаботилась об этом, - ответила Кейлин, удивляясь, что сама не додумалась до этого.

Наверное, за то время, которое она находится здесь, она совсем потеряла голову. Ну по крайней мере этот день уже почти прошел.

Ужин стал испытанием. Антония всегда любила хорошее вино и еду. Она уминала блюдо за блюдом: жирный соус, дичь, яйца, сыр и хлеб. И очень интересовалась, почему Кейлин мало ест.

- Ты обижаешь моего повара, - настаивала она.

- Я совсем не голодна, - ответила Кейлин, взяв фрукты и кусочек хлеба с сыром. У нее были проблемы с желудком.

- А как ты себя чувствуешь? - озабоченно спросила Антония.

- Немного слабит, - неохотно призналась Кейлин.» Ребенок начал двигаться! У нее начались роды, но она не понимает этого, - ликуя, подумала Антония. - Конечно, не понимает. Она раньше никогда не рожала. Но мне-то это известно «.

- В твоем состоянии от расстройства хорошо помогает вино, - посоветовала она и наполнила Кейлин большой бокал. - Это мое любимое кипрское виноградное вино. Ты почувствуешь себя намного лучше, выпей. Возьми кусочек хлеба на закуску, - поучала она, и, когда Кейлин таким образом отвлеклась, Антония щелкнула замочком на большом кольце с» кошачьим глазом»и высыпала из потайного отделения щепотку порошка в вино, где он мгновенно растворился. Она протянула бокал девушке. - Выпей, Кейлин, и сразу почувствуешь себя лучше.

Кейлин не спеша потягивала вино, наблюдая, как почти нетронутые блюда с едой уносили назад на кухню. «Никто, - подумала она, - не может это съесть. Какая расточительность, когда столько людей голодает!» Вдруг она задыхнулась от резкой боли, пронзившей тело.

- У тебя родовые схватки, - спокойно сказала Антония. Конечно же, у нее начинались роды. Выпитое вино ускорило продвижение ребенка.

- Пошли за моим мужем, - попросила Кейлин, пытаясь скрыть страх. - Я хочу, чтобы Вульф был здесь при рождении ребенка! - О боги! Зачем она осталась здесь!

- Конечно, ты хочешь, чтобы Вульф был рядом с тобой, - ворковала Антония. - Я помню, когда я рожала моего сыночка, как много значило для меня, чтобы Квинт был со мной. Я пошлю за Вульфом. Не бойся, Кейлин. Я хорошо позабочусь о тебе. - Она помогла Кейлин добраться до спальни.

Оставив служанок с Кейлин, Антония вызвала молодого раба, которого наметила себе в любовники. «Конечно, жаль, - подумала она, - но его придется убить за участие в этом деле, даже не насладившись им ночью».

- Отправляйся к Симону, торговцу рабами в Кориниуме. Он ежемесячно отправляет товар в Лондиниум и вскоре должен послать очередной караван. Скажи, у меня есть рабыня, от которой я хочу избавиться. Пусть пришлет кого-нибудь завтра за ней. Она очень беспокойная и к тому же врунья. Ее надо держать в сонном состоянии, пока она не окажется в Галлии. Я хочу, чтобы ее увезли как можно дальше от Британии. Ты понял, мой прекрасный Аттикус? - Антония улыбнулась юноше, многообещающе поглаживая его пониже спины.

- Да, госпожа, - ответил он, тоже улыбаясь. Он был новым человеком в доме, но слышал, что она страстная женщина. Она, конечно, не будет возмущаться, если уже оправилась после родов и готова завести любовника.

- Скажи Писо, чтобы он дал тебе самую резвую лошадь из конюшни, - наставляла она. - Я хочу, чтобы ты вернулся до рассвета. Если не вернешься, я прикажу выпороть тебя. - Она погладила рукой его напрягшийся член. - Ты хорошо сложен, - заметила она. - Это я купила тебя, Аттикус? Не помню.

- Ваш отец покупал меня, госпожа, - ответил он с большей самоуверенностью, чем чувствовал на самом деле. Его член стал твердым как сталь под ее горячей рукой.

- Скоро мы найдем тебе подходящую должность, - заметила Антония, решив не убивать его сразу. К тому же он не понимает, что она собирается сделать. - Теперь иди! - Она повернулась

и поспешила к Кейлин.

Всю ночь Кейлин промучилась в схватках, тело стало влажным от пота. По указанию Антонии она тужилась, чтобы вытолкнуть ребенка.

- Где Вульф? - снова и снова повторяла Кейлин. - Почему он не едет?

- Сейчас темно, - отвечала Антония. - Луна не светит. Мой посыльный, должно быть, еле движется через поля, чтобы добраться до вашего дома. Он не может скакать галопом, Кейлин. Он вынужден осторожно выбирать дорогу. Да и обратный путь займет много времени. - Она обняла Кейлин за плечи. - Выпей еще немного кипрского вина. Тебе будет лучше. Я всегда так делаю.

- Не хочу вина! - закричала Кейлин, отталкивая руку Антонии.

- Не будь глупой гусыней, - сказала Антония. - Я положила в него немного лекарственной травы, чтобы тебе стало легче. Я сама принимала ее, когда испытывала сильную боль, рожая ребенка. Зачем страдать?

Кейлин протянула руку и, взяв у Антонии бокал, медленно выпила его. Ей сразу стало легче, но у нее закружилась голова. Ее снова пронзила боль, и она закричала. Антония опустилась на колени, чтобы посмотреть, как идут дела. Она улыбалась и что-то напевала про себя.

- Ты видишь головку ребенка? - спросила Кейлин. - О, я хочу, чтобы здесь со мной были Сира и Маеве. Мне так не хватает их!

- Я все сделаю не хуже их! - резко ответила Антония, но затем ее тон немного смягчился:

- Я уже вижу головку ребенка. Мужайся, Кейлин Друзас, еще несколько минут - и твой ребенок родится.

- О боги! - стонала Кейлин. - Где же Вульф? Антония, у меня очень кружится голова. Что ты положила в вино? - Ее тело снова содрогнулось от боли.

Антония не обращала внимания на вопросы Кейлин.

- Тужься! - скомандовала она. - Сильнее тужься. Сильнее. Между ног Кейлин появились головка и плечи младенца. Антония довольно улыбалась. Кейлин не понимала этого, но роды шли легко. Ребенок вот-вот должен был родиться.

Она с трудом держала глаза открытыми. Голова сильно кружилась, и ей казалось, что она куда-то проваливается. Новая ужасная боль разорвала тело. Она слышала, как будто издали, голос Антонии, приказывающей тужиться. Кейлин изо всех сил старалась слушаться. Она не могла позволить себе потерять сознание. Собрав все силы, она напряглась что было мочи. В награду ей раздался неожиданный крик новорожденного, и сердце ее учащенно забилось от волнения и радости. Затем вдруг она погрузилась в темноту. Она пыталась слабо сопротивляться, но безуспешно. Последнее, что она услышала, был голос Антонии: «Она так прелестна! Я всегда хотела иметь маленькую девочку», - и больше Кейлин ничего не помнила.

Когда через два дня Вульф Айронфист прибыл, чтобы забрать жену, Антония не спеша вышла в атрий встретить его. Она плакала, слезы текли по ее прекрасному лицу.

- В чем дело? - спросил он, предчувствуя что-то неладное. Антония всхлипнула и бросилась к

нему на грудь.

- Кейлин! - заплакала она жалобно. - Кейлин умерла, и ребенок, твой сын, тоже! Я не могла спасти их. Я пыталась! Клянусь, я пыталась!

- Как? - спросил он, ошеломленный. - Как могло это произойти, Антония? Она была здоровой и чувствовала себя хорошо, когда я видел ее в последний раз.

Антония слегка отстранилась и, глядя на него широко раскрытыми голубыми глазами, сказала:

- Твой сын был слишком большим и вдобавок не правильно лежал у нее в чреве. Ребенок обычно выходит головкой вперед, а у твоего мальчика сначала вышли ножки. Он почти разорвал Кейлин пополам. Ужасно было видеть ее страдания. Она умерла, истекая кровью. Ребенок не прожил и часа после ее смерти. Я не могла вообразить, что такое может случиться. Я сожалею, Вульф Айронфист.

- Где ее тело? - спросил он. Его голос был твердым и холодным. Кейлин! Его любимая умерла? Этого не может быть! Этого не может быть! Он не мог поверить в это! - Я хочу видеть тело моей жены, - повторил он. Жестокая боль жгла ему грудь. Может ли сердце разрываться пополам, подумал он, чувствуя, что именно это происходит с ним сейчас.

- Она была так истерзана, - пояснила Антония, - что мы не могли приготовить ее как подобает к похоронам. Я кремировала ее, как это делали наши кельтские предки. Я положила ребенка ей в руки, так что они вместе предстали перед богами.

Он кивнул, оцепеневший от горя.

- Я хочу взять ее пепел, - сказал он холодно. - У тебя, конечно, остался ее пепел. Я отвезу его домой и похороню на ее земле вместе с остальными родственниками. Кейлин пожелала бы этого.

- Конечно, - тихо согласилась Антония и, повернувшись, подняла красиво украшенную полированную бронзовую урну со скамьи атрия. - Пепел Кейлин и ее сына в этом сосуде, Вульф Айронфист. - Она протянула ему урну с сочувственной улыбкой. - Я понимаю твою горе, потому что сама недавно потеряла супруга и ребенка, - произнесла она.

Он взял урну почти неохотно, как будто не мог понять, что она дает ему. Затем без слов повернулся и направился к двери.

Антония молча ликовала, видя его боль. Затем дьявольская мысль пришла ей в голову, и она подалась вперед.

- Вульф! - Ее голос вдруг стал обольстительным. Он повернулся к ней и поразился, увидев, что она скинула одежду и осталась совершенно голой.

У нее было розовое пухлое тело. На гладкой безукоризненной коже не видно ни одного изъяна. Она показалась ему ужасно порочной. На мгновение он застыл на месте, глядя на ее вызывающую наготу.

- Я одинока, Вульф Айронфист, - сказала Антония тихо. - Так одинока!..

- Госпожа, оденьтесь, - с отвращением сказал он.

- Ты убил моего мужа, Вульф Айронфист. Теперь я одинока. Ты не хочешь компенсировать мне потерю Квинта Друзаса? - прошептала она потрясенному Вульфу. Она подвела руки под свои большие груди с темно-розовыми сосками и приподняла их, как бы предлагая ему. - Разве ты не хочешь попробовать эти прекрасные плоды, Вульф Айронфист? Разве твое оружие в штанах уже не стало твердым от желания?

- Оденьтесь, госпожа, - повторил он холодно. - Вы мне отвратительны.

Она бросилась к нему и прижалась обнаженным телом. Его одурманил мускусный запах.

- Ты самый красивый мужчина в провинции, - сказала она, тяжело дыша от желания. - Моими мужьями всегда были самые красивые мужчины. - Ее руки крепко обняли его шею. - Поцелуй меня, саксонский зверь, а потом ты должен взять меня. Прямо здесь! На полу атрия. Проткни меня своим членом и заставь кричать от наслаждения. Я вся горю!

Вульф убрал ее руки и оттолкнул. Его чуть не стошнило.

- Госпожа, от горя вы сошли с ума. Сначала ваш муж и ребенок, потом моя жена и сын. Мне жаль вас, но я должен справиться с собственным горем. Оно разрывает меня на части. Я любил свою жену. Не знаю, как я буду жить без нее. Что мне осталось? Ничего! Ничего! - Он повернулся и, спотыкаясь, вышел из атрия.

- Иди! - пронзительно закричала Антония ему вслед. - Иди, Вульф Айронфист! Я рада, если тебе больно! Теперь ты знаешь, что чувствовала я, когда ты заколол моего Квинта. Пусть горе поглотит твое сердце! Я буду рада. - Наклонившись, она подняла платье и набросила его на плечи. - Мне хотелось рассказать тебе правду, Вульф Айронфист, - тихо сказала она сама себе, - но я не смогла. Тогда и отец узнал бы обо всем, а мне это ни к чему. - Она засмеялась. - Все-таки я отомстила тебе и Кейлин Друзас. Правда, если никто, кроме меня, не знает об этом, какое это имеет значение?

Когда через несколько недель магистр Порций приехал из Кориниума, его дочь приготовилась и ждала его. Они сидели вдвоем в саду на свежем осеннем воздухе, и Антония кормила грудью младенца.

- Я потрясена, отец, - сказала она. - Он отказался от нее. Он готов был оставить ее на склоне холма, если бы я не попросила отдать девочку мне. И все потому, что Кейлин не родила ему сына, как он хотел. Эти саксонцы - грубый народ. К счастью, маленького Квинта уже можно отнимать от груди и у меня достаточно молока, поэтому я решила взять малышку и вырастить ее вместе с моим сыном. Это почти возмещает потерю моего младенца. Бедная Кейлин!

- Где теперь Вульф Айронфист? - спросил магистр.

- Он исчез, - ответила Антония. - Никто не знает, куда он скрылся. Он не оставил рабам еды. Он просто ушел. Теперь земля принадлежит, конечно, моей маленькой Авроре. Я назвала ее так, потому что она родилась на рассвете, когда умерла ее мать. Я послала моего управляющего прогнать этих добунни, которые начали строить дом на земле у реки. Они сказали, что Кейлин передала им эти земли в качестве свадебного подарка, но я ответила им, что земли - мои по праву наследования. Кейлин умерла при родах, и не здесь следует отстаивать их предполагаемые права. Они не доставили мне много хлопот и убрались.

Магистр Порций кивнул. Так много всего произошло, подумал он, но одно хорошо: Антония, казалось, стала такой же, как прежде. То, что она взяла осиротевшую дочь Кейлин Друзас, несомненно, пошло ей на пользу.

- Ты останешься здесь с нами, отец? - спросила Антония. - Ты мне очень нужен. Я больше не выйду замуж и посвящу свою жизнь детям. Я чувствую, боги хотят этого.

- Может быть, ты права, - сказал он, взяв ее руку. - Мы будем счастливой семьей, Антония. Я сердцем чувствую это!

Часть II. ВИЗАНТИЯ. 454 - 456 годы

Глава 7

- Не могу поверить! - удивленно воскликнул Фока Максима. - Неужели это та самая девушка, которую ты купил на рынке сегодня утром, Иоанн? Та была грязным, измученным, отвратительным созданием. А эта девушка так прелестна. Ее кожа как сливки. Ни одного изъяна. А волосы! Великолепный каштановый цвет, изумительные локоны!

- Они все кажутся одинаковыми, дорогой братец, - сказал Иоанн Максима самодовольным тоном. - Ты коммерсант, и у тебя абсолютно нет воображения, Фока. С первого взгляда я понял, что эта девушка - сокровище. Стоило только взять горячую воду с мылом и отмыть ее. Но есть еще замечательное достоинство - у нее безупречный латинский язык, хотя с легким провинциальным акцентом, который можно легко исправить. А впрочем, некоторым он покажется очаровательным. - Он посмотрел на девушку-рабыню, которая сопровождала его новое приобретение. - Изис, сними с нее тунику, пожалуйста.

Фока Максима внимательно посмотрел на девушку, когда она предстала перед ним обнаженной.

- На мой вкус, она немного худовата, - заметил он, - но мы откормим ее. Трудно сказать, когда она последний раз как следует ела. Ее ступни ужасно огрубели.

- Думаю, ей пришлось много ходить пешком, - ответил Иоанн.

- Можем, в конце концов, исправить и это, - сказал брат. - У нее прекрасные груди, маленькие, но красивой формы. Должен признать, ты сделал хорошую покупку. Понимает ли она, что ждет ее, или нам надо обучать ее? Полагаю, она не представляет.

«Обо мне говорят как о каком-то предмете», - подумала Кейлин, слушая болтовню братьев о ее дальнейшей судьбе. Теперь это не имело значения. Вообще больше ничего не имело значения. Все так перепуталось. Непонятно, почему она еще жива, когда все, кто был дорог ей, погибли. Наверное, что-то внутри не позволяло ей умереть. Она злилась, но не могла побороть это чувство.

Кейлин мысленно вернулась к тому моменту, когда много дней назад рожала на вилле Антонии. Последнее, что она помнила, прежде чем потерять сознание, был крик ребенка. А придя в себя, она вдруг оказалась в грязной комнате незнакомого дома. Женщина, принесшая ей еду, сказала, что она в Лондиниуме. Кейлин удивилась. Она слышала о Лондиниуме, но никогда в жизни не предполагала увидеть его. Кейлин так и не увидела город, поскольку на ее вопрос, почему она здесь, женщина ответила, что госпожа Антония продала ее Симону, торговцу рабами, и скоро ее переправят в Галлию, а затем еще дальше.

- Но я не рабыня! - протестовала Кейлин.

- Госпожа Антония предупреждала, что именно это ты станешь говорить, - угрюмо ответила

женщина. – Еще она сказала, что ты буйная и воображаешь, что принадлежишь к высшему сословию. Кроме того, ты соблазнила ее последнего мужа и родила от него внебрачного ребенка. Ты ей больше не нужна.

– А где мой ребенок? – спросила Кейлин.

– Мне сказали, он умер, – последовал холодный ответ. Кейлин зарыдала.

– Я не верю тебе! – закричала она. Прежде чем она сообразила, что происходит, ей в глотку влили какую-то горькую жидкость, и она снова погрузилась в темноту.

В течение нескольких дней Кейлин находилась между реальностью и кошмаром. Когда наконец ей дали возможность прийти в себя, она была уже в Галлии, и ее вместе с Другими рабами переправляли южнее, к Средиземному морю. Вскоре одна красивая молодая женщина попыталась бежать. В отличие от большинства рабов на ней не было ни ошейника, ни цепей. Ее быстро поймали, ведь она не знала местности.

Хозяин обдумывал, как наказать ее. Если ее побить, можно испортить прекрасную кожу, а эта самая кожа и была той ценностью, за которую он мог получить хорошенькие денежки. Он решил изнасиловать ее на глазах у всех.

– Еще раз убежишь, сука, – пообещал он, выполняя свою угрозу, – и я отдам тебя своим людям! Может быть, ты этого хочешь, девка?

Женщины с ужасом смотрели на эту сцену, и хозяин понял, что с ними не будет проблем. После этого случая Кейлин решила стать неприметной. Она не мылась и не причесывалась. Туника, ее единственная одежда, изнашивалась с каждым днем. Кейлин не решалась постирать ее, так как боялась, что туника развалится и она останется голой, как некоторые женщины. Она не надеялась, что ей в случае чего дадут другую одежду.

Когда они достигли побережья, рабов разделили на группы. Некоторых погрузили на корабль, чтобы отправить в город Карфаген, а Кейлин и остальных послали в Константинополь. Как выяснилось потом, это был столичный город Восточной империи. Мужчин-рабов из их партии приковали цепями к веслам галеры. Они будут проданы, когда доберутся до места назначения, а пока их использовали как рабочую силу. Женщин загнали в трюм, малопригодный для жилья, с деревянным нужником, плохо освещенный и душный.

Каждый вечер являлся первый помощник; ухмыляясь, он отбирал нескольких женщин и уводил с собой. Они возвращались утром, всегда навеселе, с хорошей пищей и водой, которой никогда не делились. Им самим хотелось выжить. Когда появлялся первый помощник, Кейлин инстинктивно пряталась в самом темном углу. Ей не надо рассказывать, чем занимались эти женщины и за что получали подарки. Она исхудала от скудного питания, но осталась живой, когда корабль прибыл в Константинополь.

Утром хозяин пришел осмотреть женщин. Он выбрал нескольких, показавшихся ему наиболее привлекательными. Их тотчас увели. Оставшиеся пытались упросить хозяина взять их тоже и заплакали, когда он грубо оттолкнул их.

– А куда отправили тех? – спросила Кейлин пожилую женщину.

Женщина взглянула на нее и ответила:

– Их считают самыми лучшими среди нас. Они попадут на привилегированный невольничий

рынок, но прежде, чем выставить на аукцион, их вымоют, надушат и оденут в прекрасные одежды. У них появятся богатые хозяева, и они смогут жить с комфортом, если понравятся.

- А что будет с нами? - любопытствовала Кейлин.

- Попадем на обычный рынок, - сказала женщина обреченно. - Нас купят для домашних или полевых работ или в какой-нибудь портовый публичный дом.

- А что такое - публичный дом?

От удивления лицо женщины стало немного смешным, но прежде, чем она смогла ответить, вниз спустились надсмотрщики и погнали женщин на палубу. С непривычки они шурились на солнышке. После долгих дней, проведенных в полутемном помещении, их глаза отвыкли от яркого света. Когда они немного освоились наверху, их повели по улицам города на невольничий рынок.

Кейлин удивлялась, глядя на четырех - и пятиэтажные здания. Она никогда не видела таких больших домов. А шум! Казалось, здесь он никогда не затихал. Она не могла представить, как люди ухитрялись жить среди этой какофонии и грязи. Вдоль улиц громоздились кучи мусора, отбросов. Ее босые ноги подгибались при каждом шаге. Наконец они добрались до открытого рынка рабов, где пробыли недолго. Один за другим рабы, которые пришли с ней, поднимались на помост; их быстро распродавали. Кейлин пыталась прятаться за других, пока это было возможно. Наконец ее грубо вытащили за руку на небольшую платформу.

- А вот прекрасная крепкая молодая девушка, пригодная для работы в доме или в поле, - провозгласил работорговец, Повернувшись к Кейлин, он приказал:

- Открой рот, девка. - Он присмотрелся и объявил присутствующим:

- У нее целы все зубы. Что? Какова ваша цена?

Покупатели разглядывали предлагаемый товар. Она была высокой и ужасно худой. Волосы неопределенного цвета, грязные и спутанные. В ней не было ничего привлекательного, и она не выглядела особенно крепкой или здоровой. Покупатели переминались с ноги на ногу, некоторые начали потихоньку отходить.

- Ну, предлагайте свою цену, - обратился торговец к присутствующим. - Она хорошо говорит по-латыни. Отмывшись, она станет прекрасной нянькой или прислугой в таверне. Улыбнись, девочка! - сердито прошипел он Кейлин.

Она не обратила на него внимания. Если ее никто не купит, может быть, они убьют ее, и тогда кончатся страдания. Затем вдруг взгляд Кейлин остановился на самом удивительном человеке, какого она когда-либо видела. Он был толстым, с розовыми щеками и веселыми карими глазами, которые очень внимательно осматривали ее. Незнакомец был одет в полосатый синий с золотом далматик. На голове красовалась густая черная шевелюра. Человек задумчиво поджал розовые губы, а затем сказал чистым приятным голосом:

- Я даю за нее два фоллеса.

- Два фоллеса? - Торговец притворился обиженным, хотя обрадовался, что ему предложили хоть что-то за это никудышное создание. И только он собрался принять предложение этого джентльмена, как вновь прозвучал приятный голос;

- Ну хорошо, я дам тебе четыре фоллеса. Не хочу, чтобы потом ты скулил, будто тебя обманули. Все вы, торговцы рабами, одинаково ведете себя, когда кто-нибудь уводит у вас из-под носа удачную покупку. Вы не можете распознать ценности того, что имеете, а когда кто-нибудь сделает это, вы начинаете выть и жаловаться богам... богу, - поправился господин.

- Иоанн, - раздраженно обратился скромно одетый господин к щеголю, - девчонка не стоит и пяти нумми, остановись на четырех фоллесах, - Она стоит дюжину солиди, братец, хотя ты до сих пор не разглядел этого. Поверь мне. Ты же знаешь, у меня нюх на такие вещи, - бормотал кудрявый толстяк, доставая монеты из кошелька и протягивая их торговцу. - Вот, парень, твои деньги. Берешь их? - Он посмотрел на торговца пронзительным взглядом.

Тот выхватил деньги из изящных пальцев и подтолкнул Кейлин к нему.

- Теперь иди за своим хозяином, девчонка, - проворчал он.

Иоанн сморщил нос, когда Кейлин приблизилась к нему! - О боги! Когда последний раз ты мылась?

- Какое сегодня число? - резко спросила она. - На галере, где держат рабов, теряешь счет времени, господин.

- Сегодня тринадцатое апреля, - ответил он, удивившись. Она не была покорным созданием. Несомненно, в ней чувствовалась сильная воля. Все к лучшему, удовлетворенно подумал он.

- Значит, я не мылась почти восемь месяцев. Могу я где-нибудь помыться, раз уж теперь вы мой хозяин? Я была бы весьма благодарна, если вы предоставите мне эту возможность.

- Восемь месяцев! - одновременно воскликнули оба мужчины, пришедшие в ужас от откровений Кейлин. Затем более хмурый мрачно заметил:

- Боюсь, ты совершил ужасную ошибку, Иоанн. Толстяк засмеялся:

- Нет, Фока, я не ошибся. Вот увидишь! Увидишь! - Потом обратился к Кейлин:

- Следуй за нами, девушка, только не вздумай потеряться в толпе. С нами тебе будет хорошо, но, если попытаешься сбежать, накажем! Здесь не принято давать спуску рабам.

Кейлин и не думала бежать. Хуже того, что она испытала за последние месяцы, уже ничего не могло быть. Она почти потеряла представление о том, кто она. Эти двое, по всей видимости, неопасны; сейчас она была готова идти за любым, кто обещал ей ванну. Ей не верилось, что когда-нибудь она сможет отмыться и не вонять так отвратительно. Помня о предупреждении, она старалась не отставать от щеголя и его спутника.

Они быстро шли через шумный город, и, куда бы Кейлин ни повернулась, все удивляло ее. Ей хотелось задать несколько вопросов своим хозяевам. Это желание все больше овладевало ею и нисколько не пугало. Она все еще до конца не представляла, что стала рабыней. Следуя за мужчинами по широкому проспекту, а затем по узкой, тихой улице, она увидела, как они свернули в широкие ворота большого дома. Хорошо, что они по крайней мере богаты и в состоянии заменить ей изношенную тунику, которая практически сваливалась с нее.

Управляющий поспешил навстречу, приветствуя мужчин. Его глаза широко раскрылись от потрясения, когда он увидел следовавшую за ними девушку.

- Мой господин, - спросил он едва слышно, - эта особа с вами?

- Иоанн купил ее на рынке, Павел, - ответил суровый мужчина. - Ты должен спросить у него, что он собирается делать с ней.

Управляющий посмотрел на Иоанна, и толстяк рассмеялся, увидев страдальческую мину на лице слуги.

- Я сам отведу ее в баню, Павел, - сказал он. - Позаботься, чтобы банщицы приготовились. Они обычно стараются выкроить время для себя, не отпускай их, пусть дождутся, пока мы не закончим. Этот грязный поросенок, которого я приобрел, превратится в павлина, обещаю. А я заплатил за нее всего четыре фоллеса! - Он повернулся к Кейлин:

- Пойдем, девушка. Ванная, о которой ты так мечтала, всего в нескольких шагах отсюда.

- Меня зовут Кейлин, - сказала она, следуя за ним.

- Да? А что это за имя - Кейлин? - Они вошли в большой атрий и двинулись по какому-то подозрительному коридору со множеством боковых дверей. - И откуда ты, Кейлин? - продолжил он.

- Я из кельтского рода, господин. Я британка, - ответила она, когда они вошли в предбанник. Две хорошенькие женщины подошли, поклонившись Иоанну и бросив немного испуганный взгляд на сопровождавшую его девушку.

- Вас, мои дорогие, ожидает работа, - сказал Иоанн банщикам. - Она утверждает, что не мылась восемь месяцев. - Он засмеялся. - Я присоединюсь к вам, когда вы займетесь девушкой. Она говорит, ее зовут Кейлин. Мне нравится. Пусть оставит это имя.

- Я не буду откликаться ни на какое другое имя, - твердо заявила Кейлин.

- Ты, очевидно, родилась не рабыней, - заметил Иоанн.

- Конечно, нет, - ответила Кейлин негодуя. - Я из семьи Друзасов из Кориниума. Мой отец, Гай Друзас Кориниум, был декурионом города. Я замужняя женщина с правом на имущество и хорошей репутацией.

- Какие теперь рабы в Константинополе! - сухо заметил Иоанн. - Расскажи, как ты попала сюда, - попросил он, когда они вошли в раздевалку.

Кейлин рассказала ему все, что могла вспомнить. Банщицы раздели их и посадили в парилку, где они находились, пока не вспотели. То обстоятельство, что она голая, как и Иоанн, не беспокоило Кейлин. Она не ощущала опасности со стороны этого человека. Более того, она чувствовала, что он мог бы стать ее другом. Когда оба они начали потеть, банщицы принялись отмывать грязь и пот серебряными скребками. Они тем временем беседовали.

- Несомненно, Антония Порция предала тебя, - заметил Иоанн. - Женщина, которая убеждена, что ей причинили зло, очень опасный враг, дорогая. Продав тебя в рабство, она отомстила и тебе, и твоему несчастному мужу. Уверен, она сказала ему, что ты мертва. В противном случае он заставил бы ее открыть твое местонахождение и приехал бы за тобой. Известие о твоей смерти причинило ему глубокую боль, как казнь Квинта Друзаса разбила сердце Антонии. Она достаточно умна, эта Антония. Хуже Византии места нет. Ты вынуждена страдать в рабстве, ничего не зная о своем ребенке, в то время как твой муж страдает, убежденный в твоей

смерти.

Кейлин молчала. Как лаконично Иоанн все изложил, и, вероятно, он прав. Что могло быть хуже? Она совершенно ничего не могла сделать. Она беспомощна и так далека от любимой Британии. До этого момента Кейлин даже не думала о возвращении домой, но сейчас, столкнувшись с действительностью, она поняла, что у нее не осталось выбора. Она выжила, и появилась надежда. Она должна подумать о будущем.

- Зачем вы купили меня? - спросила она Иоанна, когда их перевели в прохладное отделение, чтобы помыть.

- Я разглядел, что под грязью скрывается красивая женщина, а красивые женщины - это то, чем я занимаюсь, - ответил он и, повернувшись, обратился к банщицам:

- Вымойте сначала волосы. Я хочу видеть их настоящий цвет. Они так грязны, что мне непонятно, каковы они.

- У меня каштановые волосы, - сказала Кейлин. - Я унаследовала цвет волос от матери, кельтки из племени добунни. - Затем она уже не смогла говорить, так как обе девушки, моющие ее, начали энергично скрести ей голову. - Ой! - вскрикивала Кейлин, когда их пальцы продирались сквозь невероятно спутанные волосы, которые свалялись за последние несколько месяцев. Наконец ее ополоснули теплой водой с каким-то резким запахом.

- Что это за вода?

- Лимонная, - ответил Иоанн. - О боги! Твои волосы великолепны!

- А что такое лимон? - спросила Кейлин.

- Я покажу тебе позже, - пообещал он. - Теперь пойдем, и пусть девушки помогут тебя, моя красавица. - Он жестом остановил банщиц. - Нет. О себе я сам позабочусь. Занимайтесь Кейлин.

Они вымыли ее с мягким мылом, которое удалило остатки грязи с кожи. Кейлин едва сдерживала свой восторг - так было приятно снова стать чистой.

Они прошли в другое отделение, и девушки быстро ополоснули ее холодной водой, а затем последовали в комнату, где их положили рядом на скамейки и начали растирать ароматными маслами.

- А как вы используете красивых женщин в своем деле, господин? - спросила Кейлин. Банщицы захихикали.

- Это вилла Максима, Кейлин, - объяснил Иоанн, - самый элегантный публичный дом во всем Константинополе. Мы обслуживаем дам и господ, ищущих наиболее экзотические, возбуждающие виды развлечений.

- Что такое - публичный дом? - спросила она, досадуя, что обе девушки снова начали потешаться с явным самодовольством.

Иоанн поднял голову и удивленно взглянул на Кейлин, которая удобно расположилась рядом с ним, наслаждаясь массажем.

- Ты не знаешь, что такое публичный дом? - спросил он изумленно.

- Я не стала бы спрашивать, если бы знала, господин, - ответила Кейлин.

- Говоришь, ты из Кориниума, - начал он, но она прервала его:

- Ветвь семьи Друзасов обосновалась в Кориниуме во времена императора Клавдия, но я выросла не в городе. За всю свою жизнь я побывала там лишь три раза, последний раз - когда мне было всего шесть лет. Я единственная дочь порядочной семьи патрициев. Я не знаю, что такое публичный дом. Могу я не знать этого?

- О, дорогая! - воскликнул Иоанн. - Заканчивай массаж, а потом я объясню тебе, что ты должна знать. - Он пристально посмотрел на хихикающих банщиц, которые тотчас замолчали. Хозяин Иоанн редко сердился, но, когда это случалось, дело могло принять очень неприятный оборот.

Банщицы закончили работу и провели своих подопечных в теплую раздевалку, где Иоанн надел свежий далматик из небесно-голубого шелка. Новая белая шелковая туника с золотым поясом была приготовлена для Кейлин.

- Подойди, моя дорогая, - сказал он, взяв ее за руку. - Нас ждут сладкие пирожные и вино в моем уединенном саду; я расскажу тебе все, что надо знать.

Они вошли в прелестный небольшой сад, окруженный стеной, увитой плющом. В центре расположился маленький мраморный фонтан в форме раковины, из которого вода капала в бассейн. В саду росло полдюжины кустов дамасских роз, которые уже начали цвести, наполняя воздух роскошным ароматом.

- Подойди и сядь рядом со мной, - произнес Иоанн, устроившись на мраморной скамье. - О, вино охлаждено. Превосходно! - похвалил он рабыню, прислуживающую им. - Так вот, Кейлин, отвечаю на твой вопрос. Публичный дом - это место, где женщины продают свои тела для развлечения мужчин. Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду?

Она кивнула, ее глаза расширились, и он заметил их превосходный фиалковый цвет.

- Я никогда не слышала о таких вещах, - ответила она. - Я знала, что мужчины спят с другими женщинами, помимо жен, но никогда не знала, что женщины берут плату за это.

- О, в этом нет ничего необычного, - сообщил он. - Так происходило во все времена с начала мира. Однако существуют различные варианты организации этого дела. Некоторые женщины продают себя на улицах. Их называют шлюхами или проститутками. Они сходятся со своими клиентами у стен и в аллеях. Они даже толком не видят мужчин, которым отдаются. Поэтому они, как правило, заболевают и часто умирают в раннем возрасте, что для них, возможно, благодеяние. Быть уличной женщиной нелегко. Они могут попасть в зависимость от какого-нибудь мужчины, который будет приводить им других мужчин, но при этом забирать себе большую часть их жалкого заработка. Да, это тяжелая жизнь.

Женщинам в публичных домах обычно лучше, хотя есть дома различного уровня. Некоторые обслуживают низшие сословия, и с женщинами там обращаются чуть лучше, чем с теми, кто занимается своим ремеслом на улицах города. Эти публичные дома существуют, потому что есть несчастные девушки, желающие попытаться счастья у стенок, но, увы, не многим удается дожить до преклонного возраста.

- Тогда почему они делают это? - спросила Кейлин.
- Потому что у них нет выбора, - ответил он откровенно. - Однако вилла Максима не похожа на большинство публичных домов. Мы лелеем наших женщин и балуем их роскошью. Это не шлюхи для общего пользования, а куртизанки, хорошо обученные и умеющие дать мужчинам, которые покровительствуют им, самые изысканные наслаждения. У нас также есть красивые мужчины, которые пользуются большим спросом у некоторых богатых женщин города и двора. Среди наших клиентов есть мужчины, предпочитающие наслаждаться в компании других мужчин, а также женщины, которые охотнее выбирают женщин в качестве любовников. Мы удовлетворяем любые вкусы.
- Все это очень странно, - заметила Кейлин. Он кивнул:
- Да, думаю, для тебя это странно, учитывая твой образ жизни в Британии. Я знаю, тебе будет трудно, но ты приспособишься к новой жизни, если захочешь. Ты христианка?
- Кейлин отрицательно покачала головой:
- Нет. А вы? Он засмеялся:
- Теперь это официальная религия империи. Как порядочный гражданин, я подчиняюсь императору во всем. Кейлин улыбнулась впервые за много месяцев:
- Какой вы обманщик, господин. Боюсь, я не верю вам. Иоанн пожал плечами:
- Мне приходится крутиться, чтобы избежать неприятностей. Внутри этой новой церкви идут распри по поводу того, какая вера истинная. Когда они договорятся между собой, тогда я, может быть, тоже обрету религию. А пока...
- Вы оказываете рискованные услуги церкви, - сказала она. - Я очень мало знаю о христианстве, господин. Однако думаю, что предпочитаю своих богов. Дану - мать и Лага - отца. Они олицетворяют землю и солнце. Еще есть Маха, Ипона, Сулис, Цернуннос, Дагда, Тарэнис и мой любимый Ноденс - бог леса. Моя мать особенно любила Ноденса. Мне говорили, что у христиан только один бог. Мне кажется, это обедненная религия, если в ней только один бог.
- Ты познакомишься с ней, поскольку тебе придется жить в Константинополе, - сказал Иоанн. - Я обращусь к священнику, который объяснит тебе все сложности религии. Среди наших клиентов есть несколько духовных лиц.
- Я должна стать куртизанкой, господин? - спросила Кейлин.
- Не так скоро, дорогая. Во-первых, тебе не хватает выучки, а во-вторых, я должен удостовериться, что ты не больна. Женщины, которые живут в этом доме, здоровы. Я не допускаю, чтобы они имели дело с нездоровыми мужчинами. Некоторые владельцы публичных домов скупятся, когда надо потратиться на здоровье женщин. Мой брат и я не скупимся. Всего за один солиди на рынке можно купить хорошего греческого врача. У нас есть один, который живет здесь и наблюдает за всеми, кто проживает на вилле Максима.
- Тогда пусть он посмотрит, здорова ли я, а вы научите меня ремеслу куртизанки.
- Со временем, - кивнул он. - Разве ты не хотела бы знать, что ожидает тебя, когда придется принимать различных любовников, дорогая?

Его слова озадачили Кейлин. В другое время и в другом месте сама мысль о подобных вещах ужаснула бы ее больше всего на свете, но здесь не Британия. Она так далеко от дома, что даже не могла представить это расстояние. Ее муж, очевидно, поверил в ее смерть. Может быть, он уже завел другую жену. Вульф... На мгновение она представила его мужественное, красивое лицо, и на глаза ее навернулись слезы. Она быстро справилась с ними. Сначала будет нелегко пускать другого мужчину к себе, но со временем, решила она, можно привыкнуть.

- Какое будущее ждет меня, когда молодость пройдет? - спросила она Иоанна.

На лице его мелькнуло удивление, затем он сказал восхищенно:

- Дорогая, с твоей стороны очень мудро подумать о будущем. Многие не думают. Они полагают, что останутся молодыми и желанными всегда. Конечно, это не так. Ладно, я скажу, какое будущее ждет тебя, если доверишься мне. Хорошо усвой уроки, Кейлин, и, обещаю, ты привлечешь самых лучших любовников Константинополя в свою постель.

Научись большему, чем только искусству страсти, дорогая. Многие не понимают, что поистине очаровательная женщина должна быть не просто привлекательной самкой, но и умной, образованной собеседницей. Любовники будут осыпать такую женщину дорогими подарками, золотом, драгоценными камнями и другими ценностями. В конце концов ты сможешь купить себе свободу.

В начале года мы назначаем цену каждой женщине в доме. Если в течение этого года она захочет выкупить свою свободу, проблем с ценой не возникает, она уже установлена. Сегодня я купил тебя за четыре фоллеса, но сейчас цена тебе значительно выше, ведь твоя красота очевидна. Ты стоишь по меньшей мере десять солиди.

- Сколько это будет фоллесов? - спросила Кейлин.

- Сто восемьдесят медных фоллесов за каждый золотой солиди. Восемнадцать сотен медных фоллесов равны десяти золотым солиди, дорогая, - усмехнулся он. - Я чуть не вернул тебя назад этому глупому торговцу рабами, который отдал тебя так дешево. Но не смог. Он начнет выть и кричать, что его обманули, хотя я предупредил его. Все они одинаковы, эти люди. - Он встал. - Пойдем и покажем моему брату Фоке, что я еще не научился находить драгоценные камни в дорожной пыли. Изис, - обратился он к рабыне, - ты будешь сопровождать нас. - Затем он повернулся к Кейлин:

- Ты должна обращаться к господам, которые ходят в этот дом, со словами «мой господин», так же, как к моему брату и ко мне.

- Да, мой господин, - ответила Кейлин, следуя за Иоанном через весь дом туда, где их ожидал Фока.

Когда ее раздели, старший из братьев Максима выразил удивление и одобрение. Она стояла молча, в то время как они разговаривали между собой, пока наконец ей не вернули одежду.

- Изис, - обратился ее новый хозяин к рабыне, - отведи Кейлин в комнату, которую я распорядился приготовить для нее. - Когда женщины удалились, Иоанн повернулся к брату с взволнованным выражением лица. - У меня великолепнейшие планы относительно этой девушки, - сказал он. - Она может сделать нас счастливыми. Фока, и наша старость будет обеспечена!

- Ни одна куртизанка, даже хорошо обученная, не сможет принести нам столько золота, -

ответил старший.

- Эта сможет, и она не должна персонально принимать наших клиентов. По крайней мере какое-то время, дорогой братец, - закончил Иоанн. Радостно потирая руки, он сел рядом с Фокой.

Братья заметно отличались друг от друга. Они весили примерно одинаково, но Фока был немного повыше, и трудно было представить, что они родные братья. Их отец служил при дворе, а мать была его любовницей. Она жила на вилле Максима.

Фока был стройным, с удлиненным аристократическим лицом, тонким носом, узкими губами и глубоко посаженными карими глазами. У него были прямые, темные, не очень длинные волосы, зачесанные назад. Одевался он хорошо, но предпочитал строгий стиль. Фока Максима относился к тому типу мужчин, которые могли легко затеряться в толпе. Женщины, принадлежавшие ему, говорили, что он богатырского сложения, герой и может заставить даже самых закаленных куртизанок плакать от страсти. Его деловая смекалка восхищала весь город, а его благотворительность снискала доброжелательное отношение церкви.

Младший брат Иоанн был его полной противоположностью. Элегантный, классически образованный, поклонник моды, он считался одним из самых остроумных людей своего времени. Обожал красивую одежду, женщин, произведения искусства и красивых молодых людей, о которых особо заботился. На скачках, играх и в цирке его всегда можно было узнать по темным кудрям, тщательно уложенным или нарочито растрепанным. Успех виллы Максима во многом зависел от него. Хотя Фока вел счета и следил за бюджетом, только благодаря замечательной творческой фантазии Иоанна вилла Максима возвысилась над всеми остальными дорогими публичными домами города. Их покойная мать, знаменитая куртизанка, гордилась бы своими детьми.

- Что ты задумал? - поинтересовался Фока. Уж очень взволнованным выглядел брат.

- Разве мы не известны всей империи нашими представлениями? - спросил Иоанн.

- Совершенно верно! - согласился Фока.

- Нашим живым картинам нет равных. Разве я не прав?

- Ты прав, дорогой брат, - ответил Фока.

- А что, если мы сделаем в живых картинах гигантский шаг вперед? - предложил Иоанн. - Что, если вместо живых картин мы поставим небольшую пьесу, такую восхитительно порочную, что весь Константинополь захочет увидеть ее - и заплатит хорошенько за эту возможность. Сначала никто, кроме наших клиентов, не получит разрешения на просмотр этого спектакля. Они, конечно, расскажут о нем, чем заинтригуют своих друзей и друзей их друзей.

Только те, кого лично рекомендовали наши клиенты, получают разрешение посмотреть наше небольшое представление. Вскоре у нас будет столько желающих, что мы сможем назначать любую цену и таким образом обеспечим свое будущее. Никто еще не делал того, что я предлагаю. Другие, естественно, станут копировать нас, но они не смогут, как мы, поддерживать высокий уровень исполнения. Кейлин сделаем главной исполнительницей.

Фока по достоинству оценил план брата, план во всех отношениях блестящий.

- Как мы назовем спектакль, Иоанн, и как мы его поставим? - спросил он, очарованный.

- «Девственница и варвары»! Разве это не изумительно? - захихикал Иоанн, довольный собой. - Сцена открывается, и мы видим нашу маленькую Кейлин, сидящую за ткацким станком, скромную и невинную, всю в белом, ее распущенные волосы спадают на гобелен. Внезапно дверь в комнату резко распахивается. Входят три великолепных обнаженных варвара с саблями в руках, их намерения совершенно ясны. Испуганная девушка вскакивает, но - увы! Они набрасываются на нее, рвут на части ее одежду, а она пронзительно кричит, протестуя! Они насилуют ее, и занавес опускается под аплодисменты зрителей.

- Скучно, - сказал Фока сухо.

- Скучно? - Иоанн выглядел обиженным. - Не могу поверить, что ты говоришь это мне. В сцене, которую я описал, нет ничего скучного.

- Насилование девственницы - обычное дело в живых картинах, - ответил Фока разочарованно. - Если ты больше ничего не можешь придумать, то это скучно.

- О боги! - воскликнул Иоанн. - Я все так ясно вижу, что не стал объяснять тебе в деталях. Нашу девственницу насилуют три варвара, Фока. Три!

- Один или три - это все равно скучно, - повторил брат.

- А если все трое одновременно? - лукаво пояснил Иоанн. Карие глаза Фоки расширились.

- Это невозможно! - произнес он, затаив дыхание.

- Возможно, - ответил брат, - но это должно быть поставлено очень тщательно, как хореограф ставит храмовые танцы. Ничего невозможного нет, дорогой брат. Нет! Ничего подобного здесь, в Византии, еще не представляли. Разве церковь постоянно не порицает безнравственность человеческой природы? Перед нашими воротами будут шуметь толпы желающих прорваться посмотреть это представление. Эта девушка обеспечит нам будущее. А потом уедем на тот остров в Черном море, который мы купили несколько лет назад и с тех пор не бывали там.

- Но захочет ли девушка участвовать? - спросил Фока. - Ты слишком много ожидаешь от неискушенной маленькой провинциалки.

- Она будет участвовать, дорогой брат. Она очень умна для женщины и, будучи язычницей, лишена глупых предрассудков. Так как она не девственница, то у нее на этот счет не должно быть опасений. Ты знаешь, о чем она спросила меня? Какое будущее ожидает ее после того, как пройдет молодость и красота. Конечно, я сказал ей, что она сможет купить себе свободу, если будет умна. При соответствующем обучении Кейлин станет самой лучшей куртизанкой города.

- Ты уже решил относительно мужчин? - спросил Фока по-деловому. - И как часто мы будем показывать спектакль?

- Только два раза в неделю, - ответил брат. - Не стоит переутомлять девушку, да и уникальность представления надо учитывать. Пусть лучше наши клиенты немного попросят, чем наше маленькое представление очень скоро станет слишком ординарным. Что касается мужчин, я видел подходящих на рынке Исаака Ставраки два дня назад, - А что, если они уже проданы?

- Их не продадут, - сказал Иоанн. - Я хотел купить их, но решил подождать. Я дал Исааку пять золотых солиды, чтобы он придержал их для меня. Я должен дать ответ ему завтра, но пойду

сегодня. Они великолепны. Фока. Это три брата, всеми чертами и сложением похожие друг на друга. Огромные светловолосые норманны. У них лишь один небольшой изъян. Глаз его не видит, но Исаак решил, что я должен знать. Они немые. Идиот, который взял их в плен, вырвал им языки. Жаль, конечно. Они выглядят умными и слышат прекрасно.

- Приведи их, - ответил Фока. - Не позволяй Исааку обмануть тебя, Иоанн. Прежде всего он не должен знать, как мы собираемся использовать этих мужчин. Их физический недостаток, конечно, позволит значительно снизить цену, которую он запросит. Но подожди! А какие у них мужские достоинства? Они впечатляют? Не имеет значения, красивы ли эти парни, главное, чтобы у них были большие члены. Как ты убедишься в этом, чтобы Исаак не заподозрил, для чего мы приобретаем это трио?

Иоанн насмешливо посмотрел на своего старшего брата:

- Фока, дорогой брат, ты меня глубоко обижаешь. Разве я когда-нибудь покупал рабов для нашего дома, предварительно не проверив самым тщательным образом их качества? В состоянии покоя члены всех троих выглядели весьма внушительно. Возбужденные, они станут огромными, если я не ошибаюсь, а ошибаюсь я редко.

- Извини, брат, - сказал Фока с легкой улыбкой. Улыбнувшись в ответ и откланявшись, Иоанн покинул брата. Позвав своего любимого раба, телохранителя и очередного любовника, он быстро вышел через ворота виллы Максима на улицу.

Глава 8

Кейлин всегда считала, что дом, где она выросла, был роскошным, но жизнь на вилле Максима стала откровением для нее. В доме ни одно окно не выходило на улицу. Единственный вход через бронзовые ворота вел по узкому коридору в большой, просторный солнечный двор. Пол во дворе был выложен черными и белыми квадратными мраморными плитами. По периметру двора установлены огромные вазы. В них были посажены небольшие деревца и кусты роз. Во дворе всегда дежурили хорошенькие рабыни, которые встречали посетителей и направляли их вверх по широкой белой мраморной лестнице к портику с колоннами и через него в атрий виллы. Атрий был просто великолепным. Высокие сводчатые потолки, разделенные встроенными панелями, были разукрашены красным и голубым с позолотой; стены отделаны панелями из белого мрамора, а плинтусы покрыты серебром. Вход в атрий украшали две прямоугольные и четыре круглые колонны из красного и белого мрамора, заканчивающиеся наверху позолоченным карнизом. Над входом виднелись три продолговатых узких решетчатых окна.

Двери атрия бронзовые, а дверные стойки, отделанные зеленым мрамором, покрыты золотом и украшены слоновой костью. Пол выложен мраморными плитками различных оттенков, зеленых и белых, в виде одинаковых геометрических фигур. В стенных нишах по всей комнате установлены великолепные мраморные скульптуры обнаженных мужчин и женщин, поодиночке, парами или группами, все в эротических позах, рассчитанных на то, чтобы приятно возбудить зрителя. В зале поставили большие мраморные вазы, наполненные яркими цветами, и несколько мраморных скамеек, где клиенты сидели в ожидании, пока проверят их личность и платежеспособность.

Все остальное, что Кейлин увидела на вилле в первые недели пребывания в Константинополе, тоже было поистине великолепным. Все стены отделаны панелями, и в центре каждой из них - картины. Предметом изображения этих картин были откровенные эротические сценки. Потолки также покрыты панелями, украшенными лепниной с позолотой или в сочетании со

слоновой костью. Двери расцвечены яркой мозаикой. Полы покрыты либо мрамором различных оттенков, либо мозаичными картинками, выложенными из таких маленьких кусочков, что казались нарисованными. На полу главного помещения, где устраивали прием гостей, была изображена история Леды и Юпитера, сложенная из кусочков мозаики, создающих эффект драгоценных камней.

Обстановка на вилле Максима была типичной для богатого дома. Повсюду стояли кушетки с декоративной отделкой. Резные ножки и подлокотники изготовлены из каких-то редких пород дерева. Для их украшения использовались черепаши панцири, слоновая кость, черное дерево, драгоценные камни и металлы. Покрывала на кушетках были из прекраснейшего материала, вышитого золотыми и серебряными нитками и украшенного драгоценными камнями.

Прекрасные столы сделаны из африканского кедра. Некоторые имели основания из мрамора, другие были позолоченные. Сундуки для хранения были как изящной, так и простой формы. Повсюду висели и стояли на столах канделябры и светильники из бронзы, серебра и золота. В обстановке виллы все было изящным и красивым.

Кейлин выделили очаровательную маленькую комнату с мозаичным полом, в центре которого был изображен Юпитер, обольщающий Европу. По стенам на фресках были изображены молодые любовники, очарованные маленьким крылатым Купидоном. В комнате стояли кровать, украшенная прелестной резьбой по дереву, и маленький круглый столик. Из единственного окна открывался вид через холмы города на море вдаль. Комната почти весь день освещалась солнцем. Кейлин почувствовала комфорт впервые за последний год. Это неплохое место для начала новой жизни. В течение почти двух недель у нее был изнеженный, ничем не омраченный образ жизни. Ее кормили очень обильно. Три раза в неделю купали и делали массаж. Ухаживали за ее ногами и руками, делали маникюр, натирали кожу смягчающим кремом. Ее заставляли подолгу отдыхать, и она думала, что умрет от скуки, так как не привыкла бездельничать. Она никого не видела, кроме Иоанна и нескольких слуг, которые ухаживали за ней. По вечерам до нее доносились смех, музыка и звуки веселья.

Как-то днем зашел Иоанн и посадил ее в прекрасно украшенный, во вкусе Кейлин, красивый паланкин для поездки в город. Иоанн сообщил Кейлин, что город был основан греками тысячи лет назад. Расположенный на стыке восточных и западных караванных путей, он всегда процветал, хотя ничем особенным не отличался. Затем, всего сто лет назад, император Константин Великий решил покинуть Рим и выбрал в качестве столицы город в Византии. Константин, первый император, принявший христианство, освятил город 4 ноября 328 года. Город, переименованный в Константинополь в его честь, в ходе пышной церемонии формально был зарегистрирован 11 мая 330 года. Тогда же начался новый этап строительства и реконструкции.

Константин и его преемники любили строить, и от первоначального греческого города почти ничего не осталось. Со временем в Константинополе появились университет, цирк, восемь общественных и сто пятьдесят три частных бани, пятьдесят две крытые галереи, пять амбаров, четыре больших общественных зала для правительства, сената и суда, восемь акведуков, по которым подавалась вода; тогда же построили четырнадцать церквей, включая великолепный собор Святой Софии, четырнадцать дворцов для знати. Около пяти тысяч домов было возведено для состоятельных граждан, не считая нескольких тысяч домов и построек, служащих приютом для плебеев, торговцев, ремесленников и бедняков.

Город рос благодаря торговле, и торговля процветала. Так как он располагался на торговых путях из Азии и Европы, рынки Константинополя были полны всевозможным добром: от фарфора из Китая, слоновой кости из Африки до янтаря из Балтии, драгоценных камней со

всех концов земли. Шелк, дамасскую узорчатую ткань, алоэ, бальзам, корицу и имбирь, сахар, мускус, соль, масло, зерно, воск, меха, древесину, вина и, конечно, рабов – все это можно было купить на его рынках.

После полудня они отправились в дальний конец города к Золотым Воротам и затем назад вдоль Мизы мимо форумов Константина и Феодосия. Они обогнули ипподром и направились к Большому дворцу. Когда их доставили к церкви Святой Зримей, Иоанн сказал;

- Я еще не выбрал священника для тебя, Кейлин. Не забыть бы сделать это.

- Не беспокойтесь, – ответила она. – Не думаю, что смогу стать христианкой. Боюсь, это слишком сложное учение, – Почему ты так говоришь?

- Я разговаривала с вашими слугами. Они сказали, что христиане прощают своих врагов. Не думаю, что смогу простить Антонию, Иоанн. Из-за врагов я потеряла семью, мужа и ребенка. Я даже не знаю, кого я родила – сына или дочь. Меня увезли с любимой родины, сделали рабыней и вселили в меня страх. Мы, британцы, выносливая нация, раз я пережила все это, но во мне много злости. Если представится случай отомстить Антонии Порции, я с радостью сделаю это! Я не забуду, что она сотворила со мной и что отняла у меня.

- Теперь твоя судьба здесь, – тихо произнес Иоанн и прикоснулся к ее руке, чтобы утешить.

Фиалковые глаза Кейлин спокойно смотрели на него.

- Я научилась никому не доверять, мой господин!

- Это мудрее и не приводит к разочарованию.

«Как она холодна, – подумал он, удивляясь. – Как же муж смог разжечь в ней страсть? Да, она как раз то, что мне нужно для представления. Прекрасная мраморная Венера. Красивая. Нетронутая. Ледяная. И бессердечная. Она станет сенсацией, и после ее выступления весь Константинополь с восхищением припадет к ее ногам».

- Завтра, – сказал он, – ты начнешь репетировать. Тебе следует научиться делать определенные вещи, которые вначале могут испугать тебя или покажутся отвратительными, но ты должна верить мне, Кейлин, когда я говорю, что не допущу, чтобы ты как-то пострадала. В этом случае ты можешь доверять мне. Я слишком много вложил в тебя, чтобы позволить причинить тебе вред, дорогая. О да! Ты можешь доверять Иоанну Максима и никому другому.

- Вы вложили четыре фоллеса, мой господин. – Она засмеялась. – Это невероятно большая цена, как вы сами объяснили мне.

- А... но не забывай, отмыв тебя, я сказал, что твоя цена возросла до десяти солиди. А когда тебя обучат, она возрастет в сто раз, Кейлин.

Она внимательно слушала его, абсолютно не представляя, в чем заключается ее обучение. Она даже точно не знала, что происходит на вилле Максима длинными вечерами, когда смутный шум доносится до ее слуха. Она знала, что в публичных домах продают тела для ночных утех. Но ее инстинкт подсказывал – там происходит нечто большее.

На следующее утро рабыня Изис отвела ее во внутреннюю комнату, где ее ожидали Иоанн и какие-то незнакомые ей люди. Все они были обнажены, кроме Иоанна, сверкающего красным с серебром далматиком. Там находилась темноволосая женщина такого же роста, как Кейлин, и

трое высоких молодых мужчин с длинными золотистыми волосами. На мгновение при взгляде на них Кейлин почувствовала, как будто чья-то рука сжала ее сердце. Хотя ничего, кроме комплекции этих троих и цвета их волос, не напоминало ей Вульфа. Сначала она разозлилась на Иоанна, но потом поняла, что он не мог знать, и сдержалась. Может быть, это первый шаг на пути к свободе...

Вчера, разговаривая с Иоанном, Кейлин неожиданно поняла, что отчаянно хочет вернуться в Британию. Ее не пугали ни расстояние, ни трудности путешествия.

Но реализация этой мечты невозможна без золота и власти. Она хотела вернуться независимо от того, умер Вульф или жив. Даже если он жив, он может не пожелать ее возвращения. Но земли отца принадлежат ей, существует ребенок, который также принадлежит ей. Она хочет все вернуть и отомстить Антонии Порции. Только если она станет известной здесь, в Константинополе, у нее появится шанс вернуться в Британию и сорвать дьявольский план Антонии. Кейлин поклялась сделать все возможное, чтобы достичь своей цели.

- Это Касия, - сказал Иоанн, представляя темноволосую женщину. - Она уже два года у нас и очень популярна у господ. Я попросил ее присоединиться к нам, чтобы показать то, что я хочу сделать. Сними с Кейлин тунику, Изис, и можешь оставить нас.

Кейлин подавила неловкость остаться голой перед незнакомцами. Никто не смутился. При таких обстоятельствах это, очевидно, нормальное дело. Ей польстило явное восхищение, которое она прочла в голубых глазах мужчин.

- Кто они? - спросила она Иоанна.

- Твои партнеры, - ответил он мягко, а затем спросил ее:

- Как ты занималась любовью со своим мужем, дорогая? Я имею в виду позиции, которые ты предпочитала, - пояснил он. - Ты лежала на спине, наверное, а он скакал на тебе?

Кейлин молча кивнула, сглотнув слюну. Ей вдруг стало холодно. Касия обняла ее, - Не бойся, - сказала она доброжелательно. - Никто не собирается причинить тебе вред, Кейлин. Тебе действительно очень повезло, что Иоанн выбрал тебя для этого представления.

- Действительно, ты же не пугливая? - суетился Иоанн. - Я говорил тебе, в этом деле ты можешь доверять мне. Неизвестность смущает тебя. Хорошо, давай развеем твои страхи. Твои партнеры не могут говорить, хотя слышат. Я решил дать им имена Аполлон, Кастор и Поллукс. Врач сказал, что ты здорова во всех отношениях и вполне готова иметь дело с мужчиной. Эти трое должны быть твоими любовниками.

- Они такие же рабы, как и я, - промолвила Кейлин. - Какой в них толк, мой господин? Как же я смогу заработать свободу, имея дело с рабами?

Иоанн рассмеялся. Она хоть и напугана, но не забывала того, о чем он говорил ей.

- Спектакль и станет твоей работой, Кейлин. Дважды в неделю вы вчетвером будете разыгрывать пьесу, придуманную мной. - Затем он начал объяснять, что требуется от нее. - Я думаю, ты никогда не пробовала, чтобы мужчина любил тебя сзади. Вот зачем Касия здесь сегодня. В этом она особенно преуспела. Если ты посмотришь, как она это делает, то поймешь, что бояться нечего. Касия, встань на колени. Поллукс и Кастор, займитесь ею. Теперь смотри внимательно, Кейлин. От тебя потребуется то, что делает Касия.

Касия опустилась на колени. Кастор встал перед ней, приставив свой член к ее губам. Открыв рот, она охватила его губами на глазах у потрясенной Кейлин и начала энергично сосать его.

- Она возбуждает его сосательными движениями и прикосновениями языка, - объяснял Иоанн весьма прозаично. - Смотри, он уже напрягся от желания. Он страстный молодой парень.

Касия уже больше не держала член во рту. Она наклонилась, опираясь на руки. Кастор опустился на колени позади нее. Помогая рукой, он вставил член между плотными ягодицами женщины. Касия тихо застонала, Поллукс приподнял ее голову рукой, предлагая взять его член в рот. Обхватив ее бедра своими большими руками. Кастор медленно вошел в Касию. Затем он начал двигать своим членом туда-сюда медленными, равномерными, внушительными ударами.

- Я не смогу так, - запротестовала Кейлин.

- Конечно, сможешь, и не только так, дорогая, - уверил ее Иоанн. - Ты заметила, как осторожен он с ней? Даже сгорая от страсти, он очень нежен. Он должен сдерживаться, чтобы не причинить ей вреда. Он заплатил бы жизнью, если бы она пострадала, и он знает это. - Неожиданно Иоанн обнял Кейлин и, притянув к себе, потрогал между нижними губками, к величайшему ее удивлению. - А, хорошо, ты уже влажная от желания, несмотря на твои девичьи протесты. Я помогу тебе. Аполлон, подойди сюда и успокой нашу новую малышку как следует.

Странно, но именно жалость в глазах Аполлона тронула сердце Кейлин в тот день. Она поняла, что, если не станет хозяйкой в этой ситуации, трое братьев будут пугать ее потом в их представлении. Она легла на коврик, постеленный на мраморном полу, и, широко раздвинув ноги, посмотрела на Иоанна.

- Он готов, как и я, мой господин. Его член, конечно, великолепен, хотя я видела и побольше. Иди, Аполлон, и делай то, что велит хозяин, Она абсолютно ничего не чувствовала, хотя он энергично трудился. Она была холодна как лед. Тогда Касия, уже по собственной инициативе, опустилась на колени у головы Кейлин и тихо стала поучать ее:

- Ты всегда должна создавать у мужчин впечатление, что испытываешь страсть, какой раньше никогда не испытывала, даже если ничего не чувствуешь. Откинь голову назад, потом вперед. Хорошо! Теперь стони и царапай ему спину. - Она улыбнулась Иоанну, когда Кейлин сделала так, как ей говорили. - Она способная ученица, мой господин.

«Я умру, - подумала Кейлин, - это ад». Но этого не случилось. В течение нескольких недель ее учили эротическому искусству, и, к своему удивлению, она преуспела в нем. В конце концов пришел день, когда Кейлин и трое молодых норманнов полностью разыграли пьесу Иоанна перед его восхищенным взором. Двумя днями позже они провели генеральную репетицию перед всеми обитателями виллы Максима. Кейлин и Иоанна поздравляли: Иоанна - с его творческой удачей, а Кейлин - с хорошим исполнением акробатических приемов.

- На следующей неделе, - воскликнул Иоанн с энтузиазмом, - мы начнем представления! Вполне достаточно времени, чтобы сообщить нашим постоянным клиентам, что их ждет нечто необычное. О, брат! Мы начинаем богатеть!

«Девственница и варвары» тотчас завоевала успех. Никогда еще в истории Константинополя никто ничего подобного не видел. Все происходило точно так, как предсказывал Иоанн. Фока, которого редко видели взволнованным, едва сдерживал радость, глядя на тысячи золотых солиды, спрятанных в потайном месте. Дважды в неделю пьесу играли перед сотнями гостей,

каждый из которых платил по пять золотых солиды, чтобы посмотреть представление.

Как-то вечером Иоанн взглянул на своего брата и взволнованно сказал:

- Прибыл брат императрицы и с ним генерал Аспар! Я усадил их в первый ряд на лучшие места. О боги! Я знал, я был прав! Я собираюсь начать постановку другой пьесы. Фока.

- Я удивлюсь, если это действительно так очаровательно, как говорят, - прошептал принц Василий своему спутнику. Принц - элегантный мужчина со светлой кожей, темными волосами и глубоко посаженными карими глазами - слыл культурным и образованным человеком, а потому было необычно видеть его в такой атмосфере, учитывая его благочестие и круг религиозных друзей. - Я начинаю сожалеть, что позволил тебе затащить меня сюда, Аспар. Генерал засмеялся:

- Ты слишком серьезен, Василий.

- А я должен быть таким, как ты? Любителем пьес и публичных спектаклей, Аспар? Если бы ты не был лучшим генералом империи, тебя не допустили бы ко двору.

- Если бы я не был лучшим генералом империи, - спокойно заметил Аспар, - твоя сестра Вера не была бы императрицей.

Принц засмеялся.

- Это верно, - признал он. - Ты сделал Льва императором, а до него - Марсиана. Ты сам мог бы стать императором, если бы не мои друзья-церковники. Они боятся тебя, Аспар.

- Они глупы, - последовал ответ. - Счастье, что я не православный, Василий. Я в большей степени способен сделать кого-то императором, чем сам стать им. Вот почему твои друзья действительно боятся меня. Они не понимают, почему я делаю тот или иной выбор. Кроме того, времена меняются. Именно сейчас Византии нужны великие генералы, а не великие императоры, а дни, когда один человек мог быть в двух лицах, прошли.

- Твоя скромность трогает меня, - иронично заметил принц. - Боже мой! Это жена сенатора Романа с мускулистым парнем? Верно?

Аспар улыбнулся:

- Мы знаем, наверное, половину из присутствующих здесь, Василий. Посмотри вокруг. Вот епископ Андроник, и только подумай, с кем он. Это Касия, одна из лучших куртизанок, которых предлагает вилла Максима. Несколько вечеров я наслаждался в ее компании. Она очаровательная и очень способная девушка. Ты не хотел бы встретиться с ней как-нибудь? Однако не думаю, что осмелюсь помешать сегодня вечером епископу.

Комната почти заполнилась. Обнаженные юноши и девушки начали гасить светильники; комната погрузилась во тьму. Аспар улыбнулся, слыша стоны и тяжелое дыхание вокруг себя. Некоторые из присутствующих уже воспользовались темнотой, чтобы заняться любовью. Затем раздвинулся тяжелый занавес, открывая сцену с другим, прозрачным занавесом. Сцена была ярко освещена лампами, установленными по краям и подвешенными к балкам над ней.

Тонкая ткань медленно раздвинулась, открывая красивую молодую женщину, сидящую за ткацким станком. Ее лицо было спокойным, а каштановые волосы Аспар нашел восхитительными. Девушка была одета в скромную белую тунику, ее стройные ноги были

обнажены. Она ловко работала за ткацким станком, и вид у нее был очень невинный. Мирную сцену сопровождала мягкая музыка, доносившаяся снизу, где расположились невидимые музыканты.

Генерал посмотрел вокруг. Жена сенатора Романа сидела лицом к сцене на коленях своего любовника. Ее платье задралось, как и туника молодого мужчины, на котором она сидела. Не вызывало сомнений, чем они занимались. Аспар улыбнулся, развеселившись, и повернулся к сцене. Девушка оторвалась от рукоделия, и Аспар увидел, что глаза ее совсем ничего не выражали. На мгновение он подумал, что она слепая, но потом убедился, что ошибся. Рассеянный взгляд вызвал странное чувство. Он понял, что ощущает жалость к этой красивой молодой женщине.

Затем внезапно дверь в маленькую комнату на сцене разлетелась на части. Зрители увидели, как три обнаженных, блестящих от масла воина ворвались на сцену. Они были очень похожи. На каждом привлекал внимание шлем с конским хвостом, в руках они держали мечи и разукрашенные щиты; но больше всего заинтриговали публику их огромные члены.

- Господи! - пробормотал Василий. - Откуда эти трое? Неужели они собираются... Ну да, так и есть! - Он наклонился вперед, зачарованно наблюдая, как варвары начали насиловать беспомощную девственницу.

Тонкие одежды Кейлин яростно сорвали с ее чувственного тела. Подняв правую руку, она прижала ее тыльной стороной ко лбу, а левую спустила вниз и слегка откинула назад. Эта поза позволяла зрителям разглядеть красивое тело. На несколько мгновений варвары молча застыли, как будто восхищаясь своей жертвой. Затем один из них схватил девушку и крепко поцеловал, шаря руками по всему ее телу и энергично лаская его. Второй варвар вырвал девушку у своего соплеменника, терзая ее губы, а третий требовал своей доли наслаждений. В течение нескольких минут варвары целовали и ласкали Кейлин под жгучими взглядами зрителей.

- О боги! - простонал кто-то в темноте, и трое светловолосых варваров внезапно повернулись лицом к зрителям, демонстрируя свои огромные, как у эпических героев, возбужденные члены.

Страсти в зале разгорались по мере развития действия. Зажав девушку так, чтобы она не могла вырваться, три варвара решили разыграть, кому достанется невинность в ее храме Венеры. Публике сообщили, что на самом деле каждый раз исполнители кидают жребий. Иоанн считал, что, если актеры будут играть одну и ту же роль в каждом представлении, они потеряют кураж и действие станет неинтересным.

Жребий выпал Аполлону, и он оскалился от удовольствия. Аполлон получил роль, которую последние три представления играл его брат Кастор. Он застонал от наслаждения, когда овладел Кейлин. Поллукс опустил на колени позади девушки и медленно вошел в ее зад, в то время как она покачивалась, опираясь на руки. Зрители засмеялись, когда Кастор, очевидно, оставшийся вне игры, удрученно смотрел на эту сцену. Затем озорная улыбка появилась у него на лице. Обойдя сплетенную группу, он встал над Аполлоном и, протянув руку, приподнял кверху голову Кейлин. Затем приблизился к ее губам. Она с притворной неохотой открыла рот, взяла его член и начала сперва робко, а потом с шумом сосать его. Двое других мужчин начали осторожно двигаться. Насильники стонали от наслаждения.

«Талантливо», - подумал генерал. Девушка выглядела невинной, как молодой ягненок. Однако пустота в ее глазах говорила, что она делала это ради того, чтобы выжить. Она, конечно, не получала удовольствия от того, что мужчины заполнили все три отверстия ее

прелестного тела. Вокруг себя Аспар видел разгоряченных мужчин и женщин с широко раскрытыми глазами, испытывающих страстное наслаждение. Несколько пар, слившись, стонали от блаженства, глядя, как на сцене актеры довели дело до естественного конца. Когда все четверо превратились в груды сплетенных тел, занавес закрылся.

Появился Иоанн под аплодисменты и крики зрителей.

- Вы довольны нашим маленьким представлением? - спросил он скромно, но с веселым блеском в глазах.

Они выкрикивали ему слова одобрения, и он, удовлетворенный, сиял.

- Может быть, сегодня здесь присутствуют дамы, которые хотели бы воспользоваться особым вниманием одного из наших красивых молодых варваров? - лукаво спросил Иоанн.

Его тотчас атаковали нетерпеливыми запросами. Братьев быстро разыграли на аукционе, и, появившись из-за занавеса, они присоединились к своим счастливым партнершам на ночь. К удивлению Василия, здоровенная жена сенатора Романа, завладевшая одним из актеров, скрылась с ним и со своим юным любовником.

- А как же девушка? - крикнул кто-то из зрителей.

- О нет! - ответил Иоанн, слегка посмеиваясь. - Наша девственница никому не достанется, пока не придет время. Может быть, когда-нибудь, господа, но не сейчас. Мой брат и я рады, что вы все получили удовольствие от нашего спектакля. Через три дня состоится другое представление. Скажите об этом вашим друзьям. - Затем он исчез за занавесом, как лисенок в норе.

Аспар встал.

- Мне по делу, - сказал он своему спутнику. - Ты останешься, Василий?

- Думаю, да, - ответил принц. - Если что, я здесь. Улыбнувшись, Флавий Аспар покинул этот маленький театр. В течение последних лет он не раз посещал виллу Максима и поэтому точно знал, куда идет. Он нашел обоих братьев Максима в небольшой внутренней комнате; они весело подсчитывали свои доходы от сегодняшнего спектакля.

- Мой господин, рад видеть вас! - поспешил Иоанн навстречу, в то время как Фока низко поклонился генералу. - Вам понравилось наше маленькое представление? Я видел с вами принца Василия.

- Ничто не ускользает от твоих острых глаз, не так ли, Иоанн? - воскликнул генерал со смехом. - Уникальный спектакль. Девушке достается, я бы сказал. Поэтому ты ограничиваешь ее появление только двумя представлениями в неделю?

- Конечно, мой господин. Мы очень ценим Кейлин. Нам не хотелось бы каким-либо образом причинить ей вред, - объяснил Иоанн.

- Я хочу купить ее, - спокойно сказал Аспар. Иоанн почувствовал, как сердце подпрыгнуло у него в груди. Он беспокойно посмотрел на брата. Этого они никогда с ним не обсуждали.

- Мой господин, - произнес он медленно, - она не продается. Не сейчас, может быть, позже. - Он почувствовал, как по спине потекли капельки пота. Перед ним был один из самых

могущественных людей в Византии. Более могущественный, чем сам император.

- Тысяча золотых солиди, - сказал Аспар и улыбнулся, показывая, что не обижен отказом Иоанна.

- Три тысячи, - ответил Фока Максима. Он не был сентиментальным. Иоанн мог протестовать, но на место Кейлин всегда можно подготовить другую девушку. Кроме того, пьеса не могла долго привлекать внимание.

- Пятнадцать сотен, - быстро подсчитал генерал.

- Две тысячи, - ответил Фока.

- Пятнадцать сотен, - твердо повторил генерал, показывая, что цена окончательная. - Доставьте девушку на мою частную виллу у моря. Это всего в пяти милях от Золотых Ворот. Если она прибудет завтра утром, управляющий отдаст золото. Надеюсь, вы остались довольны, господа. - Он ни на секунду не сомневался, что ему не откажут.

- Мы предпочли бы, мой господин, чтобы золото доставили сюда. Не думаю, что кому-либо из нас понравится возвращаться с таким богатством, - пояснил Фока. - Когда нам принесут деньги, мы с радостью отправим девушку к вам. - Он вежливо кивнул.

- Хорошо, - ответил Флавий Аспар, а затем, посмотрев на удрученного Иоанна, сказал:

- Не огорчайся, мой старый друг. «Девственница и варвары» - довольно банальная пьеса. Скоро никто не поверит, что твоя маленькая актриса - как там ее зовут? - девственница. Создавай новый спектакль, Иоанн. Ты ничего не потеряешь. Те, кто не видел этой пьесы, будут вдвойне полны желания посмотреть следующую, а те, кто видел, тем более захотят увидеть другую.

- Кейлин. Ее зовут Кейлин. Она британка, - заговорил Иоанн. - Вы будете добры к пей, мой господин? Она хорошая девушка, переживающая тяжелые времена. Если вы попросите, она расскажет свою историю, весьма примечательную.

- Я купил ее не для того, чтобы мучить, Иоанн, - ответил генерал. А затем добавил:

- Господа, никому ни слова об этой сделке, даже моему другу Василию. Я не хочу, чтобы кто-то знал о моей покупке.

- Мы прекрасно понимаем, мой господин. - Иоанн потихоньку начинал приходить в себя. Зная историю Кейлин, он втайне чувствовал себя немного виноватым, сделав ее главным действующим лицом представления. Он понимал, что, став любовницей генерала Аспара, она окажется в большей безопасности и, возможно, будет даже счастливее. - Я полагаю, теперь мы будем видеть вас гораздо реже, - закончил он.

- Наверное, - ответил Аспар. Затем, откланявшись, он вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

- О боги! - воскликнул Фока - Мы владели девушкой менее трех месяцев, дорогой брат. Ее игра принесла нам пятнадцать тысяч солиди, а продажа - пятнадцать сотен солиди. Превосходная отдача от рабыни, купленной всего за четыре фоллеса, даже с учетом ее содержания, которое не следует принимать во внимание Я приветствую тебя, Иоанн Максима!

Ты оказался прав!

Иоанн широко улыбнулся. Получить комплимент от Фоки – такая же редкость, как выловить жемчужину.

– Благодарю, брат, – сказал он.

– Ты сообщишь девушке?

– Я поговорю с ней завтра утром. После представления она обычно принимает ванну и тотчас идет спать. Сейчас она, наверное, спит, она всегда спит как убитая после этого.

Сон – это единственное, что позволяло Кейлин уйти от действительности. Она считала, что у нее сильная воля. Она заставила себя делать то, что ей было введено, но не думала, что сможет вынести это долго. Нельзя сказать, что кто-то плохо относился к ней, каждый по-своему был доброжелательным. На вилле Максима все баловали ее. Иоанн почти боготворил ее, Аполлон, Кастор и Поллукс явно обожали. Они даже собирались как-нибудь показать ей льва, сложенного из мозаики, при этом, говорили они, надо указать на него пальцем, а потом постучать себя по груди – это, мол, поможет стать храбрым как лев. Все это льстило, но не приносило душевного покоя. Недавно она слышала, как Иоанн говорил о новом спектакле, который он задумал с ее участием.

Наверное, хуже, чем сейчас, не будет.

На следующее утро за завтраком к ней подошел Иоанн.

– Я не мог уснуть, – сказал он, – и поэтому пошел пораньше на рынок. Посмотри, какие прекрасные дыни я принес тебе. Полакомимся ими, пока я расскажу, как тебе невероятно повезло, Кейлин.

– Фортуна – богиня, которая последнее время не очень-то милостива ко мне. – Кейлин передала дыню Изис, чтобы та порезала ее.

– Она довольно широко улыбнулась тебе прошлой ночью, дорогая, – продолжал Иоанн лукаво. – Флавий Аспар, самый могущественный человек в Византии, присутствовал вчера на спектакле.

– Я думала, у вас император самый могущественный человек, – сказала Кейлин.

– Флавий Аспар – самый известный в империи генерал. Он лично посадил на трон двух последних императоров. Оба, бывший император Марсиан и нынешний Лев, обязаны своим положением Аспару.

– И что собирается ваш генерал сделать со мной, мой господин? – Кейлин взяла кусок дыни, протянутый ей Изис. Дыня оказалась удивительно сладкой. По подбородку Кейлин побежал сок, она облизнулась.

– Я продал тебя ему, – сказал Иоанн, откусывая кусочек спелой дыни. – Он заплатил за тебя, дорогая, пятнадцать сотен золотых солиди. Не я ли говорил тебе, что твоя цена возрастет?

– Вы также говорили, что я смогу купить свободу в конце концов, – сказала Кейлин с горечью. Неужели действительно нельзя никому доверять? – Вы же клялись мне, что вам-то можно доверять, мой господин!

– Дорогая девочка, – возразил Иоанн, – мы не собирались тебя продавать. Он пришел к нам после представления и сказал, что хочет купить тебя. Он действительно самый

могущественный человек в империи, Кейлин. Нам с братом ничего не оставалось делать, я не мог отказать ему. Отказать Аспару в том, что он хочет, равносильно самоубийству. – Он похлопал ее по руке. – Не бойся, дорогая. Он будет добр к тебе. Не думаю, что генерал когда-либо содержал любовницу. Когда ему нужна женщина, кроме жены, он приходит сюда или в другой такой же, как наш, уважаемый дом. Ты должна гордиться.

Кейлин посмотрела на него.

– Как я смогу вернуться в Британию и отомстить Антонии Порции? – спросила она сердито.

– Умная женщина, а я думаю, ты умная, Кейлин, смогла бы увидеть, какая прекрасная возможность ей представилась. Аспар станет дарить тебе подарки, если ты понравишься ему. Он может даже освободить тебя когда-нибудь, – сказал Иоанн.

– Я не владею искусством куртизанки, – пожаловалась Кейлин. – Эти уроки я должна была получить позже. Все, что я способна делать... – Она сердито покраснела. – Ну, вы знаете, что я умею, мой господин Иоанн. То, что вы придумали, было адом для меня последние недели! Разве ваш могущественный генерал не поймет, что его обманули, когда обнаружит, что женщина, которую он купил прошлой ночью, совершенно не владеет искусством эротики?

– Не думаю, что ему нужна опытная куртизанка, Кейлин, – задумчиво сказал Иоанн. – Станный человек этот Аспар. Несмотря на военную выучку, он самый добрый человек в самом жестоком мире. Однако не обольщайся. Он привык, чтобы ему подчинялись. Он может быть жестким.

В этот момент в маленькую комнатку Кейлин торопливо вошел Фока.

– Прибыл посланник с золотом, – сообщил он, пытаясь сдержать радость. – Я пересчитал, все на месте, до последнего солиди, дорогой брат. Ты уже сказал Кейлин? Она готова покинуть нас сейчас же?

– Сначала я должна вымыть руки и лицо, – ответила Кейлин Иоанну, – и тогда буду готова, мой господин Фока.

Изис принесла таз с водой, и Кейлин смыла с лица сок. Затем, попрощавшись с Изис, отправилась в сопровождении братьев во двор, где ее ждал паланкин. Она надела простой белый хитон с золотым поясом. Рукава одежды грациозно спадали до локтей. Она была босая – на вилле Максима она не нуждалась в сандалиях, и ей не дали их.

Касия вышла во двор попрощаться.

– Ты не можешь уйти без подарка. – С легкой улыбкой она вдела золотые сережки с аметистом и жемчугом в уши Кейлин. – Каждая женщина должна иметь хоть какие-то драгоценности. Пусть боги будут милостивы к тебе, моя маленькая подруга. Ты и не представляешь, как тебе повезло. . – Спасибо, Касия! – воскликнула Кейлин. – У меня никогда не было таких прелестных сережек. Спасибо тебе за все.

– Будь сама собой, и все сложится прекрасно, – пообещала Касия.

– Я навещу тебя вскоре, – весело сказал Иоанн и помог ей сесть в паланкин. – Следуй совету Касии. Она знает, о чем говорит.

Кейлин на мгновение охватила паника, когда паланкин подняли и носильщики двинулись за

ворота виллы Максима. Опять она столкнулась с неизвестностью. После благополучной жизни в родительском доме за прошедшие два года в ее судьбе произошли такие неожиданные повороты! Кейлин откинулась на спинку и закрыла глаза. Носильщики быстро несли ее по городу. У Золотых Ворот паланкин остановился в ожидании, когда их пропустят. Она услышала грубый голос:

- А кто у вас здесь?

- Эта женщина принадлежит генералу Аспару и направляется на виллу Маре, - последовал короткий ответ.

- Я только взгляну, - произнес голос, и светлые занавески паланкина раздвинулись. Кейлин холодно посмотрела на солдата.

Занавески снова задернули.

- Она принадлежит старому Аспару? - Стражник у ворот удивленно присвистнул. - Такая красавица! Проходите!

Паланкин опять подняли и двинулись вперед. Время от времени Кейлин украдкой посматривала сквозь занавески. Дорога пролегла по плодородной равнине с пшеничными полями, садами и оливковыми рощами. Она не видела моря, но чувствовала его запах, острый соленый воздух щекотал нос. Ей стало лучше. Море - это спасение. Сейчас она выбралась из виллы Максима и больше не должна так опускаться.

Носильщики шли ровным шагом, затем она почувствовала, что они замедлили ход и повернули. Выглянув, она увидела, что они прошли железные ворота и двигались по аллее. Она снова оказалась в сельской местности. Хорошо удалиться от шума и зловония Константинополя. Носильщики остановились и опустили паланкин. Занавески раздвинулись, и к ней протянулась чья-то рука. Кейлин вышла и обнаружила, что это рука пожилого седого мужчины невысокого роста.

- Добрый день, госпожа. Я Зиновий, управляющий виллы Маре. Генерал приказал встретить вас. Это ваш дом, и все мы в вашем распоряжении. - Он вежливо поклонился, лицо его расплылось в дружеской улыбке.

- Где ваш хозяин, Зиновий? - спросила она.

- Я не видел генерала несколько месяцев, госпожа. Он прислал сообщение сегодня рано утром с распоряжениями относительно вас, - ответил Зиновий.

- Ожидают ли его вскоре? - поинтересовалась Кейлин. - Все это как-то странно.

- Он не сообщил мне об этом, госпожа, - сказал Зиновий. - Входите и немного отдохните. День сегодня жаркий, солнце слишком сильно печет для конца июня. Могу себе представить, в городе, наверное, как в раскаленной печи.

Кейлин последовала за ним.

- Мне не нравится город. Там ужасный шум и грязь.

- Конечно, - согласился он. - Я служил у генерала много лет, но, когда он предложил мне стать управляющим на вилле Маре, я целовал ему ноги в знак благодарности. Я старею, у меня мало

сил, госпожа. Вы не гражданка Византии?

- Я британка, - ответила Кейлин и взяла бокал охлажденного вина из рук улыбающейся служанки.

- Мне говорили, что это самая дикая, варварская страна, - сказал Зиновий очень серьезно. - Рассказывают, люди там синего цвета. Но вы не синяя, госпожа. Наверное, я заблуждаюсь?

Кейлин не могла удержаться от смеха и успокоила управляющего:

- В старые времена воины моего народа раскрашивали себя в синий цвет, когда шли на битву, но кожа у нас не синяя.

- Я вижу, госпожа, но зачем они раскрашивали себя в синий цвет?

- Наши воины верили, что хотя враг мог убить их и разграбить имущество, но до тех пор, пока они синие, он не может отобрать честь и достоинство, - пояснила Кейлин. - Британия - не дикая страна. Мы часть империи уже четыре столетия. Моя семья берет начало от римского трибуна, который пришел туда с императором Клавдием.

- Теперь я очень много узнаю о Британии, госпожа. Надеюсь, вы поделитесь со мной знаниями. Я очень ценю образованность, - почтительно сказал Зиновий.

В течение следующих нескольких дней Кейлин изучала новую обстановку. Вилла Маре очень походила на ее дом в Британии: простое, но весьма удобное загородное жилище. В атриум был прелестный маленький бассейн с рыбками, и она с удовольствием сидела там в жаркие дни, когда солнце палило вовсю. Ее поселили в большой, просторной комнате. Дом обслуживали не более полудюжины слуг, все пожилые. Кейлин поняла, что генерал посылал на виллу Маре тех рабов, которые уже отслужили свое; здесь им поручали легкую работу. Он действительно добрый человек. В ней росло любопытство. Казалось, его здесь не ждали в ближайшее время. Можно подумать, что он умышленно оставил ее в покое, дал возможность прийти в себя после тяжелых испытаний, пережитых ею в последние месяцы. Если это так, то она весьма высоко ценит его поступок.

Зиновий с вниманием слушал ее рассказы о Британии. Казалось, за всю свою жизнь он не бывал нигде, кроме Константинополя и его окрестностей. Кейлин удивилась, обнаружив, что он весьма культурный человек, несмотря на его положение. Он одинаково хорошо писал и читал по-латыни и по-гречески, а также считал. Он объяснил, что вырос вместе с сыном знатного сановника при дворе Феодосия II и попал в дом генерала Аспара, когда его хозяин умер, оставив большие долги; тогда его продали вместе с остальными рабами.

- Вы были рождены свободной женщиной? - как-то спросил Зиновий.

- Да, - ответила она. - Меня предала женщина, которую я считала, своей подругой. Год назад в это время я была в Британии, замужем, носила ребенка. Если бы мне сказали, какова моя дальнейшая судьба, я никогда бы не поверила. - Она мягко улыбнулась. - Однажды я вернусь домой и отомщу этой женщине. Клянусь!

Ясно, что она принадлежит к высшему классу, а так как Зиновий был рожден рабом, был сыном и внуком раба, он больше не задавал вопросов. Это слишком смело с его стороны, и он не мог, несмотря на любопытство, изменить своим привычкам. Не имело значения, что она тоже рабыня. Она рабыня, которая родилась аристократкой. Она выше его, несмотря на молодость.

- Расскажите мне о своем хозяине, - попросила Кейлин.

- Вы не знаете его? - спросил Зиновий. - Это интересно.

- Я даже не знаю, как он выглядит, - искренне призналась Кейлин. - Хозяин дома, где я служила, пришел ко мне однажды утром и сказал, что меня увидел генерал Аспар, он восхитился мной и купил меня. Затем меня послали сюда. Я нахожу все это странным. Зиновий улыбнулся.

- Нет, - сказал он, - это в его стиле, госпожа. Мы, прожившие с ним столько лет, знаем доброту его сердца, хотя он и зарекомендовал себя жестким человеком. Он мог, если бы захотел, стать императором Византии, госпожа, но вместо этого посадил на трон Льва.

- Почему? - спросила она удивленно и, жестом предложив Зиновию сесть рядом с ней у пруда атрия, попросила его продолжить рассказ.

- Он происходит из аланов, госпожа. Они были пастухами-кочевниками за Черным морем. Аланов изгнали со своей родины гунны - жестокое, воинственное племя, которым до недавнего времени правил зверь по имени Аттила. Хотя генерал - христианин, он арианский христианин. Православные христиане верят в Святую Троицу, состоящую из Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Святого Духа, считая, что Бог един в трех лицах и трое в одном лице. Арианцы же верят, что Бог-Сын существует отдельно от Бога-Отца и подчиняется ему.

Хотя некоторые из наших императоров склоняются к арианским учениям, православная церковь держит в руках власть в Византии. Она не позволит явному арианскому христианину короноваться императором. Епископы с уважением относятся к генералу Аспару. Они знают - лучшего полководца нет, но не допустят, чтобы он стал императором. Честно говоря, я не думаю, что Аспар хочет им стать, госпожа. Император не свободный человек. Мне кажется, в генерале живет дух его предков. Он предпочитает свободу короне.

- У него есть жена, дети? - поинтересовалась Кейлин.

- Многие годы генерал был женат на госпоже Анне, самой прекрасной женщине в Византии. Через год после их свадьбы у них появился сын Ардибурий, а позднее дочь София. Девять лет назад госпожа Анна после многих лет бесплодия родила нашему хозяину второго сына, Патриция. Роды ослабили ее. Она долго болела, пока не умерла три года назад. Вилла Маре была куплена для нее, все надеялись, что морской воздух поможет ей выздороветь.

Мы думали, генерал останется холостяком, но в прошлом году он снова женился. Однако это брак по политическим мотивам. Госпожа Флацилла - вдова с двумя замужними дочерьми. Она даже не живет в городском дворце хозяина, а остается в доме своего первого мужа. Она придворная дама с могущественными связями, но, боюсь, она плохая спутница для генерала. По сути, он одинок.

- Беда со старыми и преданными слугами, - донесся низкий голос. - Они слишком много знают о хозяине и занимаются праздной болтовней.

Зиновий вскочил и, преклонив колени перед мужчиной, вошедшим в атрий, поцеловал край его плаща.

- Простите старого дурака, мой господин, - сказал он, а затем спросил:

- Почему же вы не сообщили о своем приезде?

- Потому что в этом доме, Зиновий, всегда готовы принять меня как подобает. - Аспар помог старику подняться. - А теперь принеси-ка мне немного охлажденного кипрского вина. Я долго был в пути. - Отпустив слуг, он повернулся к Кейлин и вежливо спросил:

- Хорошо отдохнули?

- Благодарю вас, мой господин. - Она старалась не смотреть на него.

- Зиновий хорошо заботился о вас? - продолжал расспрашивать Аспар. - «Господи, как она красива», - думал он. Он купил ее по прихоти, без сожаления, но только сейчас, может быть, осознал, что не оказался в дураках. Прошло много времени с тех пор, как женщины заставляли биться его сердце, а его чресла возбуждались от желания.

- Со мной обходились очень любезно, мой господин, - мягко произнесла Кейлин. - «Он очень привлекателен», - подумала она про себя, понимая по его взгляду, какое место занимает в этом доме. - Позвольте ваш плащ, - сказала она, расстегнув бриллиантовую пуговицу и отложив плащ в сторону. Он был всего на два или три дюйма выше ее. Он не так высок, как Вульф или норманны, но его тело выглядело плотным, почти квадратным. Генерал поддерживал хорошую форму, как и его воины.

- Что за духи у вас? - спросил он, опьяненный почти неуловимым ароматом.

- Я не пользуюсь духами, мой господин, но ежедневно принимаю ванну, - сказала Кейлин беспокойно, отступая от него. - Это, наверное, запах мыла, которое осталось на моей коже.

- Мы вместе примем ванну после того, как я допью вино. Я весь день ехал по жаре. Вам нравится здесь, у моря?

- Я выросла в сельской местности, мой господин, и жила там до того, как оказалась в Константинополе. Я предпочитаю жить на лоне природы. - Она отвечала спокойно, но стук ее сердца отдавался в ушах. Вместе мыться в ванне! Она не сомневалась, что последует за этим.

Зиновий вернулся с вином, и Аспар сел на мраморную скамейку у пруда с рыбками, не спеша, с явным удовольствием потягивая холодный напиток. Кейлин молча стояла рядом, наблюдая за ним. У него были темные волосы, слегка тронутые серебром, вид настоящего военного человека. Ладонь, держащая бокал, большая, квадратная, с длинными пальцами, выглядела весьма внушительно. Его средний палец украшало массивное золотое кольцо. Вставленный в него рубин был обработан в виде двуглавого орла, символа Византии.

Он почувствовал ее взгляд и неожиданно посмотрел на нее. Кейлин покраснела, застигнутая врасплох. Он улыбнулся. Это была озорная улыбка маленького мальчика. Сверкнули белые зубы, глаза заблестели. Веселые морщинки вокруг глаз говорили, что он часто улыбается.

- Мне кажется, нос у меня слишком большой. Как ты думаешь, Кейлин? - Он снова улыбнулся, и она ощутила слабость в коленях. Он не красавец, но что-то привлекало в нем.

- Я считаю, у вас прекрасный нос, мой господин, - ответила она.

- Ноздри, пожалуй, слишком велики, - продолжал он. - А вот рот очень пропорциональный, не слишком большой, не слишком маленький. У нашего друга Иоанна рот Купидона, совершенно неподходящий для мужчины, как ты думаешь? Наверное, в детстве он был очаровательным ребенком.

- В Иоанне есть что-то детское, - заметила Кейлин. Аспар засмеялся.

- У тебя острый взгляд, и я подозреваю, проницательный ум сопутствует твоему красивому лицу и фигуре.

- Я думаю, вряд ли вы разглядели меня как следует. Может быть, вы все это почувствовали? - пошутила Кейлин. Затем стала серьезной. - Зачем вы купили меня, мой господин? У вас такая привычка - покупать девушек из публичных домов?

- Нет, просто ты очень храбрая женщина, я таких не встречал, - сказал Аспар. - Ты боролась за существование на вилле Максима. Я видел это в отсутствующем взгляде, которым ты смотрела на публику, и терпение, с которым ты принимала свое унижение в этой непристойной пьесе Иоанна. Империя, которая правит миром, или по крайней мере большей его частью, управляется этими самыми распутниками, которые находят твой стыд забавным. Я принадлежу к этому правящему классу, но считаю этих людей более опасными, чем те, с которыми мне приходилось сталкиваться на поле битвы. Когда я вдруг купил тебя у Иоанна, который, кстати говоря, не осмелился мне отказать, я сделал это, потому что чувствовал - твоя храбрость должна быть вознаграждена свободой от того ада, который ты так стойко выдерживала. Теперь я думаю, что была и другая причина. Кажется, ты волнуешь мою кровь.

Его искренность изумляла ее. Кейлин прилагала все силы, чтобы оставаться хладнокровной.

- В Византии много красивых женщин, мой господин, - заявила она. - Говорят, город славится красивыми женщинами. Несомненно, есть много других достойных вашего внимания по сравнению со мной, униженной рабыней из Британии.

Его смех напугал ее.

- О Боже, я не думал, что застенчивость - часть твоей природы, Кейлин! Мне кажется, она не идет тебе, - сказал Аспар.

- Я никогда в жизни не была застенчивой! - промолвила она с негодованием.

- Тогда не надо начинать, - рассердился он. - Ты красивая женщина. Желанная. Я купил тебя, и ты можешь забыть страдания. Я уготовил тебе заманчивую судьбу. - Он поставил бокал и встал напротив нее.

- Да, вы владеете мной, - сказала Кейлин, и, к ее ужасу, на глаза ее навернулись слезы, которые, как ей казалось, она была не в силах сдерживать. - Я обязана повиноваться вам, мой господин, но вы никогда не будете владеть мной до конца, потому что во мне есть то, чем распоряжаюсь только я, и ни один мужчина не может отобрать это у меня!

Он взял ее за подбородок, ошеломленный этой вспышкой и тронутый пылкой непокорностью. По ее щекам катились слезинки, похожие на крошечные бусинки.

- Боже мой, - воскликнул он, - ты знаешь, твои глаза сверкают подобно аметистам, когда ты плачешь, Кейлин! Ты разрываешь мое сердце. Перестань, прошу тебя, моя красавица! Я покорно припадаю к твоим ногам.

- Я ненавижу рабство! - прокричала она отчаянно. - И как вам удалось проникнуть сквозь мои укрепления, которые я выстроила вокруг себя в последние месяцы? Никто не смог этого сделать.

- Я применил лучшую тактику, чем они, - ответил он насмешливо. - Кроме того, Кейлин, хотя ты искушаешь низменную часть моей натуры, я считаю тебя очаровательнее других на несколько порядков. - Он осторожно вытер пальцем ее слезы. - Я покончил с вином. Мы лучше познакомимся в купальне. Обещаю, что не заставлю тебя плакать опять, если ты не будешь стесняться. Договорились, моя красавица? Надеюсь, я вел себя достаточно благородно.

Она не могла сердиться на него. Он действительно был очень добр, но она тем не менее немного побаивалась его.

- Хорошо, - проговорила она наконец.

- Тогда пойдем, - сказал он и, взяв ее за руку, вывел из атрия.

Глава 9

Купальню на вилле Маре построили у моря и под открытым портиком, который в холодную или ветреную погоду закрывался ставнями. Стены купальни выложили мозаикой: на одной был изображен Нептун, бог морей, возвышающийся среди волн, с трезубцем в руке; он трубил в пустую раковину. Позади него прыгали серебристо-голубые дельфины. На другой стене изобразили сценку, где многочисленные дочери Нептуна резвились среди волн с морскими коньками, а на третьей стене могущественный морской царь обольщал красивую девушку в подводной пещере. На мозаичном полу были изображены рыбы и разнообразные морские животные. Комната выглядела яркой и радостной.

Перед купальней располагалась комната для раздевания, а сбоку за маленькой дверцей - моечная. Дно бассейна покрывал кафель цвета морской волны, и теплая приятная вода отсвечивала цветом моря. В углу находился фонтан, окруженный небольшим мраморным бассейном с прохладной водой. То там, то тут виднелись углубления в форме раковин с канавками для стока воды и скамейки для массажа. Аспар отпустил старую банщицу.

- Госпожа Кейлин желает сама обслужить меня, - сказал он женщине. Та усмехнулась беззубой улыбкой, что означало сохранение полной секретности, и захихикала, уходя.

- Осторожность здесь ни к чему, - заметила Кейлин, распуская свои длинные волосы.

- Сними хитон, - приказал он. - Хочу видеть, как Бог сотворил тебя, Кейлин. Изогнись, как ты это делала последний раз, когда я видел твои прелести, хотя из-за этих гигантов мало что можно было рассмотреть.

- Может быть, вы сожалеете, что не купили одного из них? - насмешливо произнесла она и сняла через голову свою незамысловатую одежду, небрежно бросив ее на скамейку. Потом молча спокойно стояла, удивленная тем, что не испытывала стыда. Очевидно, пребывание на вилле Максима избавило ее от ложной скромности.

- Медленно повернись, - скомандовал он с явным восхищением. Затем, отвернувшись, начал раздеваться: отстегнул подтяжки и спустил, а потом снял тунику и прекрасную льняную рубашку.

Когда Кейлин посмотрела на него, Аспар был абсолютно голый. Она испуганно покраснела. Он спокойно стоял спиной к ней, давая ей возможность разглядывать себя, затем повернулся к ней лицом. Она видела перед собой сильное, загорелое тело с развитой мускулатурой. Он не выглядел полным, несмотря на широкую кость, скорее коренастым, и она нашла, что ему это идет. Тело покрывали темные курчавые волосы. Ноги оказались длиннее, чем она ожидала, и

хорошей формы.

Его мужская гордость не выглядела так внушительно, как те, к которым она привыкла. Ее «варваров» и Вульфа можно считать исключениями из правила, уверяла ее Касия, когда они однажды говорили на эту тему. Любопытство заставило задать вопрос прелестной куртизанке, которая так хорошо обучила ее искусству Эроса. Касия стала источником полезной и довольно пикантной информации для Кейлин, абсолютно несведущей в вопросах любви. Голос Аспара вернул ее к действительности.

- Ты находишь меня таким же красивым, какой нахожу тебя я, Кейлин? - спросил он.

- Да, - ответила она спокойно. Он привлекательный мужчина, и она не видела причины не сказать ему об этом.

- Теперь возьми скребок и потри меня, - распорядился он. - Мне кажется, я собрал всю пыль с дорог Византии.

Кейлин взяла серебряный банный скребок и начала оттирать пот и грязь. Она заметила, как работали банщицы на вилле Максима, да и Касия предупредила ее, что мужчины часто получают удовольствие, когда любовницы обслуживают их таким образом. Она трудилась медленно, тщательно, двигая скребком от плеч и груди ниже по рукам и ногам.

- Ты очень умело делаешь это, - сказал он мягко, когда она встала на колени перед ним, тщательно оттирая бедра.

- В этом деле я новичок, но рада, что вы довольны, мой господин. - Она ополоснула его из тазика теплой водой, набранной из бассейна.

Он взял скребок из ее рук:

- Теперь я потру тебя.

Он усердно работал инструментом. Кейлин стояла очень спокойно, когда он нежно двигал скребком по ее чувствительной коже. Она нашла эту любовную игру очаровательной. Его сдержанность успокаивала ее. Вот он ополоснул ее, и тогда, повернувшись лицом к Аспару, она сказала:

- Теперь, мой господин, я обмою вас, а потом мы войдем в бассейн.

Он встал в одну из выдолбленных в полу и выложенных мозаикой раковин. Кейлин поставила рядом гипсовый кувшин с жидким мылом и взяла губку. Зачерпнув немного мыла из кувшина, она нанесла его на плечи и стала намыливать. Она терла Аспара не спеша, тщательно, поворачивая кругом, стоя на коленях, добавляя мыла и снова растирая губкой. Она покраснела, когда мыла его мужские достоинства, но, к его чести, он ничего не сказал, оставаясь спокойным. Кейлин встала, растирая мыльной губкой его живот и широкую грудь. Потом она снова ополоснула его теплой водой, подумав с облегчением, что тяжелое испытание закончилось. Она никогда прежде не мыла мужчину. Вульф всегда купался сам, обычно в быстрой речке рядом с домом, даже зимой.

- Теперь можете идти в бассейн, - сказала она ему.

- Нет, - ответил он, взяв губку из ее рук. - Сначала я должен вымыть тебя, моя красавица. - Нагнувшись, он ополоснул губку в бронзовом тазике и, вылив грязную воду, наполнил его

свежей.

- Я могу сама помыться, - пролепетала она застенчиво.

- Не сомневаюсь, что можешь, - улыбнулся он, - но разве ты откажешь мне в удовольствии послужить тебе, как ты мне? - Не дожидаясь ответа, он погрузил пальцы в гипсовый кувшин и начал не спеша мылить ее плечи и спину. Медленное круговое движение губки по коже действовало почти гипнотически. Она чувствовала, как будто его губы касались ее шеи, а затем появлялась мыльная губка, оставляя ее в замешательстве. Встав на колени, он начал мыть ее ягодицы, сначала поцеловав их, а затем перешел к ногам. - Повернись, - приказал он, и она повиновалась, хотя ее тело уже начинало чувствовать сильное желание. Как мило все это было! Купание с мужчиной оказалось очень приятным.

Он поднял ее левую ногу и вымыл, затем правую. Губка медленно омывала ее ноги, которые она плотно сжала. Нежным движением он слегка раздвинул их, и губка заскользила по коже. Кейлин повернула голову, стараясь не смотреть на него. Ей не хотелось смотреть на свой лобок, такой розовый и гладкий, лишенный маленьких кудрей, которые, как уверил ее Иоанн, сохраняли только крестьянки да представительницы диких племен. Женщина должна быть везде гладкой. Живот ее втянулся, когда его рука стала намыливать трепещущее тело. Кейлин закрыла глаза, в то время как губка намыливала ее тело круг за кругом.

Его рука нежно притянула Кейлин, и она задохнулась от испуга, когда его рот сомкнулся на соске ее правой груди. Его зубы слегка сжали плоть, язык настойчиво возбуждал ее, затем он глубоко засосал маленькую плотную шишечку, а левой рукой мял и ласкал другую грудь, пока у нее не подогнулись колени. Быстро поднявшись, он крепко прижал ее к себе и поцеловал горячим поцелуем, от которого она задохнулась. Потом его серые глаза внимательно осматривали все ее тело и он медленно ополаскивал ее, убеждаясь, что все мыло смыто. Наконец, поставив тазик, он взял ее за руку и повел вниз по ступенькам в бассейн.

Теплая вода мягко обволокла их тела. Кейлин внезапно почувствовала слабость. Увидев, как она побледнела, Аспар снова притянул ее к себе. Он почувствовал дрожь и, осыпая поцелуями ее лицо, тихо произнес:

- Я не хочу, Кейлин, чтобы ты испытывала страх по отношению ко мне, но мне очень хочется заняться с тобой любовью. Ты знаешь, как сладка может быть любовь между мужчиной и женщиной, моя красавица? Не то безобразное спаривание животных, которое ты вынуждена была терпеть на вилле Максима, а настоящая страсть между любовниками. Скажи мне, ты была девственницей, когда впервые оказалась в Константинополе, или любовник лишил тебя девственности с наслаждением, которое два человека могут дать друг другу? - Он нежно покусывал ее ухо, а потом посмотрел прямо в ее фиалковые глаза.

- У меня... у меня был муж, - сказала Кейлин.

- Что случилось с ним, моя красавица? - вежливо спросил Аспар.

- Не знаю, мой господин. Меня предательски продали в рабство, - ответила она, а потом продолжила; - Иоанн предполагает, что мужу сказали, будто я умерла. - Несколько слезинок скатились по ее щекам. - Вероятно, он прав. Я только хочу знать, что случилось с моим ребенком. Я так боюсь, что Антония может продать его в рабство, если, конечно, он жив, а я чувствую - он жив!

- Ты не можешь изменить того, что произошло, - мудро заметил он. - Я прекрасно понимаю тебя, Кейлин. Если ты доверишься мне, я подарю тебе счастье и покой.

- Скорее всего, мой господин, у меня нет выбора, - ответила она. «Довериться! - подумала она усмехаясь. - Почему мужчины всегда просят меня довериться?»

- О, моя красавица, - сказал он с улыбкой, - у нас всегда есть выбор. Только иногда наш выбор не особенно приятен. Твой выбор, однако, не так уж плох. Ты можешь полюбить меня сейчас или позже.

Кейлин рассмеялась:

- Ваши варианты, мой господин, похожи один на другой. - Ей уже нравился этот человек. Он добрый и обладает чувством юмора. Это неплохие черты характера.

Он улыбнулся ей в ответ. Она сильно возбуждала его, вдохновляла по-настоящему, как ни одна женщина до этого, даже Анна, которую он когда-то любил. Уже долгое время он не желал женщину, хотя посещал виллу Максима довольно регулярно, ведь мужчина не должен слишком долго воздерживаться, так как от этого туманится мозг и возрастает раздражительность. Однако, глядя на эту красивую девушку, он чувствовал, что больше никогда не пойдет на виллу Максима.

- Мне нравится, когда ты смеешься, моя красавица, - сказал он мягко.

- И мне нравится, когда вы улыбаетесь, мой господин, - ответила она и поцеловала его в губы быстрым, но нежным поцелуем.

Он обхватил ее голову рукой и начал целовать ее лицо и шею теплыми губами, так, что внутри у нее все затрепетало. Она тихо застонала, изогнувшись, когда он другой рукой начал мять ее грудь и повалил ее на спину на бортик бассейна. Он коснулся языком ее губ, век, лизнул ее напрягшуюся шею. Его рука погрузилась в ее роскошные шелковистые волосы; он застонал, как от боли, когда ее тело прижалось к нему. Ее руки обвили его шею. Кейлин горячо отвечала на поцелуи, чувствуя, что с Аспаром ей не нужно применять те трюки, которым ее обучала Касия. Она ощущала его жадное желание по тому, как он настойчиво толкался и прижимался к ее бедрам.

- Я хочу подождать, - простонал он, - но не могу...

Кейлин!

- Не надо ждать, мой господин, - сказала она, еще сильнее обхватив его шею, а руки Аспара скользнули ниже ее ягодиц, и он вошел в нее с глубоким вздохом облегчения. Он двигался в ней медленными затяжными толчками, и Кейлин чувствовала, какой он твердый и нежный. Она что-то лепетала, в то время как он продолжал скользить у нее внутри. Аспар не смог больше вытерпеть, и его любовная дань брызнула горячими потоками страсти, после чего он ослабел, а Кейлин возмутилась, потому что ничего не ощутила, кроме его физического присутствия. Она содрогнулась от ужаса.

Аспар открыл глаза.

- Что с тобой? - спросил он. - Ты не получила удовольствия от этого, Кейлин? Надеюсь, я не противен тебе, моя красавица? - Он отпустил ее, и они встали лицом друг к другу.

- Неужели получаешь удовольствие только с мужем? - спросила она, откровенно смутившись и желая во что бы то ни стало понять. - Я не чувствовала ничего, когда ломала комедию у Иоанна. Вы не мой муж, но очень добры ко мне. Я хочу стать для вас вроде жены. Тогда почему

я не испытала удовольствия, мой господин? Вы мне не противны! Нет! – Ее голос дрогнул, и она зарыдала. – Что случилось со мной, мой господин, почему я не чувствую вас?

Он обнял ее и начал утешать, как только мог. Аспар не был врачом, но знал, что сознание – самое могучее средство воздействия, созданное Господом. Он наблюдал странные вещи, которые происходили о солдатами, особенно после жестокой битвы. Он видел мужчин, стойких и сильных в бою, а потом плачущих, как дети. Может быть, то насилие, которому она подвергалась – и не раз – на сцене, убило ее чувства? Он вспомнил ее отсутствующий взгляд в ту ночь, когда смотрел представление на вилле Максима. В известном смысле в ней что-то сдвинулось, но это был единственный способ выжить.

– Думаю, это последствия драмы, которую ты пережила, после того как стала рабыней, – сказал он, утешая ее. – Доверься мне, я помогу тебе, моя красавица. Мне так хочется, чтобы и ты получала удовольствие от нашей любви. Ты не думай, что я стар, я чувствую себя еще достаточно крепким, Кейлин. Мы станем тренироваться, и ты получишь удовлетворение, сколько бы времени на это ни потребовалось. – Он взял ее за руку. – Теперь пойдем, надо отдохнуть после бани.

Они вышли из бассейна и вытерли друг друга. Затем он отвел ее в спальню. Кейлин удивилась, увидев, что ее хорошенькая узкая, маленькая кушетка убрана с помоста и придвинута к стене. На ее месте лежали большой полосатый матрас и несколько больших цветных подушек. Аспар снова начал целовать ее и опустил на кровать, где они сплелись руками и ногами. Ощущение его тела, прижавшегося к ней, было совсем другим по сравнению с тем, что она чувствовала в бассейне. Он казался твердым.

– Лежи спокойно, – произнес он повелительно и, подложив пару подушек под ее бедра, сказал:

– Я хочу, чтобы ты раздвинула ноги пошире, моя красавица. – Когда она послушалась его, он наклонился вперед, нежно раздвинул ее нижние губки большими пальцами и начал легко и мягко лизать ее языком.

Кейлин задохнулась от потрясения и удивления. Сначала она хотела оттолкнуть его. Как перенести это вторжение в такое глубоко интимное ее естество? Но как это чувствительно и приятно! Нет, она не в силах прекратить эту сладкую пытку! Его язык нежно ласкал ее плоть, затем начал теревить крошечную жемчужинку. Кейлин почувствовала, как внутри наливается теплом. Маленькая жемчужинка начала трепетать, ощущение напряжения возрастало, она подумала, что больше не выдержит, но только бы он не останавливался...

Ее охватило блаженство, и она слышала свои стоны как бы со стороны. Все ее члены налились страстным ощущением, которого она никогда не испытывала. С каждой секундой это ощущение росло, пока наконец острое блаженство не разлилось по всему ее телу, подобно морской волне, и быстро спало, оставив ее ослабевшей, но непривычно удовлетворенной.

– А-а-а... – застонала она. Затем совершенно неожиданно начала тихо плакать.

Аспар приподнялся и заключил девушку в свои объятия. Он ничего не говорил. Он просто гладил ее густые каштановые завитки, удивляясь их мягкости, когда пальцы его путались в шелке ее прелестных волос. Она прижалась к нему, как бы ища защиты, и им овладело желание оградить ее от всей жестокости этого мира. Не важно, что случилось с ней, в его сердце она – невинное дитя. Он не допустит, чтобы она снова страдала.

Наконец всхлипывания прекратились, и она промолвила:

- Вы не получили того удовольствия, мой господин, какое получила я. Как быть? Я не знала, что женщину можно удовлетворить таким способом. - Она взглянула на него, и он подумал, что ее красивые глаза похожи на фиалки, намокшие под весенним дождем.
- Удовольствие заключается в том, чтобы давать удовольствие, Кейлин. Когда я вошел в тебя, я испытал, может быть, не такое сильное, но тем не менее наслаждение. Существует много способов давать и получать наслаждение. Я все изведал. Я никогда умышленно не причиню тебе зла, моя любовь. - Он нежно погладил ее пальцем по щеке.
- Говорят, вы самый могущественный человек в империи, мой господин. Даже могущественнее самого императора, - сказала она.
- Никогда не говори этого вслух, Кейлин, - предостерег он. - Власть ревностно следит за своим могуществом и не желает делиться им. Мое существование зависит от того, насколько хорошо я служу империи. Да, действительно, я служу империи. Богу и империи. Не человеку. Но пусть это, моя любовь, останется нашей тайной, хорошо? - Он улыбнулся ей.
- Мне кажется, мой господин, вы подобны древним римлянам. Вы служите Новому Риму, Византии, как они служили Древнему Риму, - сказала Кейлин.
- А что ты знаешь о Риме? - спросил он с усмешкой.
- Меня и моих братьев много лет учил домашний учитель, - ответила Кейлин. - Я изучала историю Рима и моей родной Британии.
- Ты умеешь читать и писать? - спросил он, очарованный.
- По-латыни, - ответила она. - История народа моей матери, кельтского племени добунни, - это устная история, но я знаю ее, мой господин.
- Иоанн немного рассказал мне о твоём прошлом, Кейлин. Твоя латынь - признак культурной женщины, правда, немного провинциальной. К какому народу ты принадлежишь?
- Я происхожу из семьи трибуна Друзаса, который пришел в Британию с императором Клавдием, - начала Кейлин. Потом устроилась поудобнее у него в объятиях и пересказала ему историю семьи.
- А твой муж? Кто он был? Тоже из римско-британской семьи?
- Мой муж саксонец, - сказала Кейлин. - Я вышла за него замуж после того, как вся моя семья была зверски убита по приказу моего кузена Квинта, который захотел завладеть землями моего отца. Мой кузен не подозревал, что я избежала смерти, пока я не вернулась с моим мужем Вульфом Айронфистом, чтобы потребовать назад то, что по праву принадлежало мне. Антония, его жена, предала меня, но эту часть моей истории вы уже знаете, мой господин.
- Удивительно, как ты пережила все это, - промолвил Аспар задумчиво.
- Теперь вы все знаете обо мне. Зиновий говорил, что ваша первая жена была доброй и уважаемой женщиной. Но гораздо интереснее то, что он ни слова не сказал о вашей новой жене. Может быть, вы расскажете, мой господин, мне хотелось бы знать.
- Флацилла принадлежит семье Страбо, - начал Аспар. - Они имеют большое влияние при дворе. Наш брак был очень выгоден. Она не живет со мной и, честно говоря, даже не нравится

мне.

- Тогда почему же вы женились на ней? - спросила Кейлин с любопытством. - Ведь вы долго не хотели жениться, мой господин. У вас есть два сына, говорит Зиновий, и еще один сын и дочь.

- А Зиновий не упоминал о моих внуках? - спросил Ас-пар с усмешкой в голосе. - Моя дочь София - мать троих детей, а мой старший сын - отец четверых. Так как Патриций, мой младший, не собирается стать монахом, я предполагаю, что он тоже сотворит внуков, когда вырастет и женится.

- У вас внуки? - удивилась Кейлин. Он выглядел таким моложавым, да и вел себя как зрелый мужчина, но не старик. - Сколько же вам лет, мой господин Аспар? В апреле мне исполнилось девятнадцать.

Он застонал:

- О Боже! Я, конечно, так стар, что мог бы быть твоим отцом, моя малышка. В мае мне исполнилось пятьдесят четыре.

- Вы совсем не похожи на моего отца, - пролепетала она и затем смело притянула его голову и нежно поцеловала.

- Нет, - сказал он, и его серые глаза улыбались. - Я не твой отец, не так ли, моя любовь? - Он поцеловал ее в спину долгим, медленным, глубоким поцелуем.

Сознание Кейлин затуманилось. А когда она наконец пришла в себя, то попросила:

- Расскажите мне побольше о вашей жене, мой господин Аспар.

- Мне нравится слышать свое имя из твоих уст, - заметил он.

- О госпоже Флацилле Страбо, мой господин Аспар, - настаивала она.

- Я женился на ней по нескольким причинам. Бывший император Марсиан, которого я посадил на трон Византии и который был женат на принцессе Пульхерии, умер, не оставив наследников. Марсиан вышел из моей семьи. Он верно служил двадцать лет. Когда я почувствовал, что близок его конец, я выбрал Льва, тоже из моей семьи, чтобы тот стал новым императором. Однако я, конечно, нуждался в поддержке со стороны двора. Патриарх Константинополя, глава церкви, является родственником семьи Страбо и крепко связан с ними. Без него я не мог надеяться посадить Льва на трон. Чтобы обеспечить поддержку со стороны семьи Страбо, я женился на овдовевшей Флацилле. В это время она была беременна от любовника, что привело ее семью в неслыханное замешательство.

- А что случилось с ребенком? - поинтересовалась Кейлин.

- Выкидыш на пятом месяце, - сказал он, - но она уже стала моей женой. В ответ на мою помощь патриарх и семья Страбо поддержали кандидатуру Льва. Конечно, другие семьи патрициев последовали за ними. Это позволило нам мирно заменить одного императора на другого. Гражданская война по меньшей мере неприятна, Кейлин. А Флацилла по всем внешним проявлениям - хорошая жена. Она взяла моего маленького сына Патриция на свое попечение и хорошо относится к нему. Он воспитан в православной вере. Я надеюсь как-нибудь свести его с принцессой Ариадной и сделать наследником Льва - у императора нет сыновей.

- А что вы хотите от меня, мой господин, кроме того, что очевидно? - спросила Кейлин и покраснела от собственной дерзости. С тех пор как она покинула Британию, ее жизнь стала такой неопределенной. Она надеялась узнать, обретет ли она постоянный дом.

Он надолго задумался.

- Я любил мою первую жену, - начал он. - Когда Анна умерла, я думал, что никогда больше не полюблю женщину. Конечно, Флацилла не нравится мне, она только использует меня для своих целей. Ее общественное положение очень высокое, как у императрицы Веры, поскольку я генерал Восточных войск и первый патриций империи. Флацилла, в свою очередь, стала матерью моего осиротевшего сына, но это все, что она делает для меня.

У меня есть власть, Кейлин, но я одинок. Когда я увидел тебя той ночью на вилле Максима, ты по-настоящему тронула меня, как никакая другая женщина. Мне нужна твоя любовь, твоя нежность, твоя дружба. Как ты думаешь, можешь ли ты дать мне это, моя красавица?

- Моя бабушка сказала, что у меня слишком острый язычок, - медленно произнесла Кейлин. - Это действительно мой недостаток. Если во мне и осталась нежность, мой господин Аспар, возможно, вы единственный, кто заметил это. То, что я скажу вам, может быть, прозвучит жестоко, но я за прошедший год научилась быть жестокой, чтобы выжить. Вы уже немолодой мужчина, а я ваша рабыня. Если вы умрете что станет со мной? Как ваши наследники отнесутся к рабыне, любовнице их отца? Я думаю, продадут. Скорее всего от меня избавятся вместе со всем другим имуществом, которым вы владеете и которое посчитают ненужным. Могу я полюбить вас? Да, могу. Я верю, что вы добрый и отзывчивый, но если вы действительно любите меня, мой господин, тогда обеспечьте меня защитой на случай, если вас не станет. А я буду служить вам всем сердцем и душой.

Он молча кивнул. Она права. Он должен что-то предпринять, чтобы защитить ее, пока может это сделать.

- Завтра я поеду в город и обо всем договорюсь, - пообещал он. - Ты будешь свободной прежде, чем я умру, и получишь наследство на свое содержание. Если ты родишь мне детей, я обеспечу их и признаю своими.

- Это более чем справедливо, - согласилась Кейлин, успокоившись.

Когда утром она проснулась, Аспара не было в постели.

- Он уехал в город, - сказал Зиновий улыбаясь. - Аспар велел передать вам, что вернется через несколько дней, госпожа. Он также сказал, что мы должны считать вас своей хозяйкой и подчиняться вам.

- Мой господин Аспар - великодушный человек, - тихо промолвила Кейлин. - Полагаюсь на вас, Зиновий, вы подскажете, что и как я должна делать.

- Мудрость моей госпожи так же превосходна, как и ее красота, - ответил старый управляющий, довольный ее тактичным ответом и тем, что все остается по-прежнему.

Аспар вернулся из Константинополя через несколько дней. В течение короткого времени слугам стало ясно, что он намеревается сделать виллу Маре своей главной резиденцией. Он должен был появляться при дворе и исполнять обязанности генерала Восточных войск. Он редко уезжал на всю ночь. Ас-пар и Кейлин вели очень спокойный, домашний образ жизни.

Кейлин удивилась, узнав, что Аспар владеет всеми землями вокруг виллы на несколько миль: виноградниками, оливковыми рощами, пшеничными полями. Он, правда, не интересовался, как идет пахота или сбор урожая. Он просто наслаждался природой.

В городе отсутствия Аспара в его роскошном дворце сначала никто не заметил, но императрица Вера, очень умная женщина, знала обо всем. Она и ее муж не имели специальных секретных служб, помогающих трону, но Аспар был нужен им. Хотя Лев был далек от интриг, особенно в начале царствования, но его жена, выросшая в Византии, понимала: чем больше знаешь, тем спокойнее спишь. В первую очередь она прислушивалась к праздной болтовне слуг, а потом узнавала то же самое от мелких чиновников. Императрица пригласила своего брата Василия посетить ее.

Уже осень вступила в свои права. Приятным теплым днем они сидели на террасе, потягивая молодое вино. Вера была красивая женщина с гладкой кожей и длинными черными волосами, которые она аккуратно заплетала в косы и закалывала драгоценными булавками. Ее красная с золотом одежда была из дорогого материала, а глубокое декольте выгодно подчеркивало прекрасную грудь, на которой мерцало несколько ниток жемчуга. Вера улыбнулась брату.

- Что это я слышала об Аспаре? - промурлыкала она.

- Что ты слышала об Аспаре, моя милая? - повторил он.

- Говорят, он закрыл свой дворец и теперь живет за городом, - сказала императрица. - Это правда?

- Я не знал, дорогая сестра, - ответил Василий. - Я вообще не видел Аспара несколько месяцев. Я вижу его при дворе, что бывает не часто. Почему, Вера, тебя беспокоит, где живет Аспар? Хотя он и способствовал восхождению Льва на трон, ты никогда особенно не заботилась об Аспаре. Известно, что его присутствие раздражает тебя, хотя своим положением ты обязана ему.

- Говорят, с ним живет какая-то женщина, - поведала императрица, игнорируя замечание брата. - Ты знаешь, что жена Аспара, Флацилла, моя подруга. Я очень огорчусь, если Флацилла окажется в неприятном положении из-за грехов ее мужа.

- Чепуха, сестра, тебя просто съедает любопытство, - ответил Василий. - Если Аспар и живет с любовницей, я полагаю, тебе очень хочется шепнуть об этом на ухо Флацилле, чтобы позлить ее таким образом. Ты знаешь, Аспар согласился жениться на ней при условии, что она будет благоразумной и не причинит неприятностей своей семье. Аспар не тот человек, чтобы официально заводить любовницу в своем доме, но даже если это так, то, живя за городом, он проявляет осторожность в этом деле. Кроме того, нет ничего особенного в том что мужчина завел любовницу. Я полагаю, наш славный генерал заслуживает немного радости в жизни. А твоя дорогая подруга Флацилла, у которой любовников - как цветов в поле, никогда не радовала его. Добавлю, ведет она себя крайне неосмотрительно.

- Флацилла еще молода. Она намного моложе своего мужа, - сказала императрица. - Аспар не может держаться наравне с ней, я уверена.

- Это она не может держаться наравне с ним! - ответил Василий со смехом. - Аспар известен как потрясающий любовник, дорогая сестра. С ним не могут сравниться даже восемнадцатилетние. Мне известно это из самых надежных источников. Кроме того, Флацилла имеет двух взрослых дочерей. Она дама не первой молодости.

- У нее появился ребенок, когда ей исполнилось пятнадцать, - сказала Вера в защиту подруги. - А через год родилась еще дочь. Когда она вышла замуж в прошлом году, ей исполнилось тридцать два года. Аспар по меньшей мере лет на двадцать старше ее. Если он завел любовницу, несчастная Флацилла станет посмешищем всего Константинополя. Ты должен все узнать!

- Я? - рассердился Василий. - Как я это сделаю?

- Ты должен отправиться к Аспару с визитом за город, Василий. Может быть, это только слухи, но если это правда, я обязана сообщить Флацилле, пока ее не опозорили при дворе.

- Ехать за город? Я ненавижу сельский пейзаж! Я не покидал города несколько лет. Мне нечего делать за городом. Кроме того, Флацилла придет в восторг, если у Аспара появилась любовница. Он занят, доволен и не станет интересоваться ее делами. На прошлой неделе она опять стала причиной страшного скандала, когда молодой гладиатор, с которым она развлекалась, решил, что влюблен в нее, после того как она попыталась отвергнуть несчастного.

- Я ничего не слышала об этом, - заявила императрица, сгорая от любопытства и раздосадованная тем, что ее шпионы не сообщили такую интересную новость. - Что произошло, Василий? Я вижу, ты знаешь все пикантные подробности. Расскажи мне сейчас же, или я прикажу ослепить тебя!

Он рассмеялся и, налив себе еще бокал вина, начал:

- Итак, дорогая сестра, твоя подруга Флацилла спала с молодым гладиатором, которого заметила на весенних играх. Трациан Никофор, такой мускулистый, оказался неотразимым. Как это часто случалось с Флациллой, после близости она начала презирать своего избранника. Она устала от своего мускулистого Адониса и, кроме того, положила глаз на Михаила Валенса, молодого актера. Нашу Флациллу снова поразила стрела Купидона.

- А что случилось с гладиатором? - спросила Вера.

- Он застал их в том же самом укромном местечке, где она встречалась с ним, - ответил Василий. - У нее не хватает воображения, не так ли, сестра? Она могла бы найти другое место для своих утех, так нет же, выбрала то же самое. Никофор, узнав об этом, застал их там. Он выл и бесился, ломясь в дверь комнаты, где притаилась твоя подруга со своим любовником. Наконец он сломал дверь.

Михаил Валенс, совсем не герой, напуганный тем, что ему попортят его красивое лицо, бежал через окно, как мне говорили, голым, в чем мать родила, оставив полуодетую Флациллу объясняться с разъяренным гладиатором. Он громогласно ругал ее, проклиная и обзывая проституткой во всеуслышание. Хозяин гостиницы наконец позвал стражника, который погнался за Никофором, когда тот с криком побежал за паланкином Флациллы, следовавшим по улицам города с необычайной скоростью. - Василий рассмеялся. - Капитан стражников и его люди, конечно, доложили патриарху. Скандал замяли. Никофора отправили на Кипр. Хорошо, что Аспара не было в городе, когда все это случилось. Он предупреждал Флациллу, когда они поженились, что, если она будет замешана в публичном скандале, он сошлет ее в женский монастырь Святой Варвары на всю оставшуюся жизнь.

Императрица кивнула:

- Да, он предупреждал, и патриарх согласился с ним. Семейство Страбо раздражает

невоздержанное поведение Флациллы, их терпение истощилось. Гм... я еще не представляю, как использовать всю эту информацию, хотя, конечно, не все ясно, пока я не буду точно знать, что происходит на вилле Аспара. – Ее желтые глаза озорно сверкнули. – Утром ты отправишься за город, братец.

Он застонал, вставая и целуя ей руку.

– Желание императрицы – закон для меня, но. Вера, я жду от тебя награды по своему выбору, когда выполню это маленькое задание. Не забудь об этом!

– Конечно, Василий, – промурлыкала она, широко улыбнувшись ему. Он такой хороший брат, подумала императрица, с любовью глядя ему вслед. Василий добудет все сведения, проанализирует их и расскажет. А там они вместе решат, что делать.

Василий покинул город рано утром на следующий день. Он путешествовал в большом комфортабельном паланкине, предпочтя его езде верхом под палящим солнцем. К своему удивлению, он проспал почти всю дорогу и проснулся, когда они вошли через ворота виллы. Зиновий, управляющий, вежливо приветствовал его, узнав принца. Он видел его в доме генерала в Константинополе.

– Где твой хозяин? – спросил Василий.

– Гуляет у моря, мой господин, – ответил Зиновий. Василий хотел было сказать, чтобы Зиновий послал слугу за Аспаром, но потом решил, что лучше появиться неожиданно.

– Благодарю, Зиновий, – сказал он. – Укажи мне только дорогу.

Он последовал за управляющим через атрий виллы и, пройдя внутренний садик, оказался в большом просторном саду, выходящем на пролив, за которым начиналась Азия.

– Вот по этой дорожке, мой господин. – Зиновий указал путь.

Василий поспешил по гравийной дорожке. Стоял превосходный день, осеннее солнце, не очень жаркое, светило на ярко-голубом безоблачном небе, согревая землю теплыми лучами. Цвели дамасские розы. На берегу он увидел их – Аспара и женщину, они улыбались друг другу. Женщина была в белом хитоне, босая, как и ее спутник, на котором была только короткая красная туника. Море, спокойное, зеленовато-голубое, подобно переливчатой материи, наброшенной на волнистый берег, слегка колыхалось. Над ними пронзительно кричали чайки, бросаясь в воду, а затем резко взмывая в небо.

Василий довольно долго наблюдал за ними, очарованный этой картиной, затем, размахивая руками, крикнул:

– Аспар, дружище! – Он сошел с дорожки на песчаный берег и направился к ним.

– Иисус! – тихо выдохнул Аспар. – Это Василий!

– Брат императрицы? – спросила Кейлин. – Вы приглашали его?

– Конечно, нет. Он, очевидно, прослышал что-нибудь, моя любовь. Этот умный, хитрый лис приехал с вполне определенной целью. Меня только интересует с какой.

– Он очень красивый, – заметила она.

Аспар почувствовал ревность. Он знал, у него нет причин сомневаться в ней. Просто она выразила то, что заметила, но ему стало обидно. Он не хотел делить Кейлин с кем бы то ни было. Василий наконец добрался до них.

- Случилось что-то чрезвычайное, раз ты вторгаешься в мою частную жизнь? - неприветливо спросил Аспар.

Василий собрался было повернуть назад от такого тона генерала. О Господи! Он оказался между невоздержанным любопытством сестры и раздражением самого могущественного человека империи. Никто не позавидовал бы ему в этот момент.

- Чрезвычайного положения нет. Просто я решил побыть на природе в такой день, Аспар. Я не думал, что мое прибытие заставит тебя вести себя подобно медведю с раненой лапой, - ответил Василий, решив остаться.

- Ваш гость, наверное, голоден и хочет пить, мой господин. Я скажу, чтобы Зиновий приготовил что-нибудь освежающее. - Кейлин вежливо кивнула принцу и оставила обоих мужчин на скамейке.

- Какое великолепное создание! - сказал Василий. - Кто она и где ты, счастливчик, нашел ее?

- Зачем ты здесь? - резко спросил генерал. - Ты ненавидишь эти загородные виллы, Василий. Есть другая причина, я чувствую.

- Меня послала Вера, - признался Василий. С Аспаром лучше не юлить. Принц это знал. Кроме того, с Аспаром нельзя вести себя легкомысленно, особенно когда он в плохом настроении, как сейчас.

- Господи! Чего хочет от меня твоя сестра, если посылает тебя за город ко мне, Василий? Скажи мне! Мы не пойдем в дом, пока не скажешь. - Аспар засмеялся, очевидно найдя что-то смешное в этой ситуации. - Тебя скоро хватит удар, мой друг. Не помню, когда было так жарко в это время года. - Вера узнала, что ты закрыл свой дом в городе и переехал на виллу. Она также слышала, что ты обзавелся любовницей. Ты же знаешь, она самая любопытная женщина на свете, - сказал Василий. - И к тому же она подруга Флациллы.

- И она надеется сделать меня ее должником, - мудро заметил Аспар.

- Оказывается, ты хорошо знаешь мою сестру, - усмехнулся Василий.

- Я также знаю о недавнем скандале, в который попала моя жена, и о том, что патриарх замял его, - ответил Аспар. - Я, может быть, живу за городом, Василий, но мои каналы информации распространяются немного дальше. В городе не может произойти даже пустяка, чтобы я не узнал. Я счастлив здесь, и сплетни вокруг моей жены и ее любовников утихли, поэтому я удовлетворен тем, что могу отдохнуть, и не хочу, чтобы кто-то лез в мои дела. Ты знаешь, как и я, что Флацилла способна создать скандал вокруг виллы и ее обитателей просто для того, чтобы отвлечь внимание от своего безобразного поведения. Она не находит в жизни счастья, и потому мысль, что мне повезло, будет раздражать ее. Вот почему я теперь живу здесь, а не в городе. На вилле Маре мое поведение меньше подвергается обсуждению, по крайней мере до этого дня.

- Кажется, здесь ты не очень распутничаешь, Аспар, - заметил Василий, когда они шли по садовой дорожке от пляжа к вилле. - Конечно, если бы я не знал тебя, то мог подумать, что передо мной просто состоятельный господин и его жена. Теперь скажи, а то я умру от

любопытства: кто эта девушка и где ты нашел ее?

- Ты не узнаешь ее, Василий? Принц отрицательно покачал головой:

- Нет, не узнаю.

- Вспомни, мой друг, ту ночь несколько месяцев назад, когда мы с тобой посетили виллу Максима, чтобы посмотреть непристойное представление, которое будоражило весь город, - начал Аспар.

Василий на минуту задумался, а затем его черные глаза расширились.

- Нет! - воскликнул он. - Не может быть! Неужели? Ты купил эту девушку? Не могу поверить! Это прелестное создание на берегу с тобой, несомненно, высокого происхождения. Она не может быть той девушкой!

- Это она, - подтвердил Аспар и коротко рассказал другу историю Кейлин и как она попала на виллу Максима.

- Ты спас ее от позора, - заметил Василий. - Какое доброе сердце у тебя, Аспар. Я думаю, не надо моей сестре и твоей жене знать об этом.

- Я мягкосердечен только в отношении Кейлин, - сказал генерал. - С ней я счастлив, и она в большей степени мне жена, чем Флацилла. Анне она бы тоже понравилась.

- Ты просто влюблен, - заключил Василий почти с завистью.

Аспар молчал, ничего не отрицая и ничего не подтверждая.

- Что ты собираешься делать, дружище? - спросил Василий. - Я знаю, ты ведь долго не сможешь довольствоваться жизнью затворника со своей Кейлин.

- Может быть, добьюсь развода с Флациллой, - сказал Аспар. - Патриарх не откажет мне, особенно учитывая последний скандал, в котором она замешана. Раньше ее бы заключили в женский монастырь. Она постоянно причиняет беспокойство своей семье. Иногда она совершает такие безумные поступки, что власти не в силах замять скандал.

Они миновали портик, выходящий к морю, и вошли в сад, где их ожидали охлажденное вино и сладкие пирожные. Кейлин нигде не было видно, их обслуживал молчаливый раб, который по знаку хозяина удалился, оставив их наедине.

- Если и добьешься развода с Флациллой Страбо, - заметил Василий, - ты никогда не сможешь жениться на женщине, которая начала свою жизнь в Константинополе как исполнительница спектакля в самом известном городском публичном доме. Уверен, ты понимаешь это, Аспар. Ты должен это понять!

- Кейлин аристократка, рожденная в одной из самых древних, почтенных семей, - заметил Аспар. - Ее пребывание на вилле Максима не было добровольным. Ее не использовали как обычную проститутку, она только играла в этой непристойной пьесе не более дюжины раз. Василий, там среди зрителей были женщины, которые - я сам видел - выбрали себе юношей-рабов, и все эти женщины из порядочных семей.

Принц вздохнул:

- Я не могу согласиться с твоей логикой. Неужели ты не хочешь считаться с очевидными фактами? Да, там были женщины из почтенных семей, желающие посмотреть запретное представление, но они не выставляют себя напоказ ради удовольствия нескольких сотен зрителей дважды в неделю. Даже если мою сестру тронет история Кейлин, она не одобрит брака между вами. К тому же девушка язычница.

- Ее может окрестить сам патриарх, и у меня будет православная жена и дети, - сказал Аспар.

- Ты живешь в выдуманном раю, мой друг! - возмутился принц. - Ты слишком нужен Византии, чтобы тебе могли позволить романтические капризы, и, уверяю, тебе просто этого не позволят. Оставь девушку в качестве любовницы и будь по-прежнему благоразумным. Оставайтесь вместе, это единственное, что можно допустить, Аспар. Я не скажу сестре о других твоих намерениях. Они напугают ее, ведь это так не похоже на тебя.

- Говорят, я самый могущественный человек в Византии, сажающий царей на трон, но при этом сам я не могу быть немного счастливым, - с горечью произнес Аспар. Он сделал несколько глотков вина. - Я должен оставаться в браке с сукой высокого происхождения, которая развратничает с низшим сословием, но не должен жениться на любовнице высокого происхождения, потому что она какое-то время была вынуждена заниматься любовью по принуждению.

- Ты освободил ее? - спросил Василий.

- Конечно, - ответил Аспар. - Я сказал Кейлин, что официально она будет свободной после моей смерти, но на самом деле она уже сейчас свободна. Я боялся, что она покинет меня, если узнает правду, хотя в действительности она совершенно беспомощна. Она хочет вернуться в свою родную Британию, чтобы отомстить женщине, которая отдала ее в рабство, но как она сделает это без помощи? И кто поможет ей? Неужели те, кто ищет выгоду от обладания ею?

- И к тому же, - мягко сказал Василий, - ты любишь ее. Не сожалей о том, чего не можешь иметь, Аспар. Радуйся тому, что имеешь. У тебя есть Кейлин, и она будет твоей, сколько пожелаешь. Никто не откажет тебе в этом, даже если Флацилла обратится с протестом к небесам. Двор знает, что в действительности представляет собой твоя жена, и никто не желает тебе несчастья. Ты понимаешь, что я говорю тебе, Аспар?

Генерал мрачно кивнул:

- Понимаю. Что ты расскажешь сестре, Василий? Надо удовлетворить ее любопытство.

Принц засмеялся:

- Да, Вера любопытна, как кошка. Хорошо, я расскажу ей, что ты завел очаровательную красивую любовницу и вполне довольный живешь с ней на вилле Маре, чтобы избежать скандала и публичного выяснения отношений с Флациллой. Она оправдает твоё поведение, несмотря на дружбу с твоей женой, и, надеюсь, на этом все кончится. Вера считает, что я не лгу ей, хотя, мне кажется, иногда это надо делать, чтобы защитить ее или себя. Кроме того, я не собираюсь врать. Просто я не скажу ей всей правды, - подмигнул он Аспару.

- Не знаю, почему Лев не использует тебя на дипломатической службе, - сказал Аспар, сверкнув серыми глазами.

- Мой двоюродный брат не доверяет мне, - ответил Василий. - Боюсь, он к тому же не любит меня. Его высокое положение перешло от одного невзрачного человечка к другому

невзрачному человечку, и он с каждым днем становится все праведнее и набожнее. Священники обожают его, Аспар. Ты прекрасно знаешь, что четверть из них стараются убедить Льва в своей непогрешимости и в том, что генералы не нужны величайшему божьему творению – Византии.

– Тебе может не нравиться Лев или, наоборот, ты ему, – сказал Аспар, – но он прекрасно подходит для императора. Он обладает значительно более высоким общественным мышлением, чем ты думаешь. Ему не хватает эгоизма, хотя обычно для людей, облеченных властью, эгоизм является причиной их безобразного правления и создает трудности. Он любит Византию, Василий, и неплохо правит. Я сделал правильный выбор, и священники знают это. Хотя они заставили меня пойти на сделку с ними, чтобы получить еще большую гласную поддержку. Они довольны Львом, народ тоже. Марсиан обеспечил нам процветание и мир на многие годы. Лев – достойный его наследник.

– Я полагаю, тебе не нужен долгий мир, – заметил принц.

Аспар засмеялся:

– Двадцать, тридцать лет назад я не мог насытиться войной, но сейчас устал. Близок мой закат. Мне ничего не надо, кроме мира здесь, с Кейлин.

– Может быть. Бог даст все, что ты желаешь, Аспар, мой друг. Мне кажется, это скромные запросы, – сказал Василий. – А теперь представь меня прелестной девушке, или я должен вернуться к сестре с новостями о том, что я не видел и не разговаривал с божественным созданием, которое заставило тебя покинуть дворец в Константинополе?

Глава 10

– Она красивая? – спросила императрица брата.

– Очень даже, – ответил Василий улыбаясь. Он покинул виллу Маре до полудня в тот же день, поспешив в город доложить обо всем с нетерпением ожидающей сестре.

– У нее светлая кожа? – поинтересовалась Вера.

– Белая и гладкая, как у мраморной статуи, дорогая.

– Какого цвета глаза?

– Это зависит от освещения, – задумался Василий. – Иногда они подобны двум аметистам, а иногда похожи на свежие весенние фиалки.

– А волосы? – Интерес Веры все возрастал по мере того, как брат рассказывал ей о Кейлин. Василий редко расточал похвалы.

– У нее вьющиеся каштановые волосы, ниспадающие до бедер. Она носит их распущенными, и это очаровательно.

– Можешь не продолжать, – перебила императрица. – Уверена, локоны натуральные. Как ей везет, но кто она, Василий?

– Молодая вдова, аристократка римского происхождения из Британии, – продолжил он. – Она просто очаровательна, Вера, и очень любит Аспара. Если бы ты видела их вместе, то приняла

бы за счастливую супружескую пару.

- Как эта женщина попала в Византию? Вдова, ты говоришь? Ее муж был византийцем? У нее есть дети? Выкладывай, Василий, ты что-то скрываешь. - Императрица смотрела на брата пронзительным взглядом.

- Мне говорили, ее муж саксонец. Они потеряли ребенка. Я совершенно не знаю, как она попала в Византию. В самом деле, Вера, весьма затруднительно подвергать Аспара допросу, чтобы удовлетворить твое детское любопытство. Я сделал все, что мог! - обиделся он.

- Сколько лет любовнице Аспара и как ее зовут? - настаивала императрица. - Это ты, конечно, должен знать.

- Девушке девятнадцать, а зовут ее Кейлин, - ответил Василий.

- Девятнадцать? - вздрогнула Вера. - Бедная Флацилла! - Флацилла имеет то, что заслужила, - заключил Василий, пытаясь избежать вопросов сестры, чтобы не рассказать ей то, чего не следовало говорить. По некоторым причинам Вера заставила его встревожиться. Ей что-то известно, но он не знал, что именно. Это его и беспокоило.

Вера заметила замешательство брата. - Сегодня утром, дорогой брат, ко мне приходил посетитель, - сказала она ласково. Слишком ласково. - Возможно, мне не следует говорить тебе об этом. Мужчины так глупы в таких делах, но, поскольку ты, очевидно, скрываешь что-то от меня, я должна рассказать тебе кое-что, может, тогда твой язык развяжется. Ты знаешь, что Лев уже давно редко приходит в мою постель. Он слушает своих духовников, которые объявили женщин нечистыми, нужными только для рождения детей, а во всех остальных случаях учат их избегать. Не понимаю, как он думает родить сына, если не спит со мной. Священники убеждают его молиться о наследнике, но одних молитв недостаточно, чтобы появился ребенок! - Императрица покраснела от раздражения, но затем продолжила ровным тоном:

- Я не осмеливаюсь завести любовника, хотя еще достаточно молода. Церковь считает женское естество источником греха. У меня нет личной жизни, ты знаешь, за мной постоянно наблюдают. Я много думала об этом и наконец решила: я должна снова заманить мужа к себе в постель, соблазнив его! Однако я поняла, что не имею представления о таких вещах. Тогда мне рассказали, что у нас в Константинополе есть несколько прекрасных публичных домов. Я решила нанять куртизанку, чтобы она обучила меня эротическому искусству и я могла бы привлечь Льва к исполнению своих супружеских обязанностей.

- И что ты сделала? - Василий стоял с открытым ртом, совершенно ошеломленный откровением своей сестры. Благородной византийской жене совсем не обязательно знать такие вещи. Он не мог понять, то ли ему следует возмущаться, то ли смеяться.

- Я наняла куртизанку помочь мне в интимном деле, - повторила Вера. - Флацилла помогла мне. Она иногда посещает заведение на вилле Максима. Она говорит, там бывают удивительные представления и изумительные молодые мужчины, которых можно нанять в качестве любовников. Тебе известно это место, Василий? - И пока он смотрел на нее, открыв от удивления рот, она сама ответила на свой вопрос:

- Конечно, ты знаешь виллу Максима, дорогой братец. Ты бываешь у них иногда, и тебя считают самым важным посетителем.

Несколько месяцев назад ты пришел туда в компании с нашим любезным генералом. Там давали известное эротическое представление, которое показывали дважды в неделю и о

котором весь город говорил как о самом порочном спектакле. Флацилла рассказывала, это чудесный спектакль! Мне тоже хотелось бы посмотреть, но как пойти туда, даже скрытно? Кто-нибудь обязательно узнает меня.

Василий кивнул:

- Конечно, это неразумно. Вера.

Она улыbnулась и продолжила свой рассказ:

- Куртизанка, которую мне прислали, оказалась милым созданием по имени Касия. Это она рассказала мне, что Ас-пар купил у владельцев публичного дома женщину, участницу этого развратного представления. Это она молодая вдова, аристократка римского происхождения из Британии! В самом деле, Василий?

- Я действительно точно описал ее тебе. Вера. Не хотел рассказывать о тех ужасных месяцах рабства, когда она была не в силах что-либо сделать. Аспар освободил ее сразу же после того, как купил. Он узнал о ее благородном происхождении и сжалился над ней. И сейчас он влюблен в Кейлин!

- Не могу поверить, брат, что ты способен лгать мне! - Императрица надула губы.

- Я не лгал тебе. Вера, - ответил принц раздраженно.

- Но ты не сказал мне того, что знал. Я не могу простить тебе этого.

- Да, не рассказал, потому что не хотел создавать трудности для Кейлин. Аспар просил не сообщать подробности. Это только эпизод, который они оба хотели бы поскорее забыть. Они хотят спокойно жить вдвоем на вилле Маре. - Затем Василий стал серьезным:

- Сейчас Лев как никогда защищен, так что Аспар не нужен вам. Если вы тронете Аспара, то бог знает, что может случиться с тобой и твоей семьей. В настоящее время в империи относительно спокойно, но никто не знает, что может толкнуть народ на мятежи.

Я расскажу Аспару, что тебе известен его секрет и как ты о нем узнала. Ты сохранишь секрет в тайне, и, таким образом, генерал окажется у тебя в долгу. Вера. Это намного лучше, чем сиюминутное удовольствие увидеть изумленное и оскорбленное лицо Флациллы Страбо.

Императрица кивнула, соглашаясь со словами брата:

- Ты прав, Василий. Расположение Аспара намного важнее, чем его блудливая жена. Сейчас у нее новый любовник, ты знаешь, и на этот раз она выбрала мужчину из нашего сословия.

- Это она тебе сказала? - спросил Василий. - Кто он, Вера?

- Джастин Габрас! Отпрыск знаменитой аристократической семьи, - ответила императрица. - Ему двадцать пять, и, говорят, он очень красив.

- А что он делает в Константинополе и как Флацилла вовлекла его в плотскую связь? - открыто поинтересовался Василий, но, увидев блеск в глазах сестры, понял, что она сама все расскажет.

- Говорят, - начала Вера, - что у Джастина Габраса очень вспыльчивый характер. Он убил нескольких человек, которые, по его мнению, оскорбили его. Его последней жертвой, однако,

оказался племянник епископа. Надо было как можно скорее куда-нибудь отправить убийцу. Ходят слухи, что семья Габраса заплатила семье епископа огромную сумму за жизнь их родственника. Джастин Габрас был изгнан на пять лет.

В Константинополе он уже известен как безнравственный человек. Он купил огромный особняк, выходящий на Золотой Рог, и поместье за городом. Говорят, его компания и оргии, которые он устраивает, под стать лучшим городским борделям, Василий. Тебя удивляет, что Флацилла встретила его?

- Я удивлен, что церковь не препятствует этому, - заявил принц.

- Его щедрость к фаворитам патриарха заставляет закрывать глаза на его поведение, - сказала императрица.

- Если Джастин Габрас такой, как о нем говорят, то на этот раз Флацилла имеет как раз то, что хочет, - ухмыльнулся Василий.

- Если так, то это решает многие проблемы, - мудро заметила императрица. - Семья Страбо больше не станет беспокоиться о поведении Флациллы, и Аспар не будет обременен ею.

- И тогда он сможет жениться на своей любимой Кейлин, - как бы случайно обронил Василий, чтобы посмотреть, как среагирует сестра.

- Жениться на девке, которую он нашел в публичном доме? Нет, дорогой брат, это недопустимо. Ему вообще не надо жениться, и уж тем более не пристало первому патрицию империи, знаменитому византийскому генералу жениться на девушке из публичного дома, независимо от того, каких она кровей. Империя станет посмешищем, мы не можем допустить этого.

Конечно, печально подумал Василий, они никогда не позволят Аспару жениться на Кейлин. Разве он не говорил об этом другу? Однако когда он услышал о последнем любовнике Флациллы и его весьма сомнительной репутации, то подумал, что, может быть, империя оплатит своему фавориту, разрешив ему жениться на любимой женщине, которая привязана к нему и тоже любит, несмотря на его годы. Василий считал себя искушенным человеком, но иногда он тосковал по простой жизни.

Осень незаметно перешла в зиму. С севера задули ветры, и на вилле Маре портик плотно закрыли ставнями. Жаровни с древесным углем согревали комнаты в холодные дни. Кейлин и Аспар жили размеренной жизнью. Казалось, они нуждались только друг в друге. Виллу больше никто не посещал после странного приезда Василия в тот осенний день. Им нравилась такая жизнь.

Каждую неделю Аспар проводил несколько дней в городе по долгу службы. Довольно часто он встречал своего старшего сына Ардибурия, и однажды в сенате Ардибурий откровенно спросил отца:

- Почему ты закрыл свой дворец?

- Потому что предпочитаю жить за городом, - ответил Аспар.

- Некоторые говорят, у тебя появилась любовница, - сказал Ардибурий.

Легкая улыбка коснулась губ Аспара и тут же пропала.

- Они правы, - ответил он. - В отличие от твоей мачехи я предпочитаю вести дела осмотрительно. Кейлин кроткая девушка и любит жить на вилле. И мне это нравится тоже.

Ардибурий с трудом сдерживался:

- Ты любишь ее, отец?

Аспар внимательно посмотрел на сына, пытаясь понять, куда тот клонит. Наконец он сказал:

- Да, люблю, и твоей матери она бы тоже понравилась.

- Ты не любишь госпожу Флациллу?

- Нет, Ардибурий, не люблю. Я думал, ты понял это с самого начала. Наш брак - это брак по расчету. Мне было нужно, чтобы патриарх поддержал кандидатуру Льва, и я добился этого, взяв в жены Флациллу, - сказал Аспар. - А что ты хотел сообщить мне, сын? Ты всегда так немногословен.

Ты солдат, как и я. Говори!

- Ты должен забрать Патриция у госпожи Флациллы, отец. Ему не следует оставаться в ее доме, - твердо заявил Ардибурий.

- Почему?

- Ее любовник - ужасный человек, отец. Он из богатой и знатной семьи. Я узнал из верных источников, что он развращает малолетних детей. Патрицию почти десять, и он с каждым днем хорошеет. Он очаровательное дитя, ты знаешь, и легко поддается соблазнам. Любовник твоей жены пока еще не осквернил его, но уже проявлял нездоровый интерес к Патрицию. У меня вполне надежный источник информации, отец. Моего маленького брата надо защитить.

- Тогда ты и Зоя должны взять его к себе, - сказал Аспар. - София не умеет обращаться с маленькими мальчиками, да и он не очень уважает ее. Патриций обожает тебя, Ардибурий, и твоя жена хорошо знает, как управляться с непослушными мальчишками. Я скажу Флацилле, что Патриций нуждается в компании других детей, а так как в ее доме их нет, я решил отправить мальчика к тебе и Зое. Если я поступлю таким образом, это не будет выглядеть обидным. Вероятно, сейчас ее интересует другое, и она не будет протестовать. К сожалению, я не могу взять Патриция на виллу Маре. Кейлин, конечно, полюбила бы его, но это вызовет скандал, которого бы мне хотелось избежать. Ты понимаешь меня, мой сын?

- Да, отец, - ответил Ардибурий. - Ты заберешь Патриция сегодня? Это надо сделать как можно скорее. Я уже обсуждал со своей семьей возможность его приезда к нам. Твой внук Давид в восторге от того, что его дядя будет жить с нами. Ему скучно, потому что он старший мальчик в семье, а в компании у него только две младшие сестренки и братик, совсем еще младенец.

- Ты балуешь его, - проворчал Аспар, - но он, кажется, растет хорошим мальчиком, несмотря на это. Ему сей час шесть лет, не так ли? Они с Патрицием поладят, я думаю. - Он глубоко вздохнул. - Как ни противно мне встречаться с Флациллой, я поеду сейчас же и заберу Патриция. Отправляйся домой, Ардибурий, и скажи Зое, что он приедет к вам до наступления ночи.

Генерал вскочил на коня и поскакал без сопровождения по улицам города к дому своей жены. Он не нуждался в охране, многие узнавали его, улыбались, желали здоровья. Привратник в

особняке Флациллы вежливо приветствовал его, а управляющий, выбежавший навстречу, послал раба к хозяйке сообщить ей о прибытии мужа.

Флацилла Страбо была красивой женщиной, невысокой и изящной, с великолепными светлыми волосами и зелено-голубыми глазами. Она принимала своего любовника, когда узнала о внезапном и совершенно неожиданном визите мужа.

- Черт побери! - воскликнула она раздраженно. - Как это похоже на Аспара - являться без предупреждения! Боже мой! Что, если он узнал о нас? Он грозился сослать меня в монастырь Святой Варвары, если я стану причиной скандала, и моя семья поддержит его!

Джастин Габрас лениво улыбнулся, развалившись на кушетке. На лоб его спадал черный локон. Джастин - высокий и худощавый, с черными глазами, которые казались бездонными, - был весьма привлекательным.

- Я буду очень сожалеть, если потеряю тебя, Флацилла, - проговорил он, растягивая слова.

- Ты должен сейчас же уйти! - сказала она испуганно. Безмолвный раб стоял, ожидая ее распоряжений, чтобы передать их управляющему.

Протянув руку, Джастин Габрас рывком усадил ее себе на колени, распахнул хитон и, вытащив грудь, начал страстно ласкать ее.

- Пусть входит твой муж, Флацилла. Я хочу встретить его. Его генеральская слава бежит впереди него. Я никогда не встречал по-настоящему храброго человека, но Аспар, говорят, действительно такой.

Она прилагала все усилия, чтобы он удалился.

- Ты сошел с ума! - возмутилась она, когда он, наклонив голову, начал сосать ее грудь. В ответ Джастин Габрас больно укусил ее сосок, заставив Флациллу вскрикнуть. Их глаза встретились, и Флацилла сказала рабу ослабевшим голосом:

- Пусть мой муж придет сюда на террасу, Марко. - Затем тяжело задышала, когда ее любовник запустил руку ей под платье, быстро приподнял его и начал ласкать ее маленькое сокровище. Она отчаянно застонала, зная, что он не остановится, пока она не удовлетворит его. Для него не имело значения, что Аспар мог войти и застать их в таком виде. Джастин Габрас был упрям. Она временами побаивалась его, но не могла противиться. - А-а-а!.. - застонала она сладострастно.

Он, засмеявшись, отпустил ее и теперь смотрел, как Флацилла торопливо поправляла одежду и пыталась успокоиться.

- Вероятно, он уже поднимается по лестнице, но я заставлю тебя повиноваться мне, - сказал он. - Неужели ты думала, что он войдет, когда я развлекался с тобой, моя проказница?

- Ты ужасный человек! - Она разозлилась: он сильно напугал ее. - Ты любишь опасность, но зачем меня втягивать в это?

- А тебе это нравится, Флацилла, - усмехнулся он. - Ты мне подходишь. У тебя хорошие манеры, и ты очень способная потаскушка. Когда твой муж уедет, у меня в запасе есть для тебя маленький сюрприз, моя баловница. Ты возбуждаешься, когда думаешь об этом?

Прежде чем она успела ответить, на террасу вошел Аспар. Флацилла поднялась и пошла навстречу поприветствовать его.

- Мой господин, почему ты не сообщил, что собираешься приехать? Патриций будет очень рад видеть тебя. За последнее время он преуспел в своих занятиях, так говорят учителя.

- Прошу прощения, что нарушил ваше уединение, Флацилла, - сказал Аспар с осуждающей интонацией в голосе. Она почувствовала это и быстро ответила:

- Это Джастин Габрас, мой господин. Сейчас он строит дом в городе. Патриарх просил его помочь мне с проектом помощи бедным. Мы как раз обсуждали его, когда ты пришел.

Ты не присоединишься к нам?

Легкая улыбка тронула губы Аспара и исчезла.

- Я приехал за Патрицием, - сказал он. - Я решил отправить его в дом к Ардибурию. Ты хорошая мать, но ему нужна компания других детей. Мой внук Давид лишь немного моложе Патриция, им будет веселее в компании. Так как мой старший сын и невестка придерживаются православной веры, Патриций, конечно, будет следовать ее правилам. Не пошлешь ли за ним?

Флацилла была поражена и искренне удивлена его неожиданным решением, но тем не менее утвердительно кивнула. Позвав слугу, она приказала привести мальчика.

- Могу я при случае навестить Патриция, мой господин? - спросила она. - Я полюбила ребенка.

- Конечно, - улыбнулся он. - Тебя всегда примут в доме моего старшего сына, если захочешь навестить Патриция. Он тоже привязался к тебе, я знаю.

Джастин Габрас первый раз в жизни видел такую неудачную пару. Он тоже будет сожалеть, что мальчика уведут. Недавно он начал прикидывать, каким аппетитным кусочком мог бы быть этот ребенок. Поскольку хорошенький Патриций легко поддается соблазнам, обольстить его - пара пустяков. А потом он научил бы его, как ублажать свою мачеху. К сожалению, подумал он, эта возможность упущена, но зато появилась другая.

Генерал и его жена хранили молчание, им нечего было сказать друг другу. Аспар - невзрачный мужчина, подумал Джастин Габрас. Блестящий на поле битвы, но скучный в постели.

Флацилла вежливо предложила вина, и тут появился мальчик.

- Отец! - Младший сын Аспара вбежал в комнату с радостным криком. - Какой сюрприз, отец!

Аспар обнял мальчика и, отступив назад, сказал:

- Ты опять вырос, милый! Госпожа Флацилла говорит, учителя хорошо отзываются о твоих занятиях. Горжусь тобой. У меня для тебя сюрприз. Ты должен уехать и пожить со своим братом и его женой. Твой племянник Давид с нетерпением ждет тебя.

- О, отец! Какая прекрасная новость! - воскликнул Патриций. - Когда я поеду? - Затем его лицо потускнело, и, повернувшись к Флацилле, он сказал извиняющимся тоном:

- Я оставляю вас, госпожа. Вы были добры ко мне.

Флацилла улыбнулась, но в ее улыбке не было теплоты.

- Я думаю, твой отец принял прекрасное решение. Патриций. Тебе следует побыть среди других детей, а в моем доме их нет.

- Если мы уедем сейчас же, мой мальчик, это устроит тебя? - спросил Аспар сына. Патриций энергично кивнул, и Аспар сказал жене:

- Пусть старая Мария упакует вещи моего сына. Ты можешь завтра послать ее и учителей в дом Ардибурия. А сейчас мы оставляем вас. Вы можете вернуться к вашим делам с господином. - Он вежливо поклонился сначала Флацилле, затем Джастину Габрасу и, взяв Патриция за руку, покинул террасу.

Когда они отошли достаточно далеко, Патриций сказал отцу:

- Я рад уйти в дом моего брата, отец. Госпожа Флацилла принимает слишком много мужчин, а этот последний, которого ты сейчас видел, пугает меня. Он постоянно наблюдает за мной.

- Он не трогал тебя, не причинил вреда?

- О нет, отец! - заверил его мальчик. - Я никогда не позволял ему приближаться ко мне. Мария говорит, он очень плохой человек.

- Слушайся свою старую няню. Патриций. Она очень любит тебя, - сказал Аспар. - Твоя мать подыскала ее специально для тебя.

На террасе Флацилла наблюдала сквозь решетку, закрепленную на одной из низких стен, как ее муж и ребенок ехали по широкой улице. Джастин Габрас встал сзади, положил руки ей на бедра и, войдя в нее, начал двигаться туда-сюда, а она стояла, склонившись над парапетом.

- Все так неожиданно! - сказала она с раздражением, - Это так типично для Аспара - заканчивать визиты сюрпризами. Ее любовник медленно погрузился в нее и, наклонившись, прошептал на ухо:

- Он думает, ты больше не годишься присматривать за ребенком, моя любовь. Он скрывает свое намерение за вежливыми словами, Флацилла, но мне ясно, о чем он на самом деле думает. Я представляю, что начнут молоть сплетники, благо есть зерно для их мельниц.

Она почувствовала, что кончает, и, застонав от страсти, начала энергично двигать бедрами ему навстречу.

- Я... пойду... к императрице! - задыхаясь, проговорила она. Джастин Габрас еще больше наклонил ее, так что она согнулась почти пополам, и неожиданно вошел в нее между ягодиц, наслаждаясь ее удивленным криком. Его руки крепко держали ее, и, стараясь подавить слабое сопротивление, он наклонился вперед и кусал ее шею.

- Ты станешь посмешищем Константинополя, моя милая. Каждый знает, что ты блудница, теперь будут вдобавок считать тебя плохой матерью. Тебя не удивляет, что твои дочери не навещают тебя, Флацилла? Мне говорили, семьи их мужей не позволяют им общаться с тобой.

В этот момент его страсть брызнула в нее, и он со стоном удовлетворения отпустил любовницу.

Флацилла разразилась слезами.

- Зачем ты лжешь мне?

- Потому что ты обладаешь восхитительным талантом в извращениях, под стать мне, моя любовь. Ты только едва проявляла свою порочность, но под моей опекой станешь владычицей греха. Не плачь. Ты уже не в том возрасте, чтобы делать это открыто. Твое лицо опухло. Сейчас ты выглядишь очень непривлекательно. Я не лгу тебе, Флацилла, когда говорю, что для меня ты самая подходящая женщина. Я хочу жениться на тебе. У тебя влиятельные связи, и, поскольку я вынужден оставаться в Константинополе, мне нужна жена. Молодые девицы надоели мне. Они скулят и жалуются на мои вкусы. А ты нет, не так ли?

- А ты позволишь мне иметь любовников? - спросила она возбужденно.

- Конечно, - сказал он смеясь, - потому что я тоже буду иметь любовниц. - Он взял ее за руку, и они вместе легли на кушетку. - Подумай об этом, Флацилла! Подумай о том, что мы могли бы делать без взаимных претензий. Мы даже могли бы поделиться любовниками. Ты знаешь, мне нравятся и женщины, и мужчины. Да и тебе тоже. Может, пойдем сегодня ночью на виллу Максима и выберем любовника на двоих? Что ты думаешь об этих удивительных немых норманнах, которых так обожают Иоанн? Или, может быть, тебе по вкусу Касия? Что скажешь?

- Дай подумать, - ответила она. - О, я хочу девушку, которую Иоанн показывал в своих спектаклях. Она была так красива, но очень быстро исчезла. Ты, конечно, не видел представления, тебя еще не было в Константинополе. Эта девушка совокуплялась одновременно с тремя норманнами! Иоанн больше никому не позволял иметь ее. А потом она внезапно пропала. Он никогда не говорил, что с ней случилось. Думаю, она покончила с собой. Она совсем не похожа на проститутку.

- Тогда давай возьмем трех норманнов, Флацилла. Ты сыграешь роль той девушки для меня, и Касию возьмем тоже, - сказал он, целуя ее. - Так мы отпразднуем нашу помолвку!

Флацилла села.

- Моя семья никогда не разрешит мне развестись с Аспаром и выйти замуж за тебя, - сказала она. - Они слишком высоко ценят заслуги Аспара. Хотя его брак со мной нужен был для поддержки Льва, они многое приобрели благодаря его влиянию, Джастин. Они так легко не отдадут все это.

- Не надо спрашивать разрешения у семьи, Флацилла. Попроси развод у своего мужа. Я полагаю, он хочет того же, и, забрав ребенка из-под твоей опеки, он сделал первый шаг в этом направлении. Аспар опять поставил тебя в затруднительное положение и выставил на осмеяние. Нанеси удар первой, моя любовь! Я сомневаюсь, что он успокоится, пока не избавится от тебя.

- А что, если он откажет мне? - спросила она. - Ты не знаешь Аспара.

- Тогда обратись к семье, - ответил Джастин. - Твой муж не бог, Флацилла. У него должны быть слабости, на которых можно сыграть. Разве ты не изучила его за время совместной жизни?

- На самом деле, - сказала она, - я мало знаю его. Мы никогда не жили и не спали вместе. Он для меня загадка.

- Тогда ты должна выведать то, что нам необходимо знать, моя любовь. Ты должна быть моей. - Он крепко поцеловал ее.

После бурной ночи Флацилла проснулась с ясной головой, исполненная решимости.

- Пошли гонца во дворец моего мужа, - сказала она управляющему, - и передай, что я хочу посетить его сегодня утром. Я прибуду до полудня.

- Генерала нет во дворце, моя госпожа, - сообщил управляющий. - Он закрыл дворец несколько месяцев назад и теперь живет на вилле Маре. Послать ли гонца за город, чтобы сообщить о вашем приезде, госпожа? Вилла всего в пяти милях от городских ворот.

- Нет, - сказала Флацилла, - не беспокойся. Я лучше поеду сама. Пока гонец доберется туда и вернется обратно, я уже буду там. Пусть приготовят мой паланкин. - Она отпустила управляющего и позвала служанок.

Желая произвести хорошее впечатление, Флацилла тщательно выбрала наряд: зелено-голубую накидку под цвет глаз, вышитую золотом, из очень дорогого материала, с длинными узкими рукавами; широкий золотой пояс на талии, выглядящий весьма привлекательно; позолоченные туфельки, украшенные драгоценными камнями. Волосы, заплетенные в множество золотистых косичек, она тоже украсила драгоценностями. Ее наряд завершал подобранный в тон плащ, отделанный мехом. Флацилла внимательно осмотрела себя в серебряное зеркало. Затем улыбнулась, явно довольная собой. Это произведет впечатление на Аспара.

Носильщики быстро двигались вдоль Мизы к Золотым Воротам. День выдался прекрасный, и она видела сквозь приоткрытые шторы пасущийся на лугах скот. В садах вдоль дороги крестьяне подрезали деревья. «Это напоминает спокойную пасторальную картину, - подумала Флацилла, - разве что немного скучноватую. Почему Аспар живет за городом?»

Паланкин свернул к воротам виллы Маре и, оказавшись во дворе, остановился. Носилки опустились на землю, шторы раздвинулись. К ней протянулась рука, чтобы помочь выйти.

- Кто ты? - спросила Флацилла пожилого слугу.

- Зиновий, управляющий генерала Аспара, - последовал вежливый ответ.

- Я госпожа Флацилла, жена генерала. Пожалуйста, передай ему, что я прибыла, - сказала она высокомерно, - а ты можешь провести меня в атрий, Зиновий, и принести вина.

Зиновий был возмущен, но лицо его оставалось непроницаемым.

- Как угодно, госпожа, - произнес он спокойно. «Очаровательная вилла», - подумала Флацилла. Она никогда не была здесь. Немного грубоватая, на ее вкус, но очень спокойная. Однако она не могла понять, почему Аспар предпочитает виллу дворцу в городе. Удобно расположившись на мраморной скамье, она ждала, когда принесут вино и появится ее муж.

Аспар вышел раньше, чем принесли освежающие напитки. Его приветствие нельзя было назвать радушным.

- Что ты здесь делаешь, Флацилла? Что заставило тебя приехать за город зимой в такую рань?

Она удивилась, заметив, что он нервничает. Затем поняла: ее муж, такой непогрешимый, завел любовницу. Он жил здесь с ней, не желая, чтобы кто-то знал об этом. Значит, вот оно что, старый лис! Флацилла почти вслух рассмеялась.

- Я приехала по очень важному делу, - начала она, пытаясь подавить смех.

- Да? - сказал он, переминаясь с ноги на ногу.

- Я хочу развестись с тобой, Аспар! - выпалила Флацилла. Стесняться было ни к чему. Ей наплевать, одну или сотню любовниц он скрывает здесь, за городом. Она дважды выходила замуж в угоду своей семье. Теперь она хочет выйти замуж по собственному выбору.

- Ты хочешь развестись? - У него был недоверчивый, почти комичный вид.

- О, Аспар, - сказала она с предельной прямоотой, путаясь в словах, - наш брак - всего лишь политическая сделка. Ты получил то, что хотел, - поддержку патриарха и семьи Страбо в отношении Льва. Я получила, как и думала, возможность быть женой самого могущественного человека в Византии. Но наш брак оказался фикцией. Мы невзлюбили друг друга с первого взгляда! Мы не провели вместе ни одной ночи, включая брачную ночь, ни в постели, ни под одной крышей. Ты на самом деле не желал меня. Только отдал Патриция под мою опеку.

Так вот, я уже не девочка и впервые в жизни влюбилась. Я хочу выйти замуж за Джастина Габраса, и он хочет жениться на мне. Дай мне развод, а взамен я стану твоими глазами и ушами при дворе Веры. Вера и Лев очень честолюбивы. Она избавилась бы от тебя, если бы могла, и когда-нибудь она сделает это. Если я буду служить тебе там, у тебя не возникнет неприятных сюрпризов. Это выгодное предложение!

Он был изумлен. Если они оба хотят развода, патриарх едва ли будет противиться им и Страбо не смогут помешать.

- Да, - медленно произнес он, - это выгодное предложение, Флацилла. Но почему ты не сказала мне об этом вчера, когда я приезжал за Патрицием?

- Джастин задал мне тот же вопрос, - соврала Флацилла, - но меня очень расстроил отъезд Патриция, я плохо соображала, а потом вы уехали. Однако я обещала ему, что сегодня же поеду к тебе и улажу дело.

- Я принес вино, мой господин. - Зиновий поставил бокалы и графин на маленький инкрустированный столик.

- Не надо разливать вино, я сам справлюсь. Возвращайся к своим делам. - Аспар многозначительно посмотрел на Зиновия, надеясь, что тот понял его намек.

- Сию минуту, мой господин, - последовал ответ, но было поздно - в атрий вошла Кейлин.

- Мне сообщили, что у нас гости, мой господин! - сказала она Флацилла Страбо открыла рот. Она пристально посмотрела на девушку и чуть не задохнулась:

- Ты! Это ты! Кейлин смутилась:

- Госпожа, разве мы знакомы?

- Ты девушка из виллы Максима! Не пытайся отрицать это! Я узнала тебя! - пронзительно закричала Флацилла, а потом начала смеяться. - О, Аспар, - ликовала она, - ты был так верен Анне и много лет чего-то ждал, когда большинство мужчин в подобных случаях давно завели бы любовниц! А теперь под старость выбрал девицу, пользующуюся самой дурной славой в Византии! Ты дашь мне развод, и мы будем квиты. Если нет, я расскажу всем на свете о твоей шлюхе, ты станешь посмешищем империи. Ты станешь ненужным, и где будет тогда твоя власть? Ты станешь беспомощным! Я едва верю в свою удачу! Девица из виллы Максима!

- Кто это невоспитанное создание, мой господин? - спросила Кейлин ледяным голосом.

- Невоспитанная? Я? - Флацилла зло посмотрела на девушку. Господи! Как она молода!
- Позволь представить тебе мою жену Флациллу Страбо, - сказал Аспар холодно. Зачем Кейлин вошла в атрий? Жаль, что Зиновий не успел предупредить ее. Ну что же, ничего не поделаешь. Надо извлечь из этого пользу. Он взглянул на Флациллу:
- Я не знал, что ты посещаешь виллу Максима.
- Случайно, - осторожно ответила Флацилла. - Спектакль Иоанна взбудоражил весь город прошлым летом. Она не выглядит проституткой, Аспар.
- Я не проститутка, - резко ответила Кейлин. - Моя кровь благороднее вашей, госпожа. Я из знаменитой римской семьи Друзасов.
- Рим кончился. Он принадлежит истории. С тех пор как Аттила разграбил Рим несколько лет назад, он играет незначительную роль, и его семьи тоже. Теперь Византия - центр мира, - усмехнулась Флацилла, - Не хвастайтесь так гордо, госпожа, - прервала ее Кейлин. - Этот центр мира, такой надменный, протух, как яйцо, пролежавшее весь день на солнце. В Британии мы не унижаем наших женщин перед порочными зрителями под аплодисменты развратников! Вам должно быть стыдно за то, что вы допускаете подобные зрелища, но чему тут удивляться? Даже священники приходят посмотреть представления Иоанна. Внешняя красота вашего города не может скрыть мрака ваших сердец и душ. Мне жаль вас.
- Почему ты позволяешь этой рабыне так разговаривать со мной? - возмутилась Флацилла. Она сердито посмотрела на Аспара:
- Я все еще твоя жена и требую уважения!
- Кейлин не рабыня, - спокойно сказал Аспар. - Я освободил ее несколько месяцев назад. Она равна тебе по положению, Флацилла, и может говорить все, что считает нужным. - Он взял Кейлин за руку и продолжил:
- Я дам тебе развод, Флацилла. Я сам поеду с тобой к патриарху, и мы сообщим ему о нашем намерении. Я никогда не ссорился с тобой, не хочу ссориться и на этот раз. Если ты нашла свое счастье, а я - свое, желаю тебе добра и сделаю все, что смогу, чтобы тебе было хорошо.
- Гнев Флациллы сразу смягчился.
- Это весьма великодушно с твоей стороны, мой господин, - медленно произнесла она.
- Есть только одно условие, - сказал он. - Ты не будешь сплетничать о прошлом Кейлин. Ты должна поклясться, что будешь молчать, или я не соглашусь на такую сделку. Развод больше нужен тебе, моя дорогая жена, чем мне. И ты станешь моими глазами и ушами при дворе Веры. Таковы мои условия. Ты клянешься?
- Почему это выгоднее мне, чем тебе, Аспар? - спросила Флацилла.
- Ты хочешь выйти замуж за Джастина Габраса, не так ли? Но не можешь, не разведься. Мне же никогда не позволят жениться на Кейлин. В том, что она моя любовница, нет преступления. Это не считается чем-то необычным для мужчины моего положения. Будешь ли ты моей женой или нет, Флацилла, Кейлин останется моей любовницей. Но для того чтобы тебе выйти замуж за своего любовника, дорогая, ты должна развестись. Вот поэтому тебе выгоднее, чтобы я согласился на развод. Скажешь, я не прав? - Он дружески улыбнулся ей, вопросительно

склонив голову набок. – Ну так что ты скажешь, дорогая?

Она утвердительно кивнула:

– Ты прав, как всегда, Аспар. Однако должна сказать тебе, что эта твоя черта меня очень раздражает. Хорошо, я клянусь распятием Христа, что не буду сплетничать и плохо отзываться о твоей языческой любовнице. Я редко даю слово, ты знаешь. Ты также знаешь, что моему слову можно доверять.

– Знаю, Флацилла. А теперь не хотела бы ты встретиться со своим дядей-патриархом? Я в твоём распоряжении.

– Давай сделаем это сегодня! – сказала она нетерпеливо. – Навестим его без предупреждения. Если он не будет заранее знать, он легче пойдет навстречу, а то начнет совещаться с епископами, а они станут ко всему придирааться. Я знаю, как повлиять на него, Аспар.

– Поезжай первой, – приказал он. – Я поскачу и догоню тебя, прежде, чем вы достигнете городских ворот. Позволь мне сопровождать твой паланкин, Флацилла. Кейлин, останься здесь.

– Хорошо, – согласилась та, но в ее голосе он услышал ледяные нотки.

Аспар проводил жену к паланкину.

– Жаль, что ты не можешь жениться на ней, – съехидничала Флацилла. – Она любит тебя, как Анна, и, очевидно, могла бы стать хорошей женой, а характер у нее похож на мой. Прекрасная супруга, Аспар, но ты не можешь жениться на ней. Это несправедливо, – издевалась Флацилла. – Ай-ай-ай!

Он улыбнулся, ничуть не задетый ее грубыми издевками, больше беспокоясь о Кейлин, которая, он чувствовал, злилась на него за то, что он не сказал ей раньше, что она свободная женщина.

– Пусть будет так, как того хочет Бог, – ответил он спокойно, явно испортив торжество Флациллы. Затем помог ей сесть в роскошный паланкин. – Я скоро догоню тебя. – Задернув шторы, он обратился к носильщикам:

– Немедленно доставьте госпожу Флациллу во дворец патриарха.

Когда паланкин тронулся, Аспар пошел назад в атрий. Кейлин ходила вокруг пруда с рыбками. Она повернулась на звук его шагов и закричала:

– Как ты мог скрывать такую вещь от меня, мой господин? Или это была ложь, чтобы досадить этой ужасной женщине?

– Это правда, – вздохнул он. – Ты снова стала свободной с того дня, как я и обещал. Я не мог сказать тебе вею правду, Кейлин, Я не молод, и Господь помог мне, я полюбил тебя! Я боялся, что ты покинешь меня. Сделаешь глупую попытку вернуться в Британию и в конце концов попадешь в еще худшую ситуацию, чем та, от которой я спас тебя.

На мгновение в ее глазах появилась жалость, но она быстро исчезла.

– О, Аспар, – начала она, – разве ты не знаешь, что я тоже люблю тебя? До того как ты нашел меня, и даже немного позже, я мечтала о возвращении в Британию, чтобы отомстить Антонии

Порции. Но разве месть вернет мне семью? Моего мужа? Ребенка? Думаю, нет. Месть Антонию не вернула ей Квинта. Вульф Айронфист уже нашел себе другую жену. Может быть, у них даже есть дети. Он хозяйствует на землях, которые когда-то принадлежали моей семье. Мое возвращение всем принесет несчастье. В Британии настали новые времена, и, кажется, я окажусь там чужой. Судьба забросила меня сюда, здесь я и останусь, с тобой, в твоём сердце, пока желанна тебе, Аспар. – Она сама удивилась своим словам. Произнося их, она почувствовала, что пришло время расстаться с мечтами и посмотреть действительности в лицо. Горько сознавать, что она больше не увидит Британию.

– Они не позволят нам пожениться, Кейлин, – произнес он печально.

– Кто? Ваши христианские священники? Я не христианка, Аспар. Как назвала меня твоя жена? Я язычница. Ты помнишь древние слова римлян, когда они заключали браки? Возможно, нет, но разведись с Флациллой, и я обучу тебя этим словам, чтобы мы могли сказать их друг другу. Тогда, что бы ни говорили, мы будем навек обручены, мой господин, – пообещала Кейлин. Обняв его, она крепко прижалась к нему и поцеловала со всей страстью молодой души. Затем, взглянув на него, сказала:

– И ты никогда больше не станешь скрывать от меня что-либо или говорить полуправду, мой любимый господин, или я сильно рассержусь. Ты еще не знаешь моего буйного характера в полной мере и не узнаешь, обещаю тебе!

Она поразила его, и от счастья он смог только воскликнуть:

– Ты любишь меня? Ты любишь меня! – Затем заключил ее в объятия и радостно закружился:

– Кейлин любит меня!

– Пусти! – рассмеялась она. – Ты так ведешь себя, что слуги подумают, будто ты совсем сошел с ума, мой господин.

– Ты полюбила меня только за мою душу, я знаю! – Он осторожно поставил ее на ноги.

– Теперь поспеши в Константинополь, мой господин, и убеди их, что ты должен избавиться от этой хищницы, на которой ты женился, – сказала Кейлин. – Я с нетерпением буду ждать твоего возвращения.

– Я сделаю законными детей, которых ты родишь мне, – пообещал он.

– Я знаю, ты сделаешь все как надо, – ответила она. – А теперь в путь!

Он даже не давал распоряжений, а Зиновий уже появился и сообщил, что лошадь оседлана и ждет его во дворе. Аспар громко рассмеялся. «Это заговор», – подумал он. Слуги обожали Кейлин и делали все, чтобы способствовать их счастью. Он поскакал по дороге в город догонять паланкин Флациллы. Они вместе проделали остальной путь до дворца патриарха. Там их тотчас приняли и доложили главе константинопольского духовенства.

Патриарх внимательно посмотрел на стоящую перед ним пару.

– И чем я обязан удовольствию видеть вас обоих? – проворчал он с раздражением.

– Аспар и я хотим развестись, – заявила Флацилла прямо. – Мы оба согласны. Вы не можете отказать нам. Мы не хотим оставаться в браке и никогда не хотели. Мы даже не жили вместе, и

я постоянно изменяла мужу с мужчинами низкого сословия, – закончила она.

– Постоянно? – спросил Аспар, насмешливо изогнув черную бровь.

– Ты редко узнавал об этом, – ответила Флацилла самодовольно и горько усмехнулась. – Мои связи не все заканчивались скандалами, только один раз с гладиатором и актером, мой господин.

Патриарх побледнел.

– Вам известен этот неприятный инцидент? – спросил он Аспара.

– Да, я знал, – ответил генерал. – Мои источники лучше ваших, господин патриарх. Я наблюдаю за ними.

– Из-за вашей любовницы? – Патриарх раздраженно шагал по комнате в развевающейся черной мантии. – Вам никогда не позволят жениться на ней. Ваш престиж имеет большое значение для Византии, Флавий Аспар. Ваше поведение терпят только потому, что вы ведете себя благоразумно.

Отправляйтесь домой, оба.

– Я дважды была замужем ради моей семьи, – не соглашалась Флацилла. – Я хотела остаться вдовой, когда умер мой муж Констанс, но семья Страбо заставила меня стать женой этого человека. Хорошо, я отказалась от моих целей ради них и ради вас. Теперь я хочу быть счастливой с человеком, которого выбрала сама.

Ее голубые глаза пристально смотрели на патриарха.

– Дядя, я хочу выйти замуж за Джастина Габраса, и он хочет жениться на мне. Он первый человек, которого я полюбила, и он равен мне по положению. Как вы знаете, семья Габраса – одна из первых в Трапезунде. Теперь император будет у вас в кармане, а Аспар – самый преданный гражданин страны. Вам некого бояться. Я буду гораздо полезнее в качестве жены Джастина Габраса, так как у вас появятся связи в Трапезунде. Отказав нам, вы получите такой скандал, что ни вы, ни император не переживете его! Я понимаю это, дядя, и вы знаете, что я способна на такое, – закончила она угрожающе.

– Вас устраивает такой брак? – тихо спросил патриарх Аспара, но уже до его ответа знал, что Аспар, несомненно, считал эту ситуацию настоящей удачей.

– Я не ссорился с Флациллой, – спокойно ответил Аспар. – Если этот брак сделает ее счастливой, почему мы должны отказывать ей, мой господин? Ради чего? Она правильно заметила по поводу семьи Габраса, и я подозреваю, они будут благодарны Флацилле. Ее возлюбленный никогда не был женат, и брак поможет смягчить его вспыльчивый характер. Это, конечно, благотворно отразится на семье Страбо и на вас. А если этот брак не устраивает их, всем нам будет только хуже. – Он пожал плечами. – Что касается меня, я по-прежнему остаюсь благоразумным. Что можно сказать о неженатом человеке, который имеет любовницу и хранит ей верность, мой господин? Я прошу такую малость за мою службу империи.

– Ее надо окрестить, – сказал патриарх. – Мы можем согласиться только на христианку, Флавий Аспар, а не на язычницу. Я сам выберу священника для нее, и, когда она скажет, что готова к причастию, я лично окрещу ее в истинную православную веру Византии. Вы принимаете мои условия?

- Да, - ответил Аспар, думая при этом, как он объяснит все Кейлин. Она посчитает крещение нелепым, но в конце концов сделает это ради него; она поймет, что это - единственный способ, чтобы власти разрешили им жить вместе.

Патриарх повернулся к Флацилле:

- Ты хочешь получить разрешение на развод, племянница, до того как родственники семьи Страбо узнают об этом. Ну что же, я не намерен обсуждать с ними этот вопрос. Выберите день бракосочетания, и я лично обвенчаю тебя и Джастина Габраса. Однако, Флацилла, это должно быть сделано без лишнего шума, с соблюдением приличий. Я не допущу, чтобы кто-либо из вас превратил обряд в цирк. А после этого ты будешь хозяйкой семейного торжества и отпразднуешь этот новый союз. И давай без оргий. Ты понимаешь? А Джастин Габрас поймет?

- Все будет так, как вы хотите, мой господин патриарх, - сказала Флацилла кротко.

Патриарх невесело рассмеялся:

- Пожалуй, впервые ты действительно послушаешься меня, племянница.

Глава 11

В Византии весна всегда приходит очень рано, не то что в Британии. Кейлин удивлялась раннему цветению деревьев в садах Аспара. Генерал был хорошим хозяином - в этом она убеждалась каждый раз, встречая крестьян. В то время как большинство соседних поместий страдали от невероятных налогов, которыми правительство империи обложило крестьян, Аспар платил налоги, возложенные на его людей, и они не покидали свои небольшие участки земли. К сожалению, налоги нельзя было платить натурой. Требовалось золото, однако цена на продукцию и скот строго регулировалась правительством, и крестьянам становилось невмогуту вести свое хозяйство. Правительство искусственно занижало цены в угоду населению. Многие небольшие хозяйства, прикрепленные к поместьям, продавались, и крестьяне попадали в крепостную зависимость от своих повелителей ради того, чтобы их семьи могли как-то выжить.

- Если у тебя не останется крестьян, - спросила как-то Кейлин, - откуда мы будем получать продукты питания? Правительство не думает об этом? Почему торговцы облагаются таким маленьким налогом, а с крестьян дерут три шкуры?

- По той же причине корабли на причалах Золотого Рога платят два солиды за ввоз товаров и пятнадцать за вывоз. Правительство хочет, чтобы предметы роскоши и основные товары поступали в город, а не вывозились из него. Кто-то при этом должен терпеть нужду. Поскольку у крестьян нет другого выбора, кроме обработки земли, и они, разбросанные по всей стране, не могут объединиться, чтобы выразить свое недовольство, основное бремя налогов ложится на них, - сказал Аспар. - Правительство всегда действует так, чтобы оставались желающие обрабатывать землю.

- Это совсем нелогично, - заметила Кейлин. - Следовало бы облагать налогом предметы роскоши, а не бедных людей, которые с трудом сводят концы с концами! Кто принял такие глупые законы?

- Сенат, - улыбнулся он. - Понимаешь, моя милая, основная масса предметов роскоши продается правящему классу, а самые богатые отрицательно относятся к большим налогам. Правительство старается удовлетворить интересы большинства населения, регулируя цены на все, что продается. Несчастные крестьяне в меньшинстве, они могут жаловаться сколько им угодно. Их голоса никто не услышит ни в сенате, ни во дворце. Только когда большинство

людей грозят восстанием, власти прислушиваются, и то не особенно внимательно, - не без доли цинизма закончил Аспар.

- Если они облагают крестьян непосильным налогом, - настаивала Кейлин, - кто же тогда будет обеспечивать страну продовольствием? Правительство учитывает это?

- Власти используют труд рабов, - сказал он.

- Тогда почему ты оплачиваешь налоги своих арендаторов?

- Эти свободные люди довольны, а довольные люди производят больше, чем недовольные или несвободные.

- В этой стране так много прекрасного, - медленно произнесла Кейлин, - и в то же время немало ужасного. Я потеряла родину. Жизнь в Британии проще, и наше существование было четко определено, хотя наша жизнь не такая роскошная, мой дорогой господин.

- Твои рассуждения слишком сложны даже для умного человека, - ответил он, взяв ее руку и целуя запястье. - У тебя благородное сердце, Кейлин Друзас, но ты должна учитывать, что ты только женщина. Ты мало что можешь сделать, чтобы исправить несправедливость существующего мира, моя любовь.

- Отец Михаил говорит, что я защитница своих братьев, - заметила она мудро, и он улыбнулся ее упорству. - Ваше христианство интересно, Аспар, но его приверженцы не всегда делают то, что следует делать порядочным христианам.

Мне нравится ваш Иисус, но, думаю, он был бы недоволен интерпретацией своего учения теми, кто выступает от его имени. Одна из заповедей гласит: не убий ближнего, но мы делаем это, Аспар. Мы убиваем по самым ничтожным причинам, что еще хуже. Человек не поклоняется тому, чему, по нашему мнению, должен поклоняться, и мы убиваем его. Человек принадлежит к другой расе или племени - и мы убиваем его! Мне кажется, Иисус не это имел в виду. Здесь, в Византии, так много зла среди благочестия! На зло не обращают внимания даже те, кто занимает высокие посты и кто гордо поклоняется в соборе Святой Софии, а потом бежит изменять своей жене или обманывать своих компаньонов. Все смешалось.

- Ты высказывала отцу Михаилу свои мысли и то, что тебя беспокоит? - спросил Аспар, не зная, то ли восхищаться ею, то ли ужасаться.

- Нет, - сказала она. - Он слишком ревностно верит и слишком ограничен в своем почитании. Он говорит, что я не готова к крещению, которое, по моему мнению, хорошее дело. Говорит, порядочная женщина-христианка должна быть либо хорошей женой, либо жить в монастыре. Мне сказали, что я не могу быть твоей женой, и, уж конечно, мне не хочется стать затворницей. Поэтому если я приму крещение, то должна буду покинуть тебя или меня навеки проклянут. Это не особенно широкий выбор, мой господин. - Фиалковые глаза Кейлин лукаво блеснули. Затем она обняла его за шею и поцеловала долгим поцелуем. - Я постараюсь подольше избегать крещения, мой господин.

- Хорошо! - ответил он. - За это время я должен изменить существующее нелепое мнение, будто бы мы не можем пожениться. Флацилла прослыла блудницей на всю Византию, и ей можно выйти замуж за Джастина Габраса, а ты, моя любовь, чьей наивностью жестоко злоупотребили, лишена права выйти замуж. Это несправедливо, и я не смирюсь с этим!

- Мы вместе, и этого достаточно, Аспар, - сказала Кейлин. - Мне ничего не надо, только навеки

быть рядом с тобой.

- Не хотела бы ты пойти со мной в мае на состязания? - спросил он. - Ежегодно одиннадцатого мая устраиваются состязания в честь основания города Константинополя. Моя ложа рядом с императорской, с правой стороны. Ты когда-нибудь видела гонки колесниц, Кейлин? На ипподроме самый лучший скаковой круг в Византии.

- Если тебя увидят со мной на публике, это не вызовет скандала? - поинтересовалась она. - Мне кажется, это неразумно, мой господин.

- Нет ничего необычного в том, что мужчина приведет на состязания свою любовницу, особенно холостяк вроде меня, - ответил Аспар. - Касия, девушка, которую ты знаешь по вилле Максима, теперь любовница Василия. Он приобрел для нее собственный дом в городе и регулярно навещает ее. Мы можем попросить их присоединиться к нам, как и наиболее известных городских мастеров и актеров. Двор приходит в отчаяние от того, что у меня такая компания, но, откровенно говоря, те, кто творит, интереснее для меня, чем те, кто правит и занимается интригами. - Он засмеялся. - Нашу ложу заполнят интересные люди.

- Хорошо, конечно, пообщаться с интересными людьми, - заметила Кейлин. - Когда ты отлучаешься по своим делам, я иногда чувствую себя очень одинокой.

Ее признание поразило его, ведь она раньше никогда не жаловалась на одиночество. Аспар не думал, что Кейлин может страдать от отсутствия компании.

Несколькими днями позже Зиновия послали в город, и, когда он вернулся, с ним прибыла молодая девушка с большими испуганными голубыми глазами и льняными косами.

- Хозяин решил, что вам понравится молодая служанка для компании, - заявил Зиновий улыбаясь. - Мы все здесь так стары, а вы, госпожа, как весна, и вам нужен прекрасный цветок, чтобы служить вам и развлекать вас. Она говорит на языке, которого я не понимаю, но кажется приятной и послушной.

Кейлин улыбнулась девушке и спросила:

- Откуда она прибыла, Зиновий? Может быть, я знаю язык, на котором мы могли бы общаться. В противном случае все прекрасные намерения моего господина напрасны.

- Торговец рабами сказал, что она из Британии! - торжественно сообщил Зиновий. - Несомненно, вы сможете общаться с ней, моя госпожа.

- Тогда она не говорит по-латыни, - решила Кейлин. Она повернулась к девушке. - Как тебя зовут? - спросила она на родном кельтском языке. Если девушка не говорит по-латыни, может быть, она говорит по-кельтски.

- Нелвин, госпожа, - медленно сказала девушка.

- Ты кельтка? - спросила Кейлин.

Девушка отрицательно покачала головой:

- Я саксонка, госпожа, но понимаю язык, на котором вы говорите. Я с саксонского побережья, а там много кельтов.

- Как ты попала в Византию? - продолжила Кейлин.

- Византию? - Нелвин смутилась. - Что такое Византия, госпожа?

- Страна, куда ты попала, называется Византией. Город, в котором ты находишься, столица государства и называется Константинополем, - объяснила Кейлин.

- На нашу деревню напали норманны, - сказала Нелвин. - Моих родителей и братьев убили. Меня, моих сестер и других женщин, которые не смогли убежать, взяли в плен. Сначала нас переправили в Галлию, затем по морю привезли сюда. По пути многие умерли. В море было ужасно!

- Да, знаю, - вздохнула Кейлин. - Я прибыла в Византию два года назад таким же образом. Мой дом находился недалеко от Кориниума.

Глаза девушки расширились:

- Вы тоже рабыня?

- Уже нет, - ответила Кейлин.

- Это ваш дом, госпожа? - Нелвин оценила дом, когда увидела его, и эта красивая женщина, очевидно, благородного происхождения.

- Нет, - ответила Кейлин. - Это дом Флавия Аспара, самого знаменитого воина в Византии и самого благородного человека. - Объяснять больше нечего. Нелвин скоро сама все поймет, если, конечно, уже не поняла. - Мой господин приобрел тебя в качестве компаньонки, Нелвин. Теперь ты в безопасности и больше можешь ничего не бояться. Ты понимаешь?

- Да, госпожа, - кивнула Нелвин, вставая на колени перед Кейлин. - Я буду верно служить вам, клянусь Вуденом!

- Я рада слышать это, - сказала Кейлин. - А теперь поднимись и иди с Зиновием, хозяином слуг в доме. Он покажет тебе, где ты будешь спать, Нелвин. Ты должна изучить язык этой страны, иначе, боюсь, тебе придется трудно. Язык называется латынью. В Британии многие говорят на нем.

- Я знаю отдельные слова, - ответила Нелвин. - У меня хороший слух, так говорил мой отец, и я быстро освоила кельтский язык. Уверена, что так же быстро выучу латынь, госпожа, и вы будете гордиться мной.

- Прекрасно! А сейчас, что бы ни сказал тебе Зиновий, ты должна слушаться его, - объяснила Кейлин девушке. Затем повернулась к управляющему:

- Она знает несколько слов по-латыни и говорит, что быстро выучит что нужно. Чувствуешь, ей нужна ванна? От нее пахнет конюшней. Потом дай ей свежую одежду и покажи спальню. Она может прийти ко мне утром. Я познакомлю девушку с ее обязанностями и начну сама учить языку.

Пожилой слуга поклонился и, сделав знак девушке, повел ее за собой. Однако очень скоро вернулся и мрачно доложил:

- Она не позволяет нам купать ее, моя госпожа. Она кричит, как кролик в капкане.

- Сейчас приду. - С этими словами Кейлин направилась в помещение для слуг, где обнаженная Нелвин стояла, жалобно всхлипывая. - Давай, девочка, ты должна помыться, - начала Кейлин. - Мы все регулярно моемся. В твоих прекрасных волосах вши, не сомневаюсь. Волосы надо тщательно промыть. А теперь следуй за Тэймой в купальню!

- Они утопят меня, госпожа! - заплакала Нелвин. - Я знаю, как мыться, но это делают в тазу, а не в такой большой воде!

Кейлин подавила смех.

- В Византии мы наливаем много воды, - объяснила она. - Ты должна доверять мне, Нелвин, и слушаться, когда я приказываю тебе, ведь я твоя хозяйка. Иди с Тэймой.

Девушка неохотно повиновалась, бросив через плечо взгляд, полный слез, и пошла за пожилой женщиной в купальню для слуг.

- Прекрасную игрушку ты подарил мне, мой господин, - сказала Кейлин Аспару вечером за ужином. - Она не говорит по-латыни, и я должна научить ее. Она боится ванны, но кажется хорошенькой и стремится к учебе.

- Ты говорила, что одинока. Она молода, как ты, моя красавица. С ней тебе будет веселее в мое отсутствие, - улыбнулся он.

- Ей тринадцать, и она верит, что ее утопят в бассейне для слуг, - засмеялась Кейлин. - Где ты нашел ее?

- Я попросил у торговца рабами подыскать мне молодую девушку-британку, - ответил он.

- Она саксонка, с саксонского берега Британии, - сообщила Кейлин.

- Значит, она не принадлежит к твоему народу? - огорчился он. - Мне следовало более детально объяснить некоторые подробности торговцу рабами.

- Кельтов обычно трудно взять в плен, - сверкнула глазами Кейлин, - и их трудно заставить подчиняться, мой господин. Нелвин превосходно подходит мне. Саксонские девушки славятся покладистым характером.

- Тогда я угодил тебе, - сказал он улыбаясь.

- Ты всегда угождаешь мне, мой господин, - ответила она мягко.

- Нет, - возразил он печально, - не всегда, но хотел бы.

- Я виновата, Аспар. Знаю! Мое сердце разрывается от того, что я больше не чувствую страсти, когда мужчина входит в меня. - В прелестных глазах Кейлин блеснули слезы. - Тем не менее я получаю удовольствие, когда мы лежим вместе. В твоих прикосновениях чувствуется любовь ко мне, она передается прямо в мое сердце, меня переполняет счастье и спокойствие. Мне этого достаточно. Но я хочу, чтобы тебе тоже было хорошо. Мне неприятно сознавать, что я обманула твои надежды, но я не знаю, что делать, как изменить ситуацию. Мне не хватает на это мудрости, мой любимый господин. - Кейлин положила голову на плечо Аспара и с отчаянием вздохнула. Как могла она любить этого хорошего человека и в то же время быть неспособной до конца ответить на его страсть?

- Я люблю тебя по многим причинам, - сказал он, - но твоя искренность нравится мне больше всего. Я не вынес бы трюков, которые применяют проститутки, или притворных криков страсти. Однажды ты закричишь, но этот крик будет идти от сердца. Я дождусь этого момента. Может быть, не скоро и не сразу, но дождусь. - Он встал из-за стола и взял ее за руку. - Ночь прекрасна, на небе луна. Пойдем погуляем вместе, моя любовь.

Было безветренно и тихо. Они сначала прошли по саду с миндальными, персиковыми и абрикосовыми деревьями с ароматными цветами. Лепестки сыпались на каштановые кудри Кейлин.

- Эти деревья намного приятней, чем оливковые рощи, - заметила Кейлин. - Мне не нравятся желтые цветы оливковых деревьев.

- Но оливки гораздо практичнее, - ответил он. - Персики и абрикосы быстро сходят, а правильно обработанные оливки хранятся весь год. То, что красиво, не всегда практично.

- Миндаль красив, - возразила она, - и хранится, как оливки, даже дольше, и его не надо солить.

Он засмеялся:

- Ты слишком умная для женщины. Неудивительно, что ты пугаешь отца Михаила.

- Отца Михаила пугает все на свете, - сказала Кейлин.

Когда они оставили позади сады и пошли через небольшое поле к пляжу, она тихо воскликнула:

- О, Аспар! Посмотри на лунную дорожку на море! Ты видел что-нибудь красивее?

Это был один из тех редких моментов, когда неугомонные волны были абсолютно спокойны. Плоская темная поверхность воды серебрилась и мерцала подобно прекрасному шелку, распростертому перед ними. Они молча стояли, восхищаясь этой красотой. Казалось, замер весь мир и они были единственными его обитателями. Аспар взял Кейлин за руку. Они спустились по небольшой насыпи к берегу. Сняв плащ, он расстелил его на песке. Затем обнял ее и нежно поцеловал долгим поцелуем. Когда он наконец отпустил ее, Кейлин молча сняла через голову одежду и, разжав топкие пальцы, отпустила ее. Обнаженная, она гордо стояла перед ним. Как бы отвечая ей, он снял длинную свободную тунику, которую носил дома, и сбросил сандалии, затем опустился перед ней на колени, привлек ее к себе и прижался щекой.

Они надолго застыли в объятиях друг друга. Затем Аспар начал покрывать ее тело горячими поцелуями. Кейлин тихо вздохнула. Его сдержанность и мягкость всегда удивляли ее. Как сильно она хотела ответить ему на его любовь, но, казалось, ее страсть умерла или почти умерла. Лишь однажды она почувствовала слабые признаки страсти, когда он языком ласкал ее маленькую жемчужину, но когда его член погружался в нее, она ничего не чувствовала, кроме его присутствия в ней. Пытаясь воскресить свою страсть, она вспоминала Вульфа Айронфиста, но скоро поняла, что, когда она представляла себе своего мужа, ее тело и душа становились еще холоднее. Несколько раз она почти готова была кричать от разочарования и отталкивала Аспара, потому что это не был Вульф и он не мог дать ей той радости, которую она когда-то испытала в крепких объятиях мужа. В конце концов она постаралась не воскрешать больше Вульфа в своем сознании, занимаясь любовью с византийским господином. Так лучше.

Аспар погрузился лицом в ложбинку между ее грудями и руками ласкал их.

- Они подобны прелестным маленьким яблокам из слоновой кости, - сказал он, взяв в ладонь упругую плоть и восхищаясь ею. Другую руку он нежно положил ей на спину и, когда она слегка прогнулась, приподнял голову и начал сосать ее грудь. Зубами он нежно покусывал сосок, вращая вокруг языком и возбуждая его, прежде чем снова начать сосать. - А-а-а... - выдохнула она, впившись пальцами в его мускулистые плечи.

Он переключился на другую грудь. Его рука мяла и сжимала ее, пока Кейлин не почувствовала, как ее груди начали гореть от наслаждения.

Затем он прижал свою ладонь к ее лобку и начал губами и языком скользить по ее стройному телу. Кожей она отчетливо ощущала каждый поцелуй. Другой рукой он нежно обхватил ее ягодицу, лаская кончиками пальцев. Его язык прижался к пупку, и Кейлин тихо застонала, предчувствуя то, что вскоре должно произойти. Он раздвинул ее нижние губки, и его палец вошел в нее.

У Кейлин закружилась голова и начали подгибаться колени. Он почувствовал ее слабость и, вынув палец, поставил на колени лицом к себе. Черные глаза Аспара смотрели на нее, когда он начал ласкать ее лицо, чувственно проводя пальцем по губам, пока она не открыла рот и не начала сосать его, сжав руку, а он ласкал ее шею. Она наклонила голову и слегка укусила его руку, удивив его, а потом поцеловала его ладонь.

«В эту ночь все как будто в первый раз», - подумала Кейлин и, посмотрев на него, ощутила, что он чувствует то же самое. Она не решилась что-либо говорить, опасаясь развеять то неповторимое чувство, которое завладело ими. Он обнял ее за плечи и поцеловал нежным поцелуем. Однако вскоре его поцелуй стал более проникновенным, и она приоткрыла рот, чтобы принять его язык, который горячо и страстно соприкасался с ее языком. Затем он снова покрыл ее лицо поцелуями, и Кейлин откинула голову назад, отчаянно подставляя свою шею его обжигающим поцелуям.

Она гладила его горячее, напряженное тело. Ее пальцы глубоко зарылись в его густые черные волосы, когда она опрокинулась на спину на расстеленный плащ. Он медленно, как бы с неохотой, продвигался губами вниз по ее телу, пока его язык не нашел чувствительную жемчужину ее женского естества, возбуждая ее и заставляя трепетать от такого необычайного блаженства, которого ей прежде не приходилось испытывать. Затем он накрыл ее своим мужественным телом, и его напряженный член, устремившись вперед, вошел в нее. Кейлин задохнулась, с удивлением ощутив, что впервые за два года ее тело полно желания, более того, пылко отдавалось мужчине.

Кейлин затрепетала от настоящего блаженства, когда он проник в нее. Она обняла его, тесно прижавшись всем телом, наслаждаясь ощущением его близости. Их глаза встретились, и он начал медленно двигаться на ней. Кейлин не могла отвернуться, чувствуя, что он тоже не в состоянии отвести глаз. Казалось, их души слились в едином ритме и страсть начала передаваться от одного к другому. Он ничего не сказал, но она почувствовала - он хочет, чтобы она обвила его ногами, и она сделала это. Затем она начала с чувством отвечать на его толчки, ощущая удовольствие от своих встречных движений. Их обоюдное желание бешено нарастало, пока оба не достигли апогея..

Она взлетела. Казалось, ее душа отделилась от тела и парила над спокойным серебристым морем. Она была наедине с землей, небом и шелковистой водой. Ничего не существовало, только блаженство, убаюкивающее их в теплых объятиях.

- Аспар! - тихо прошептала она ему на ухо, медленно приходя в себя, и взор ее начал

проясниться. Она увидела любимое лицо и щеки, мокрые от слез. Кейлин счастливо улыбнулась и, притянув его голову, поцелуями осушила слезы, чувствуя, что сама тоже плачет.

Они вместе лежали на плаще, успокоенные, со сплетенными пальцами, и он, улыбнувшись, сказал:

- Если бы я только знал, любовь моя, что здесь, на берегу, при лунном свете мы испытаем такой восторг, я бы сделал это несколько месяцев назад. Как много времени мы потеряли в постели и в купальне!

- Мы больше не будем терять зря время, - пообещала она. Когда он наклонился, чтобы поцеловать ее, она вся сияла:

- Ничто больше не помешает мне разделить с тобой страсть после этой ночи, мой дорогой господин. Я, как наша мать-Земля, возродилась с приходом весны!

Если раньше Аспар сдерживал свою страсть к Кейлин, проявляя уважение к ее чувствам, то отныне его любовь стала заметна всем, кто видел их вместе. Теперь Аспар еще более укрепился в мысли, что Кейлин должна стать его женой.

- Мы пойдем к какому-нибудь сельскому священнику и заставим его обвенчать нас. Если обряд совершится, что они смогут сделать? Ты должна быть моей женой!

- В империи нет человека, который бы не знал Флавия Аспара, - спокойно сказала Кейлин. - И нет человека, который бы не знал волю патриарха в этом деле. Даже если я стану христианкой, мне не позволят стать твоей женой, мой дорогой господин. Мое пребывание на вилле Максима перечеркнуло нашу судьбу.

- Есть несколько способов убедить патриарха, - сказал Аспар Василию однажды днем, когда они возвращались из дворца, где совещались с императором. - Флацилла вышла замуж за Джастина Габраса, и эта чета стала скандально известна всему городу своими оргиями и окружением, которое под стать какому-нибудь публичному дому. Как может патриарх оправдывать такой союз и при этом отказывать мне в возможности жениться на Кейлин, которая ведет себя так порядочно?

- Ее порядочность не трогает его, мой друг, - ответил Василий. - И не только его. У нас в Византии существует закон, который не позволяет сенаторам или другим персонам высокого ранга вступать в брак с актрисами, проститутками и другими женщинами низкого положения. Тебе не удастся обойти закон, Аспар. Даже тебе.

- Кейлин - аристократка, - сердито возразил Аспар.

- Это она так говорит, - ответил Василий, - но кто докажет, правда это или ложь? Здесь, в Византии, она была актрисой в публичном доме, демонстрируя половые акты перед зрителями. Поэтому она не подходит для брака с первым аристократом империи, Флавий Аспар.

- Тогда я покину империю, - мрачно сказал Аспар. - Я больше не могу терпеть и быть полезным, если мне отказывают в такой малости.

Василий не стал спорить. Аспар не покинет Византию. Здесь его мир, а он уже немолодой человек. Кроме того, даже после короткого знакомства с Кейлин Василий чувствовал - она не допустит, чтобы Аспар сделал то, что подвергнет опасности его положение в обществе или комфорт, - Касия сказала, ты пригласил ее посетить твою ложу на состязаниях на следующей

неделе. – Принц решил сменить тему разговора. – Это очень мило с твоей стороны, и я разрешил ей пойти, хотя это может вызвать небольшой скандал. Кого еще ты пригласил, мой друг? Не сомневаюсь, ремесленников и актеров. Аспар рассмеялся:

– Да, конечно. Как я, первый аристократ империи и знаменитый генерал, отважился пригласить тех, кто создает, а не тех, кто обладает властью? Так, Василий? А я вот отважился! И ты прав. Одиннадцатого мая в моей ложе будут Веллисарий и Аполлодарий, знаменитые актеры, и масса комедиантов. И Анастасий, певец и поэт, и Джон Андроник, изумительный резчик по кости, и Аркадий Филлипик, скульптор. Я пригласил его сделать скульптуру с Кейлин для нашего сада. Он проведет лето на вилле. Я построил ему студию для работы, так что ему не надо будет беспокоиться. Твоя сестра получит удовольствие от этой новой сплетни, Василий.

– Конечно, – согласился принц, затем спросил:

– Разве Веллисарий и Аполлодарий не соперники? Я слышал, они презирают друг друга. Не опасно ли приглашать их в одну ложу?

– Их ненависть недавно превратилась в Любовь, так я слышал, – усмехнулся Аспар. – Это еще одна пикантная новость для пережевывания принцессе Вере.

– О боги! Они еще не стали любовниками? Но конечно, станут, иначе ты бы не говорил! – воскликнул Василий. Они дошли до его паланкина, и он, удобно устроившись среди подушек, махнул рукой.

Аспар вскочил на своего жеребца, которого привязал к носилкам принца.

– Ну что, твоя жена придет на состязания?

Василий грустно кивнул:

– Евдокия не упустит шанса покрасоваться в императорской ложе, чтобы все друзья и родственники, находящиеся на трибунах, могли видеть ее, восхищаться и завидовать. Я буду рядом с ней, как того требуют правила приличия, а потом, когда она уедет во дворец на банкет, присоединюсь к моей обожаемой Касии.

– Разве Евдокия не хватится тебя на банкете, Василий?

– Нет, – ответил принц. – Она будет слишком занята деликатесами, которые предлагают гостям императора, и, конечно, молодым стражником, который недавно попался ей на глаза. Думаю, она соблазнит его в конце концов, и я смогу предоставить ей такую возможность. Она займется молодым человеком, а я займусь кем-нибудь еще. Евдокия редко нарушает супружескую верность, и, когда она делает это, я предоставлю ей полную свободу. Она превосходная жена и мать моим детям. Могу добавить, что ее осторожность по крайней мере похвальна. Вокруг нее никогда не было даже крошечного скандала. Это может каждый подтвердить, говоря об одной из самых аристократичных жен наших дней.

– Какая удача для вас обоих, – сухо промолвил Аспар. Он не понимал браков, которые заключали многие аристократы. Настоящие браки – такая редкость. Они с Анной не нарушали клятву супружеской верности. Такой брак он когда-нибудь заключит с Кейлин. – Я не появлюсь в городе до самых состязаний, – сказал он принцу. – Тогда и увидимся. – Он поскакал вдоль Мизы к Золотым Воротам, а Василий приказал носильщикам отправить его в дом своей любовницы, прекрасной Касии.

Утро одиннадцатого мая выдалось ясным и солнечным. Чудесный день для празднования годовщины основания Константинополя. Кейлин нарядилась с особой тщательностью, зная, что будет объектом сплетен. Она хотела, чтобы Аспар гордился ею, поэтому выбрала платье из бледно-фиолетового шелка, который гармонировал с цветом ее глаз. Круглый ворот имел низкий, но достаточно скромный вырез. Длинные рукава украшены золотыми лентами в виде цветов и листьев. Пояс, чуть ниже талии, изящно облегал ее бедра. Золотисто-фиолетовая шляпка должна была защищать от палящих солнечных лучей. Нелвин надела на ноги хозяйки маленькие расшитые туфельки и встала, чтобы посмотреть на Кейлин. Ее глаза выражали одобрение.

- Вы выглядите как императрица, госпожа, - сказала она.

- Но у нее должны быть драгоценности, как у Веры, - заметил Аспар, входя с небольшим ящиком из черного дерева. - Это для тебя, моя любовь.

Кейлин взяла ящичек, поставила на стол и открыла. Внутри оказалось золотое ожерелье с маленькими бриллиантами, аметистами и жемчугами. Она стояла ошеломленная, а он взял ожерелье и застегнул на ее шее. Оно ровно легло ей на грудь, почти закрывая весь вырез и делая платье гораздо богаче.

- Я никогда не видела ничего более прекрасного, - прошептала Кейлин. - Оно такое красивое, мой дорогой господин. Спасибо!

- И еще вот это, - тихо сказал он, доставая пару сережек и протягивая их с улыбкой.

Кейлин трепетно улыбнулась и вдела аметисты в виде слезинок в золотой оправе в уши. В ящичке оказалось еще несколько предметов: два золотых с бриллиантами и жемчугами браслета и широкий золотой мозаичный пояс, который сверкал и переливался. Наконец, там была отделанная золотом, аметистами и бриллиантами повязка на голову. Кейлин примерила ее поверх тонкой розовато-лиловой вуали, покрывающей ее волосы, которые она носила распущенными, потому что это нравилось Аспару.

- Сегодня на ипподроме мне будут завидовать все мужчины. - Он явно гордился ею. - Ты самая красивая женщина в городе!

- Я не хочу, чтобы кто-нибудь завидовал, - честно призналась Кейлин. - В прошлом, когда у меня было счастье и достаток, боги лишили меня всего. Я потеряла все, что было дорого мне. Сейчас, когда я вновь обрела счастье, я хочу сохранить его, мой господин. Не надо хвастаться, а то боги услышат тебя и позавидуют нам.

- Мы сохраним счастье, - произнес он твердо, - и я буду беречь тебя.

Кейлин отправилась в город в комфортабельном паланкине, а Аспар ехал рядом с ней на большом белом жеребце. По дороге их приветствовало множество людей. Кейлин, наблюдавшая за всем этим из своего безопасного местечка, чувствовала, что ее сердце переполняется любовью к этому знаменитому и доброму человеку. Было видно, что простые граждане уважали Флавия Аспара, а не просто боялись его могущества и богатства.

Они вступили в город через Золотые Ворота. Это были официальные триумфальные ворота в Константинополе. Сделанные из древнего белого мрамора и установленные Феодосием, ворота получили свое название благодаря огромным блестящим медным дверям. Элегантная строгость архитектуры и прекрасные пропорции сделали эти ворота объектом восхищения всей империи. Пройдя сквозь них, Кейлин и Аспар медленно двинулись в толпе вниз вдоль Мизы к

ипподрому.

У Золотых Ворот их встретил отряд кавалерии, который прибыл, чтобы сопровождать Аспара и его спутников по главной улице города. Когда они окружили паланкин Кейлин, она предусмотрительно задвинула шелковые шторы. Кейлин хорошо понимала, что являлась объектом любопытства у солдат, но она не могла допустить, чтобы они нагло рассматривали ее как какую-то проститутку.

Ипподром вмещал около сорока тысяч человек и походил на большой римский цирк. Однако здесь никогда не проводились такие жестокие состязания, как в Риме, и не допускались жертвоприношения невинных младенцев. Ипподром начинал строить римский император Септимий Север, но затем его реконструировал великий византийский император Константин I. На его арене давались различные представления: от травли животных, театральных развлечений и боев гладиаторов до гонок колесниц, религиозных процессий, государственных церемоний и публичных пыток известных преступников. Вход на ипподром осуществлялся по специальному пропуску, и перед состязаниями пропуска распространялись среди публики, которая размещалась независимо от класса на белоснежных мраморных рядах сидений. В центре ипподрома установили ряд монументов, образующих то, что называется «спина». Спина обозначала разделение между нижними и верхними беговыми дорожками. Среди монументов возвышалась Змеиная колонна, которую Константин I привез в Константинополь из храма Аполлона. Античную колонну, сделанную из переплетенных бронзовых змей, преподнесли храму около тридцати греческих городов в 479 году до новой эры. Ее установили в храме в честь победы греков над персами в знак благодарности богам. Другой монумент – египетский обелиск – Феодосий I поместил на пьедестал. На нем со всех четырех сторон были изображены сцены из императорской жизни, включая ту, где сам Феодосий сидел в императорской ложе со своей семьей и ближайшими друзьями, наблюдая за состязаниями.

Паланкин Кейлин опустили у особого входа на арену с восточной стороны. Аспар спешил и гордо помог Кейлин сойти с носилок. Он знал, что каждый мужчина из отряда кавалерии с нетерпением хотел увидеть женщину, которая, как говорили, завоевала его сердце. Сначала показалась изящная ножка. Глаза присутствующих расширились. Солдаты обменялись понимающими завистливыми взглядами, и, когда первый патриций империи провожал свою красивую молодую любовницу на ипподром, за их спинами послышался тихий удивленный свист восхищения.

Аспар торжественно улыбался, как маленький мальчик с новой, вызывающей восхищение игрушкой, но Кейлин тихо бранила его:

– Стыдись, мой господин! Все эти грубые молодые солдаты удивляются твоей силе, здоровью и опыту в любви, благодаря которым ты завоевал молодую хорошенькую любовницу. Нечего гордиться! – закончила она с негодованием. – Порядочной женщине должно быть стыдно.

– Но тебя не считают порядочной женщиной, – съязвил он. – Эти грубые молодые солдаты, как ты назвала их, стали бы завидовать мне еще больше, если бы знали, каким страстным, ужасно распутным созданием ты недавно стала. Моя спина покрыта отметинами, свидетельствующими о твоей восхитительной, вновь обретенной страсти, моя любовь. Ах да, ты должна покраснеть! – Он засмеялся. – Но я доволен, что ты у меня такая бесстыдница.

Кейлин покраснела, но не могла удержаться от смеха. Он так радовался, что сумел растопить холод ее души. Эта радость наполняла ее душу счастьем.

- Это ты потерял стыд, мой господин, - сказала она. - Ты распустил перья, как павлин, и радуешься, выставляя меня напоказ этим молодым людям. - Она засмеялась. - Они выглядели такими удивленными, когда увидели меня. Неужели у тебя репутация человека, который не способен увлечь хорошенькую женщину? Им бы следовало знать тебя.

- Если бы они знали меня, как ты, любовь моя, меня называли бы по-другому и мне пришлось бы взять в любовники Иоанна, - пошутил он.

- Мой господин! - Кейлин едва поборолла новый приступ смеха.

Он повел ее по лестничному пролету, поясняя, что это проход к двум особым ложам, которые существуют на ипподроме, кроме императорской ложи.

- Ложа патриарха - по правую руку от императорской, а слева - ложа первого патриция империи. Я пришел пораньше, чтобы не вызывать волнений у входа. Мне не хотелось, чтобы толпы приветствовали меня до появления императора. Мы потихоньку проскользнем в ложу и там поздороваемся с нашими гостями. Император не придет до самого начала состязаний. Сегодня утром состоятся четыре заезда, и после полудня четыре. Между ними мы увидим другие представления. Зиновий придет со слугами: они принесут нам завтрак.

- Я никогда не видела состязания колесниц, - сказала Кейлин. - Кто будет соревноваться сегодня? В Кориниуме была арена для состязаний, но отец никогда не брал нас с собой. Он говорил, что это очень жестокое зрелище.

- Некоторые виды, - согласился Аспар. - Но мне сказали, сегодня не будет гладиаторов. Выступят актеры, борцы, которые заполнят время между состязаниями. У нас в Константинополе четыре команды: Красные, Белые, Голубые и Зеленые. Страсти, которые эти состязания вызывают у зрителей, иногда бывают ужасными. Делаются ставки, и порой возникают драки между болельщиками соперничающих команд.

Но здесь ты в безопасности.

- Какую команду ты предпочитаешь, мой господин? - спросила она.

- Зеленых, - ответил он. - Они лучше всех. За ними идут Голубые. Красные и Белые слабы, хотя и пытаются выйти вперед.

Они добрались до небольшой площадки, где лестница делилась на две секции, и, поднявшись по левой стороне на три ступеньки, вошли в ложу Аспара. Кейлин увидела удобные мраморные сиденья с шелковыми подушками, вокруг располагались скамьи, и отовсюду хорошо просматривалась арена. Трибуны начинали заполняться публикой, но никто не замечал их, и Кейлин быстрым взглядом отметила, что свита императора и важные духовные особы еще не появились в своих ложах.

- В ложу императора не ведут ступеньки, - обратилась она к Аспару. - Как же он войдет?

- По лестнице, которая ведет прямо в ложу из туннеля под стенами дворца, - объяснил он. - Она позволяет императору быстро уйти, если в этом появляется необходимость. Я всегда считал, что это прекрасное место для засады, и никто ничего не сможет сделать, если это произойдет.

- Кейлин!

Позади них в ложу вошла молодая женщина. Кейлин повернулась и узнала Касию, которая сияла в алых и золотистых шелках. Кейлин протянула руки, приветствуя ее. Она не удивилась своим чувствам, вновь увидев Касию, поскольку молодая женщина всегда была добра к ней.

- Мне говорили, фортуна улыбнулась тебе, - сказала она, приветствуя Касию. - Я рада, что ты смогла прийти.

- Госпожа Касия, - произнес Аспар с улыбкой, и Кейлин почувствовала, как в ней просыпается ревность. В его глазах было слишком много знакомого тепла.

- Мой господин, рада видеть вас снова. Я должна благодарить вас за то, что вы представили меня принцу. До прошлого года я не собиралась выкупать себя, но когда принц предложил мне свое покровительство, я удивила своих хозяев и выкупила себя, так что принцу не пришлось тратиться. - Касия тепло улыбнулась им обоим и удобно расположилась рядом с Кейлин.

Аспар снова поклонился и ответил:

- Значит, вы оба счастливы, и я рад, Касия. Я полагаю, ты достаточно умна, чтобы позаботиться о своем будущем? Принц так непостоянен.

Касия весело засмеялась:

- Я бережливая женщина, мой господин. Если бы Иоанн и Фока имели хоть малейшее подозрение о том, сколько я накопила за три года, они повысили бы цену. Однако они не сделали этого, и я ушла по вполне приемлемой цене. Дом, в котором я теперь живу, тоже принадлежит мне. Я настояла на этом. Василий понял и проявил великодушие. Я не закончу свои дни на улице, как некоторые глупые женщины.

- Мне было бы очень жаль, если бы такое случилось, - заметил Аспар.

Кейлин не успела обратиться к своему любовнику - в ложу, раскланиваясь с дамами, вошли приглашенные гости. Веллисарий, известный классический актер, и его нынешний любовник, непристойный комический актер Аполлодарий, были первыми. Элегантно одетые в белые и золотистые далматики, веселые и остроумные, они внушали Кейлин страх. Она не привыкла к таким людям, а Касия свободно болтала с ними, обмениваясь сплетнями, как будто они были знакомы всю жизнь. Пришел Анастасий, великий византийский певец. Он разговаривал полупрошепотом. Это вошло у него в привычку, как объяснил Аспар. Анастасий говорил мало или вообще молчал, сберегая свой знаменитый голос для пения.

Джон Андроник, резчик по кости, и Аркадий, скульптор, появились почти одновременно. Первый, застенчивый мужчина приятной наружности, вежливо приветствовал хозяина и хозяйку. Последний выглядел его противоположностью. Это был самоуверенный парень с дерзким взглядом.

- Касию я знаю, а это, должно быть, та неземная красавица, которую вы хотите увековечить с моей помощью, мой господин. - Аркадий пристально посмотрел на Кейлин. - Я вижу, - продолжал он, мысленно снимая с нее одежды, - тело красиво во всех деталях, как и лицо. Вы доставите мне много радости, госпожа, потому что больше всего я люблю лепить прелестных женщин.

Аспар, довольный, улыбался, а Кейлин опять покраснела.

- Я думаю, она превосходная модель для твоих талантливых рук, Аркадий. Она - возрожденная

Венера, - сказал он.

- Я, конечно, получу больше удовольствия от работы, которую вы мне поручили, мой господин, чем от всех святых, которых лепил до этого, - согласился скульптор.

Внезапно толпа зашумела, и все присутствующие в ложе Аспара повернулись, чтобы увидеть императора и его свиту, входящих в свою ложу. Лицо Льва было строгим и спокойным, но даже в элегантной богатой мантии никто не мог назвать его величественным или царственным. Таким он показался Кейлин, но она помнила, что Аспар выбрал этого человека и считал его сильным правителем. Императрица же была совсем другого типа. Она выглядела сверкающей звездой на фоне мужа. Остальная часть царской свиты включала мужчин и женщин, среди которых она выделила только лицо Василия. Представители духовенства в черных мантиях уже заняли свои места до прибытия свиты императора, но Кейлин, занятая своими гостями, их не заметила.

Через несколько минут Аспар наклонился к Кейлин:

- Смотри! Встав на мраморную ступеньку, расположенную впереди его ложи, император Лев поднял полы своей пурпурно-золотистой мантии и три раза взмахнул ими крест-накрест. Обратившись сначала к центральным рядам зрителей, затем к сидящим справа и, наконец, к сидящим слева, он оказал внимание всем присутствующим на ипподроме. Затем достал из-под мантии белый платок, который, как Аспар прошептал Кейлин, назывался маппой. Взмах белого шелкового платка означал начало состязаний. Маппа развевалась в руке Льва.

Двери конюшни в стене ипподрома открылись, и первые четыре колесницы выкатились на беговой круг.

Зрители взорвались аплодисментами. Возницы, каждый из которых управлял четырьмя лошадьми, были одеты в короткие кожаные, без рукавов, тупики, которые крепко поддерживались скрещенными кожаными ремнями. Икры опоясывали кожаные краги. Все они были физически хорошо сложены, а многие красивы. Женщины приветствовали их, размахивая цветными лентами своих любимых команд, и возницы, веселясь от избытка внимания, улыбались в ответ.

- Женщин не следовало бы пускать на состязания, - послышалось невнятное бормотание из ложи патриарха. - Для них нескромно быть здесь.

- В Риме женщины посещали состязания, - возразил молодой священник.

- И посмотри, что стало с Римом, - мрачно ответил патриарх, а окружавшие его священники кивали и поддакивали.

- Вы когда-нибудь бывали прежде на бегах? - спросил Аркадий Кейлин и Касию и, когда обе они ответили отрицательно, сказал:

- Тогда я объясню вам. Порядок, в котором выстраиваются колесницы, разыгрывается по жребию за день до соревнований. Каждый возница должен пройти по беговому кругу семь раз. Видите стенд внизу, за спиной префекта в старомодной тоге? Видите семь страусиных яиц на стенде? Их будут убирать одно за другим по мере прохождения каждого круга. Обычно победитель в каждом заезде награждается небольшой серебряной пальмой, но сегодня, в день основания города, в последних двух заездах победители получают золотые лавровые венки. Между Зелеными и Голубыми разгорится жестокая борьба за самый лучший венок.

Смотрите! Они начали!

Колесницы загрохотали по беговому кругу. Лошади неслись с пеной на морде, с потными блестящими боками. Возничие погоняли с таким неистовством, которого Кейлин никогда не видела. Сначала казалось, что беговой круг достаточно широк, чтобы все четыре колесницы могли уместиться в одном ряду, но вскоре Кейлин увидела: для того чтобы победить, возницы должны вести колесницы по всему кругу только впереди всех своих соперников. При обгоне от колес соседних колесниц летели искры, когда они со скрипом терлись друг о Друга, а возницы стегали кнутами не только лошадей, но и соперников.

Толпы криками подгоняли лошадей, когда колесница команды Зеленых на последнем повороте наклонилась на одно колесо; она чуть не перевернулась, но быстро выровнялась; а колесница команды Голубых, неожиданно сделав рывок, пересекла финишную линию на нос впереди. Обе колесницы остановились, и возницы начали яростный кулачный бой. Их растащили, и они оставили арену, выкрикивая ругательства. В это время другие колесницы уже выстроились для следующего заезда и рванулись вперед.

Кейлин нравились состязания. Будучи в душе кельткой, она всегда восхищалась хорошими лошадьми, и скачки приводили ее в восторг.

- Откуда привезли этих великолепных лошадей? - спросила она Аспара. - Я никогда не видела таких. Их скорость и устойчивость выше всяких похвал.

- Их привезли с Востока, - сказал он, - и стоят они очень дорого.

- И ни одна из них не выращена в Византии, мой господин? - удивилась она.

- Мне неизвестно, любовь моя. Почему ты так интересуешься?

- Можно часть земель пустить под пастбища и выращивать таких лошадей! Если они здесь так ценятся, это принесет тебе большую прибыль. Рынок для такого скота обширный, так как лошади станут более доступными. Если мы будем выращивать своих собственных лошадей, покупатели смогут наблюдать за ними с рождения и даже выбрать заранее тех, кто, по их мнению, перспективен, - заключила Кейлин. - Что ты думаешь об этом, мой господин?

- Я думаю, она прелесть! - вступил Аркадий воодушевленно.

- Сначала нам надо найти превосходного жеребца или двух для разведения и по крайней мере дюжину кобыл, - размышлял Аспар вслух. - Я должен сам поехать в Сирию, чтобы подыскать животных. Теперь мы не должны позволить кому-либо осуществить наш замысел. Сирийцы гордятся своими прекрасными лошадьми и очень выгодно экспортируют их. Я, конечно, могу купить молодых кобыл здесь и там, сказав, что хочу приобрести их для женщин моей семьи, которые развлекаются верховой ездой. Хотя нормальные женщины не скачут на лошадях, - подумав, заключил он.

- Зеленые победили во втором заезде, пока вы болтали, - прервала их Касия. - Голубые жалуются на заговор, потому что Красные и Зеленые решили бить возницу Голубых на каждом повороте, и он прибыл к финишу мертвым.

Между каждым утренним заездом предусматривался небольшой перерыв, во время которого выступали мимы, акробаты, а в конце дрессировщик с группой очаровательных маленьких собачек, которые прыгали через кольца, крутили сальто и танцевали на задних лапках под аккомпанемент флейты. Перерывы между заездами были короткими, но между утренними и

дневными скачками делали более продолжительный перерыв. Ложи императора и патриарха опустели.

- Куда они уходят? - спросила Кейлин.

- На небольшой банкет, который приготовлен для Льва и приглашенных гостей, - ответил Аспар. - Посмотри вокруг, любовь моя. Все принесли продукты и начинают есть, а вот и Зиновий с завтраком для наших гостей. Как всегда, старина, ты вовремя.

- Аспар явно любит тебя, - тихо сказала Касия на ухо Кейлин, когда накрыли завтрак. - Тебе очень повезло, моя дорогая подруга, что ты нашла такого мужчину. Говорят, он женился бы на тебе, если бы мог, но не рассчитывай на это.

- Я не рассчитываю, - ответила Кейлин. - Я не смею. Я полюбила Аспара, но мой внутренний голос предупреждает меня об опасности. Иногда я не обращаю внимания на это, но временами он не дает мне покоя и пугает меня так, что я не могу спать. Аспар не знает об этом. Я не хочу огорчать его. Он любит меня, Касия, и так добр ко мне.

- Ты просто напугана. Ты позволила себе однажды всем сердцем полюбить мужчину и была жестоко разлучена с ним. Этого больше не повторится. - Она взяла бокал с вином, предложенный Зиновием, и сделала глоток. - О, кипрское! Очень вкусно!

В ложу вошел стражник императора.

- Мой господин генерал, - вежливо обратился он, - император просит вас присоединиться к его столу.

- Я благодарен императору, - сказал Аспар с досадой. Лев прекрасно знал, что у него свои гости. - Передай ему, что с моей стороны будет невежливо покидать приглашенных гостей, но, если я нужен ему, я приду позже.

Стражник поклонился, собираясь уйти, когда Кейлин сказала:

- Подождите! - Она взяла Аспара за руки и по смотрела на него. - Иди, мой господин, пожалуйста, иди, хотя бы ради меня. Не важно, насколько вежливо ты сформулировал свой отказ, ты оскорбишь императора. Я займусь нашими гостями до твоего возвращения. - Она наклонилась и нежно поцеловала его в щеку. - Теперь иди и будь доброжелателен и вежлив, не раздражайся. Аспар неохотно поднялся.

- Ради тебя, любовь моя, только ради тебя. Ты не хочешь, чтобы я обижал Льва, хотя его приглашение оскорбляет меня, он игнорирует тебя и всех, кто присутствует здесь.

- Для императора я не существую, Касия тоже. Что касается остальных, они ремесленники и актеры. Иногда их приглашают, иногда нет, - мудро заметила Кейлин с легкой улыбкой. Она быстро усвоила традиции византийского общества. - Иди, чтобы поскорее вернуться!

- Ваши манеры лучше, чем у многих при дворе, - сказал ей Аркадий, изогнув черную бровь. - Я полагаю, вы не та, кем кажетесь.

Кейлин спокойно улыбнулась.

- Я та, кто я есть, - ответила она.

Аркадий усмехнулся и, понимая, что сегодня больше ничего не узнает от нее, сосредоточился на превосходном окороке. Он узнает все летом, когда она будет позировать ему.

Вскоре после того как Аспар покинул ложу, вошел другой стражник императора и, поклонившись Кейлин, произнес:

- Госпожа, вы должны пойти со мной, будьте любезны.

- Что вы хотите? - спросила она. - И кто послал вас? Стражник был молод и покраснел в ответ на ее прямой вопрос.

- Госпожа, - мучился он, - я не могу сказать. Это секрет. Прежде чем Кейлин снова заговорила, Касия наклонилась вперед, позволяя молодому человеку полюбоваться ее полной грудью.

- Ты знаешь, кто я, юный герой? - мурлыкала она. - Ты такой красивый парень!

Аркадий тихо засмеялся. Судя по лицу стражника, Касия быстро узнает то, что хочет.

- Нет, госпожа, я не знаю вас, - ответил юноша, волнуясь, не в силах оторвать взгляд от ее белоснежных грудей. - Могу я узнать?

- Я подруга принца Василия, юноша, и, если ты не скажешь госпоже Кейлин, кто послал тебя, я расскажу моему принцу о твоей неучтивости и о том, как ты нахально смотрел на меня своими наглыми карими глазами. Говори сейчас же!

Молодой стражник виновато поднял глаза. Он покраснел и тихо пробормотал:

- Императрица, госпожа. - Затем, озабоченно глядя на Кейлин, добавил:

- Она не желает вам зла, госпожа. Она прекрасная женщина.

Касия и Аркадий засмеялись, заставив других гостей в ложе оторваться от своих блюд и с любопытством посмотреть в их сторону.

Кейлин поднялась:

- Поскольку теперь вы все знаете, у кого я буду, не так страшно. Я иду с вами, юноша. - Расправив складки толы, она последовала за ним из ложи вниз по лестнице.

Внизу оказалась небольшая дверь в стене, так хитро скрытая, что Кейлин раньше не заметила ее. Стражник нажал на потайное место, и дверь открылась, обнаружив еще один лестничный пролет. Они спустились ниже и вошли, как поняла Кейлин, в главный проход к императорской ложе. Туннель был хорошо освещен факелами. Через несколько шагов стражник остановился и, снова нажав на стену, открыл еще одну дверь, которая распахнулась от его толчка. Перед ними предстала комната, а в ней женщина, которая повернулась на звук открывшейся двери.

- Войдите, - промолвила она низким приятным голосом. - Подожди нас снаружи, - приказала она стражнику. - Ты все сделал как надо.

Когда дверь закрылась, Кейлин вежливо поклонилась Вере.

- Ты не выглядишь проституткой, - откровенно сказала императрица.

- Я не проститутка, - спокойно ответила Кейлин.

- Но ты жила на вилле Максима несколько месяцев и принимала участие, как мне говорили, в самом неприличном представлении, которое когда-либо давали здесь или в других городах. Если ты не проститутка, кто же ты тогда?

- Меня зовут Кейлин Друзас, я британка. Моя семья происходит от большой римской семьи. Мой предок, Флавий Друзас, был трибуном в четырнадцатой когорте легиона и пришел в Британию с императором Клавдием. Мой отец - Друзас Кориниум. Почти два года назад меня похитили и продали в рабство. Я была женой и матерью, когда это случилось. Меня привезли с партией рабов в этот город. Иоанн Максима купил меня на общем рынке за четыре фол-леса, госпожа. Что они сделали со мной, вам, очевидно, известно. Мой господин Аспар избавил меня от этого позорного плена и сделал свободной, - гордо закончила Кейлин. Вера была очарована.

- Ты выглядишь как аристократка и говоришь хорошо, - заметила она. - Ты живешь у Аспара в качестве любовницы, не так ли, Кейлин Друзас? Говорят, он любит тебя не только телом, но и душой. Не думала, что он может проявить такую слабость.

- По-вашему, любовь - это слабость, ваше величество? - тихо спросила Кейлин.

- Для тех, кто имеет такую власть, да, - ответила императрица с достоинством. - Власть и мушье никогда не должны проявлять слабость, которая может быть использована против них. Да, любовь к женщине, к детям и к кому бы то ни было является слабостью.

- Но ваши священники учат, что любовь все побеждает, - сказала Кейлин.

- Ты не христианка? - поинтересовалась Вера.

- Отец Михаил, которого послал мне патриарх, говорит, что я еще не готова к крещению. Он говорит, что я задаю слишком много вопросов и не веду себя смиренно, как подобает женщине. Мне сказали, апостол Павел говорил, что женщины должны быть покорны мужчинам. Боюсь, я недостаточно покорна.

Вера засмеялась:

- Если бы большинство из нас не окрестили в младенчестве, мы никогда бы не стали христианками, потому что нам не хватает смирения, Кейлин Друзас, но, если ты хочешь стать женой Аспара, тебе надо принять христианство. Генерал Восточных армий не может иметь жену-язычницу. Это недопустимо. Конечно, ты можешь обмануть отца Михаила, заставив его поверить, что научилась быть смиренной.

Женой Аспара? Она не ослышалась? Вера заметила удивленное выражение лица Кейлин и сразу догадалась, чем оно вызвано.

- Да, - кивнула она девушке, - ты не ослышалась. Я сказала, женой Аспара, Кейлин Друзас.

- Мне известно, что это невозможно, ваше величество, - медленно произнесла Кейлин. Она должна подумать. - Мне говорили, что в Византии существует закон, запрещающий браки между аристократами и актрисами. Мне говорили, что время, проведенное на вилле Максима, сделало недействительным мое аристократическое происхождение.

- Это важно для меня, потому что я доброжелательно отношусь к генералу Аспару и поддерживаю его. Несмотря на то что ты прибыла сюда как рабыня и развлекала гостей в

публичном доме, ты остаешься аристократкой, Кейлин Друзас. Я не сомневаюсь в твоём происхождении. Я наблюдала за тобой сегодня утром. У тебя манеры культурной и хорошо воспитанной девушки. Я верю, что ты рассказала мне правду. Ты недолго была на вилле Максима. Те, кто знает об этом, будут молчать или, я думаю, замолчат, когда ты станешь женой Ас-пара. Ты хочешь стать его женой?

Кейлин медленно кивнула головой.

- Что вы хотите от меня взамен, ваше величество? Такая благосклонность стоит дорого, я знаю.

Вера криво усмехнулась:

- Ты умна, если понимаешь это, Кейлин Друзас. Очень хорошо. Я помогу преодолеть препятствия, касающиеся твоего брака с генералом Аспаром, если ты, в свою очередь, обещаешь помочь мне. И он сам должен поклясться мне в верности. Я знаю, ты можешь убедить его помочь мне в ответ на мою помощь.

Сердце Кейлин учащенно забилось. - Я не могу так легко выполнить это. Я поговорю с ним через несколько дней, ваше величество. Но как я сообщу вам о его согласии или отказе? Сейчас я не существую для вашего окружения. Если бы я была принята в обществе, вы пригласили бы и меня на ваш банкет, а не только Аспара, которого увели от меня. А мы с вами тайно встречаемся здесь, под стенами ипподрома.

- Мне непривычно говорить с кем-то открыто и честно, - сказала императрица. - Здесь, при византийском дворе, каждый вкладывает в свои слова скрытый смысл, и побуждения часто бывают так запутаны, что невозможно понять. Поговори со своим господином, а через несколько дней я приеду с надежными друзьями посетить летнюю виллу генерала. Если кто-то заинтересуется моим визитом, то подумает, что я просто любопытна, и это не вызовет скандала. Лев очень праведный человек, а я самая верная супруга. Если он узнает о моем посещении, то, естественно, предположит, что меня сбили с толку мои подруги. Такое уже бывало раньше. - Она многозначительно улыбнулась.

- Я постараюсь все сделать для вас, ваше величество, - заверила Кейлин.

Императрица рассмеялась:

- Не сомневаюсь, моя дорогая. Прежде всего ваше счастье зависит от тебя, а ссориться со мной не стоит. Но мы должны вернуться. Я не могу долго отсутствовать на банкете, это станет заметно. - Вера подошла к двери и открыла ее со словами:

- Проводите госпожу в ее ложу и займите свой прежний пост. До свидания, Кейлин Друзас.

Кейлин вежливо поклонилась и вышла из комнаты. Когда она шла за стражником по проходу, а затем поднималась по двум лестничным пролетам вверх, в ее голове проносились события последних нескольких минут. Вернувшись в ложу, она подверглась расспросам нетерпеливой Касии.

- Чего она хочет? - прошептала Касия, а Аркадий наклонился, чтобы услышать ответ Кейлин.

- Ее снедало любопытство, - улыбнулась Кейлин. Какой тусклой должна быть ее жизнь, если любовница Аспара вызывает такой интерес.

- А... - разочарованно вздохнула Касия, но Аркадий понял, что Кейлин просто решила не

рассказывать о встрече.

Очевидно, лето обещает быть интересным.

Внизу полдюжины жонглеров развлекали неугомонных зрителей, шествуя по кругу и жонглируя разноцветными шарами. За ними следовала удивительная процессия экзотических животных. Аспар вернулся в ложу и, присев рядом с Кейлин, обнял ее. Касия посмотрела на Аркадия с легкой самодовольной улыбкой, и тот ухмыльнулся в ответ.

- О! - воскликнула Кейлин. - Я никогда не видела таких зверей! Кто это? И полосатые! Двух видов!

- Громадные серые гиганты с длинными носами называются слонами, - объяснил Аспар. - История рассказывает, что великий карфагенский генерал Ганнибал пересек Альпы и одержал множество побед, передвигаясь на слонах. Полосатые кошки называются тиграми. Их привезли из Индии - из далекой страны к востоку от Византии. Полосатые лошади - зебры.

- Высокие пятнистые животные, мой господин, и смешные, с горбами, кто они?

- Первые - это жирафы. Они родом из Африки, но сейчас эти животные есть в императорском зоопарке. Иностранные государства всегда преподносят нам в дар редких животных для зоопарка. А это верблюды.

- Они удивительные! - сказала она с сияющими глазами, взволнованная, как ребенок. - Я никогда не видела таких животных. У нас в Британии водятся олени, кролики, волки, лисицы, барсуки, ежи и другие звери, но слонов нет!

- Да, - вздохнул Аркадий драматично, - на Византию надо смотреть удивленными синими глазами Кейлин Друзас.

- Сильными глазами? У кого сильные глаза? - сострил комик Аполлодарий.

- Синими, бессовестный шут! - повысил голос Аркадий. - У Кейлин Друзас глаза синего цвета. Посмотри на них! Они прекрасны.

- Женские глаза никогда не говорят правду, - усмехнулся Аполлодарий.

- Нет! - воскликнула Касия.

- Разве ты говоришь глазами правду, когда смотришь в глаза мужчин? - настаивал комик. - У куртизанок едва ли заметишь в глазах правдивость.

- А у актеров? - парировала Касия язвительно. Певец Анастасий тихо засмеялся над ее ответом. Это был первый звук, который, как отметила Кейлин, он издал с момента прихода в ложу.

- Император возвращается, - предупредил спорящих Джон Андроник, резчик по кости. Он тоже не отличался болтливостью.

Теперь Кейлин представился случай заговорить с ним.

- У нас на вилле есть одно из ваших восхитительных произведений, - начала она. - Оно прелестно. Это Венера, окруженная крылатыми купидонами.

- Одна из моих ранних работ, - признался резчик, застенчиво улыбнувшись. - Теперь я работаю главным образом для церкви. Это очень выгодное дело, и я считаю необходимым воздать Господу за то, что он так щедро одарил меня. Сейчас я работаю над Рождеством Христовым по заказу императора.

- Можно мне присоединиться к вам? - Принц Василий осторожно вошел в ложу генерала. - Касия, любовь моя! Ты выглядишь так соблазнительно, что тебя хочется съесть! И я сделаю это чуть позднее. - Он поцеловал ее.

- Что с твоей женой Евдокией, мой друг? Тебе не следует причинять ей неприятности, - сказал Аспар сурово.

- Ее дружок охраняет ложу императора, - ответил Василий, ухмыльнувшись. - Ей нужно время для флирта с ним, и она едва ли сможет заняться этим, когда я нахожусь поблизости. Между прочим, Флацилла и Джастин Габрас тоже в императорской ложе. Смотри, они на дальней стороне. Не знаю, почему Лев разрешил им присутствовать, но, вероятно, он не приглашал их. Это, несомненно, сделала моя сестра. Они в самом деле ужасная пара, Аспар. Мне говорили, они устраивают такие развратные оргии, что обитатели Содомы и Гоморры покраснели бы от стыда. И, что хуже всего, они счастливы. Флацилла действительно нашла супруга себе под стать. Вместе они отвратительны.

- Хорошо, можешь остаться, но будь благоразумным, - предупредил Аспар.

- Я счастлива видеть вас, мой господин, - улынулась Кейлин, - Госпожа, вы с каждой минутой хорошеете, - галантно ответил принц. - Можно сказать, что вы счастливы и он тоже. - Затем Василий повернулся к Касии:

- Как прекрасно ты выглядишь сегодня, моя любимая. Алый и золотистый цвета так подходят тебе. Можно посмотреть, как рубины в золотой оправе выглядят на твоей нежной, чистой коже, а?

Снова начались состязания. Четверки лошадей, взбивая копытами песок ипподрома, неслись по кругу, стремясь к победе. Утром Зеленые выиграли два заезда. Голубые - один, а Красные победили в последнем заезде. Сейчас Белые выиграли первый дневной заезд, а Голубые - второй, объединившись с Зелеными. Но все-таки это был день Зеленых. Победив в двух последних заездах, они приняли из рук Льва приз, который представлял собой золотую эмблему, серебряный шлем и серебряный пояс. Уже охрипшие толпы снова взревели, и, когда императорская ложа опустела, состязания формально завершились.

Неожиданно люди, сидевшие неподалеку от Аспара, выставили принесенные с собой зеленые ленты и начали кричать:

- Аспар! Аспар! Аспар!

На лице Аспара промелькнуло недовольство, но оно быстро исчезло. Повернувшись, он ответил на приветствие толпы дружеским взмахом руки. Для них этого было достаточно, но не для остальных граждан, которые продолжали выражать свое почтение и восхищение.

- Какой ты расчетливый, - съязвил Василий. - Об этом маленьком инциденте, конечно, доложат Льву, разукрасив его соответствующими подробностями, и бедняга будет разрываться между благодарностью за то, что ты посадил его на трон, и страхом, что в один прекрасный день ты сместишь его. - Принц засмеялся.

- Лев знает, что я предпочитаю жить скромно и не рвусь в императоры, - сказал Аспар. - Если бы он сомневался, я снова уверил бы его в этом. Честно говоря, я бы ушел в отставку.

- Нет, нет! - Василий широко улыбнулся. - Ты умрешь на службе Византии. Касия, ангел мой, есть у тебя что-нибудь вкусненькое на ужин? Я еду с тобой.

- Ты не поедешь во дворец на праздничный банкет? - удивился Аспар. - Я знаю, ты говорил раньше, что не поедешь, но разве твое присутствие не обязательно?

- Никто не заметит, уверяю тебя, мой друг, - ответил принц. - Кроме того, приглашен патриарх. Он будет так долго молиться перед едой, что все станет невкусным, когда он закончит, и вряд ли ему будут благодарны за это.

- Лучше я позабочусь о нем, мой господин, - сказала Касия. - Блюда придутся ему по вкусу, не так ли, мой принц? Глаза Василия озорно блеснули в знак согласия.

Касия повернулась к Кейлин:

- Могу я как-нибудь приехать повидать тебя? Я так рада, что вы пригласили меня в свою компанию сегодня. Мы теперь находимся так далеко друг от друга.

- Конечно, можешь, - сказала Кейлин искренне. - Я совершенно одна на вилле Маре, когда мой господин уезжает, поэтому приобрела юную рабыню-саксонку для компании. Мне нравится слушать твои рассказы, Касия. Кажется, ты знаешь все, что происходит в Константинополе. Однако мне лучше жить за городом.

- На виллу приятно приезжать, - ответила Касия, - но я родилась в Афинах и предпочитаю жить в городе. Василий любит говорить со мной по-гречески. Для византийца он очень хорошо знает греческий язык.

Кейлин попрощалась со всеми гостями и обещала Аркадию, что скоро его пригласят на виллу Маре, чтобы начать работу. Касия села в паланкин с Василием, и они тронулись вместе с толпой, покидающей ипподром. Кейлин села в свои носилки.

- Меня вызывают в императорский дворец. - Аспар наклонился к Кейлин, чтобы их не слышали остальные. - Я приказал отряду кавалерии проводить тебя до дома и прибуду к тебе, как только освобожусь.

- За воротами, мой господин, солдаты будут не нужны мне.

Дорога безопасная, оживленная, и еще светло. Пусть они помогут мне пробраться через толпу, а дальше не надо, умоляю тебя.

- Хорошо, любовь моя. - Я пришлю гонца, если задержусь.

Дождись меня, если сможешь, Кейлин.

- Что нужно было от тебя императору, мой господин? - спросила она с любопытством.

- Мое присутствие, больше ничего. Это его манера проверять свою власть, и я послушался, чтобы еще раз убедить его, - мудро заметил Аспар. - Приглашение на банкет, хотя он знает, что мне не нравятся банкеты, - это еще одна проверка. Церковь всегда льет яд в ухо Льва, потому что я не православный. Безоговорочно послушавшись его, я выставил патриарха в

смешном свете. Лев не глупый человек. Он пуглив, да, но не глуп. Меня беспокоит императрица.

- Почему?

- Она честолюбива. Гораздо честолюбивее Льва. Вера хотела бы иметь сына, чтобы он наследовал Льву. Но у них только две дочери. Я не знаю, как они родят сына. Кажется, Лев предпочитает молитву супружескому ложу.

- Если эта добродетель, мой господин, обязательна для императора, ты, конечно, никогда не будешь им, - сказала Кейлин смеясь. - Ты скорее предпочитаешь удовольствие, чем молитву. Я никогда не видела тебя молящимся ни христианскому богу, ни какому другому.

В ответ он прижался губами к ее губам и не спеша, страстно поцеловал ее. Она горячо ответила ему, озорно пощекотав языком у него во рту, а он запустил свою руку ей под платье и начал ласкать ее грудь. Ее соски сразу стали твердыми, и она тихо застонала.

Оторвав губы, он лукаво улыбнулся ей. - Я приеду как можно скорее, любовь моя, - пообещал он, убирая руку из-под платья, предварительно слегка ущипнув ее за сосок.

У нее перехватило дыхание, затем, медленно выдохнув, она пообещала:

- Я буду ждать тебя, мой господин, и сделаю для тебя все, что пожелаешь.

Глава 12

- Ты видел, как он смотрел на нее? - спросила Флацилла Страбо своего мужа Джастина Габраса. - Он любит ее! Он действительно любит ее, - Она злилась.

- Почему ото тебя так беспокоит? - спросил он. - Ты никогда не любила его, и тебя не должна волновать его любовь к ней.

- Это не имеет значения! - оборвала она. - Не будь таким глупым, Джастин! Неужели ты не понимаешь, как его неприкрытая страсть воспринимается окружающими? Он пренебрег мной, но полюбил эту шлюху! Я стану посмешищем среди тех, кто знал нас. Как он осмелился привести ее на состязания и нагло сидеть с ней в ложе на глазах у всех?! Даже если бы никто не знал ее, практически всем в Константинополе известна Касия, особенно теперь, когда она стала любовницей Василия. Как любит Аспар окружать себя мастеровыми, актерами и проститутками!

- Ты становишься некрасивой, когда злишься, моя дорогая жена, - тихо сказал Флацилле Джастин Габрас. - Твое лицо покрывается пятнами. Лучше контролируй свои чувства, особенно на людях. - Он перекатился через спелое, молодое тело девушки-рабыни, которая лежала между ними, и крепко поцеловал Флациллу. - Я не хочу больше говорить на эту тему, Флацилла, любовь моя, и дальнейшее упоминание о твоём бывшем муже только разозлит меня. Ты знаешь, что бывает, когда я злой, - Он провел рукой по телу рабыни. - Давай лучше сосредоточимся на более приятных вещах, например, таких, как наша очаровательная маленькая Лия. Разве она не прелестна, моя дорогая, и не ждет нашего внимания? Верно, Лия?

- О да, мой господин, - покорно ответила девушка, призывно изогнувшись навстречу ему. - Я так люблю ваши ласки!

Джастин Габрас лениво улыбнулся хорошенькой, послушной девушке. Затем, видя, что его

жена все еще не успокоилась, сказал резко:

- Ты хочешь отомстить, Флацилла, но как? Поспешными действиями, которые позволят Аспару нанести ответный удар? Или решила подождать подходящего момента и затем уничтожить их обоих? Я хочу видеть тебя счастливой, моя дорогая. Сделай свой выбор сейчас - и давай покончим с этим. Это начинает сильно раздражать меня.

- Будет ли он страдать? - спросила она. - Я хочу, чтобы он страдал за свой отказ от меня.

- Если дождешься подходящего момента - так, чтобы я мог все тщательно спланировать, - тогда да, он испытает боль. Жизнь Аспара станет адом на земле, обещаю тебе, но ты должна быть терпеливой, Флацилла.

- Очень хорошо, - ответила она. - Я дождусь своего часа, Джастин. Я горю желанием уничтожить Аспара и знаю, что ты, как никто другой, сумеешь выполнить это. Я верю в твои способности творить черные дела. А теперь, кто первый из нас займется Лией? - Флацилла посмотрела на девушку и улыбнулась; - Она, конечно, прелестна, мой господин. Она ведь не девственница?

- Нет, - подтвердил он. - Не девственница. Мне будет приятно, если ты будешь первой, Флацилла. Мне нравится наблюдать, как ты занимаешься любовью с другой женщиной. Должен признать, ты очень хорошо это делаешь и гораздо нежнее с особами женского пола, чем с молодыми мужчинами, которых иногда доводишь до ожесточения.

Она улыбнулась ему:

- Мужчин надо наказывать, а женщин лелеять. Нежно любимая женщина дает намного больше, чем униженная.

- Тогда Аспар в самом деле должен любить прекрасную Кейлин, - заметил он грубо. - Он смотрит на нее с любовью, и его восхитительная красотка десятикратно отвечает ему тем же. Если, как ты утверждаешь, он любит ее, то, уверен, она отвечает ему взаимностью.

- И это, - сказала она на удивление спокойно, - сделает нашу месть еще сладостнее, не так ли, Джастин, мой господин? Он засмеялся:

- Мы с тобой оба злодеи, Флацилла. Интересно, что подумала бы о тебе твоя подруга императрица, если бы узнала твой истинный характер? Прекрасная Вера была бы потрясена! Клянусь, когда-нибудь она окажется в моей постели! Она созрела для протеста, ты знаешь. Лев совсем не уделяет ей внимания и вместо того, чтобы заниматься с ней любовью, предпочитает на коленях вымаливать наследника. Так болтают при дворе.

В тот же самый день императрица, о которой говорил Джастин Габрас, собрала небольшую компанию, состоящую из ее брата и двух надежных служанок. Они вышли из залива на судне, чтобы совершить прогулку по летнему морю к западу от города. Стоял чудесный день, и их судно оказалось не единственным, скользящим по зеленовато-голубым водам в этот полдень. Ветер мягко гнал судно. Солнце ярко светило на безоблачном небе. Василий плавал по этому небольшому внутреннему морю еще подростком, ему был хорошо знаком извилистый берег и течения. Поэтому решили обойтись без лодочника - лишний свидетель не нужен. Верность женщин, сопровождавших императрицу, не подлежала сомнению. Они не выдали бы свою хозяйку даже под пытками.

Кейлин не знала, когда именно императрица прибудет на виллу Маре. Она не любила скрывать

что-либо от Аспара и все рассказала ему на следующее утро после посещения ипподрома. Он спокойно, с серьезным лицом слушал ее отчет о тайном вызове Веры и его результате.

- Что бы то ни было, - сказал он, - это, вероятно, очень важно для нее.

- Она согласилась содействовать нашему браку, если ты поможешь ей, - продолжала Кейлин. - Но я очень опасаясь, что она втянет тебя в какие-нибудь неприятности.

- Я не смогу сделать то, что хоть чуть-чуть пахнет изменой, - ответил он. - Честь всегда была моей крепостью. Как бы сильно я ни любил тебя и как бы сильно ни хотел увидеть тебя моей женой, я не пойду на сделку с совестью, Кейлин. Ты понимаешь это?

- Я не смогла бы любить тебя, Флавий Аспар, если бы ты не был честным человеком, - сказала Кейлин. - Запомни, я воспитывалась в традициях Римской империи. Там честь ценилась превыше всего. Эта традиция сохранялась веками даже тогда, когда мы стали британцами, мой господин. Я никогда не попрошу от тебя ничего бесчестного. Однако нам не вредно послушать, что скажет императрица.

- Разумеется, я выслушаю, - пообещал он. - Если Вера собирается сделать какую-нибудь глупость, может быть, я смогу отговорить ее.

Однако цель визита императрицы оказалась совсем неожиданной. Преодолевая опасения, она все объяснила Аспару наедине в его саду, в то время как Кейлин и служанки удобно устроились в атриии, где Василий развлекал их. Вера была бледна, очевидно, ночью плохо спала. Она беспокойно ходила, нервно теребя полы своей одежды, Аспар старался ободрить ее.

- Кейлин рассказала мне о вашей встрече в день состязаний, - начал он. - Не таитесь от меня, госпожа. Что вы хотите от меня?

- Я хочу знать, поддержите ли вы меня, Флавий Аспар, если возникнет кризис? - тихо спросила императрица.

- Я буду говорить прямо, госпожа. Речь идет об измене? Вера побледнела еще больше.

- Нет! Нет! - прошептала она. - Наверное, я плохо объяснила. Ситуация смущает меня. О, как же мне сказать?

- Прямо, - ответил он. - Что бы вы ни сказали, это останется между нами. Гарантирую вам конфиденциальность разговора, если это не связано с изменой. Вам нечего бояться меня. Что беспокоит вас, что заставило вас тайно обратиться за помощью ко мне?

- Это касается священников, которые окружили моего мужа, - решила Вера. - Они внушают ему, что я одна виновата в том, что у нас нет сына. Я хочу сына! Но как мы можем родить его, если Лев не приходит ко мне? Он никогда не был особенно страстным мужчиной, а в последние годы вообще перестал посещать мою постель.

Священники - его ближайшие друзья. Они убедили его молиться и просить Бога дать нам сына, но ведь это смешно - пока муж снова не соединит свое тело с моим, ребенка не будет. Я даже тайно привела во дворец Касию, куртизанку, фаворитку моего брата, чтобы она обучила меня приемам соблазнения. Я хотела использовать их, чтобы привлечь мужа, но, увы, это не помогло! - прошептала императрица, и ее голубые глаза наполнились слезами. - Теперь священники заставляют мужа отправить меня в монастырь и оставить там до конца жизни, чтобы Лев мог взять новую, молодую жену, которая, как они уверяют, сможет родить ему сына.

Я уже давно не девочка, – проговорила Вера с достоинством, – но способна родить ребенка, если бы для этого представилась возможность. Эти ужасные священники в самом деле ищут для моего мужа жену, которую заставят шпионить за ним!

– А что конкретно вы хотите от меня? – спросил Аспар.

– Лев одновременно боится и уважает вас, мой господин, – сказала императрица. – Уважение окрепло после долгих лет службы у вас, а страх проистекает от того, что вы посадили его на трон. Иногда он думает, что вы можете и сместить его. Он быстро привык к своему положению. Священники нашептывают ему на ухо разные гадости о вас, – продолжала Вера. – Они говорят, что вы хотите править, используя его, и если решите свергнуть его, то сами сядете на трон.

– Стать императором? – удивился Аспар. – Лев знает – я не стремлюсь к трону. Если бы мне нужен был трон императора, он давно был бы моим. Мне надо было только отречься от моей веры и стать православным, духовенство поддержало бы меня, и императорская корона давно бы уже покоилась на моей голове.

– Я понимаю это, мой господин, вот почему я пришла к вам. Ваши намерения честны, вы один из немногих, кто по-настоящему предан Византии, а не какой-то клике или какому-то человеку. Помогите мне вновь занять место рядом с мужем, несмотря на злобу тех, кто окружает его. Если вы поможете мне и защитите от врагов, обещаю, что Лев даст разрешение на ваш брак с Кейлин Друзас.

Аспар сделал вид, что думает над ее предложением, хотя уже решил помочь ей. Император и так в долгу перед Флавием Аспаром. Если и его жена будет обязана ему – что же, тем лучше. Его положение станет еще прочнее. Нельзя допустить, чтобы Лев стал отцом ребенка от другой женщины. Лев предпочитает посты и молитвы горячей, сладостной страсти. Аспар подозревал, что император на самом деле втайне рад, что его освободили от такой обязанности. Вера всегда была ему верной женой. А он предпочитал старое и знакомое чему-то новому.

«Нет, – подумал Аспар, – я не хочу быть императором. Я хочу, чтобы мой сын стал императором». Поскольку Лев и Вера у него в долгу, через несколько лет он добьется помолвки между своим младшим сыном Патрицием и младшей дочерью императора, принцессой Ариадной. Сначала брак, а потом он убедит Льва сделать Патриция своим наследником.

– Я буду вашим сторонником, госпожа, – наконец промолвил Аспар. Императрица с явным облегчением упала в его объятия. – Священники превысили свою власть. Их единственный долг – заботиться о душе императора. Я лично сообщу патриарху, что очень возмущен их деятельностью. После этого я буду знать, можем ли мы рассчитывать, что он положит конец этому безобразию. Я действительно возмущен тем, что священники, которых выбрали, чтобы заботиться о душе Льва, злоупотребляют своим положением. Я должен прекратить это. Вы очень правильно поступили, обратившись ко мне за помощью.

Успокоившись, Вера гордо выпрямилась:

– Не считайте меня неблагодарной, мой господин. Увидите, пройдет немного времени – и вы с Кейлин Друзас получите разрешение узаконить свои отношения в церкви. Даю вам слово, а вы знаете, моему слову можно верить.

– Благодарю вас, госпожа, – тихо сказал Аспар.

- Нет, - ответила она, - это я должна благодарить вас, Флавий Аспар. Можно только пожелать, чтобы на службе в Византии было побольше людей, подобных вам.

Когда императрица и ее спутники отправились назад в Константинополь, Аспар и Кейлин пошли в сад, где никто не мог их услышать. Он спокойно объяснил ей, что именно нужно Вере от него и как он согласился помочь императрице в ответ на ее помощь.

- Ты должна постараться угодить отцу Михаилу, чтобы он допустил тебя к крещению, - объяснил Аспар. - Когда придет время и будет принято решение в нашу пользу, я хочу, чтобы не осталось препятствий нашему браку. Женитьба на православной женщине благоприятно отразится на моем положении. Ты даже не представляешь, любовь моя, какая это защита.

Она не стала спрашивать, что это значит. Кейлин знала:

Аспар поделится с ней, когда придет время.

- Очень хорошо, - согласилась она, - я перестану задавать отцу Михаилу трудные вопросы и смиренно приму все, что он говорит, с покорностью добропорядочной христианки, хотя думаю, что законы и правила, навязанные церковью, очень глупые. Я должна почему-то соглашаться с тем, что говорил Иисус из Назарета. Некоторые заповеди я принимаю, но многие мне не совсем понятны. - Она обняла его за шею и крепко прижалась к нему всем телом. - Я хочу быть твоей женой, Флавий Аспар. Я хочу детей от тебя, хочу гордо гулять по улицам Константинополя на зависть всем.

Они вместе прошли через сады и спустились к берегу, где сняли свои одежды. Взявшись за руки, они вошли в теплое море. Недавно он научил ее плавать, и в воде Кейлин чувствовала себя свободной. Смеясь, она дразнила его и проказничала в волнах, пока он не поймал ее. На берегу, опрокинув ее на спину, он пылко овладел ею на том же самом месте, где впервые воскресил ее страсть. Крик блаженства смешался с криками чаек, парящих над ними. Его собственные крики утонули в шуме прибоя. Потом они лежали, пресытившиеся и довольные, под ярким солнцем, ласкавшим их тела.

Миновал двадцатый день рождения Кейлин. Лето пронеслось чередой длинных солнечных дней и горячих страстных ночей. Она никогда не предполагала, что мужчина может обладать такой силой, особенно в его возрасте. Его страсть к ней не убывала.

Василий с Касией регулярно навещали их, и, когда Аспар подтрунивал над неожиданной любовью друга к сельской местности, Василий возбужденно заявлял:

- В такую жару город похож на выгребную яму, ходят слухи о чуме. Кроме того, у тебя достаточно комнат, да и вам не следует слишком уединяться.

Василий передавал также тайные послания от Веры.

Аспар действительно обратился прямо к патриарху и выразил ему свое крайнее недовольство намерением отстранить императрицу. Аспар резко заявил главе византийского духовенства, что другая жена окажется не лучше. Лев ошибается, избрав аскетическое существование, позволяющее ему заниматься только управлением государством и не обременять себя при этом плотской стороной жизни. Существует множество мужчин, готовых следовать за Львом, но мудрый и набожный император редко благоволит к Византии. Императрица, как сказал Аспар патриарху, поняла это. Она искала способ защитить своего мужа от вредного влияния. Она добродетельна и бескорыстно преданна. Аспар убежденно отметил, что нарушить спокойствие ее духа безнравственно, несправедливо и вряд ли угодно Богу.

Василий сообщил, что старые священники, окружавшие императора, устранены и переведены в отдаленные монастыри. Новые заняли свои места и, кажется, посвятили себя только душе императора. Императрица почувствовала облегчение и благодарна, что дамоклов меч больше не угрожает ее красивой, светлой голове. Через брата она сообщила, что помнит свое обещание. Она уже начала убеждать Льва, что он должен поспособствовать браку между первым патрицием империи и Кейлин Друзас, молодой вдовой-аристократкой из Британии, которая скоро примет православную христианскую веру.

Ранней осенью Аспара послали в Адрианополь, где у правителя города возникли трудности с двумя соперничающими общинами, которые угрожали анархией в городе. Одна из группировок исповедовала православное христианство, а другая – арианскую веру. Так как Аспар был арианцем, служившим православному правителю, ему было легче общаться с этими двумя религиозными общинами и найти разумное решение, чтобы восстановить мир между ними. Люди уважали Аспара.

- Хотелось бы взять тебя с собой, – признался он Кейлин ночью перед отъездом, – но придется все время находиться в разъездах. Эти фанатики поссорились друг с другом из-за пустяков, но до тех пор, пока не утихнет злость, они вызывают ужасные разрушения и гибель людей.

- Я могу стать причиной твоей слабости, – сказала она. – Без меня ты будешь действовать более решительно, сможешь навести порядок, мой господин. Убивать и разрушать из-за религиозных взглядов – сумасшествие, но это случается довольно часто.

- Ты будешь превосходной женой! – произнес он восхищенно.

- Почему? – спросила она. – Потому, что разделяю с тобой твою страсть, или потому, что не жалею, когда ты покидаешь меня?

- И то и другое, – ответил он с улыбкой. – У тебя врожденная способность понимать людей. Ты знаешь, что я должен примирить эти фанатичные группировки в Адрианополе, и не отвлекаешь меня от выполнения моего долга. Те, кто противится нашему браку, скоро увидят, как они ошибались, и поймут, что Кейлин Друзас – единственная подходящая жена для Аспара.

- Я не отвлекаю тебя? – Она притворилась обиженной и, приподнявшись, посмотрела в его красивое лицо. Ее острый маленький язычок медленно, призывно жалил его губы. Глаза ее потемнели от страсти, и, обхватив руками груди, она начала ласкать свои соски. – Могу я хоть чуточку отвлечь тебя, мой господин?

Он наблюдал сквозь полуприкрытые веки, как она забавлялась, с блуждающей улыбкой на губах. Он знал, что ее уверенность в его любви позволяла ей быть дерзкой, и это, несомненно, нравилось ему. «Она так молода и так красива», – думал он, лениво поглаживая ладонями ее талию. Иногда, глядя на нее, он удивлялся, что, несмотря на его возраст, она все еще любит его. Она улыбнулась и нежно поцеловала его, а он, успокоенный, понял, что она всегда будет любить его, ведь от природы она честная и верная. Его пальцы сомкнулись вокруг ее талии, и он слегка приподнял ее, давая возможность возбужденному члену распрямиться.

- Ты очень отвлекла меня, любовь моя, – проговорил он нежно, медленно опуская ее и глубоко погружаясь в теплое блаженство ее горячей, влажной плоти. Затем, резко притянув к себе, он крепко поцеловал ее, быстро перевернул ее на спину и оказался сверху. – И засим приговорена провести остаток дней своих, отвлекая меня, Кейлин! – нежно прорычал он ей в ухо, осторожно двигаясь в ее трепещущем теле. – Я обожаю тебя, любовь моя, и скоро ты навечно станешь моей! Моей женой! Свежей, яркой половиной моей темной, темной души!

- Я люблю тебя, Флавий Аспар, - сказала она, всхлипывая, а затем снова унеслась в блаженный мир. Ее сердце высоко парило вместе с ним. А если она в его сердце и в его объятиях, тогда почему же ей так страшно? Но когда высшее блаженство охватило ее, Кейлин застонала от наслаждения, страхи мгновенно были забыты в его спокойных, надежных объятиях. Счастливая, она прижалась к нему и уснула.

Когда утром она проснулась, он уже уехал. Нелвин принесла поднос со свежей простоквашей, спелыми абрикосами, горячим хлебом и горшочком меда.

- Мастер Аркадий спрашивает, будете ли вы позировать ему сегодня. Он говорит, что почти закончил и мог бы к концу недели завершить работу, если вы поможете, Я думаю, он хочет вернуться в Константинополь. Лето кончилось. Он поговаривает об осенних состязаниях.

- Передай, что я приду через час, - сказала Кейлин. - Мне хочется, чтобы статуя была закончена и установлена на пьедестал в саду до возвращения моего господина. Это будет моим свадебным сюрпризом для него.

- Я никогда прежде не видела ничего подобного, - призналась Нелвин. - Это так красиво, госпожа. Я думала только боги могут создавать такое.

- Статуя представляет Венеру, древнюю богиню любви, - пояснила Кейлин. - Я только позировала для Аркадия.

Кейлин поела, приняла ванну и пошла в студию к скульптору. В присутствии Нелвин она сняла тунику и приняла нужную позу. Он работал некоторое время, бросая взгляд то на глиняную фигуру, которую он лепил, то на Кейлин. Когда Аркадий заметил, что она начала уставать, он прекратил работу. Кейлин надела тунику, и они вышли в сад посидеть на солнышке, выпить охлажденного апельсинового сока и полакомиться кунжутными пирожными, которые принес Зиновий.

- Скоро я лишусь вашей компании, - начала разговор Кейлин. - Мне доставляло удовольствие слушать ваши невероятные сплетни и узнавать многое, с чем мне придется столкнуться, когда я выйду замуж за Аспара.

- Ваша жизнь не будет легкой, - ответил он откровенно. - Придворные, с которыми вы захотите подружиться, станут избегать вас. Даже те, кому вы понравитесь, не пойдут на дружеские отношения. Особенно остерегайтесь людей, которые будут стремиться подружиться с вами из-за Аспара или из желания соблазнить вас. Ваша добродетель в свете сплетен, окружающих вас, поистине сводит их с ума.

- Как противоречивы византийцы, - сказала Кейлин. - Вы придерживаетесь религии, которая проповедует добродетель, и все-таки среди вас царит зло. Я не понимаю ваш народ.

- Все очень просто, - объяснил Аркадий. - Богатые хотят власти и богатства. Это дает им ощущение вседозволенности. Они жестоки и алчны. Вот тут-то вера приходит на помощь - ведь стоит только покаяться, и грехи отпускаются. Красота, можно грешить снова.

Это характерно не только для Византии, Кейлин. Все цивилизации достигают апогея на некотором этапе своего развития. Менее богатые подражают более богатым, а бедные так и живут в нищете, так как захватившая власть бюрократия и благодетельный правитель разрешают им играть в свободу. Хлеб и зрелища, моя дорогая девочка, позволяют править бедными, за исключением тех редких случаев, когда возникают чума, голод или война. Когда такое случается, даже императоры не удерживаются на своих тронах. - Он засмеялся. - Я

циник, как вы, наверное, заметили.

- А я хочу так мало, - ответила Кейлин. - Выйти замуж за моего дорогого господина и, если боги того пожелают, родить ему ребенка. Я не покину эту виллу, здесь выращу детей и буду радоваться тому, что имею. Я не хочу участвовать в интригах, Аркадий.

- Вам не удастся избежать их, милая девушка, - усмехнулся он. - Аспар - это не просто аристократ с загородным поместьем, куда он может удалиться. Эта идиллия не будет продолжаться после вашей свадьбы. Вам придется занять место во дворце как жене первого патриция империи. Послушайтесь моего совета, милая девушка, и не связывайтесь ни с какой фракцией, как бы настойчиво они ни соблазняли вас присоединиться к ним, - а они обязательно попытаются сделать это. Вы должны сохранять нейтралитет, как это делает Аспар. Он предан только Византии.

- А я предана только Аспару, - сказала она тихо, но твердо.

- Это хорошо. О, милая девушка, теперь я вижу, что вас не соблазнят песни сирен при дворе. Вы так благоразумны! А теперь давайте вернемся к работе, которая обессмертит вас. У вас слишком роскошные формы для такой практичной женщины.

- Расскажите мне о состязаниях, ради которых вы так стремитесь вернуться в город, Аркадий, - попросила Кейлин после того, как снова приняла позу. - Я думала, что состязания бывают только в мае, в день основания города, и не знала, что они проводятся и в другое время. Опять будут гонки колесниц? Мне понравились гонки.

- Состязания проводятся несколько раз в году, - ответил он, - но это особые состязания, которые устраивает Джастин Габрас в честь брака с бывшей женой Аспара, Флациллой Страбо. Он не мог организовать их раньше, потому что весной проходили майские игры, а летом слишком жарко. Поэтому Джастин Габрас приурочил состязания к шести месяцам со дня его бракосочетания с Флациллой. С утра состоятся гонки колесниц, а после полудня - бои гладиаторов. Мне говорили, что Габрас заплатил за смертельные поединки.

- Я никогда не видела гладиаторов, - сказала Кейлин. - Они сражаются с мечами и щитами, не так ли? А что означают смертельные поединки?

- Ну что же, милая девушка, - начал Аркадий, - я вижу, это еще один пробел в вашем образовании, который я должен заполнить. Бои гладиаторов начались еще в древней Кампании и Этрурии, откуда появились наши предки. Первыми гладиаторами были рабы, которые сражались друг с другом до смертельного исхода ради удовольствия хозяев. Такие состязания, очевидно, пришли в Рим, но они проводились только в дни траура в честь заслуженных людей. Затем бои гладиаторов начали устраиваться частным образом. В конце концов гладиаторов стали регулярно включать в программу на декабрьских состязаниях во время сатурналий, а политики и те, кто нуждался в поддержке народа, финансировали бои гладиаторов в другое время. Публике нравились атмосфера возбуждения и обилие крови на таких состязаниях.

Сначала гладиаторами становились пленники, захваченные на войне, которые предпочитали рабству смерть. Они были опытными бойцами. Однако вскоре поток пленников уменьшился и возникла необходимость обучать мужчин, готовых стать бойцами. Многих преступников заставляли выходить на бой, но даже эти меры не обеспечивали возросшую потребность в гладиаторах. Тогда стали обвинять многих невинных людей в незначительных проступках и приговаривать их к выходу на арену. Первых христиан приносили в жертву. Когда не хватало мужчин, сражаться на арену посылали женщин и даже детей.

- Какой ужас! - воскликнула Кейлин, но Аркадий невозмутимо продолжал:
- В Капуе, Риме и Помпее, а также в других городах создавались школы гладиаторов. Некоторые школы принадлежали богатым аристократам, так что они могли тренировать своих собственных бойцов, а другие принадлежали людям, торгующим гладиаторами. Школы разрастались. Тренеры разрабатывали методику обучения, систему питания. Однако со временем гладиаторами становились и свободные граждане, которые сами сделали свой выбор.
- Не могу понять почему, - вставила Кейлин. - Звучит ужасно. А какое оружие они применяют, Аркадий? И как они сражаются?
- Обычно парами, - объяснил он, - хотя в прошлом на бой выставляли одну группу гладиаторов против другой. Как Правило, мало кому удавалось остаться на ногах. Профессиональные гладиаторы делились на три типа: самниты - с тяжелым оружием, трасианцы - легковооруженные, и те, кто выходил с сетями. Гладиатор с сетью был также вооружен кинжалом и копьем.
- Вы еще не рассказали о смертельных схватках, - заметила Кейлин.
- Бойцы сражаются, пока один не падет, если, конечно, Габрас не проявит милосердия к проигравшему. Зная Джастина Габраса, я сомневаюсь, чтобы он так поступил. Он добьется большей популярности среди зрителей, если предоставит им кровавое зрелище.
- Какой ужас! - повторила Кейлин, содрогнувшись. - Не думаю, что мне понравятся бои гладиаторов.
- Это добавляет остроту поединкам, - продолжил Аркадий. - При таких условиях соперники должны в совершенстве владеть оружием.
- Меня удивляет, что свободные люди соглашались сражаться на таких условиях, - сказала Кейлин. - Знать, что тебя могут убить, - это страшная перспектива. - Она вздрогнула.
- Но всегда есть шанс, что тебя не убьют, - заметил он. - Кроме того, гонорар за смертельный поединок намного выше, чем за обычное сражение. До меня дошел слухок, что на состязаниях Габраса должен выступать очередной непобедимый чемпион, человек по прозвищу Саксонец.
- Мне жаль его, - вздохнула Кейлин. - Если он непобедимый чемпион, то остальные постараются приложить все силы, чтобы одолеть его. Он здорово рискует.
- Верно, - согласился Аркадий, - но это будет самый захватывающий поединок. Вы можете спуститься, Кейлин, и одеться. Я закончил. - Он отступил назад, любуясь своей работой. - Свершилось, и я думаю, это один из моих шедевров. - Он старался казаться сдержанным. - Аспар будет доволен и не поскупится заплатить за мои старания.
- А что с пьедесталом? - спросила она. - Я хочу установить статую в саду лицом к морю до приезда Аспара из Адрианополя.
- Мой ученик в городе работает над пьедесталом, моя дорогая, - сказал он. - Самый редкий мрамор, смесь розового с белым. Я даже не знаю, откуда он взялся. Мы нашли его под кучей тряпья на задворках моей студии. Я сразу понял, куда пристрою его. Теперь взгляните...

Кейлин надела тунику и обошла статую вокруг. Юная Венера, как нравилось Аркадию называть ее, стояла в слегка изогнутой позе: одна рука на боку, другая поднята, ладонь

повернута, как будто прикрывает глаза от солнца. Волосы были собраны в пучок, но беспорядочные локоны спадали вниз и вились вокруг ее изящной шеи и нежных ушей.

На лице просвечивала слабая улыбка. Лицо и фигура были чисты и безмятежны.

- Это великолепно, - наконец произнесла Кейлин, искренне восхищаясь мастерством скульптора. Ей казалось, что она может различить биение пульса во впадинке на шее Венеры. Каждый ноготок на руках и ногах был прекрасен...

- Ваша оценка - самая лучшая похвала, - промолвил Аркадий тихо. В ее глазах он видел восхищение не тем, как он изобразил ее, а его талантом, его мастерством. «Отсутствие фальши в этой женщине позволило мне создать шедевр», - подумал Аркадий. Ведь придворные женщины начинают жаловаться, что он недостаточно точно уловил их сущность, а потом всегда пытаются надуть его при расплате. А это самое приятное завершение работы. Завтра он вернется в город и начнет установку шести фигур для алтаря в новой церкви, построенной в Константинополе. - Когда пьедестал будет готов, милая девушка, - сказал он, - я сам приеду устанавливать статую. Думаю, Флавий Аспар останется доволен тем, что мы вместе сотворили.

На следующий день после его отъезда Кейлин обнаружила, что ей недостает компании скульптора. Он был обаятельным и забавным собеседником. Нелвин - прелестная девушка, но очень простая. Кейлин говорила с ней только о домашних делах. Тем не менее других собеседников не было, и Кейлин радовалась ее присутствию.

Урожай в поместьях Аспара собрали хороший, и, когда Кейлин гуляла с Нелвин по полям, она снова обдумывала возможность разведения лошадей у Аспара для состязаний колесниц. Арендаторы в поместье выращивали траву и зерно. Многие пастбища вполне можно использовать под выпас лошадей. Если Аспару потребуются дополнительная земля, он может приобрести ее у землевладельцев, обремененных чрезмерными налогами, чьи территории граничат с его землями. Надо обсудить это еще раз, когда он вернется.

Касия приехала погостить на несколько дней и привезла новости из города.

- Василий клянется, что Лев даст согласие на брак, когда вернется Аспар. Кажется, действия генерала в Адрианополе увенчались успехом. Казна Льва не пострадает, если он наградит своего генерала тем, что он желает. Да, кстати, Аркадий закончил статую?

- Несколько недель назад. Скоро привезут пьедестал, чтобы установить статую в саду. Я хочу сделать это до возвращения Аспара, - сказала Кейлин, - Хочешь взглянуть на нее, Касия?

- Конечно! - Прекрасная куртизанка улыбнулась. - Ты думаешь, я просто так спросила о ней? Я умираю от любопытства.

- Аркадий называет ее «Юной Венерой», - пояснила Кейлин, снимая покрывало со статуи в летней студии скульптора. - Как она тебе нравится?

Касия застыла, очарованная, затем наконец промолвила:

- Он прекрасно уловил твою сущность, Кейлин. Твою молодость, красоту, эту очаровательную невинность, которую выражает твое лицо, несмотря на все пережитое. Да, Аркадий уловил саму душу. - Она взяла Кейлин за руку и пожала ее. - Скоро мы не сможем больше продолжать нашу дружбу.

- Почему? - спросила Кейлин. - Потому что я стану женой Аспара, а ты любовница Василия?

Нет, Касия, я не играю в их жестокие игры. Мы в любом случае останемся подругами.

Прелестные глаза Касии наполнились слезами:

- У меня никогда не было подруги, Кейлин Друзас. Надеюсь, все будет так, как ты говоришь.

- У меня тоже никогда не было подруги, Касия. Антония Порция притворялась моей подругой, хотя я всегда об этом знала. Друзья не предают. Мы никогда не предадим друг друга. А теперь расскажи мне о городских новостях.

Они прошли вниз к пляжу, сели на песок, и Касия сообщила ей последние городские новости:

- Жена Василия Евдокия наконец соблазнила юного стражника. Это тот самый парень, который сопровождал тебя к императрице. Его семя оказалось очень плодородным, и бедная Евдокия практически сразу забеременела, несмотря на все старания избежать этого. Василий взбешен. Она хотела избавиться от ребенка, но он не позволил. Он отправил ее рожать домой к родителям, за пределами Эфеса.

- Не пойму, почему он проявляет такую снисходительность, учитывая ваши отношения, - сказала Кейлин с легкой улыбкой.

- Это кажется несправедливым, - согласилась Касия, - но ты должна помнить - правила для мужчин и женщин различны. Василий проявил снисходительность к Евдокии, потому что она добропорядочная жена и мать. Она вовсе не распутница, как Флацилла. Вот почему он позволял ей маленькие шалости. Однако беременность - это опрометчиво. Евдокии надо было проявить осторожность. Ребенок появится в начале следующего лета, его отдадут на усыновление в хорошую семью. Несчастливая Евдокия останется в Эфесе до его рождения. Я не против. Василий теперь свободен и уделяет мне больше времени. Его дети выросли и не нуждаются в нем.

- Не представляю, что они будут думать о своей матери, - вздохнула Кейлин.

- Сын Василия знает правду - он чуть не убил несчастного стражника. Василий доходчиво объяснил ему, что никто не имеет права убивать человека за то, что сделано по обоюдному согласию. Что касается дочерей, им ничего не известно, или по крайней мере он надеется, что это так. Девочкам сказали, что их мать уезжает в Эфес позаботиться о больных родителях. Василий отправил дочерей в монастырь Святой Варвары до возвращения матери. Кто знает, что они могут натворить, оставшись без присмотра! Девочки очень изобретательны.

- Откуда ты родом? - вдруг спросила Кейлин свою подругу, глядя на воду. - Кажется, однажды ты говорила, что из Афин. Где это?

- Это город на берегу Эгейского моря к югу от Константинополя. Я родилась в публичном доме, которым владела моя мать. Мой отец был чиновником, я его помню, очень неприятный человек. Когда он умер, власти прикрыли дом. Мне было тогда всего десять лет, и меня сразу продали в рабство. Я не знаю, что случилось с моей матерью и маленьким братом. Затем меня отправили в Константинополь, где я попала к Иоанну на виллу Максима. Мне очень повезло, - продолжала Касия. - Ты знаешь, как хорошо они содержат детей на вилле Максима. Они учили меня читать, писать и решать простые арифметические задачи. Обучали манерам, искусству угождать мужчинам и женщинам, которые покровительствовали заведению. Когда мне исполнилось тринадцать, мою невинность продали с аукциона по высокой цене. Иоанн и Фока никогда раньше не получали такого дохода за девственницу, - с гордостью произнесла она. - Поскольку меня хорошо обучили, как доставлять удовольствие мужчинам, и у меня

обнаружился настоящий талант в этом деле, я стала очень популярной. Иоанн дал мне право отвергать тех, кто мне не нравится. Он научил меня быть разборчивой. Это был превосходный совет. Чем разборчивее я была, тем отчаяннее мужчины хотели обладать мной и тем больше становилось желающих платить высокую цену. Я начала получать великолепные подарки от своих богатых любовников. – Касия улыбнулась. – Потом пришел Василий, и скоро я поняла, что он хочет большего. Его не устраивали случайные визиты. Я намекнула, что это осуществимо. Он предложил мне собственный дом в хорошем районе, и тогда я выкупила свою свободу на вилле Максима.

– Сколько тебе лет? – спросила Кейлин.

– Я старше тебя всего на год, – ответила Касия. Кейлин удивилась. Касия казалась старше, да и как могло быть иначе? «Когда я играла с куклами, – подумала Кейлин, – Касия получала уроки в публичном доме».

– Как долго ты будешь оставаться любовницей Василия? – спросила она подругу. – Я имею в виду... ну... ты меняешь любовников? Разве один-единственный не надоедает тебе?

Касия засмеялась. Если бы вопрос исходил от кого-то другого, она бы обиделась, но она знала: Кейлин не хотела оскорбить ее, а спросила из любопытства.

– Одного любовника, подруга, на самом деле вполне достаточно, – сказала она. – Отвечая на твой следующий вопрос, скажу, что я останусь с Василием до тех пор, пока это нравится нам обоим. Мы с ним никогда не поженимся, в отличие от тебя с Аспаром. Я не аристократка, как ты, Кейлин Друзас.

– Однако мое происхождение не защитило меня от беды, – тихо промолвила Кейлин. – Все-таки хотя я и жаловалась однажды, что фортуна не улыбнулась мне, я ошиблась. Я потеряла мужа и ребенка, но Бог дал мне Аспара. О, Касия! Он хочет детей, и это в его-то возрасте!

Касия слегка пожала плечами:

– Тебе лучше, дорогая подруга, чем мне. Боюсь, я не смогу быть матерью. К счастью, мой принц удовлетворен способностью своей жены производить потомство – когда оно его собственное.

Они ушли с пляжа и расположились в атриум у пруда с рыбками, потягивая приятное вино и наслаждаясь сладкими пирожными, которые жена Зиновия Анна приготовила для них. – Город, – начала Касия, – с волнением ожидает состязаний, которые устраивает Джастин Габрас на ипподроме через несколько дней. Он привез гладиаторов для смертельных поединков. Я сгораю от нетерпения!

– Аркадий рассказывал, – вспомнила Кейлин. – Я рада, что мне не придется смотреть на это. Это так ужасно!

– Во все нет, – возразила Касия. – Тебе следует посмотреть. Хорошие гладиаторы – великолепное зрелище, но теперь их редко показывают. Церковь не одобряет это зрелище, но я готова спорить, что и патриарх, и его фавориты – все будут там в своей ложе завывать вместе с остальными от желания видеть кровь. – Она засмеялась. – Ужасные лицемеры! Мне жаль, что ты не пойдешь. Мне придется сидеть на трибуне, но я не пропущу эти бои ни за что на свете. Там будет сражаться Саксонец. Говорят, он не проиграл ни одного поединка. Кажется, он не боится смерти, и мне говорили, что он ненасытен во всех остальных своих желаниях.

Касия прогостила на вилле Маре три дня. За день до ее отъезда прибыл Аркадий, который привез пьедестал для «Юной Венеры». Несколько мускулистых помощников помогли перетащить статую от студии до сада. Молодые женщины с интересом наблюдали, как они работали, с трудом сдерживая смех при взгляде на скульптора, который суетился и злился на работников. Наконец «Юную Венеру» установили на розовато-белое мраморное основание лицом к морю. Аркадий облегченно вздохнул:

- Ну как? Что вы думаете?

- Касия заметно волновалась и не скрывала этого. Кейлин просто поцеловала скульптора в щеку, заставив его покраснеть от удовольствия.

- Правда, это изумительно? - обратился он к ним.

- Оставайтесь с нами на ночь, - пригласила Кейлин.

- Да, - поддержала Касия. - Вы можете вернуться в город утром со мной в моем паланкине, Аркадий. Это гораздо приятнее, чем возвращаться назад вместе со своими работниками, которые пахнут луком и потом.

Аркадий пожал плечами в ответ на ее весьма наглядное и точное описание.

- Ну что же, останусь, пожалуй, - согласился он, одновременно давая указания мастеру забрать людей и возвращаться в Константинополь. Затем, повернувшись к женщинам, добавил:

- Гладиаторы прибыли вчера. Они прошли через весь город при всех регалиях, вызывая интерес к предстоящим состязаниям. Публика уже сходит с ума. Не могу сказать, сколько женщин попадало в обморок при виде чемпиона. Он, откровенно говоря, могучего телосложения. Я подобных экземпляров не видел. Жалко, если его убьют, но пока он продолжает успешно сражаться.

Касия и Аркадий, горожане до мозга костей, болтали до самого вечера; Кейлин молча слушала всевозможные сплетни, хотя ей очень хотелось добраться до своей тихой спальни. Ей не давала покоя мысль о возможных интригах при дворе. Может быть, Аркадий ошибается...

Проводив гостей, Кейлин поплавала в спокойном, теплом море, затем загорала на берегу, обсыхая на осеннем солнышке. Мир прекрасен, и она наслаждалась им. Она уснула, а когда проснулась, то ощутила прилив энергии и неожиданно почувствовала, что очень соскучилась по Аспару.

Глава 13

Аспар вернулся на виллу Маре поздно вечером следующего дня и тотчас увлек Кейлин в постель. Рано утром, утолив желание, они лежали и беседовали.

- Я прибыл в Константинополь вчера днем, - рассказывал он, - и немедленно доложил Льву. Трудности в Адрианополе удалось преодолеть. В городе снова воцарился мир. Однако надолго ли, не могу сказать. У меня не часто хватает терпения слушать весь этот бред относительно веры. Как глупы люди!

- Таких очень много на свете, - ответила Кейлин, - я согласна с тобой, милый. Большинство людей считают, что жизнь - сложная головоломка, но я думаю, что это не так. Все мы повязаны одной ниточкой, все человечество. Если бы мы отбросили в сторону наши различия и

объединили свои судьбы этой самой ниточкой, между нами больше не было бы противоречий.

- Ты слишком молода, чтобы быть такой мудрой. - Он поцеловал ее, а затем продолжил:

- Хочешь знать, какую награду я получил за услугу Византии? - Он улыбнулся, и его карие глаза озорно сверкнули.

Сердце Кейлин учащенно забилося. Она даже не могла спросить его вслух и только кивнула головой.

- Тебя должен крестить первого ноября сам патриарх в своей часовне в императорском дворце, - сказал Аспар. - Затем патриарх обвенчает нас. Лев и Вера согласились стать нашими официальными свидетелями. Разумеется, тебе надо выбрать византийское имя.

Она открыла рот. Это правда!

- Анна Мария, - произнесла она, справившись с волнением. - Анна - в честь твоей жены, матери твоих детей, а Мария - в честь матери Иисуса.

- Ты сделала хороший выбор, - одобрил он. - Никто не сможет возразить, но я всегда буду звать тебя Кейлин, любовь моя. В миру ты Анна Мария, жена Флавия Аспара, но влюбился я в Кейлин, и влюбился навсегда.

- Не могу поверить, что император и патриарх наконец согласились. - Глаза Кейлин были мокрыми от слез.

- Они не дураки, любовь моя, - заметил Аспар. - Твое вхождение в византийское общество едва ли можно назвать обычным, однако и Лев, и церковь знают, что твое поведение с тех пор, как я купил и освободил тебя, гораздо более осмотрительное, чем поведение большинства женщин при дворе, особенно в свете недавнего скандала вокруг жены Василия Евдокии. Что касается меня, я посвятил свою жизнь Византии, и если в оставшиеся годы я не смогу иметь то, что страстно желаю, как в дальнейшем я стану служить империи?

- Ты сказал им это? - спросила Кейлин, удивленная тем, что он так низко ценил свои заслуги перед императором и патриархом.

- Да, - признался Аспар, а затем рассмеялся:

- Угроза явно подразумевалась, любовь моя. У меня большое преимущество перед императором в том, что у него нет ни одного военачальника, способного возглавить армии империи. Если я уйду в отставку... - Он снова улыбнулся. - Последствия я предоставил их воображению. Льву не потребовалось много времени, чтобы принять решение и убедить патриарха согласиться с ним. Император недавно оценил верность и добродетель своей жены.

Получив то, что было желанно моему сердцу, я был вынужден остаться на банкете, вот почему я прибыл так поздно. Ты сильно скучала без меня, любовь моя?

- Ужасно, - сказала она с нежностью, - но я была не одинока. Аркадий закончил статую. Сейчас она стоит в саду, это мой свадебный подарок тебе, Аспар. Он также давал мне мудрые советы, касающиеся двора. Я останусь в стороне от всяких фракций, обещаю тебе.

- Ты хочешь появиться при дворе? - спросил он удивленно.

- Конечно, нет, - ответила Кейлин. - Аркадий говорит, это мой долг, если я стану женой первого патриция империи, но я предпочитаю оставаться здесь, за городом.

- Ну и оставайся! - рассмеялся он. - Аркадий - старый болтун. Конечно, ты можешь присутствовать на разных церемониях, где требуется и мое участие, но если хочешь жить спокойно, оставайся здесь. У тебя появятся дети, которых надо воспитывать, и ты должна заботиться обо мне - вот твои главные обязанности. Дни будут заполнены до предела, - сказал он мягко, поглаживая рукой ее плечо.

- А я хочу выращивать лошадей для скачек, - напомнила она. - Мы уже говорили об этом.

- Я предлагаю тебе воспитывать детей, а ты просишь лошадей! - Он притворился обиженным, но Кейлин поняла уловку.

Она повалила Аспара на спину среди подушек и поцеловала его, поглаживая рукой его могучую грудь.

- Я способная женщина, мой господин. Я могу выращивать и детей, и лошадей. Кельты умеют обращаться с лошадьми.

- Ах ты, бесстыжая девчонка, решила подлизаться ко мне?! - шутливо рассердился он, подминая ее под себя и вставляя свой кинжал в ее податливое тело. - Сколько жеребцов тебе нужно? - говорил он, нежно двигаясь в ней и с удовольствием наблюдая, как страсть отражается на ее лице. Как он соскучился по ней!

- Мне нужен только такой жеребец, как мой милый господин, - шепнула она, прижимаясь к нему, - но двух чемпионов достаточно для стада кобыл, которых мы соберем. - О боги! Она соскучилась по нему сильнее, чем предполагала!

Они тихо лежали, а его руки продолжали ласкать сладкие дыни ее груди. Он хотел продлить наслаждение. Он давно не ощущал себя таким молодым. Это чувство не ослабевало уже несколько месяцев, проведенных с ней. К Анне он относился с уважением. С Флациллой ничего не было. Но с Кейлин! С Кейлин он нашел все! Он никогда не мог даже вообразить, что между двумя людьми возможна такая любовь, однако вот она.

- Ты уверена, что хочешь разводить лошадей? - спросил он. - Ты только один раз видела состязания колесниц.

Ее груди изнывали от блаженства под его нежными прикосновениями - Меня удивляет, что никто раньше не додумался до этого, - едва могла произнести она. - Это так естественно. О, любовь моя, ты доводишь меня до неистовства!

- А ты меня, - с трудом проговорил он и, не в силах более сдерживаться, наклонился вперед, прижался к ее губам и начал яростно, но осторожно вжиматься в ее мягкое тело, пока оба не достигли блаженства.

Когда Аспар вновь обрел способность говорить, он сообщил:

- Мы пойдем на осенние состязания. Посмотрим еще раз скачки и, если ты не изменишь своего решения, начнем готовиться к разведению лошадей.

- Но эти состязания организовал новый муж Флациллы! - Кейлин не скрывала своего удивления. - Стоит ли идти туда?

- Весь Константинополь будет там, - сказал Аспар, - включая всех бывших любовников Флациллы, можешь быть уверена. Флацилла и Джастин Габрас будут сидеть в императорской ложе с Львом и Верой. По крайней мере мы будем далеко от них, любовь моя.

- Могу я пригласить Касию? Она очень огорчилась, узнав, что я не иду на состязания, и сказала, что придется ей сидеть на трибуне с плебеями. Я не хочу порывать с ней отношения, когда стану твоей женой.

- Я был бы разочарован в тебе, если бы ты поступила по-другому, - ответил он. - Да, можешь пригласить Касию. Опять пойдут сплетни, но меня это не беспокоит.

- Я не хочу смотреть бои гладиаторов, - продолжала Кейлин. - Касия говорит, что это смертельные бои. Я не смогу вынести зрелища, когда несчастные люди умирают только потому, что оказались не такими быстрыми и ловкими, как их противник. Как же жесток муж Флациллы!

- Кровь доставляет удовольствие плебеям, - сказал Аспар сухо. - Посмотри один бой, Кейлин. Может быть, это покажется не таким ужасным, как ты думаешь. Если же зрелище действительно не понравится тебе, можешь уйти, но сделать это надо осмотрительно, любовь моя. Мы не можем оскорбить нашего презренного хозяина.

Кейлин отправила послание Касии в то же утро, приглашая ее завтра прийти к ним в ложу, когда начнутся состязания. Касия с восторгом приняла приглашение.

На следующий день Кейлин встала рано, потому что состязания начинались в девять часов утра, а скачки проводились до полудня. Она тщательно обдумала свой наряд. Ее стола с круглым низким вырезом и длинными узкими рукавами была сшита из прекрасного мягкого белого льняного полотна. Нижняя треть рукавов, широкая кайма, а также широкая полоса на верхней части юбки были сотканы из золотых и изумрудно-зеленых шелковых ниток. Стола плотно подпоясывалась на талии широким кожаным ремнем с золотой чеканкой, украшенной изумрудами, которые гармонировали с золотисто-зеленым воротником вокруг шеи и искусно сделанной парой сережек. В соответствии с временем года Кейлин считала необходимым взять какую-нибудь верхнюю одежду, но ей не хотелось закрывать свой наряд. Она выбрала ярко-зеленый плащ, который закрепила на правом плече заколкой с овальным изумрудом в золотой оправе. На ноги надела позолоченные туфельки; костюм прекрасно завершали украшенная драгоценными камнями лента вокруг головы и золотистая вуаль.

Аспар, в пурпурно-золотистой вышитой парадной одежде из белого шелка, которую он надевал с тогой из прекрасной, расшитой золотом пурпурной шерсти, одобрительно кивнул, увидев Кейлин:

- Сегодня ты заставишь многих чесать языки, любовь моя. Выглядишь великолепно!

- Как и ты, мой господин, - ответила она. - Ты уверен, что мы не вызовем зависти? Я видела императора; у тебя, мой господин, гораздо более царственный вид, чем у него.

- Ты не должна делиться такими мыслями ни с кем, кроме меня, - произнес Аспар серьезно. - Лев хороший император. Он как раз тот, кто нужен Византии.

- Лев может быть императором Византии, - сказала Кейлин искренне, - но правитель моего сердца - ты, Флавий Аспар. Это все, что меня волнует, мой дорогой господин. - Она нежно поцеловала его.

Он засмеялся:

- О, Кейлин, боюсь, ты правишь не только моим сердцем, но и душой. Какая ты милая кокетка, любовь моя!

Касия и Василий уже ожидали их на ипподроме. Когда Аспар и Кейлин вошли в отделанную шелком ложу первого патриция, толпа, увидев генерала, начала скандировать:

- Аспар! Аспар! Аспар!

Он вышел вперед и, приветствуя их, поблагодарил со скромной улыбкой. Затем отступил назад, и люди постепенно успокоились. Справа от ложи императора сидел патриарх со своими фаворитами, обозревая все вокруг.

- Он не поощряет их, - заметил секретарь патриарха.

- Пока нет, - ответил патриарх. - Но, думаю, когда-нибудь он сделает это. Все-таки он странный человек, не так ли?

Внезапно ипподром взорвался бурей аплодисментов: император и императрица в сопровождении организатора состязаний и их гостей вошли в императорскую ложу. Лев и Вера восприняли восторг толпы со снисходительной улыбкой, а затем представили собравшимся Джастина Габраса. Ему громко аплодировали, а Габрас вяло помахал рукой.

Под звуки фанфар Лев выступил вперед и исполнил ритуал открытия. Когда маппа затрепетала в его пальцах, двери конюшни ипподрома распахнулись и колесницы первого заезда устремились вперед. Толпы криками поддерживали свои команды.

- Ты только посмотри на это! - злилась Флацилла. - Как Аспар и Василий осмелились привести своих шлюх на наши игры?

- Состязания для всех, моя дорогая, - ответил Джастин Габрас, жадно поглядывая на Кейлин. «Какое великолепное создание, - подумал он. - Как бы я хотел, чтобы она оказалась в моей власти хоть на несколько минут».

- Не думаю, что первый патриций империи должен выставлять напоказ свою любовницу, - упорствовала Флацилла.

- О, Флацилла, - сказала императрица, - твоя зависть просто изумляет, особенно учитывая тот факт, что вы с Аспаром оба не могли терпеть друг друга.

- Это не важно, - ответила Флацилла. - Аспар не должен показываться на людях с этой женщиной.

- Так вот почему он никогда не показывался с тобой, моя дорогая! - пошутил Лев и вместе с Верой засмеялся над обиженной Флациллой.

Она начала плакать.

- О Боже! - воскликнул Джастин Габрас. - Избавь меня от избытка эмоций. - Он вытащил белый шелковый платок и протянул его жене. - Вытри глаза, Флацилла, и не будь дурочкой.

- Вы ждете ребенка? - поинтересовалась Вера. - Что ж, тогда понятно, почему Флацилла расплелась в последнее время. Флацилла кивнула и засопела.

- Уже более четырех месяцев, - призналась она.

Со всех сторон посыпались поздравления Джастину Габрасу.

- Могло быть хуже, - заметил Лев. - Что, если бы девочка оставалась женой Аспара, моя дорогая? Она взяла бы верх над тобой. В ее настоящем положении она вполне безвредна.

Вера не могла противиться искушению. Она улыбнулась с притворной любезностью Флацилле:

- Боюсь, что слухи подтвердились. Император и патриарх дали разрешение Аспару жениться на Кейлин Друзас. Флацилла побледнела.

- Вы не можете допустить этого! - Она задохнулась от возмущения. - Она ведь не более чем проститутка!

- О, Флацилла, - ответила Вера спокойно, - тебе нечего расстраиваться. Конечно, вступление девушки в наше общество необычно, признаю, но она лишь недолгое время пробыла на вилле Максима. Ее происхождение достаточно высокое, выше, чем у многих из нас. Она ведет себя очень скромно, так что заслужила похвалу даже твоего дядюшки-патриарха. Она будет хорошей женой Аспару, и, поверь мне, через некоторое время все остальное забудется, особенно если ты по-прежнему будешь вызывать скандалы, как случилось прошлой весной. Ты гораздо более распутна, как и половина женщин двора, по сравнению с малышкой Кейлин Друзас. - Императрица улыбнулась и взяла предложенный служанкой бокал вина.

Прежде чем Флацилла попыталась ответить, муж сильно ущипнул ее за руку.

- Молчи, глупая женщина! - прошипел он. - Это не имеет значения.

- Для тебя! - сердито огрызнулась Флацилла. - Я никогда не уступлю Кейлин. Никогда!

- О, Флацилла, - повторила императрица, - не расстраивайся. Посмотри! Зеленые выиграли подряд две гонки на этот раз. - Она повернулась к мужу. - Ты должен мне новое золотое ожерелье, мой господин, и браслет!

- О, я ненавижу ее! - пробормотала Флацилла глухо. - Как мне хочется отомстить ей за ее нахальство!

- Хорошо, но сейчас нельзя, моя дорогая, - ответил муж тихо. - Как любовница Аспара она неуязвима, а в качестве жены Аспара она пока чиста. Посмотри на нее, Флацилла! Скромная. Красивая. Скоро, готов спорить, она прославится своими добрыми делами. Она станет образцовой матерью, не сомневаюсь. Я не вижу у нее недостатков. Если бы они были, мы нашли бы способ испортить жизнь Аспару, но у нее их нет. Ты должна учитывать ситуацию. Я не хочу, чтобы ты расстраивалась попусту, иначе потеряешь моего ребенка. Если это случится, я убью тебя своими руками. Ты поняла?

- Ребенок значит для тебя больше, чем я, мой господин?

- Да! Я никогда не имел законного сына, - сказал он.

- А я, мой господин? Я для тебя совсем ничего не значу, я для тебя просто кобыла, которая вынашивает твоего наследника?

- Ты моя единственная женщина, Флацилла. Я говорил тебе об этом много раз, но если ты

хочешь снова услышать это, очень хорошо. Я никогда прежде не просил женщину выйти замуж за меня. Только тебя, но я хочу также ребенка, моя дорогая. Неужели твое плохое настроение испортит наши прекрасные отношения?

Она посмотрела на беговой круг, зная, что он прав, и ненавидя его за это. Она не решалась больше смотреть в сторону ложи Аспара, потому что не могла выносить вида своего бывшего мужа и Кейлин.

Состязания колесниц наконец закончились. Перерыв между скачками и боями гладиаторов длился целый час. Во всех трех ложах слуги подали легкий завтрак для своих хозяев. Когда они заканчивали есть, в ложе Аспара появился императорский стражник.

- Император и императрица хотят, чтобы вы и ваша госпожа почтили их своим присутствием, - сказал он, вежливо кланяясь.

- Ты не предупредил меня, - обратилась Кейлин к Аспару, давая знак Зиновию, чтобы тот принес тазик с душистой водой для мытья рук, и потом быстро вытерла их льняным полотенцем, которое Зиновий протянул ей.

- Я не знал, что они пригласят нас сегодня, - удивился Аспар. - Это большая честь, любовь моя. Таким образом они признают наши отношения! Назад нет пути, Кейлин!

- Ты прекрасно выглядишь, - прошептала Касия подруге. - Я наблюдала за Флациллой. Ее гложет зависть. Это твоя большая победа. Радуйся!

Аспар и Кейлин последовали за стражником в императорскую ложу. Там чета преклонила колени перед императором и императрицей. «Они так прекрасны! - подумала Вера, пока ее муж приветствовал гостей. - Я никогда не видела такой хорошей пары. Я почти завидую их любви друг к другу». Вера вернулась к действительности, услышав голос Льва:

- Моя жена тоже приветствует вас, госпожа Кейлин, не так ли, Вера?

- Разумеется, мой господин, - ответила императрица. - Вы можете добавить еще больше блеска нашему двору, госпожа. Мне говорили, вы из Британии, бывшей провинции. Это мрачная страна, по крайней мере мне так рассказывали.

- Это зеленая, плодородная страна, ваше величество, хотя там не столько солнца и света, как в Византии. У вас весна приходит раньше, а осень позже, чем в Британии.

- И вы соскучились по вашей зеленой и плодородной стране? - вежливо спросила императрица. - Осталась ли у вас там семья?

- Да, - ответила Кейлин. - Я иногда скучаю по Британии, ваше величество. Я была счастлива там, но... - добавила она с милой улыбкой, - теперь я счастлива здесь с моим дорогим господином Аспаром. Там, где он, - там мой дом.

- Хорошо сказано, госпожа! - одобрил император, улыбаясь ей. - Как она очаровательна, - продолжил Лев, когда счастливая пара вернулась в свою ложу. - Думаю, Аспар - счастливый человек.

Джастин Габрас предупреждающе сжал руку жены, чувствуя, что она готова взорваться от злости.

- Дыши глубже, Флацилла, - попытался он ее успокоить, - и контролируй свой скверный характер. Если нас отстранят от двора из-за твоего неуправляемого поведения, ты сильно раскаешься в этом, клянусь!

Пятна гнева постепенно сошли с ее лица и шеи, и, с трудом глотнув, она кивнула в знак согласия.

- Я не буду счастлива, пока не найду способ отомстить Аспару, - прошептала она.

- Пусть будет так, моя дорогая, - сказал он. - Ничего не поделаешь.

- Толстую корову сейчас хватит удар, - злорадно хихикала Касия в ложе Аспара. - Она вся красная от бешенства.

Что вам говорили император с императрицей, отчего она пришла в такую ярость?

- У нее нет причин злиться на нас, - сказала Кейлин, а затем повторила беседу, которую имела с царской четой.

Внезапно затрубили трубы, и Касия взволнованно воскликнула:

- О, состязания снова начинаются! Я побывала вчера с подругой Марой на вилле Максима и видела там гладиаторов. Джастин Габрас снял виллу на весь срок их пребывания. Туда никого не допускают. Он сказал, что гладиаторы должны иметь все самое лучшее, пока находятся в Константинополе. Иоанн гордится этими красивыми молодыми людьми, а Фока, как мне сказали, все время улыбается - ведь Габрас хорошо заплатил ему. Подожди, пока не увидишь чемпиона, которого называют Саксонцем! Я никогда прежде не видела такого красивого мужчину. Кастор, Поллукс и Аполлон бледнеют в сравнении с ним. О! - завизжала она. - Вот они!

Гладиаторы вошли строем на ипподром и, обойдя круг, остановились перед ложей императора. Подняв кверху оружие, они хором салютовали императору и своему великодушному патрону.

- Идущие на смерть приветствуют вас!

- Это Саксонец. - Касия указала на самого высокого мужчину в группе. - Разве он не великолепен?

- Что ты видишь? - улыбнулась Кейлин. - Ведь забрало фактически закрывает лицо.

- В самом деле, - согласилась Касия, - но ты увидишь, я права. У него золотистые волосы и голубые глаза.

- Саксонцы все такие, - ответила Кейлин. Аспар наклонился к Кейлин:

- Первые бои - с тупым оружием. Сейчас не будет крови, и ты сможешь получить представление об их мастерстве.

- Это еще ничего, - сказала Кейлин. - Эти мужчины должны сражаться до тех пор, пока только один останется живым?

- Нет, - объяснил Аспар. - Смертельными будут только шесть боев. Именно столько гладиаторов Габрас купил в особой команде. Два смертельных боя пройдут сегодня, два завтра и два в последний день состязаний. Саксонец, непобедимый чемпион, сражается сегодня и в

последний день. Его главный соперник, человек по прозвищу Гунн, должен сражаться все три дня. Если он уцелеет в первые два дня, ему, вероятно, придется встретиться с Саксонцем в последний день. Это будет завершающий бой.

- Я с ужасом думаю о том, что кто-то должен умереть, - сказала Кейлин. - Они - молодые люди. Почему это происходит вопреки учениям церкви? Почему разрешают такое варварство? Впрочем, патриарх и все его священники сидят по правую руку от императора и наслаждаются этим зрелищем.

Аспар мягко притронулся к ее руке:

- Помолчи, любовь моя, тебя могут услышать. Смерть - это только часть жизни.

Началась схватка. Молодые люди с маленькими щитами и тупыми мечами бились друг с другом в групповом сражении. Толпе нравилось это, но в конце концов зрители начали уставать от имитации боя.

- Давай Саксонца! Давай Гунна! - кричали они. Трубы возвестили об окончании первого сражения, и бойцы покинули арену. Вперед вышли несколько человек и заровняли площадку. На ипподроме на несколько долгих минут воцарилась тишина. Внезапно ворота распахнулись и вперед вышли два человека. Толпа возбужденно зашумела.

- Это Гунн, - сказал Аспар. - Он будет сражаться с трасианцем.

- У него нет оружия, - заметила Кейлин.

- Ему ничего не нужно, кроме кожаных наплечников, любовь моя. Он сражается с сетью. Помимо сети, у него есть кинжал и копье. Я думаю, человек с сетью - самый опасный гладиатор.

Трасианец, на котором был шлем и латы на обеих ногах, держал в руках щит и кривой меч. Они показались Кейлин невзрачной парой, пока не начали сражаться. Гунн бросил свою сеть, но трасианец отступил в сторону и, прыгнув навстречу противнику, взмахнул мечом. Хитрый Гунн, очевидно предвидя этот маневр, мгновенно отскочил, и лезвие трасианца лишь слегка оцарапало его. Мужчины отступали назад и сходились, а толпа кричала, поддерживая своих фаворитов. Наконец, когда Кейлин начала думать, что свирепость этих бойцов явно переоценена, Гунн подпрыгнул и ловким движением изящно бросил сеть. Трасианец, не сумевший увернуться, запутался в сетке. Он отчаянно пытался разрубить ее своим мечом, а толпа пронзительно кричала, страстно желая крови. Гунн воткнул свое копье в землю, вытащил кинжал и кинулся на барахтающегося человека. Все произошло так быстро, что Кейлин была не уверена, видела ли она то, что случилось, но песчаная площадка арены вдруг окрасилась кровью, когда Гунн перерезал сопернику глотку, а потом победно поднялся под громкие крики одобрения.

Он был человеком среднего роста, могучего телосложения, бритый, только лошадиный хвост темных волос, плотно стянутых кожаным ремнем, торчал у него на голове. Он широким шагом обошел площадку по кругу, очевидно считая это своим долгом. Пока он совершал круг почета, вперед выбежали какие-то люди; двое из них уволокли безжизненное тело трасианца с арены через Ворота Смерти, двое других забросали кровь свежим песком и энергично разровняли его граблями.

Кейлин была ошеломлена.

- Это так быстро, - пробормотала она. - Какое-то время трасианец храбро защищался, а в следующий момент уже был мертв. Он даже не вскрикнул.

- Гладиаторы обычно не бывают жестокими по отношению друг к другу, - заметил Аспар. - Чаще всего они друзья или просто хорошие знакомые, вместе живут, едят, спят и принимают женщин. Смертельные схватки в настоящее время редки, и Джастин Габрас, должно быть, хорошо заплатил за них. Или, может быть, гладиаторы просто отчаянные люди, которые ни о чем не заботятся. Что-то вроде этого.

- Я хочу домой, - сказала Кейлин тихо.

- Ты не можешь сейчас уйти! - воскликнула Касия. - Вот-вот начнется последняя схватка дня, выступает сам чемпион. Гунн - любитель в сравнении с Саксонцем. Если схватка станет слишком кровавой, ты можешь не смотреть, но ты должна увидеть его без шлема. Он бог, я тебе говорю! - восторгалась Касия.

Аспар, засмеявшись, повернулся к Василию:

- Думаю, пора беспокоиться о Касии, мой старый друг. Она, очевидно, увлечена, даже очарована, я бы сказал, этим гладиатором.

- На него приятно посмотреть, - ответила Касия прежде, чем принц мог что-либо сказать, - и я обычно отмечаю красивые лица и тела у всех мужчин, подобных Саксонцу. Больше ничего, ни ума, ни культуры. После того как насладишься играми в роцце Купидона, приятно полежать на спине и поболтать, не так ли, мой господин?

Василий молча кивнул, но глаза его заблестели.

- О, посмотрите! - продолжала Касия. - Вот и бойцы. Мне не хотелось бы быть на месте несчастного парня, сражающегося с Саксонцем. Он должен знать, что у него нет шанса.

- Как жаль его, - ответила Кейлин подруге. - Как ужасно знать, что ты стоишь перед лицом смерти в такой прекрасный, светлый день!

Касия выглядела смущенной, но затем весело сказала;

- Ну, всегда есть шанс! Если только повезет, он может победить чемпиона. Разве это не захватывает? В любом случае это великолепное зрелище, можешь быть уверена.

Саксонец и его противник были вооружены. Каждый был в шлеме с забралом, каждый имел толстый нарукавник на правой руке и латы только на левой ноге. Талию опоясывали ремни. В руках они держали продолговатые щиты и короткие мечи. Их схватка должна была проходить в очень тесном соприкосновении. Поприветствовав императора и своего патрона, они тотчас начали бой. Несмотря на свои переживания, Кейлин была захвачена этой схваткой.

Слышался лязг металла, когда противники сталкивались и отражали удары своим оружием. Вскоре Кейлин поняла, что бой не такой уж равный, как ей показалось сначала. Соперник Саксонца уступал ему в мастерстве. Чемпион прыгал и кружился, умышленно совершая ряд маневров, чтобы доставить удовольствие толпе. Дважды противник оказывался открытым для атаки, но Саксонец делал ложные выпады, чтобы отвлечь внимание. Наконец толпа поняла это и начала вопить, выкрикивая оскорбления.

- Ему нет равных, - заметил Василий. - Он пытается показать хорошее представление, а они

жаждут крови. – «Ну, сейчас они получают ее, – подумал он. – Саксонца берегут на последний день, вместо того чтобы использовать в сражениях два дня. Габрас, очевидно, хочет побольше заработать».

Теперь схватка приняла другой характер, поскольку Саксонец стал энергично атаковать соперника, в то время как тот отчаянно боролся за свою жизнь. Чемпион, однако, решил больше не тянуть. Он безжалостно гонял противника по арене, а тот, получив несколько ударов, старался закрыться щитом. Саксонец сыпал удар за ударом, пока наконец его противник не упал на спину, изможденный, и не выронил щит из своих рук. Саксонец мгновенно пронзил его сердце мечом. Затем прошел по арене под аплодисменты зрителей и приветствовал императора окровавленным оружием.

– Сними шлем. Саксонец, – сказал Джастин Габрас надменно, – чтобы император мог видеть твое лицо, поздравляя тебя с победой.

Саксонец снял шлем.

– Со слабым бойцом – это не победа, господин. Однако через два дня я буду сражаться с Гунном. Я принесу вам его голову на золотом подносе и тогда приму поздравления за настоящую победу.

– Ты не боишься смерти? – спросил император тихо.

– Нет, ваше величество, – ответил Саксонец. – Я уже потерял все самое дорогое, что имел. Что такое смерть, как не бегство? Но боги пока не желают, чтобы я умирал.

– Ты не христианин. Саксонец?

– Нет, ваше величество. Я поклоняюсь Вудену и Зору. Они мои боги, но я думаю, боги не интересуются такими маленькими людьми, как я, иначе у меня было бы то, что я желаю всем сердцем.

Кейлин не отрываясь смотрела на Саксонца, как загнипнотизированная. Она не могла слышать, о чем идет речь, но понимала, что он говорит, по его губам. Не может быть. Он похож на Вульфа, но этого просто не может быть! Вульф в Британии, на их землях, с новой женой и ребенком. Этот человек не мог быть Вульфом Айронфистом, и все же... Ей надо услышать его голос, увидеть его поближе.

– Я говорила тебе, он великолепно сложен, – самодовольно мурлыкала Касия. – Даже потный и грязный, он красив, не правда ли, Кейлин? Кейлин? Кейлин! – Она дернула подругу за рукав.

– Что? Что такое, Касия? Что ты сказала? Я не расслышала. Прости меня. Я отвлеклась на минуту. Касия захихикала:

– Я вижу, конечно, но почему? Кейлин улыбнулась.

– Да, он красивый парень, – ответила она, взяв себя в руки, – но, несмотря на все это, мне не нравятся бои гладиаторов.

– Мой господин Аспар! – В ложу вошел стражник. – Император хотел бы поговорить с вами.

Аспар поспешно вышел из ложи. Через несколько минут он вернулся.

- Кейлин, - начал он, - сюда прибыли эмиссары из Адрианополя. Кажется, перемирие с каждым часом становится все более хрупким, снова возникла угроза столкновения между религиозными общинами. Я попытаюсь уладить конфликт здесь, во дворце, вместе с Львом сегодня вечером. Не возражаешь, если поедешь домой одна, любовь моя?

Кейлин кивнула головой. На самом деле она почувствовала облегчение. Ей требовалось время подумать. Сходство между Саксонцем и Вульфом поразительное, хотя его волосы светлее, чем пшеничные локоны Вульфа.

- Возьми паланкин, - обратилась она к Аспару. - Когда бы ты ни отправился домой, тебе понадобится транспорт. Я поеду с Касией к ней, а потом ее паланкин доставит меня на виллу Маре.

- Конечно, - согласилась Касия. - Кейлин всегда очень практична, мой господин. Василий, любовь моя, ты заедешь ко мне на ужин?

- Не могу, - ответил он с сожалением. - Моя сестра настаивает, чтобы я остался в ее компании сегодня вечером, ведь она принимает патриарха. Может быть, я приду позднее, моя милая. Тебя это устроит?

- Нет, - сказала Касия, - думаю, нет, мой господин. Если ты не можешь приехать на ужин, я воспользуюсь этим и высплюсь. Я не могу этого сделать, когда ты со мной, - добавила она, чтобы смягчить свой отказ. Поднявшись, она поцеловала его. - Пойдем, Кейлин. А то будет трудно пробираться через толпу. Арена пустеет, как чаша, наполненная вином.

- Удачи, мой господин, - пожелала Кейлин Аспару. Он наклонился и нежно коснулся губами ее губ.

- Когда я смотрю на тебя, любовь моя, - сказал он, - моя преданность долгу становится все слабее и слабее.

- Не обманывай меня! - Кейлин улыбнулась. - Империя - твоя первая любовь, я хорошо знаю это. Я согласна делить тебя с Византией, мой милый.

Он тоже улыбнулся:

- Тебе нет равных среди женщин, Кейлин Друзас. Я счастлив, любя тебя.

Кейлин и Касия покинули ипподром в большом и удобном паланкине.

- Почему ты отказалась принять принца попозже? - спросила Кейлин подругу. - Я думаю, он действительно любит тебя.

- Я не хочу цепляться за Василия, как лоза, - сказала Касия. - А также не хочу, чтобы Василий злоупотреблял моей любовью к нему. Я любовница, а не жена. Я не хочу довольствоваться только частью вечера на его усмотрение. Мне нужен весь вечер. Несомненно, он знал заранее, что будет сегодня с сестрой, но не сказал мне. Он предполагал, что я стану дожидаться его, а я отказалась, разве я не права?

Кейлин не ответила, и Касия, внимательно посмотрев на нее, добавила:

- Ты слышала, о чем я говорю? Что с тобой, Кейлин? Кейлин вздохнула. Ей надо с кем-то поделиться, и Касия ее единственная подруга.

- Это Саксонец, - сказала она.
- Да, он великолепен! - согласилась Касия.
- Не в этом дело, - ответила Кейлин.
- Тогда в чем же?
- Мне кажется, что Саксонец - это Вульф Айронфист.
- Твой муж из Британии? Ты уверена? О боги!
- Я не уверена, Касия, - сказала Кейлин возбужденно, - но я должна знать точно! Мы поженились, потому что он устал от сражений и хотел вести спокойную жизнь. Мои земли привлекли его внимание ко мне. Все эти месяцы я думала, что Вульф Айронфист в Британии. Я даже решила, что теперь у него другая жена и есть ребенок. Мне надо знать, кто этот человек по прозвищу Саксонец! Я так или иначе должна узнать правду.
- О, Кейлин, ты хочешь открыть ящик Пандоры, - предупредила Касия. - А что, если этот человек окажется Вульфом Айронфистом? Что ты будешь делать? Ты все еще любишь его? А как же Аспар?
- Не знаю, что и сказать, Касия. У меня нет ответов на твои вопросы. Я должна знать, действительно это он или глаза обманывают меня. - Она выглядела такой растерянной, что сердце Касии дрогнуло. - О, что же мне делать? - Кейлин заплакала.
- Хорошо! - Касия оживилась. - Мы должны удовлетворить твое любопытство, не так ли? - Отодвинув шторы паланкина, она высунулась и позвала главного носильщика:
- Отправляйся на виллу Максима, Петр!
- Кейлин открыла рот:
- О нет, Касия! Ты сошла с ума! Что, если меня увидят? Особенно сейчас, когда я должна выйти замуж за Аспара.
- Кто нас увидит? - усмехнулась Касия. - Иоанн и Фока закрыли виллу Максима для постоянных клиентов, пока гладиаторы развлекаются там. Я пойду, а ты останешься в паланкине с плотно закрытыми шторами. Я отыщу Иоанна, а он найдет способ узнать, является ли Саксонец твоим Вульфом Айронфистом. Мы не станем рисковать, - пообещала Касия. - Потом ты сможешь спокойно отправиться домой.
- А что, если это Вульф? - Кейлин не находила себе места. Лицо Касии стало серьезным.
- Ну тогда, подруга, ты должна решить, чего же ты хочешь - красивого, но дикого Саксонца, который, очевидно, без гроша в кармане и желает рисковать своей жизнью на арене, или образованного, богатого первого патриция империи. На твоём месте, Кейлин Друзас, я бы повернула носилки назад и немедленно отправилась на виллу Маре. Если бы такой мужчина, как Флавий Аспар, любил меня, я бы каждое утро, проснувшись, благодарила Бога всю свою оставшуюся жизнь. Думаю, ты сошла с ума, так испытывая судьбу. Позволь сказать Петру, чтобы он повернул. Я поеду с тобой домой и составлю компанию на этот вечер. Саксонец не может быть Вульфом Айронфистом.

- Я должна знать, Касия. Увидев его на расстоянии, я стала сомневаться. Если я не разрешу эти сомнения, как могу я брать обязательство быть верной Аспару? Что, если Саксонец не Вульф, но однажды в будущем Вульф появится у моего порога? Что, если я все еще люблю его?

- Боги не допустят этого, глупое создание! - воскликнула Касия.

Паланкин продвигался вдоль Мизы, а затем по широким улицам. Женщины молчали. Касия теребила тонкими пальцами платье. Она уже раскаивалась, что затеяла все это. Не только Кейлин открывала ящик Пандоры. Она глубоко вздохнула. Ничего не выйдет из этого. Кейлин волновалась, как невеста перед свадьбой, и была ужасно бледна. Однако и Касия начала нервничать, когда паланкин опустился и главный носильщик отодвинул шторы, показывая, что они уже во дворе виллы Максима. Кейлин, протянув руку, ободряюще коснулась руки Касии.

Касия кивнула:

- Я поищу Иоанна. Оставайся здесь и ни в коем случае не открывай шторы. Пусть все думают, что паланкин пуст. - Она сошла с изящных носилок. - Петр, никто не должен знать, что со мной спутница. Я быстро.

- Хорошо, госпожа, - ответил он. Касия быстро прошла в великолепный атрий виллы. Слуга вышел вперед, и его глаза широко раскрылись, когда он узнал посетительницу.

- Добрый день, Михаил, - сказала Касия. - Позови хозяина Иоанна. Я подожду его здесь. Ты был сегодня на состязаниях? - весело спросила она. - Разве Саксонец не прекрасен?!

Михаил позволил себе слегка улыбнуться. Касия имела свойство производить хорошее впечатление на мужчин. Он вежливо кивнул:

- Сейчас, госпожа. Не хотите ли чего-нибудь освежающего? Жарковато для осени. Может быть, охлажденного вина?

- Благодарю, не надо, - ответила Касия. - Я подожду хозяина Иоанна. - Она села на мраморную скамью, наблюдая за тем, как удалялся слуга, и размышляя, сколько времени пройдет, прежде чем появится Иоанн. О боги! Зачем она предложила пойти сюда?

В атрий вошел Иоанн, но, к ее большому огорчению, он был не один. Она мысленно проклонила себя за глупость.

- Касия, моя милая! - Иоанн расцеловал ее в обе щеки. - Что привело тебя сюда сегодня? Я очень удивлен, увидев тебя.

- В самом деле, Касия, - промурлыкал Джастин Габрас. - Я тоже удивлен. Думаю, и принц Василий также удивился бы.

- Нет, не удивился бы, - ответила Касия спокойно, вновь обретая хладнокровие. - Я пользуюсь определенной благосклонностью принца, мой господин, но не принадлежу ему. К тому же он не позволяет себе препятствовать моим давнишним связям. - Она повернулась к Иоанну:

- Могли бы мы поговорить наедине?

Однако прежде, чем Иоанн ответил, вмешался Джастин Габрас:

- Секреты, моя милая? Я заинтригован. Какие секреты могут быть у проститутки? Я думал, все,

касающееся тебя, всем давно известно.

Касия почувствовала, как растет ее возмущение.

- Мне интересно знать, мой господин, как скоро вы отравитесь собственным ядом! - резко оборвала она его. - Иоанн, где мы можем поговорить?

- Нет, нет! - продолжал хихикать Габрас. - Я должен знать ваши секреты. Я не оставлю вас с Иоанном, пока не узнаю.

Иоанн беспомощно посмотрел на Касию, а она пожала плечами:

- Ну что же, хорошо! Если вы хотите знать, мой господин, я приехала поближе посмотреть на гладиаторов. Ну что, теперь вы удовлетворены?

Джастин Габрас рассмеялся:

- Все вы, женщины, одинаковы. Посмотреть, говоришь? И это все, Касия? Может быть, на самом деле ты хотела испытать их страсть? Какой из них поразил твое воображение? Саксонец? Гунн? Если бы ты была обитательницей этого дома, ты могла бы выбрать их сегодня ночью, не так ли?

- Громадные потные мужики с большим членом и детским умом не бывают особенно хорошими любовниками, - ответила Касия хладнокровно. - Однако их тела красивы, а я знаток красивых мужчин, мой господин. Я мало что видела из нашей ложи на ипподроме, вот почему и приехала на виллу Максима. Может быть, я выбрала неподходящее время. Я могу прийти утром.

Иоанн, пораженный речью Касии, наконец подал голос.

- Да, моя милая, так действительно было бы лучше, - согласился он. - Их день длится долго: они наслаждаются прекрасной едой, развлекаются. Приходи утром, и я всем представлю тебя. Ты даже можешь посмотреть на них в бане. - «Что с Касией?» - подумал он. - Ее поведение так не вяжется с ее характером». - Я провожу тебя до паланкина.

- Благодарю, дорогой Иоанн, - улыбнулась Касия.

- Я тоже пойду с вами, - не отставал Джастин Габрас.

- В этом нет необходимости, мой господин, - ответила Касия быстро.

- Но я настаиваю, - не сдавался Джастин Габрас. Когда они дошли до паланкина, Касия громко сказала:

- Я приеду утром, Иоанн, тогда и посмотрю на их красивые тела.

Прежде чем она смогла остановить его, Джастин Габрас наклонился и раздвинул шторы паланкина. Его глаза расширились, и, нырнув внутрь, он вытянул оттуда за руку сопротивляющуюся Кейлин.

- Так, так, так! Что у нас здесь? Будущая невеста Аспара явилась домой? Ты тоже пришла посмотреть на гладиаторов, моя милая? Или цель твоего визита - вспомнить старые времена?

Кейлин вырвала руку и холодно посмотрела на него.

- Это моя вина! - вспыхнула Касия. - Аспара сегодня после состязаний вызвали во дворец. Я обещала доставить Кейлин на виллу Маре, но мне так захотелось взглянуть на этих великолепных мужчин. Я завернула мой паланкин сюда. Кейлин не хотела идти и, как вы видите, оставалась в паланкине. Если Аспар узнает, он не разрешит нам больше дружить!
- Если Аспар узнает, свадьба, вероятнее всего, не состоится, - усмехнулся Джастин Габрас.
- Думаю, что это не так, мой господин, - возразила Кейлин. - Я не сделала ничего предосудительного, и мой господин Аспар знает, что я не лгунья. Если я расскажу ему правду обо всем, он поверит мне.
- Вероятно, - согласился Джастин Габрас, - но поверит ли императорский двор? Или патриарх? Все они готовы верить худшему о вас, Кейлин Друзас. - Он засмеялся. - Только сегодня я сказал своей жене, что вы неуязвимы. Кажется, я ошибся.
- Кто может подтвердить, что мы были здесь сегодня? - спросила Касия. - Кем бы ни была ваша жена, мой господин, вам не поверят, если вы станете сплетничать. - Она протиснулась и взяла Кейлин за руку. - Пойдем, я должна доставить тебя на виллу Маре до наступления темноты, пока видна дорога.
- Нет! - Джастин Габрас крепко ухватился за другую руку Кейлин. Он уже придумал коварный план, как вернее всего дискредитировать ее.
- Иоанн! - обратилась Касия к хозяину дома.
- Иоанн не поможет вам, мои дорогие! - злорадствовал Габрас. - Чего вы ждете от него? Вы пришли сюда по собственному желанию. Я не заставлял вас. А теперь вы останетесь и развлечете моих гостей.
- Господин Габрас, - обратилась к нему Кейлин, - зачем вы делаете это? Я едва вас знаю, почему вы так ненавидите моего господина Аспара?
- Я недостаточно хорошо знаю Флавия Аспара, чтобы ненавидеть его, - последовал холодный ответ, - но я устал слушать нытье Флациллы; ей так хочется отомстить ему за брак без любви. Не говорите, что она не любила его. Она сама мне говорит об этом достаточно часто, но ненависть к Аспару - а она у нее очень сильна - является обратной стороной любви, Кейлин Друзас. Уверен, вы знаете об этом. Гнев Флациллы так силен, что я опасаюсь за моего ребенка. Я хочу этого ребенка! До этого момента я не мог сделать для моей жены того, что она требовала. Ваша глупость, приведшая вас сюда, предоставила мне возможность, которой я не ожидал. - Жестокая улыбка играла на его губах. - К завтрашнему утру Флацилла насладится мстостью и, думаю, успокоится.
- Пощадите ее, - попросила Касия, - и я лично развлеку гостей любым способом по вашему желанию! Только освободите Кейлин, прошу вас, мой господин Габрас! Иоанн, что же вы молчите?!
- Я не могу помочь вам, - сказал Иоанн, и его глаза наполнились слезами. - Он убил бы меня, попытайся я это сделать, не так ли, мой господин? Даже если бы я послал за помощью, через некоторое время сюда прибыл бы Аспар и было бы поздно. Вам не следовало приходить сюда вечером, Касия, и уж тем более брать с собой Кейлин.
- Михаил! - позвал Джастин Габрас слугу, который быстро подошел к нему. - Помогите мне принять наших гостей и заприте их, пока мы не приготовимся. - Он втащил Кейлин в атрий, она

тщетно пыталась освободиться от его сильных пальцев.

- Ну что ж, пошли! - в отчаянии закричала Касия, когда Михаил подтолкнул ее вслед за Кейлин.

- И запри носильщиков паланкина этой проститутки, пока мы не решим освободить ее, - приказал Джастин Габрас Иоанну.

- Госпожа, прошу извинить меня за это, - сказал Михаил, вталкивая Кейлин вслед за Касией в скудно обставленную комнату без окон. Он закрыл за ними дверь, и они услышали, как громко щелкнул замок.

- Прости меня! - Касия бросилась к Кейлин. - Я сделала глупость, предложив прийти сюда! Но боги помогут нам!

- Это и моя вина, - возразила Кейлин. - Надо было оставить в покое Саксонца, а не гоняться за ним, тогда бы мы не попали в такое неприятное положение. Что, ты думаешь, они собираются сделать?

- Тут все ясно, - сказала Касия. - Габрас отдаст нас гладиаторам. Для меня это не имеет значения. Я проститутка, но ты, моя несчастная подруга! - Она заплакала, к большому удивлению Кейлин, ведь Касия была не из тех женщин, которые плачут.

- Не плачь, - успокаивала Кейлин подругу. Странно, но сейчас она ничего не чувствовала. Даже страха.

- Габрас разболтает об этом по всему Константинополю, - всхлипывала Касия. - Василий никогда не простит мне этого!

- Ты любишь его? - Кейлин снова была удивлена.

Касия кивнула:

- О, боги помогут мне, я верю! Он, конечно, не знает.

Печально, но он не тот человек, чтобы верить в такие чувства. Он никогда не допустит, чтобы я стесняла его. Боюсь, я больше никогда не увижу его после этой ночи! Я испортила и твою, и свою жизнь!

- Может быть, мы сможем убежать, - произнесла Кейлин с надеждой.

Касия перестала плакать и посмотрела на подругу:

- Как? В комнате нет окон и только одна дверь, и та заперта. Они скоро придут за нами, и все кончится. Отсюда не убежишь, Кейлин. С этим надо смириться.

Глава 14

Женщин не заставили долго ждать. Пришли четверо рабов и отвели их в баню, где пленниц тщательно вымыли и натерли ароматными маслами. Банщицы досуха вытерли каштановые кудри Кейлин и длинные, густые черные волосы Касии, надушили, заплели у Касии в одну косу и водрузили на головы венки из цветов. Им не предложили одежду, и женщины поняли, что просить бесполезно.

Их привели в большую, просторную комнату, выходящую в прекрасные сады виллы. Джастин Габрас, одетый в короткую белую тунику, сидел в черном мраморном кресле. Перед ним собрались гладиаторы. Других женщин в комнате не было. Когда Кейлин и Касия вошли, мужчины обернулись, устремив на них алчные взгляды. Стражники подтолкнули Касию и Кейлин вперед, а Джастин Габрас, наклонившись, привлек женщин к себе и усадил на колени. Руками он обхватил и ласкал их груди, пощипывая соски.

- Вы хорошо поели, друзья мои, - обратился он к гостям, - а теперь я хочу немного развлечь вас. Эти две женщины - самые изысканные проститутки в Византии. Они - хорошенькие крольчата, не правда ли? Мы сыграем в небольшую игру. Мы выпустим этих двух крольчат в сад, а затем вы, как свора лающих собак, погонитесь за ними. Они спрячутся от вас, не так ли, мои красавицы? Тот, кто найдет их, будет наслаждаться всю ночь. Однако в игре не будет проигравших. Остальные могут выбрать других женщин в доме. Что вы думаете?

Гладиаторы бурно поддержали Джастина Габраса.

- Ей-богу, - громко сказал Гунн, - ты задал нам трудную задачу, мой господин. Обе женщины - настоящие красавицы!

- Какая тебе больше нравится? - спросил Габрас.

- Я еще не определил, - ответил Гунн. Он повернулся к своему товарищу:

- А ты что думаешь, Вульф Айронфист?

Какую предпочитаешь?

- Одну я поймаю, - ответил Саксонец, и его глаза встретились с глазами Кейлин.

Касия быстро посмотрела на подругу. Кейлин побледнела. В ее больших фиалковых глазах отразились одновременно боль и потрясение.

- Это он? - тихо спросила Касия под смех, которым приветствовали замечание Саксонца. Кейлин кивнула. Если кто-нибудь и поймает Кейлин, подумала Касия, так это должен быть Саксонец. Она посмотрела на Гунна и улыбнулась ему самой соблазнительной улыбкой. - Так ли ты хорош в жизни, как на арене? - мурлыкала она вызывающе. - Если это так, то я была бы рада попасться в твою сеть.

К удивлению Касии, Гунн покраснел как свекла, а его товарищи попадали со смеху. Он оказался застенчивым. Но все поняли: она сделала выбор. Теперь никто не осмелится гнаться за ней, ведь, несмотря на застенчивость, Гунн желал ее. Она знала, они не будут спорить с ним из-за женщины. Касия видела, как Саксонец озадаченно смотрит на Кейлин. Она должна внести ясность.

- Кейлин Друзас, - громко произнесла она ее имя, - тебе нравится кто-нибудь из этих прекрасных мужчин? Я думаю, тебе очень подойдет Саксонец.

- Думаю, да, - ответила Кейлин, поняв, что задумала Касия.

- Ты не лучше остальных, - усмехнулся Джастин Габрас. - Почему все женщины от рождения распутны?

Он не видел, как побледнело красивое лицо гладиатора, как плотно сжались его губы, а в

глазах вспыхнул гнев.

Не дожидаясь ответа на свой вопрос, Джастин Габрас спустил женщин с колен.

- Бегите в сад и прячьтесь, мои красавицы! Я считаю до пятидесяти, а потом напущу на вас этих зверей. Вперед!

Женщины побежали из комнаты между мраморными колоннами. Были ранние сумерки. Когда они скрылись в полумраке, Касия остановилась на мгновение и сказала:

- Прячься хорошенько, Кейлин, и не вылезай, пока не увидишь Саксонца! - Затем побежала вниз по тропинке.

Кейлин спряталась в глубине сада, забравшись на дерево. Вряд ли кто-нибудь додумается искать ее здесь.

- Пятьдесят! - услышала она голос Джастина Габраса. Гладиаторы начали шумно рыскать по саду в поисках женщин. Через несколько минут Кейлин услышала грубый голос Гунна, победно возвестившего:

- Я поймал крольчонка! - И притворно-застенчивый вскрик Касии.

Охота на Кейлин стала более азартной, но она чувствовала себя в безопасности среди ветвей. Она видела нескольких мужчин внизу, ищущих в кустах, за фонтанами и среди скульптур. «Они никогда не найдут меня, - подумала она самодовольно, - но что дальше?» Как убежит она из виллы Максима без одежды, без паланкина? Внезапно ветвь, на которой она сидела, обломилась, и Кейлин с криком упала вниз на траву. Из темноты появились неясные силуэты двух мужчин. Она попыталась подняться. Боль пронзила правую лодыжку, но она изо всех сил старалась остаться на ногах.

- Назад! - приказала она мужчинам.

- Не бойся, ягненок, - услышала она голос Саксонца. - Она моя. Грек! Только притронься к ней, и я убью тебя!

- Ни одна женщина не стоит смерти, Вульф Айронфист, - отозвался мужчина по прозвищу Грек и скрылся в темноте.

- Ты действительно самая изысканная проститутка в Византии, Кейлин Друзас? - мрачно спросил Вульф.

- Нет, - ответила она мягко, - но тебе было бы лучше, если бы я была такой. Твой хозяин - мой смертельный враг.

- Ты можешь идти или я понесу тебя?

- Я подвернула ногу, падая с дерева, - ответила она, - но перелома нет. Тем не менее ты должен схватить меня, а я буду пытаться вырваться. Джастину Габрасу покажется странным, если я сдамся без сопротивления.

- Почему? - спросил он.

- Мы поговорим, когда найдем укромное местечко. А сейчас поторопись! Хватай меня, пока кто-нибудь не пришел и не удивился, почему ты еще не овладел мной.

Он подошел к ней и коснулся рукой ее лица.

- Антония сказала, что ты мертва и наш ребенок тоже.

- Я подозревала, что она могла так сказать, - ответила Кейлин.

- Я хочу знать, что случилось, - настаивал он.

- Вульф! Пожалуйста! - умоляла она его. - Не сейчас! Габрас скоро придет за нами. Он ужасный, опасный человек.

В голове Вульфа вертелось множество вопросов. Почему она жива? Почему здесь, в Византии? Но он увидел неподдельный страх в ее глазах, поднял ее и перекинул через плечо. Она немедленно начала колотить его кулачками, а он понес ее через сад туда, где собрались остальные.

- Пусти меня! Пусти меня, скотина! - визжала Кейлин. Кровь прилила к ее голове.

- Итак, наши крольчата пойманы наконец, - услышала она голос Габраса, а затем он появился в поле ее зрения. - Ты заставила нас как следует побегать, моя дорогая. Где она была?

- На дереве, - ответил Саксонец. - Я бы никогда не нашел ее, если бы не обломилась ветвь, на которой она сидела.

- Я хочу посмотреть, как ты возьмешь ее, - приказал Джастин Габрас. - Здесь! Сейчас! - Он крепко сжал рукой бокал вина.

- Публично я выступаю только на арене, - невозмутимо произнес Вульф Айронфист.

- Я хочу видеть эту женщину униженной, - настаивал Габрас.

«Он опасен», - подумал Вульф, но голос его прозвучал спокойно:

- До утра я буду иметь ее всевозможными способами, даже такими, которых вы не можете себе представить, мой господин. Если она не умрет, то не сможет выползти из комнаты, где мы проведем эту ночь. - Он повернулся к Иоанну Максима:

- Мне нужна комната без окон, чтобы никого не беспокоить ее криками. В комнате должны быть хорошие матрасы и побольше вина, а также собачий хлыст. Женщин часто приходится учить, а эта слишком своевольна, должен сказать. Мне ясно, она не знает своего места, но она узнает его! Мы, саксонцы, любим послушных, покорных женщин.

- Ей-богу, - сказал Джастин Габрас с улыбкой, искажившей его красивые черты, - ты мне по душе. Дай ему то, что он хочет, Иоанн Максима! Девчонка в хороших руках.

Через несколько минут их проводили в ту самую комнату, где Кейлин и Касия недавно сидели взаперти. Теперь, однако, в комнату внесли большую удобную кровать, несколько низких столов, кувшин вина и два бокала, две масляные лампы, высокую напольную лампу и кнут. Иоанн, который лично сопровождал их, беспокойно посмотрел на кнут, а Вульф дико оскалился.

- Закрой дверь, - тихо сказал он. - Я хочу поговорить с тобой.

Иоанн подчинился требованию Саксонца, но чувствовал себя при этом явно неловко.

- Скажешь Габрасу, что я пригрозил тебе, если нам не предоставят полного уединения, - прошептал Вульф.
- Чего еще ты хочешь от меня, гладиатор? - спросил Иоанн.
- Скажи, чем угрожает Джастин Габрас Кейлин Друзас, - потребовал Вульф.
- Он хочет опозорить госпожу Кейлин перед императорским двором и патриархом, который запретит тогда ее брак с генералом Флавием Аспаром. Вот чего добивается Габрас. Остальное госпожа Кейлин должна рассказать сама, если вам интересно слушать ее.
- Вульф Айронфист мой муж, - еле слышно произнесла Кейлин.
- О Боже! - Иоанн Максима застыл как громом пораженный, а потом спросил:
- Это правда, госпожа?
- Вот почему я пришла сюда, Иоанн, - призналась она. - Когда сегодня я увидела его на арене, то не поверила своим глазам. Мне надо было убедиться, прежде чем клясться в верности Аспару. Теперь мы с Вульфом Айронфистом должны поговорить друг с другом, а потом я останусь в этой комнате до утра. Однако когда рассветет, я прошу помочь мне вернуться на виллу Маре. Помогите также Касии. Сделав все разумно, мы сможем сохранить происшедшее в тайне от принца Василия. Она любит его, ты знаешь.

Иоанн кивнул:

- Да и принц любит Касию, но не может сказать ей об этом. Он проговорился однажды, когда был пьян. Когда кончится эта ночь, я расскажу ей. Думаю, Касии будет приятно. А сейчас я должен покинуть вас, пока Габрас не заподозрил неладное.

За Иоанном закрылась дверь, и Вульф задвинул ее деревянным буфетом, чтобы никто не помешал их уединению. Сердце Кейлин бешено стучало. Это действительно Вульф! Трясущимися руками она наполнила бокалы вином и взволнованно отпила глоток, когда он повернулся к ней и взял свой бокал.

Быстро осушив его, он резко сказал:

- Итак, ты должна выйти замуж. У тебя вид процветающей и горячо любимой женщины.
- А ты, полюбивший меня за мои земли, бросил их довольно быстро. Ты говорил, что устал от сражений, но, видимо, доходы гладиатора более высокие, и у него, конечно, больше привилегий, чем у простого солдата в легионе. - Кейлин чувствовала, что сделала глупость, придя сюда, и еще большую глупость, решив, что между ними все кончено.
- Как ты оказалась в Византии? - спросил он.
- На галере с рабами из Массилии, Вульф Айронфист, - не очень любезно ответила Кейлин. - Меня провели через всю Галлию, чтобы доставить туда. А до этого держали в наркотическом состоянии в загоне для рабов в Лондиниуме. - Она глотнула вина. - Я верю, наш ребенок жив, но что Антония сделала с ним? Пытался ли ты разыскать его?
- Антония сказала, что и ты, и ребенок погибли при родах, - оправдывался он, а затем рассказал, что ему стало известно после того, как он пришел на виллу Антонии, чтобы забрать

Кейлин домой.

- А как же наши тела? - спросила Кейлин сердито. - Ты даже не попросил взглянуть на наши тела?

- Она сказала, что сожгла обоих, и даже дала мне сосуд с пеплом. Я похоронил его там, где похоронена твоя семья, - закончил он беспомощно. - Я подумал, что твое желание было бы именно таким.

Мрачный юмор охватил Кейлин, и она засмеялась:

- Я подозреваю, что ты похоронил сосуд с древесным или угольным пеплом. - Она осушила бокал и налила себе еще вина.

- Как ты познакомилась с Иоанном Максима? - спросил он неожиданно.

- Он купил меня на рынке рабов и привел сюда, - ответила она холодно. - Ты уверен, что хочешь знать дальнейшее?

Вульф понял: это уже другой человек, но какой? Он медленно кивнул. По ходу ее рассказа его лицо отражало то гнев, то боль, то сочувствие. Когда она закончила, он долго молчал, а затем сказал:

- Как же мы позволили Антонии Порции разрушить наше счастье, Кейлин Друзас?

- О, Вульф, - ответила она, - прошло так много времени! Я думала, ты остался на землях моей семьи. Я решила, ты взял другую жену и имеешь ребенка. Откуда мне было знать, что мы встретимся здесь, в Византии, или еще где-нибудь на этой земле? - Она вздохнула и наклонила голову, чтобы скрыть внезапно брызнувшие слезы.

- Значит, так ты распорядилась своей жизнью? - с горечью произнес он.

- А что я могла сделать? - крикнула она. - Аспар избавил меня от этого ада и сделал меня свободной. Он дал мне кров и полюбил меня. Он предложил свое имя, чтобы защитить меня. Я научилась любить его, Вульф Айронфист!

- И забыла нашу любовь, Кейлин Друзас? - спросил он жестко. Протянув руки, он резко привлек ее в свои объятия. - Ты забыла, что когда-то было между нами, ягненок? - Его губы нежно коснулись ее лба. - Когда Антония сказала, что ты и ребенок умерли, я был опустошен. Я не мог поверить в это, и тогда она вручила мне этот чертов сосуд с пеплом. Я вернулся в наш дом и похоронил его. Я пытался жить там, но ты была повсюду. И дом, и земли - все было пронизано твоим существом! А без тебя ничего не существовало. Без тебя, Кейлин, все потеряло смысл. Однажды утром я проснулся, взял шлем, щит и меч и ушел. Я не знал, куда я брел, но знал - мне надо уйти от твоей памяти. Я прошел через всю Галлию и Италию. В Капуе в таверне я встретил гладиаторов. Там я поступил в школу и, начав участвовать в боях, быстро стал чемпионом. Я не боюсь смерти, понимаешь? Этот страх - самый главный враг гладиатора, но я не чувствовал его. Почему? Я потерял все, за исключением жизни, которой теперь не дорожил.

- И ты освободился от памяти обо мне в боях, в кувшине с вином или в объятиях других женщин, Вульф Айронфист? - спросила она.

- Ты всегда была со мной, Кейлин Друзас. В моих мыслях и в моем сердце, ягненок. Боюсь, я

не смогу убежать от тебя. – Он теснее прижал ее, вдыхая ее аромат и касаясь щекой ее головы.

Камень, в который превратилось ее сердце, когда она снова увидела его, начал крошиться.

– Что ты хочешь от меня, Вульф? – спросила она мягко.

– Мы нашли друг друга, мой милый ягненочек, – сказал он. – Разве мы не можем начать все снова? Боги опять соединили нас.

– Зачем? – прошептала она.

Он запрокинул ее лицо. Его губы были теплыми и очень мягкими, и когда поцелуй проник в нее, сердце Кейлин разорвалось пополам. Она все еще любила его! Хуже – она любила Аспара тоже! Что ей делать? Не найдя ответа, она обняла его за шею.

– Я не знаю теперь, что правильно, а что нет. – Она была совершенно растерянна. – О, Вульф, прекрати! У меня голова расколется от этих мыслей.

– Не знаешь! – воскликнул он. – Скажи, что не любишь меня, Кейлин Друзас, и я сейчас же помогу тебе бежать из виллы Максима. Я покину Константинополь, и ты больше никогда не увидишь меня. Может быть, так даже лучше. Ребенка мы потеряли, а жизнь, которую ты нашла в Византии, в большей степени устраивает тебя. Здесь не дикая Британия, ягненочек. Ты знаешь, нас ждет суровая судьба по возвращении в Британию. – Но несмотря на свои слова, он не разжимал объятий, не в состоянии расстаться с ней.

Кейлин молчала, казалось, целую вечность, а потом произнесла:

– Ребенок, может быть, еще жив, Вульф. Я почему-то чувствую это. Что же мы за родители, если даже не попытаемся найти его?

– А как же Флавий Аспар? Человек, за которого ты должна выйти замуж? – спросил он. – Было ли между вами такое, из-за чего ты могла бы остаться здесь, с ним?

– Много связывает нас, – ответила она тихо. – Больше, чем ты можешь представить себе. Я много теряю, возвращаясь с тобой в Британию, Вульф Айронфист, но там наши земли, которые Антония, конечно, присвоила себе. Там есть надежда найти нашего ребенка. Земля немало значит для меня. Любовь Аспара, однако, значительно перевешивает это чувство. Наш ребенок – вот что склоняет чашу весов в твою пользу.

Однажды, теперь кажется, что это было так давно, мы взяли на себя супружеские обязательства. Наш брак не был бы признан властями здесь, в Византии, если бы я предпочла Аспара тебе. Нас не венчали в их церкви. Но клятвы, которые мы дали друг другу в нашей стране, священны, и я не нарушу их теперь, когда знаю, что ты жив. Я принадлежу к семейству Друзас Кориниум, а мы уважаем наши обязательства не только тогда, когда это удобно, но всегда.

– Мне не нужны одолжения, – сказал он обиженно. Кейлин улыбнулась ему:

– Нет, Вульф Айронфист, тебе не нужны одолжения, но ты мой муж, если не хочешь здесь и сейчас же отречься от клятвы, которую мы дали друг другу в доме моего деда в ту осеннюю ночь. Однако помни: отказываясь от меня, ты отказываешься от нашего ребенка.

– Ты уверена в том, что говоришь, ягненочек?

- Нет, не уверена, Вульф Айронфист, - призналась она откровенно. - Аспар дорог мне. Я люблю его и причиню ему боль тем, что уеду, но я люблю тебя тоже, и у нас есть ребенок.

- А что, если мы не найдем его? - спросил он.

- Тогда у нас родятся другие дети, - сказала она мягко.

- Кейлин, - прошептал он, - я хочу любить тебя так, как мы когда-то любили друг друга.

- Это ожидает нас, не так ли? - ответила она. - Двери загорожены, и никто не побеспокоит нас до утра, но тебе надо снять тунику. О боги! Она мало что оставляет для воображения, и я предпочитаю видеть тебя без нее.

Теперь они, оба нагие, стояли в мерцающем свете ламп. Кейлин смотрела на него во все глаза. Она забыла его, но воспоминания с трудом возвращались к ней. Протянув руку, она дотронулась до серповидного шрама на его груди с левой стороны.

- Это новый, - сказала она.

- Я получил его в школе в Капуе. - Он протянул ей правую руку. - А этот - на весенних состязаниях в Равенне в прошлом году. Меня поймал человек с сетью и, решив, что я в его власти, уже достал свой кинжал. Он умер хорошо, насколько я помню.

Кейлин наклонилась и поцеловала шрам на его руке.

- Ты не должен больше выходить на арену, Вульф. Я потеряла тебя однажды и не хочу снова терять!

- Безопасных мест Нет, - вздохнул он. - Всегда где-нибудь таится опасность, моя любимая. - Затем его большие руки обхватили ее лицо, и он поцеловал ее в губы, в глаза, в щеки. Ее кожа такая мягкая. Она что-то шептала тихонько, откинув голову. Он горячо целовал ее белоснежную шею, чувствуя биение ее пульса. - Я люблю тебя, ягненок, - пробормотал он. - И всегда любил.

Внезапно в ней вспыхнуло желание. Она начала жадно целовать его, касаясь его тела губами и языком. Она дотронулась ртом до шрама на его груди, и он застонал, как от боли. Кейлин выпрямилась, и они посмотрели в глаза друг другу. Казалось, прошла целая вечность. Они обходились без слов. Протянув руку, она прикоснулась к его члену, нежно поглаживая его. Ее пальцы мягко обхватили и ласкали этот источник жизни.

- Ты лишишь меня мужского достоинства, милая, - сказал он.

- Ты уже не зеленый юнец, - успокоила она, - и мы можем воспользоваться тем, чему я научилась, к нашему взаимному удовольствию.

Встав перед ним на колени, она целовала его живот и бедра, затем, взяв член в рот, ласкала его, пока Вульф не попросил остановиться. Подняв жену на ноги, он жадно поцеловал ее.

Затем взял на руки и отнес на кровать, где они сплелись телами, целуя друг друга. Она перестала быть застенчивой девочкой, которую он знал раньше. Ее смелые руки ласкали его со знанием дела. Он не знал, то ли возмущаться, то ли восторгаться. В конце концов наслаждение взяло верх. Он потерял милую молоденькую жену, но обрел страстную зрелую женщину. Обняв ее, он гладил ее тело, а она замурлыкала, как кошечка, поощряя его и тихо вскрикивая, когда

начала чувствовать растущее возбуждение.

Он нежно сжал округлости ее груди и, наклонившись, начал лизать теплым языком соски, возбуждая розовые кончики. Вкус ее тела возбудил его, и он полизал ее теплую шелковую кожу между грудями, выше, к шее, и ниже, к животу.

Кейлин прерывисто стонала и всхлипывала.

- Знаешь, как доставить удовольствие женщине?

Как я ласкала тебя?

- Да, - прошептал он и спустился ниже, чтобы сделать то, что она хотела. Слегка надавив на ее маленькое сокровище, он проник глубже, возбуждая ее языком.

- А-а! - вскрикнула она, и ее тело изогнулось навстречу ему. Он доводил ее до неистовства, и она чувствовала, что он понимает это.

Потом Вульф подтянулся и медленно, с чувством вошел в нее. Проникнув глубоко, он застыл на какое-то время, передавая ей пульсирующим членом страстные послания. Затем, обхватив ее бедра руками, начал ритмично двигаться, пока в ушах у него не зазвенел ее протяжный крик. Веки Кейлин отяжелели, но она с усилием приоткрыла глаза, чтобы видеть его лицо, когда он обладал ею.

Он нежно обнимал ее, целуя, бормоча в ухо слова любви. Она полностью удовлетворилась им и все-таки страстно желала еще и еще. Она забыла ту страсть, которая существовала когда-то между ними, но сейчас он разжег тлеющие угли ее памяти, и она вспыхнула и оставалась такой всю ночь, снова и снова горя любовью, по-видимому, не в состоянии надолго получить удовлетворение.

Наконец, опустошенные, они немного задремали и проснулись от стука в дверь комнаты.

Вульф медленно поднялся на ноги. Напольная лампа и одна из маленьких масляных ламп догорели. Разбаррикадовав дверь, он открыл ее и увидел перед собой Касию и Иоанна.

- Что вам надо? - прорычал он.

- Джастин Габрас послал за Флавием Аспаром, - заговорил Иоанн. Его голос срывался, он казался испуганным. Кейлин вскочила:

- Мою одежду, Иоанн! Я должна немедленно одеться, и ради Бога, найдите что-нибудь приличное из одежды для Вульфа Айронфиста, чтобы он мог встретить генерала.

Касия, которая уже оделась, сказала:

- Твоя одежда у меня, Кейлин. Пойдем со мной!

- Помнишь, что ты говорила ночью? - спросил Вульф.

- Да, - ответила Кейлин с улыбкой. - Мы поедем домой в Британию, вернем наши земли и найдем нашего ребенка. Да, я помню это! - Она проскользнула мимо и вместе с Касией поспешила по коридору.

- Ты с ума сошла! - воскликнула Касия, помогая Кейлин одеться. - Хочешь променять

положение жены Аспара и все, что может предложить Византия, на этого Саксонца? Не один мужчина может быть хорош в постели! Кейлин засмеялась:

- Да, он хорош, но не только это, Касия. Вульф Айронфист - мой муж. У нас есть ребенок, точнее, пропавший ребенок, но мы найдем его, когда вернемся домой!

- Это сумасшествие! - повторила Касия. - Как ты вернешься в Британию? Где возьмешь деньги? Шансы найти ребенка ничтожны, Кейлин. А об Аспаре ты не подумала? Боюсь, ты разобьешь его сердце.

Кейлин глубоко вздохнула:

- Разве я не понимаю этого? А что бы ты сделала, если бы любила обоих мужчин? Я не могу иметь их обоих и поэтому должна выбирать, хотя это причиняет мне невыносимую боль.

Вошла рабыня Изис, сообщив, что Флавий Аспар и принц Василий ждут их в атриум.

- Василий? О боги! - воскликнула Касия. Придя в атриум, они обнаружили там также Джастина Габраса, Иоанна и Вульфа Айронфиста.

- Видите?! - торжествовал Габрас. - Что я вам говорил, господа?! Проститутка всегда останется проституткой. Я был потрясен, когда они появились здесь вчера вечером и остались развлекать гладиаторов.

- Как легко ложь слетает с вашего языка, Джастин Габрас, - произнесла Кейлин холодно.

- Вы отрицаете, что провели ночь в объятиях мускулистого Саксонца или что Касия развлекала гладиатора по прозвищу Гунн?

- А вы отрицаете, что силой принудили нас к этому, сорвав одежду и заставив играть в прятки в саду, пока нас не поймают и не отдадут в качестве призов гладиаторам?

- Я не похищал и не притаскивал вас сюда, госпожа, - ответил Габрас самодовольно. - Вы пришли сюда добровольно, а теперь кричите, что вас изнасиловали, когда обнаружилось ваше развратное поведение.

- Замолчи! - крикнул Флавий Аспар, и у Кейлин перехватило дыхание: она никогда не видела его таким гневным. Он посмотрел на нее тяжелым взглядом. - Вы вчера пришли сюда добровольно?

- Не вините ее, это я виновата! - не выдержала Касия.

Она готова была заплакать, что очень удивило муж чин» которые хорошо знали ее.

Суровое лицо Аспара немного смягчилось.

- Скажи мне правду, любовь моя, - обратился он к Кейлин. - Ты никогда не лгала мне.

- Не солгу и сейчас, мой господин Аспар, - сказала Кейлин спокойно. - Вчера на состязаниях мне показалось, что я узнала одного из гладиаторов. Я сообщила об этом Касии, и она решила, что надо поехать на виллу Максима и посмотреть на этого мужчину вблизи, чтобы выяснить, не ошиблась ли я.

- Она не соглашалась ехать, - прервала ее Касия. - Она беспокоилась, что кто-нибудь может

увидеть нас и это плохо отразится на вас, мой господин.

- Не надо защищать меня, Касия, - мягко оборвала свою подругу Кейлин. - Мой господин хорошо знает мой характер.

- И когда ты увидела этого гладиатора вблизи, Кейлин Друзас, он действительно оказался тем человеком, которого ты знала? - спросил Аспар.

- Да, мой господин, это он. Человек по прозвищу Саксонец - мой муж, Вульф Айронфист.

Пока мужчины осмысливали это поразительное открытие, Кейлин продолжала объяснять, что произошло с ней и с Касией по воле Джастина Габраса. Когда она закончила, Касия быстро вступила в разговор:

- Гунн не был близок со мной, мой принц. Говорили, что он очень плохо переносит вино. Я хотела напоить его, а потом стукнуть чем-нибудь по голове, но оказалось достаточно трех бокалов лучшего кипрского вина Иоанна, и он захрапел, как дикий боров.

Было ясно, что Василию очень хотелось поверить Касии. На лице его отразилось облегчение, когда в разговор вступил Вульф Айронфист:

- Она говорит правду, мой господин. Я жил с Гунном все эти месяцы, и действительно он очень слаб на вино.

- А ты, Кейлин Друзас? - спросил Аспар. - Ты тоже напоила Саксонца?

Она увидела боль в его глазах, которую он старался спрятать от других, и про себя решила, что Габрас не добьется победы над Флавием Аспаром и она не причинит ему боль.

- Вульф и я провели ночь беседуя, мой господин. Нам надо было о многом рассказать друг другу, не так ли, Вульф?

Саксонец понял ее намерения и подумал, что Флавий Ас-пар вряд ли поверит тому, что он скажет в поддержку Кейлин.

- Кейлин говорит правду, мой господин. У нас так много нерешенных проблем.

- Они лгут! - закричал Джастин Габрас. - Он не мог провести ночь с этой женщиной и не тронуть ее!

- Я что, зеленый юнец, змей, чтобы совать свой меч в каждые хорошенькие ножны? Назвать меня лгуном, Габрас, значит искать себе смерть!

Джастин Габрас побледнел и отступил назад.

- Вы сделали свое злое дело, Габрас, - заговорил принц Василий. - Теперь убирайтесь отсюда, и, если я услышу хоть одно слово об этом скандале, обещаю, что вы очень плохо кончите. У вас нет друзей в Византии. Если хотите увидеть рождение своего ребенка, забудьте то, что вы сделали.

- И он не будет наказан? - спросила Касия, почувствовав, что не потеряла благосклонности своего любовника. - Посмотри, какие неприятности он причинил нам!

Василий засмеялся:

- Он женат на Флацилле Страбо. Думаю, этого наказания достаточно.

Когда Джастин Габрас повернулся, чтобы уйти, из полумрака выступил Фока Максима:

- Минуточку, господин Габрас. Дело касается счета. Я думаю, разумно уладить все сегодня. Этим утром вы нажили себе здесь могущественных врагов, и теперь неизвестно, сколько вам осталось жить. - Он взял его за руку и повел за собой.

Иоанн, оглядывая компанию, собравшуюся в атриум, гадал, чем все закончится. Ему не пришлось долго ждать.

Аспар взял руку Кейлин.

- Скажи мне, - попросил он.

- Я должна ехать в Британию, мой господин, - промолвила она тихо, и на глазах ее появились слезы.

- Ты так легко покидаешь меня, любовь моя? - спросил он с горечью.

- Нет, - ответила Кейлин. - Мне нелегко покинуть тебя. Прежде чем я приняла решение, я долго думала. В глазах твоей православной церкви я незамужняя женщина и могу вступить с тобой в брак, Аспар. Но по старым законам Британии я - жена Вульфа.

Однажды императрица сказала, что любовь - это слабость тех, кто обладает властью. Я не поверила ей тогда, мой господин, но сейчас убедилась в этом. Что, если Саксонец не оказался бы Вульфом Айронфистом? Что бы ты сделал, если бы узнал, что меня изнасиловали? Что, если бы я сошла с ума от случившегося? Я знаю, Габрас сам хотел завладеть мной. Как бы ты чувствовал себя, узнав, что женщина, которую ты любил и хотел взять в жены, осквернена и опозорена?

Твоему положению в империи пришел бы конец, мой господин. Я - твоя слабость, Флавий Аспар! Твои враги могут подобраться и нанести удар через меня, через наших будущих детей. Я была по-детски глупа, когда думала, что мы сможем жить спокойно, как жили мои родители. Ты нужен Византии, мой милый, очень нужен ей. Кроме того, - она улыбнулась ему, - тебе так нравится сажать на трон императоров. Ты займешься разведением лошадей, будешь выращивать зерно, заготавливать сено...

Я должна покинуть тебя, мой дорогой господин, чтобы уберечь от врагов. Другого выхода нет, и в глубине души ты чувствуешь, что я права. Что касается Вульфа Айронфиста... У нас с ним в Британии есть земля, которую мы должны вернуть, и ребенок, который пропал, но которого мы найдем. Я не могу отвернуться от всего этого, хотя и разрываюсь между вами! Однажды я сказала, что фортуна не милостива ко мне, но теперь она слишком добра, ведь не каждая женщина любима двумя такими прекрасными мужчинами. А женщина, ты знаешь, способна любить двоих.

Если бы я только могла представить, что снова встречу с Вульфом Айронфистом, я не позволила бы тебе любить меня, Флавий Аспар. Я не нужна тебе на самом деле. Я только обуза дня тебя. А Вульф нуждается во мне.

- Ты не сможешь уберечь меня от любви к тебе, Кейлин Друзас, - печально произнес Аспар, - но если ты должна покинуть меня, я не встану на твоём пути.

Он хотел умолять ее остаться, хотел сказать, что она вовсе не обуза, что он справился бы со своими врагами; но вместо этого он распорядился:

- Ты должна взять Нелвин с собой. Британия - ее родина тоже, и я не знаю, что с ней делать, если ты оставишь ее. Она будет постоянно напоминать о тебе.

- Да, я возьму Нелвин.

- Я сообщу Зиновию, чтобы он упаковал твои вещи и прислал их вместе с девушкой, если ты сама не пожелаешь приехать на виллу Маре и проследить за этим делом, любовь моя.

- Я ничего не возьму от тебя, мой господин. При таких обстоятельствах это было бы несправедливо.

- Не будь дурочкой, - вмешалась практичная Касия. - Тебе нужна одежда, Кейлин! Я поеду на виллу Маре и упакую вещи, которые пригодятся тебе. Тебе действительно не нужны роскошные платья, но потребуются теплый плащ, простая стола, рубашки и туфли, потому что, я думаю, вам придется совершить длинное путешествие, прежде чем вы доберетесь до дома в Британии.

Иоанн, молчавший все это время, неожиданно заговорил:

- Фока и я владеем небольшим торговым судном, которое направится в Массилию, когда начнется дневной прилив. Оно доставит вас в Галлию. Я могу договориться, чтобы вас взяли в качестве пассажиров, если вы пожелаете.

- Превосходная идея! - согласился Аспар. - «Лучше закончить все побыстрее», - подумал он, а вслух произнес:

- Не забудь драгоценности, Касия.

- Нет! - воскликнула Кейлин. - Я не могу взять их.

- Конечно, ценности опасно везти с собой, - поддакнул Вульф.

- Они помогут вам начать новую жизнь в Британии, Вульф Айронфист. - Аспар впервые обратился к нему. - На деньги нельзя купить счастье, как известно, но можно приобрести необходимые вещи, включая скот и преданность слуг. Кейлин и Нелвин зашьют драгоценности в плащи для безопасности. Я прослежу, чтобы у вас были деньги.

- Мой господин... - Вульф не знал, что сказать.

- Я хочу позаботиться о ней. Саксонец! - резко оборвал его Флавий Аспар. - Ты понимаешь меня? Она не должна ни в чем нуждаться!

Вульф кивнул и подумал: если бы Кейлин выбрала Аспара, а не его, был бы он так же благороден?

Он сомневался в этом.

Иоанн покинул их и поспешил в порт. Торговое судно, на котором они должны были совершить путешествие, редко брало пассажиров. На палубе размещалась одна крошечная деревянная пристройка, служившая каютой, которую капитан делил со своей супругой, если не было случайного пассажира, оплатившего рейс. Когда такое происходило, капитан и его жена спали

на подвесных койках на верхней палубе. Маленький корабль был приспособлен для каботажного плавания. Судно перевозило в Галлию ткани.

Иоанн распорядился поднять на борт и отложить для Кейлин и ее спутников шесть бочек свежей воды. Он проследил, чтобы погрузили козу, полную клетку цыплят, несколько ящиков хлеба, четыре головки сыра и фрукты.

Касия встретила их на корабле. Она не только упаковала необходимую одежду для подруги, но принесла также гребень, пару сапог и драгоценности.

Нелвин удивилась такому повороту событий и не верила, что возвращается в Британию. Касия все ей объяснила. Глаза девушки расширились при виде Вульфа Айронфиста.

Имущество Вульфа уместилось в небольшой котомке. Остальные гладиаторы еще спали. Вряд ли они хватятся Саксонца до следующего дня, когда ему положено явиться на бой.

- Публику ждет большое разочарование, когда обнаружится, что великий непобедимый чемпион исчез, - заметил Иоанн. - Мы должны увидеть, как они потребуют ответа у Габраса. Они могут взбунтоваться, могут даже поджечь его дворец. Все может быть. Касия, дорогая, думаю, завтра я не пойду на состязания.

- Я собиралась посмотреть только Саксонца, - сказала Касия с легкой улыбкой. Затем, повернувшись к Кейлин, обняла ее. - Ты пострадала из-за меня. Отправляйся с Богом, дорогая подруга. Когда задуют зимние ветры, я буду думать, что ты уже вернулась домой, в свою любимую Британию. Наверняка это дикое место, и ты сумасшедшая женщина, если едешь туда! - Она засмеялась.

- Не говори о том, о чем не имеешь понятия, - остановила ее Кейлин. - Мы вряд ли доберемся до Британии зимой. Скорее всего весной. Прощай, дорогая Касия. Пусть боги всегда будут благосклонны к тебе. - Она повернулась к Аспару. Он молча стоял поодаль. Взяв его за руку, она поднесла ее к своим губам и поцеловала. - Если ты когда-нибудь пожалеешь о том, что было, я никогда не прощу тебя, Флавий Аспар. Наша любовь настоящая, это правда, но судьба заставляет нас разойтись в разные стороны. Я никогда не забуду тебя, мой дорогой господин.

- Память о тебе всегда будет со мной, - ответил он тихо. - Я тоже никогда не забуду тебя, Кейлин Друзас. Ты научила меня любить, и поэтому я не уверен, что могу простить тебя. Может быть, лучше не знать, что такое любовь, чем страдать, потеряв ее. Бог с тобой, моя дорогая. - Он нежно поцеловал ее в губы.

На глазах Кейлин выступили слезы.

- Черт тебя побери, Аспар, - прошептала она.

- Я родился под знаком Скорпиона, любовь моя. Я жалею, когда меня задевают. А теперь поднимайся на борт, пока я не решил, что хватит благородства.

Корабль вышел из гавани, обогнул город и проплыл мимо императорского дворца. День был солнечным, искрилась вода. Они прошли мимо Мраморной башни, которая обозначала конец городских стен.

Судно скользило по волнам, подгоняемое свежим попутным ветром.

Вульф Айронфист крепко обнял Кейлин и прижал к себе.

- Я надеюсь, никто из нас не сожалеет о своем решении.

- Думаю, нет, - ответила она, и, когда их корабль проплывал мимо виллы Маре, она прошептала про себя последние прощальные слова Флавию Аспару. Он переживет разлуку, она тоже. «Я стала закаленной», - подумала она. Ветер развеивал ее длинные каштановые кудри. Она смотрела на запад. Впервые за много месяцев она осознала, кто она. Она - Кейлин Друзас, британка, потомок римского трибуна и множества кельтских предков, и она возвращается домой. Домой, в Британию!

Часть III. БРИТАНИЯ. 457 год

Глава 15

Сорок дней потребовалось, чтобы добраться из Византии до Галлии. Торговое судно прошло через Геллеспонт, пересекло Мраморное море, вошло в Эгейское море, направляясь вдоль греческих берегов. Когда они достигли Мезона, капитан подошел к Кейлин и Вульффу и сказал:

- Хозяин Иоанн хотел, чтобы вы сами выбрали дальнейший маршрут. Я могу пойти на север вдоль греческого берега и пересечь море до Италии в ближайшей точке, или мы можем направиться прямо через Ионическое море к Сицилии, что наполовину сократит время. Погода хорошая и устойчивая, но мы удалимся от берега достаточно далеко. Шторм может налететь внезапно, а вы не моряки. Разумеется, я все равно доставлю вас до места в целостности и сохранности. - И, улыбаясь, пояснил:

- Я получаю процент от стоимости доставленного груза.

- Тогда направляйтесь прямо к Сицилии. - Вульф принял решение. - Мы хотим к весне добраться до Британии.

Почти семь дней они не видели земли, но наконец справа и слева на горизонте показались мыс «итальянского сапога» и гористые берега Сицилии. Корабль прошел по узкому Мессинскому проливу в Тирренское море. Они несколько раз останавливались, чтобы пополнить бочки свежей водой. Капитан корабля предпочитал бросать якорь у пустынных берегов, чтобы избежать портовых налогов.

- Все таможенники - воры. Как правило, они объявляют, что нашли на судне контрабанду, особенно если вы только проходите мимо. Затем конфискуют груз. Это настоящий грабёж! - закончил он негодуя.

Они плыли вдоль берегов Италии мимо Неаполя, Остии, Пизы и Генуи. Наконец достигли цели своего плавания, и Кейлин почувствовала огромное облегчение. Ей хотелось вымыться.

В первый день их пребывания на борту Кейлин перебирала одежду, которую Касия упаковала для нее, и, к своему удивлению, обнаружила два мешочка с деньгами. В одном оказалось двадцать золотых солиды, другой был набит медными фоллесами. Она показала их Вульффу, и тот молча покачал головой.

- Под моим тюфяком одна доска не прибита, - тихо сообщила она. - Я спрячу туда наше богатство, но кто-то всегда должен находиться в каюте, чтобы нас не ограбили. Деньги и мои драгоценности - это все, чем мы владеем. Когда доберемся до дома, нам понадобятся деньги, чтобы начать новую жизнь. Капитану я доверяю, чего не могу сказать о двух его помощниках. Мне не нравится, как они смотрят на Нелвин.

- Нелвин - глупый крольчонок, - ответил он. - Без защиты собаки съедят ее. Она твоя рабыня. Поговори с ней.

Не мое это дело.

- Почему ты так раздражен? - спросила она. - Ты как старый кот с холодными лапами. Не рад, что мы снова вместе?

- Мне не верится, что мы вновь обретем счастье, - честно признался он. - Я считал тебя мертвой, а потом вдруг нахожу живой. Ты предпочла вернуться со мной в Британию, а не выйти замуж за богатого и могущественного человека. Но мы ни разу не остались наедине с тех пор, как нашли друг друга, и, вероятно, пройдет еще несколько месяцев, пока у нас появится такая возможность. Ты красива, Кейлин, ты - моя жена, и я хочу тебя!

- Тебе следует научиться терпеть, - сказала она спокойно, затем озорно хихикнула:

- И мне тоже, Вульф Айронфист!

Когда они наконец причалили, капитан, проявив заботу, рассказал, что по римским дорогам через Галлию регулярно отправляются караваны купцов. Вульф сможет найти надежных спутников на постоялом дворе «Золотая стрела».

- Не пытайтесь идти в одиночку, господин. Слишком много бандитов, а при вас женщины. Такого здорового, крепкого парня с радостью примут в любую партию. Если женщины захотят помочь в готовке еды, еще лучше.

Вульф поблагодарил капитана за совет, и, припрятав мешочки с деньгами и драгоценности, все трое покинули корабль. Кейлин и Нелвин надели простую одежду, накинули на головы капюшоны. Скромно потупив глаза, они следовали за Вульфом Айронфистом по оживленным портовым улицам к постоялому двору, где Вульф справился о караванах, отправляющихся к северному берегу Галлии.

- Несколько караванов уйдут через день или два, господин, - ответил хозяин гостиницы. - Как далеко вы направляетесь? С вами еще кто-то?

- Нам надо добраться до Гесориакума, - ответил Вульф, - со мной жена и служанка. Мы следуем из Византии.

- И направляетесь в Британию, - сказал хозяин гостиницы, - готов спорить.

Вульф утвердительно кивнул.

- Как видите, я здоровый парень. Я служил в легионах, хорошо владею мечом, а моя жена и служанка умеют готовить. Мы не будем помехой.

- Заплатить можете? - спросил хозяин. Они не были похожи на попрошаек, но все же лучше спросить, кто их знает.

- Разумную цену, - медленно произнес Вульф. - Мы не торговали. Наше путешествие из Византии дорого стоило нам. Разве наших услуг недостаточно? Ну а если заплатим, то взамен, я надеюсь, получим еду?

- Вам повезло, - обрадовался хозяин. - Большой караван торговцев уходит завтра и держит

путь прямо в Гесориакум. Часть партии остановится по пути в других городах, по основной караван идет к северному берегу. Я знаю хозяина каравана – здорового рыжеволосого парня. Он пьет вино у меня на дворе. Он всегда может взять еще человека. Скажите ему, что Пауль рекомендует вас. Договоритесь с ним сами.

- Благодарю вас, господин, – сказал Вульф. – Не могли бы вы сдать комнату на ночь мне, моей жене и служанке? И еще, где находятся общественные бани? Кроме того, я должен купить лошадей для путешествия.

- У меня нет отдельных комнат, но женщины могут получить соломенный тюфяк на чердаке. А вы переночуете здесь, как и все мужчины, которые останавливаются в «Золотой стреле».

Пока Кейлин и Нелвин мылись, Вульф пошел на рынок и купил двух лошадей: гнедого мерина и черную кобылу, достаточно крепкую, чтобы выдержать обеих женщин, если это будет необходимо. Затем вернулся к бане, где Кейлин и Нелвин Ада-пи его. Драгоценности и лошади оставались под их присмотром, в то время как Вульф смывал с себя грязь сорокадневного пребывания в море. Потом они вернулись на постоянный двор, где Вульф представился хозяину каравана, которого звали Герхард. Вскоре мужчины договорились. Герхард быстро принимал решения. Сделка обошлась в шесть фоллесов – но два фоллеса с каждого. Вульф согласился, а обе женщины должны помогать готовить пищу. Взамен они получают возможность путешествовать в опасности и есть из общего котла.

- Если хотите вина, берите с собой, – предупредил Герхард. – Запаситесь собственными тарелками и ложками. И еще... я не хотел бы, чтобы ваши женщины торговали собой. Могут вспыхнуть ссоры.

- Одна из женщин – моя жена, а другая – ее служанка. – Вульф был абсолютно спокоен. – Они не занимаются проституцией, и если наши мужчины будут искоса поглядывать на них и неуважительно относиться к ним, они отведают силу моего дара.

- Понятно, – ответил Герхард. – Мы уходим на рассвете. Они поспешили на рынок, где Кейлин купила новые деревянные тарелки и один бокал на всех. Она нашла женщину, продающую тюфяки, набитые свежей соломой, и купила три штуки вместе с шерстяными одеялами.

- Нам нужна повозка, – сказала она мужу. – Кобыла повезет наше имущество. Мы не сможем тащить все на себе. Ты привык спать на земле, а мы с Нелвин нет. Нам необходимы мешки с водой, жаровня и древесный уголь. Скоро зима, Вульф, и чем дальше на север – тем больше шансов, что выпадет снег. Повозка послужит нам защитой от плохой погоды и диких зверей.

Он засмеялся:

- В Византии ты жила как королева. Я было подумал, ты растеряла свою практическую сметку, но вижу, что ошибался. Пойдем и купим все, что ты считаешь необходимым.

Они выступили утром до восхода солнца. Женшины управляли небольшой повозкой, на которую натянули парусину. Они тщательно уложили все свое имущество внутри рядом с провизией для общего котла. Мешки с водой свисали снаружи.

Караван следовал по римской дороге через Галлию, затем они вышли на дорогу, которая сворачивала немного севернее и вела в Гесориакум, древний военно-морской порт. Прошло много недель, пока они достигли цели. Была уже середина февраля.

О следующем переходе они договорились с торговцем на побережье. Он обещал переправить

их по морю через тридцатимильный пролив, отделяющий Галлию от Британии, и доставить в порт Дуврис. Когда утром двадцатого февраля солнце поднялось над Галлией, они причалили в Британии.

Кейлин, не стыдясь, плакала.

- Я не думала, что когда-нибудь снова увижу мою родную землю... - всхлипывала она, пока Вульф успокаивал ее.

- Мы были в пути больше четырех месяцев, - заметил он. - Не хотела бы ты отдохнуть несколько дней теперь, когда мы вернулись в Британию?

Кейлин отрицательно покачала головой:

- Нет! Я хочу домой.

Повозка тяжело тронулась по направлению к Лондннуму. Кейлин смотрела вокруг, мало что припоминая. Когда-то этот город внушал ей благоговейный страх, но теперь выглядел таким невзрачным по сравнению с Константинополем. Она обрадовалась, узнав Стейн-стрит, ведущую на запад к Кориниуму.

Когда они достигли города, где когда-то давно обосновалась семья Кейлин, она была потрясена. Некогда процветающий Кориниум почти обезлюдел; улицы завалены мусором, здания в ужасном состоянии; амфитеатр зарос травой, пробивающейся между каменными потрескавшимися сиденьями; большинство домов было заперто.

- Что случилось? - спросила она Вульфа. Он покачал головой:

- Не знаю, может быть, из-за отсутствия власти город захирел. Посмотри вокруг, одни старики на улицах. Они остались, потому что им некуда идти. Однако рынок процветает. Кажется, это единственное, что сохранилось.

- Смотри, что продают - мясо, зерно, кое-какое старье... Что случилось с торговлей? Где гончары, другие мастеровые?

- Люди должны есть, - начал он. - Что касается остального, не знаю. - Он пожал плечами. - Поехали, ягненок, через два дня доберемся до наших земель. Не будем прохлаждаться. Уверен, нам придется бороться с Антонией Порцией. Она, конечно, опять захватила их. По крайней мере лучше узнать, чем доверять ей на этот раз. И твоя семья добунни порадует, узнав, что ты жива.

Их повозка двигалась по дороге, пока они наконец не свернули на едва различимый путь. Шел дождь, когда они остановились на ночлег. Они сидели в повозке и слушали, как капли дождя стучат по парусиновой крыше. Небольшое помещение быстро нагрелось благодаря маленькой жаровне. Они никого не встретили с тех пор, как выехали из Кориниума, но тем не менее Вульф решил, что повозку надо охранять.

- Мы не можем позволить себе лишиться всего имущества, - объяснил он. - Тронемся на рассвете. Если нам повезет, к полудню мы доберемся до нашего дома.

На следующий день опять пошел дождь. Съездившись на сиденье и управляя кобылой, Кейлин поняла, что забыла, какой сырой и холодной бывает весна в Англии. Она вспомнила солнечные дни, которыми наслаждалась в Византии. «Нет, хорошо все-таки вернуться на родину», -

подумала Кейлин, дрожа всем телом. Вокруг нее – знакомые картины. Неожиданно они въехали на холм и остановились. Кейлин увидела владения своей семьи.

Вульф выругался:

- Проклятая Антония, вредная сука! Дом сожжен! Она заплатит за это, клянусь!
- Почему Бодвок не остановил ее? – спросила Кейлин.
- Не знаю, но скоро выясню. Мы должны начинать все сначала, ягненок. Извини.
- Это не твоя вина, Вульф, – успокоила она его. – Мы переживем это, как пережили все остальное в нашей трудной судьбе.

Когда они спускались по склону холма, Кейлин заметила, что поля не вспаханы, а сады не обработаны. Что здесь случилось? Она остановила повозку перед пепелищем, которое когда-то было их домом. Оглядевшись, они обнаружили, что нанесенный ущерб не так велик, как это показалось. Соломенная крыша, конечно, сгорела, но основные балки только обожжены. Очаги не тронуты, осталось кое-что из мебели, что можно отремонтировать. Однако многое пострадало, включая тяжелые дубовые двери дома. Тем не менее с новой крышей они неплохо устроятся.

- Нам надо в первую очередь покрыть крышу соломой, – сказал Вульф.
- Сами мы не сможем это сделать, – ответила Кейлин. – Где наши рабы и крестьяне? – Она вздохнула. – Ты, как и я, знаешь ответ на этот вопрос. Мы должны пойти к ней и вернуть наше имущество. Кроме того, надо заставить ее сказать, где наш ребенок. Антония должна знать, где он.
- Сначала давай поедем к добунни, – предложил Вульф. – Они расскажут, что случилось. Думаю, будет лучше, если мы все разузнаем прежде, чем выступим против Антонии. Она, очевидно, прогнала Бодвока и Нуалу, иначе они защитили бы наше добро.
- Давай затащим повозку в дом, – сказала Кейлин. – Лошадей уведем в деревню деда. Если кто-нибудь и пройдет мимо, то вряд ли заметит.
- Не оставляйте меня одну, – пролепетала Нелвин. – Я боюсь.
- Мы с тобой вдвоем поедем на кобыле, – успокоила Кейлин служанку. – Дом пока непригоден для жилья, но скоро мы отремонтируем его.

Они завели черную кобылу в дом, выпрягли из повозки и задвинули телегу в темный угол, где ее вряд ли кто увидит, даже если войдет в разрушенное помещение. Потом женщины забрались на кобылу. Кейлин села впереди, а Нелвин позади, обхватив хозяйку за стройную талию. Вульф вывел кобылу, затем сел верхом на своего мерина, и они направились вверх по холмам, через луга и леса в деревню Берикоса.

Они достигли форта и сразу же поняли – что-то произошло. Сторожевых постов не было, и они беспрепятственно вошли в деревню. Обитатели исчезли, и, видимо, давно.

- Что случилось? – спросила Кейлин испуганно. Вульф покачал головой:
- Где-то поблизости есть другие деревни. Ты можешь сказать, где они расположены,

ягненок? Добунни не могли бесследно исчезнуть с лица земли за два с половиной года нашего отсутствия. Они должны быть где-то здесь.

- Конечно, есть другие деревни, но я никогда не бывала там, - сказала она, - никуда не выезжала отсюда, однако знаю, что деревни должны быть рядом, ведь племя владело небольшой территорией. Давай двинемся в путь, и мы обязательно наткнемся на какое-нибудь селение.

- Другого варианта нет, - согласился Вульф, и они медленно двинулись на северо-восток в поисках людей.

Сначала местность казалась пустынной, но в конце концов они начали замечать признаки жилья: пасущихся коров, стадо овец на лугу и, наконец, пастуха, которого и окликнули.

- Есть ли поблизости деревня добунни, мальчик? - спросил его Вульф.

- Кто вы? - ответил пастух вопросом на вопрос.

- Я - Вульф Айронфист, Это моя жена Кейлин Друзас, внучка Берикоса, племянница Эппилуса, кузина Корио. Мы долгое время отсутствовали, а когда вернулись, отыскивали форт Берикоса, но обнаружили, что он пуст. Куда все подевались?

- Вы найдете нашу деревню на другом склоне холма. - Пастух опять не ответил на заданный вопрос. - Эппилус там.

Они перевалили через холм и в небольшой тихой долине увидели деревню добунни. Часовые, занявшие сторожевые посты, молча наблюдали, как они проехали в центр деревни. Вульф спешил, затем снял с кобылы сначала свою жену, потом Нелвин. Они огляделись, и, когда Кейлин откинула капюшон, открыв лицо, женщина с двумя детьми, вцепившимися в ее юбку, пронзительно закричала:

- Кейлин! Неужели это ты? Говорили, что ты умерла!

- Нуала! - Кейлин бросилась вперед и обняла свою кузину. - Это действительно я. Я вернулась домой. Как Бодвок? Сира и Маеве? Что с Берикосом? Старый черт все еще держится за власть, несмотря на болезнь, или Эппилус стал вождем добунни?

- Бодвок умер, - сказала Нуала тихо. - Он умер в прошлом году от эпидемии чумы, которая унесла многих наших людей - Сиру, Маеве и нашего деда в том числе. Мы потеряли почти всех стариков и детей. Корио чудом уцелел. Чума не коснулась меня и моих детей, хотя болел Бодвок. Вот мои дети. Это Коммиус, старший. Я уже носила его в день свадьбы. Девочку зовут Морна. Пойдем, Эппилус хочет видеть тебя. - Она отвернулась от Кейлин, чтобы поздороваться с Вульфом Айронфистом.

- Привет, Нуала. Я очень сожалею о смерти Бодвока. Он был хорошим человеком. Теперь понимаю, почему ты покинула земли, которые мы отдали вам. Одинокая женщина с двумя детьми не может управлять таким хозяйством.

- Да нет, не в этом дело, - покачала головой Нуала. - Антония Порция выгнала нас вскоре после того, как ты ушел. Она утверждала, что земли Друзаса Кориниума принадлежали ее бывшему мужу, а теперь перешли к ней и ее сыну. Бодвок понял, что мы не сможем бороться против нее.

Они последовали за Нуалой в дом ее отца. Эппилус, которого уже известили об их прибытии, вышел вперед приветствовать путешественников.

- Нам сообщили, что ты умерла при родах, Кейлин, - удивился он, - а потом исчез Вульф Айронфист. Что случилось с тобой, племянница? Подойди, сядь у огня. Принесите вина нашим гостям. Кто эта хорошенькая девушка с вами? - Он засыпал ее вопросами.

- Это Нелвин, дядя. - Кейлин улыбнулась. - Она моя служанка и проделала со мной весь путь из Византии, где я была. - Затем Кейлин рассказала о своих приключениях и приключениях Вульфа собравшимся родственникам и всем, кто столпился в зале. - Наш дом частично сгорел, - закончила она. - Что произошло за время нашего отсутствия и почему пустует форт Берикоса?

- В деревне Берикоса умерло от чумы много людей, - пояснил Эппилус, - почти никого не осталось. У Антонии Порции новый муж. Он не кельт и не британец римского происхождения. Он саксонец, и зовут его Рагнар Стронгспир. В эти края прибыло много саксонцев, и они обосновались здесь. Даже в этой деревне живут не только добунни. Среди нас есть и саксонцы, многие из них вступили в брак с нашими детьми. Один из саксонцев стал новым мужем Нуалы. - Он пригласил юношу приятной наружности со светлыми волосами и светло-голубыми глазами выйти вперед. - Это Вайнфритц, мой зять. Я рад родству с ним. Он хороший муж для моей дочери и хороший отец моим внукам.

- Приветствую тебя, Вайнфритц, муж Нуалы, - сказал Вульф.

- Приветствую тебя, Вульф Айронфист, - последовал вежливый ответ.

- Расскажите мне об этом Рагнаре Стронгспире, - попросил Вульф Айронфист Эппилуса, наклонившись вперед с явным интересом в глазах. - Что он за человек?

- Известно, - медленно произнес Эппилус, - что он забияка. Он появился здесь несколько месяцев назад вместе с шайкой таких же, как он, бандитов. Он убивал всех на своем пути, грабя и сжигая. Я убедился в этом, когда он поджег ваш дом. Он обосновался на вилле Антонии и привез с собой двух жен, но тем не менее взял в жены и Антонию, только богам известно почему. Антония живет вместе с другими женщинами, своим отцом и кучей детей, которые беспрестанно крутятся под ногами.

Этот саксонец уже распространил свою власть на окрестные владения, требуя покорности и непомерной дани. Он пока еще не обнаружил нашей деревни здесь в долине, но мы ожидаем, что это скоро произойдет. Нам придется признать его своим господином, чтобы уцелеть. Другого выбора нет.

- Есть, - возразил Вульф Айронфист. - Вы можете избрать меня вашим господином, Эппилус. Нуала говорит, что чума поразила в основном стариков и детей. Это значит, что большинство мужчин, которых я обучал несколько лет назад, все еще живы. Если они согласятся служить мне, мы одолеем Рагнара Стронгспира, и вы сможете мирно жить под моей защитой. Мы родственники, Эппилус, и я не стану обижать тех, кого поклялся оберегать. Сейчас иные времена. Твоя и другие деревни нуждаются в сильном человеке, который бы защитил их. Выбирайте - или я, или Рагнар Стронгспир.

- Мы, конечно, выбираем тебя, Вульф Айронфист, - решил за всех Эппилус. - Мы знаем, ты справедливый и честный человек, который не станет плохо обращаться с нами и нашими семьями. Чем мы можем помочь тебе?

- Сначала я должен поговорить с мужчинами. Необходимо быстро восстановить боевые навыки. Может быть, в деревне найдутся новые люди, которые присоединятся к нам.

- Я хочу, - выступил вперед муж Нуалы Вайнфритц. - Я кузнец и могу изготовить оружие. Я сделаю все, что в моих силах, Вульф Айронфист, чтобы защитить наши земли от Рагнара Стронгспира.

- Хорошо! - обрадовался Вульф Айронфист, улыбнувшись молодому человеку. - Пойди и поговори с другими саксонцами, которые живут в этой деревне. Скажи им, что не саксонцы будут воевать против кельтов, а справедливость выступит против несправедливости.

Вайнфритц кивнул.

- Между саксонцами и кельтами нет конфликтов, - признал он, и остальные согласились. - Мы простой народ и хотим жить со всеми в мире.

- Мне нужно покрыть крышу соломой, но я не могу сделать это один, - сказал Вульф. - Кроме того, я должен построить стены вокруг дома для защиты.

- Мы поможем, - заговорил Эппилус. - Я пошлю за людьми в две другие наши деревни. Едва ли Рагнар Стронгспир узнает, что мы восстанавливаем дом. Он редко навещает сюда, так как очень суеверен и думает, что в дом является семья Кейлин. Вероятно, Антония рассказала ему историю этих земель, и он сделал свои выводы.

- Если Антония рассказала ему эту историю, то сделала это намеренно и с определенной целью, - вставила Кейлин. - Меня интересует, зачем она это сделала?

Они остались на ночь в деревне Эппилуса. Когда наступило утро, они удивились, обнаружив, что прибыла по крайней мере сотня молодых мужчин, одни из которых были знакомы, другие нет. Вульф назначил Корио и Вайнфритца своими оруженосцами. Те, кто уже владел военным искусством, начали обучать остальных. Другая группа из двадцати человек поскакала с Вульфом, Кейлин и Нелвин назад к их дому. Они захватили с собой достаточное количество соломы для крыши и сразу же приступили к работе. Эппилус послал вслед повозку с провизией. Кейлин и Нелвин готовили и кормили работников; спали все на полу. Женщины помогали в работе, выносили из дома мусор. В одном из углов обнаружили нору, где поселилась лисичка, а также множество полевых мышей. Мебель, подлежащую ремонту, убрали в сторону.

Через несколько дней крышу восстановили. Вайнфритц приехал с Нуалой и начал ремонтировать поломанную мебель.

Как-то днем Кейлин присела на скамейку рядом со своей кухней.

- Твоему отцу нравится твой новый муж, он кажется порядочным человеком, - заметила она.

- Он не похож на Бодвока, - призналась Нуала, - но такого, как Бодвок, уже не будет. Вайнфритц любит меня, и он очень добрый. Пусть нет больше той страсти, как раньше, по крайней мере меня не назовешь несчастной, Кейлин. Помнишь старую гадалку на празднике костров, которая сказала, что у меня будет два мужа и много детей?

Так вот, она оказалась права. Бодвок и я родили двух детей до его смерти. - Ее рука легла на живот. - Вайнфритц и я поженились в прошлом декабре в день солнцестояния. Я жду нашего первого ребенка.

- Тебе везет, - печально промолвила Кейлин. - А я не знаю, что стало с ребенком, которого я родила Вульф до того, как меня похитили и продали в рабство. Я даже не знаю, сын это или дочка.

- У тебя родятся другие дети, - сказала Нуала ободряюще.

- Не ранее чем Вульф и я будем иметь свой угол, - возразила Кейлин, улыбнувшись. - Мы вместе провели всего одну ночь, а потом покинули Византию. Мы плыли сорок дней на крошечном торговом суденышке, не имея возможности побыть наедине. Затем путешествовали через Галлию, при этом с нами постоянно были Нелвин и торговцы. Здесь, на дорогах Британии, мы все время были втроем, пока не добрались до дома, а сейчас постоянно заняты на стройке. У нас нет времени, Нуала! Но ничего, скоро все будет - и дом, и время, чтобы нам с Вульфом побыть наедине. А еще нам надо разыскать нашего ребенка. Это наша плоть, и он сможет гордиться наследством, которое мы дадим ему.

- Я могу понять, что ты чувствуешь, - ответила Нуала. - Я очень люблю своих детишек - Коммиуса и Морну. Не могу даже подумать о том, что их могут украсть у меня. Я бы сошла с ума, наверное. - Нуала пристально посмотрела вдаль, затем добавила:

- Не знаю, но, возможно, это один из людей Рагнара. Да, думаю, это так, поскольку он развернулся и ускакал.

Надо сказать Вульф.

Вульф и его товарищи занимались ремонтом дубовых дверей, когда Кейлин и Нуала подошли к ним и сообщили о всаднике на склоне холма.

- Так как мы не успеем построить крепостную стену, мы сможем по крайней мере закрыть дом, - сказал Вульф мрачно. Потом повернулся к Вайнфритцу:

- Что ты думаешь? Он придет с большим отрядом?

- Этот человек, вероятно, охотился и случайно проезжал мимо, - размышлял вслух Вайнфритц. - Нас здесь достаточно много, чтобы дать отпор, мой господин. Я предупредил людей, чтобы они были на страже, пока мы не узнаем, что произойдет дальше. Нуала, иди в дом. Я хочу, чтобы ты оставалась в безопасности, когда произойдет нападение.

- Он назвал тебя «мой господин», - шепнула Кейлин Вульф, когда Нуала ушла, послушавшись мужа.

- Да, кое-кто уже начал называть меня так, - сказал Вульф. - Это естественно. Я их предводитель, ягненок, и намерен стать хозяином этих земель, а также земель к северу и востоку, включая все бывшие территории добунни, если смогу завладеть ими. Я имею на это право. Единственный противник - Рагнар Стронгспир. Он может занять территории к югу и к западу, если захочет, но эти земли - мои, и я буду драться за них.

- Я на твоей стороне, мой господин, - тихо промолвила Кейлин.

Он положил руку ей на плечо:

- Мы переживем это время, ягненок, и оставим большие владения нашим сыновьям и дочерям. Мы больше не уйдем с нашей земли.

- И заставим Антонию Порцию сказать, что случилось с нашим ребенком. У меня не мог родиться большой ребенок, который разорвал бы меня на части. Я пытаюсь вспомнить последние мгновения, Вульф. Я отчетливо помню, что слышала крик здорового младенца, но было еще что-то. Если бы я только могла вспомнить! Но я знаю, наш ребенок жив!

- Если он жив, ягненок, мы найдем его, - пообещал Вульф.

На гребне холма появилась группа из десяти всадников, которые начали спускаться вниз. Их возглавлял мужчина в большом шлеме, с длинным копьем.

- Я останусь с тобой, - сказала Кейлин, предвосхищая возражения мужа. - Я ни перед кем не отступлю, особенно с собственной земли.

Он ничего не ответил, но был горд своей женой. Она стойкая женщина, пережившая рабство, и они родят крепких сыновей.

Всадники неумолимо приближались. Рагнар Стронгспир внимательно оглядел стоящую перед ним молчаливую пару. Мужчина явно воин, а не саксонский фермер, которого можно легко напугать. Женщина красавица, но не саксонка. Больше всего похожа на британку и очень гордая к тому же. Она бесстрашно стояла рядом с мужем в вызывающей позе. «Этим телом, - подумал он, - можно насладиться, познакомившись с ним поближе. На вид она страстная женщина».

Когда всадники остановились перед Вульфом и Кейлин, их предводитель в шлеме заговорил низким, твердым голосом.

- Вы нарушили чужое право владения.

- Не вы ли тот негодяй, который пытался сжечь мой дом? - холодно спросил Вульф. - Если это так, то вы должны заплатить мне штраф, и я хочу получить его сейчас же.

Едва ли Рагнар Стронгспир ожидал такого ответа. Уставившись на своего противника, он свирепо прорычал:

- Кто вы?

- Я Вульф Айронфист, а это моя жена Кейлин Друзас. А кто вы и что вы делаете здесь, на моих землях?

- Я Рагнар Стронгспир, и это мои земли, - последовал ответ. - Я владею ими, потому что одна из моих жен - Антония Порция.

- Эти земли не принадлежат Антонии Порции, - оборвал его Вульф, - и никогда не принадлежали. Она ввела вас в заблуждение, если сказала так. Эти земли являются наследием семьи Друзас Кориниум. Моя жена Кейлин - единственный уцелевший член этой семьи. Это ее земли. Я владею ими благодаря ей. Мы были в Византии и, вернувшись, обнаружили дом наполовину разрушенным. Мое имущество разворовано или уничтожено, а мои рабы исчезли. Я полагаю, это ваших рук дело, или я ошибаюсь?

- Вы думаете, мне достаточно только ваших слов? - сказал Рагнар Стронгспир сердито. - Я не дурак. Почему я должен верить вам?

- Жив ли старый Антоний Порций? - спросил Вульф.

- Да, он живет в моем доме, - ответил Рагнар Стронгспир.
- Он еще в здравом уме?
- Да, но почему вы спрашиваете об этом, Вульф Айронфист?
- Потому что он может засвидетельствовать правдивость моих слов. Я сейчас поеду с вами, и вы убедитесь, что я говорю правду.
- Очень хорошо, я, как и вы, хочу уладить это дело, - угрюмо ответил он.

Рагнар Стронгспир оглядел стройку и поразился увиденному. Он понимал в глубине души, что Вульф Айронфист не стал бы впустую тратить время и силы. Он неглупый человек, и тот факт, что он знал по имени старого магистра, заставлял Рагнара верить, что воин говорит правду. Почему же Антония соврала ему?

Вульф и Кейлин вновь появились, теперь на лошадях, окруженные дюжиной вооруженных людей.

- Вы не возражаете, что нас сопровождают? - невозмутимо поинтересовался Вульф. - Я не знаю, с чем мы можем столкнуться.

Рагнар Стронгспир кинул:

- Это не обидит меня, но я дал слово, что сегодня не причиню вам вреда, Вульф Айронфист. Я человек чести. Едем. - Он развернул лошадь и тронулся с небольшой группой вооруженных людей.

По дороге Рагнар размышлял, почему и что еще наврала ему Антония. Он вторгся на ее земли больше года назад. Обнаружив, что она беззащитна, он завладел и женщиной, и ее имуществом. У него были уже две жены, Хариманн и Пирахта, обе саксонки, женщины преданные и работающие. Каждая принесла ему по мальчику и по девочке. У Антонии было двое детей, и тоже мальчик и девочка. Она не хотела быть его женой, но он изнасиловал ее при отце и слугах в атрии виллы, и она была вынуждена согласиться.

Антония - странная, высокомерная женщина; кроме земель, у нее нет ничего за душой, как он заметил. Однако он никогда в жизни не обладал такой страстной, горячей супругой. Хариманн и Пирахта были услужливыми, а Антония похотливой и имела навыки опытной проститутки. Он терпел ее только за это. Но сейчас он начал думать, что совершил глупость. Неужели за удовольствия в постели он должен так дорого расплачиваться?

Там, где раньше стояла великолепная вилла Антонии, теперь были руины. Рядом возвышался новый дом. Вокруг него построили каменную стену. Они въехали через открытые ворота со старыми бронзовыми дверями от бывшей виллы.

- Ваши люди могут войти в мой дом, - пригласил Рагнар Стронгспир.
- Вы обещали нам безопасность, - ответил Вульф Айронфист. - Я оставлю людей снаружи, возьму только двоих, потому что доверяю вам. Корио и Вайнфритц, вы пойдете с нами.
- Да, мой господин! - дружно ответили оба, и это произвело еще большее впечатление на Рагнара Стронгспира. Очевидно, люди Вульфа преданы ему. Среди них не только саксонцы, но и кельты.

Они вошли в дом. В зале горело несколько очагов, но вентиляция была очень плохая, и в помещении стоял дым. Две крупные красивые женщины с длинными светлыми локонами сидели за ткацкими станками, рядом играли дети.

- Антония! Подойди ко мне сейчас же! - громко позвал Рагнар Стронгспир.

- Я здесь, мой господин, - последовал ответ, и она выплыла вперед с притворно-приветливой улыбкой на лице. Она ненавидела его и все, что было с ним связано.

- Ты знаешь этих людей, Антония? - спросил он. Глаза Антонии устремились сначала на Кейлин, потом на Вульфа. Она прижала руку к груди и побледнела. Ее сердце бешено заколотилось, готовое вырваться из груди. Казалось, она не могла дышать и широко разевала рот, как рыба, которую вытащили из воды. Никогда в жизни она не была так напугана - к ней явился ее ночной кошмар. Как они выжили? Но это не имело значения. Они явились отомстить ей и, очевидно, забрать все, что им принадлежало. Она отступила назад с пронзительным криком.

- О, злодейка! - воскликнула Кейлин и бросилась к Антонии, удивив мужчин. - Ты не рассчитывала увидеть меня на этом свете? Но я здесь, Антония Порция, живая и здоровая! Где мой ребенок? Отдавай моего ребенка. Я знаю, он у тебя!

- Я не понимаю, о чем ты говоришь, - ответила Антония дрожащим голосом.

- Ты лжешь, Антония! - Голубые глаза Вульфа вспыхнули гневом. - Лжешь, как лгала раньше, сообщив мне, что Кейлин умерла от тяжелых родов и что сын, разорвавший ее на части, тоже умер. Ты лгала, когда говорила, что сожгла их останки. Я случайно нашел мою жену в Византии, готовую выйти замуж за другого мужчину. Будь ты проклята! Знаешь ли ты, как мне хочется убить тебя на месте? Знаешь ли ты, какие страдания причинила нам? Теперь ты снова пытаешься украсть наши земли. Тебе не удастся сделать это!

- Значит, я навредила тебе, Вульф? - вдруг вспыхнула Антония. - Значит, ты думал, что Кейлин мертва, и почувствовал невыносимую боль? Я рада, если это так. Я рада! Теперь ты знаешь, что испытала я, когда ты убил моего любимого Квинта! Я хотела, чтобы ты страдал! И чтобы Кейлин тоже страдала. Если бы тогда она не возвратилась, ты не убил бы моего мужа, а я не потеряла бы своего второго сына! Все мои несчастья из-за вас, и сейчас вы опять мучаете меня. Чтоб вы сдохли! Я ненавижу вас обоих!

- Отдай моего ребенка, сука! - гневно закричала Кейлин.

- Какого ребенка? - спросила Антония с притворной любезностью. - У тебя нет ребенка. Кеплин Друзас. Ребенок умер при родах.

- Я не верю тебе, - ответила Кейлин. - Я слышала крик здорового ребенка до того, как твое зелье лишило меня сознания. Отдай моего ребенка!

- Отдай ей ребенка, Антония. - Вперед вышел старый Порций. Он сильно постарел за последние несколько лет, волосы его побелели, он сгорбился и усох. Кейлин тронули его печальные глаза. Он взял ее за руку. - Она сказала, что ты умерла, а Вульф отказался от ребенка, - промолвил он. - Она заявила, что будет растить малышку по доброте сердечной. Но теперь я вижу, что в сердце моей дочери нет доброты. В нем злоба и ненависть. У ребенка цвет волос Вульфа, но чертами она похожа па тебя, Кейлин. С каждым днем это сходство растет, и Антония начала ненавидеть ее за это.

- Ее? - тихо прошептала Кейлин и вдруг закричала:

- Именно это она и сказала, Вульф! Теперь я вспомнила. Последнее, что я слышала перед тем, как потерять сознание, был голос Антонии: «Я всегда хотела дочку». У нас дочь. Отдай мне ее, ведьма! Отдай мне мою дочь!

Хариманн, первая жена Рагнара Стронгспира, вышла вперед, ведя за руку маленькую девочку:

- Вот ваша дочь, госпожа. Ее зовут Аврора. Она хороший ребенок, хотя госпожа Антония бьет ее.

Кейлин опустилась на колени и обняла малышку. Прошло два с лишним года, и все это время ее мать была так далеко от нее. Обнимая худенькое тельце, она со слезами па глазах оглядывала ее: грязное, мятое платье, волосики не причесаны, взгляд испуганный, на щеке синяк. Кейлин посмотрела на Антонию и тихо сказала:

- Ты дорого заплатишь за это. - Затем она ласково повернула дрожащую девочку так, чтобы они могли видеть друг друга. - Я твоя мама, Аврора! Я пришла, чтобы забрать тебя у госпожи Антонии, которая украла тебя у нас. Не бойся.

Девочка молчала. Она только смотрела на Кейлин большими глазами.

- Почему она не говорит? - спросила Кейлин.

- Она говорит иногда, - объяснила Хариманн, - но нее время боится, бедное дитя. Мы старались смягчить безрассудный гнев госпожи Антонии, но от этого становилось только хуже. Ребенок почти умирает от голода. Мы пытались подкармливать ее незаметно от госпожи Антонии. Однако сын Антонии не отстает от матери. Он донес на нас. Тогда Аврору избили. В конце концов она перестала брать у нас еду из-за страха быть наказанной. Мальчишка оскорбляет ее.

- Я вижу, Квинт-младший такая же жаба, как его отец, - сказала Кейлин презрительно. - Тебе есть чем гордиться, Антония. - Она повернулась к Антонию Порцию:

- Почему же вы ничего не сделали, господин?

- Я пытался, - вздохнул он, - но я старый человек, Кейлин Друзас, и мое пребывание в этом доме зависит от моей дочери.

- Скажите Рагнару Стронгспиру, что эти земли мои.

- Это я могу, Кейлин Друзас. - Он повернулся к своему саксонскому зятю:

- Земли, о которых она говорит, действительно земли ее семьи и принадлежат ей. Антония не имеет никаких прав на них. Она объявила, что держит земли для Авроры, но я знаю, это не правда.

Рагнар Стронгспир кивнул:

- Что ж, тогда все улажено.

- Улажено, - повторил Вульф Айронфист. Наклонившись, он взял маленькую девочку на руки. - Я твой папа, Аврора, - обратился он к ребенку. - Ты можешь сказать мне «папа», малышка?

Она молча кивнула, глядя на него большими голубыми глазами.

Он улыбнулся:

- Я хотел бы услышать это, дочка. - Он склонил голову набок, как бы прислушиваясь.

- Папа, - робко прошептала девочка. Он поцеловал ее в щеку:

- Да, милая. Я твой папа и никогда не допущу, чтобы кто-нибудь обидел тебя. - Он повернулся к Кейлин и к своим товарищам:

- Теперь едем домой.

- Вы не останетесь на ночь? У меня есть прекрасное медовое вино, - любезно предложил Рагнар Стронгс - И в очаге жарится кабан.

- Нет, благодарю, - ответил Вульф Айронфист. - Последний раз, когда я оставил свой дом, какой-то негодяй поджег его. Я не хочу больше рисковать, Рагнар Стронгспир.

- Еще о рабах, - напомнила Кейлин мужу.

- Я ничего не знаю об этом, - ответил дородный саксонец.

- Я могу отличить слуг Друзаса Кориниума от слуг моей дочери, - предложил Антоний Порций.

- Тогда сделай это, старик, - промолвил его зять, - и проследи, чтобы их отправили как можно быстрее. Я не хочу ссориться с Вульфом Айронфистом. Мы прежде всего должны быть хорошими соседями.

Когда Вульф, Кейлин и их люди отбыли, Антония Порция сердито сказала мужу:

- Ты сделал глупость, Рагнар, что не убил его и Кейлин Друзас. Вульф не трус и не позволит тебе завладеть его землями. Тебе повезет, если он не отберет наши земли!

Он влепил ей пощечину, так что она зашаталась.

- Никогда не ври мне больше, Антония! - процедил он. - В следующий раз я убью тебя. Что касается Вульфа Айронфиста, его земли в конце концов будут моими, и его жена тоже. Она волнует мне кровь своей красотой.

Антония схватилась за горящую щеку.

- Я ненавижу тебя, - прошипела она. - Когда-нибудь я убью тебя, Рагнар!

Он громко рассмеялся:

- У тебя не хватит духу, Антония. А потом, что будет потом? Кто защитит тебя и эти земли? Другому мужчине будет все равно, жива ты или мертва. Ты уже не красавица, моя дорогая. Злоба изуродовала твое лицо.

- Ты пожалеешь об этом, - предупредила она.

- Поосторожнее, - ответил он, - а не то я выброшу тебя, твоего сопливого детеныша и старого отца на улицу. Ты не нужна мне, Антония! Я держу тебя только потому, что ты развлекаешь

меня в постели, но в конце концов и это может надоест, если ты будешь такой сварливой.

Она пристально посмотрела на него и вышла из зала. Пройдя через двор, Антония подошла к воротам и остановилась. Вдалеке еще был виден Вульф со своим отрядом. Она прокляла их. Они заплатят. Они за все заплатят.

- За нами наблюдают, - заметила Кейлин. Вульф оглянулся:

- Это Антония.

- Она так ненавидит нас, - сказала Кейлин. - Сколько злобы надо накопить в душе, чтобы пойти на такую подлость! - Кейлин поцеловала Аврору в макушку.

- Я опасаясь не злобы Антонии, - возразил Вульф. - Я не верю Рагнару Стронгспиру. Думаю, он не успокоится, пока не присоединит наши земли к своим. Он жестокий человек, но я испорчу ему аппетит.

- Он дождется, пока мы обработаем земли и соберем урожай зерна, прежде чем напасть, - вмешался Вайнфритц. - Но у нас есть лето, чтобы укрепить оборону.

- Зачем ему ждать так долго? - спросила Кейлин с любопытством.

- Потому что, напав после сбора урожая, он сможет уничтожить зерно и сено, заставив нас и нашу скотину голодать зимой.

- Неужели он так силен? - удивилась она.

- Мы еще не знаем, ягненочек, - произнес Вульф, - но должны узнать. Вероятно, Рагнар может объединиться с другим головорезом.

- Вряд ли, - вставил Вайнфритц. - Полагаю, этот гордый саксонец считает, что и сам одолеет тебя.

- Может быть. - Вульф улыбнулся. - У нас есть преимущество, о котором наш друг Рагнар ничего не знает. Я имею в виду деревни за холмом. Нам надо решить в ближайшие несколько дней «, как обеспечить их оборону, так что, если Рагнар Стронгспир нападет, мы сможем дать ему отпор.

- Ты должен убить его и Антонию, - сказала Кейлин резко.

- Ты уверена? Твой внутренний голос говорит тебе это? Она кивнула:

- Да, мой господин.

- Тогда так тому и быть, - согласился он, - но мы подождем, пока Рагнар первым нападет. Мы должны построить надежные укрепления. Готовы к сражениям?

- Да, мой господин! - дружно ответили его помощники.

Глава 16

Деревни добунни никогда не имели названия. Их называли по имени того, кто ими владел, что часто приводило к путанице. Теперь Вульф решил, что каждая деревня должна иметь собственное название, которое не менялось бы через несколько лет. Британцы уже не

кочевники.

Старый форт Берикоса был вновь заселен и назван Бранд-Дан, так как располагался на высоком холме, где было удобно зажигать сигнальные огни. Бранд-Дан – это» сигнальный холм «. Деревня Эппилуса стала называться Брелих, то есть» луг на склоне холма «, и, конечно, там и был прекрасный луг, который Кейлин и Вульф увидели в то утро, когда искали добунни. Две другие деревни называли: Денетан – из-за принадлежности поместья к долине, и Орфорд – в связи с расположением у реки в том месте, где был брод, удобный для переправы скота. Их собственный дом называли Кадда-Вик, что означало» поместье воина «.

Вульф заключил соглашение с обитателями деревень. Они признали его своим господином, а он обязался защищать их от всяких пришельцев. Все земли, которыми раньше владели добунни, теперь перешли к Вульфу Айронфисту и его потомкам. Деревни получили права на общие поля, огороды и пастбища для скота.

Крестьянам принадлежали дома, но не земля, на которой они стояли. Они могли иметь личный рогатый скот, лошадей, поросят, домашнюю птицу, кошек и собак. Они были обязаны три дня в неделю трудиться на своего господина, выполняя различные поручения: обрабатывать его поля, ухаживать за скотом. Те, кто владел ремеслом, также должны были работать на него. Все вместе они обучались военному искусству, чтобы уметь защитить свои земли.

Если бы началась война, Вульф повел бы их за собой. Он стал отцом, судьей, воином и другом для всех. Установился порядок, которого они раньше не знали, но Эппилус и все остальные считали, что это наилучший способ существования в изменившемся мире. Им необходимо объединиться и иметь сильного вождя, чтобы другие уважали и боялись его.

Женщины, и Кейлин вместе с ними, обрабатывали поля, ухаживали за скотиной, в то время как мужчины занимались подготовкой к строительству укреплений вокруг дома и своих деревень. Дом они решили укрепить в последнюю очередь, зная, что Рагнар Стронгспир послал человека следить за ними с вершины холма. Муж Антонии был уверен, что дом не собираются укреплять. Рагнар Строигспир не знал, что во всех соседних деревнях шло приготовление к обороне. В середине лета он в конце концов отозвал своего шпиона, решив, что его лучше использовать еще где-нибудь, чем позволять бездельничать, лежа на холме. Рагнар хвастался своим женам, что дом Вульфа Айронфиста скоро станет его.

Антония, с синяками от недавних побоев мужа, устало покачала головой. В ее лоне шевелился ребенок. Она еще не говорила Рагнару, но это известие должно смягчить его раздражение. А ей надо подумать. Ее муж-саксонец может все растерять, если она не вмешается в это дело. Рагнар совсем не умный человек, он похож на кровожадного тупого хищника. Кроме того, надо учитывать, что земли, которые Рагнар объявил своими, на самом деле принадлежат ее любимому сыну Квинту. Она не может допустить, чтобы эта самовлюбленная саксонская дубина украла их у него.

Тем временем, после того как Рагнар Стронгспир убрал своего наблюдателя, Вульф и его люди начали строить оборонительные сооружения вокруг дома – земляное укрепление, поверх которого они возвели каменную стену; наверху установили небольшие деревянные сторожевые башни, с которых прекрасно просматривалась долина. Вайнфритц долгие часы трудился в своей кузнице над изготовлением ворот. Он смастерил их из крепкого старого дуба и обил железом. Таких ворот никогда раньше не делали.

В доме все время кипела работа. Людей прибывало все больше, а работа не кончалась. Кейлин крутилась целый день, поспевая и на кухне, и в поле, и на скотном дворе.

Однажды, все бросив, она залезла наверх по приставной лестнице в небольшую комнату, где располагались когда-то спальни для слуг. Сохранились четыре спальных места в углублениях каменных стен. Сейчас они пустовали – все спали внизу. Кейлин грустно вздохнула, вспоминая прежние дни своего замужества, когда Вульф едва мог дождаться, когда ляжет с ней в постель. С той удивительной ночи в Византии у них не было времени друг для друга. Казалось, Вульфа полностью поглотило строительство укреплений. Он поздно ложился спать, очень усталый, и никогда не будил ее. Она пыталась несколько раз дождаться его, но и это было бесполезно: она сама так уставала за день, что без сил падала на тюфяк и мгновенно засыпала.

Через одно из узких окон прорезался луч солнца, осветив часть комнаты, и Кейлин начала осматривать ее, прикидывая размещение обстановки. Ткацкий станок она поста вит к окну. Сюда встанут дубовый стол и два стула – они тогда смогут обедать наедине. В конце концов их семья разместится на втором этаже, но не сразу. Теперь у них будет своя комната! Почему бы нет? Кейлин ясно представила себе обстановку. Почему бы ей не оборудовать эту комнату? Ее ткацкий станок и мебель пылились в дальнем углу дома внизу. Подойдя к каждому из узких окон, Кейлин открыла небольшие оконные створки. Теплый свежий воздух наполнил комнату, и Кейлин сразу оживилась. Оставив окна открытыми, она спустилась вниз. Увидев Корио, евшего хлеб с сыром за большим столом, она обратилась к нему:

- Корио, помоги мне. Он встал:

- Чем я могу помочь тебе, кухня?

Кейлин объяснила и не успела оглянуться, как Корио вместе с несколькими молодыми людьми поднял наверх ее ткацкий станок, стол, стулья и постельные принадлежности.

- Захвати также жаровню, – попросила она, протягивая ему железную печку, с которой они путешествовали по Галлии. Он лукаво улыбнулся:

- Думаю, она тебе не потребуется, лапушка. Вульф едва сдерживает свой пыл. Вот-вот взорвется. – Он засмеялся. – Дай ему шанс, кухня, и надобность в этой горелке отпадет.

- Есть что-нибудь тайное в этом доме? – спросила она, и ее щеки покраснели от смущения. Неужели все знают, что они с Вульфом давно не любили друг друга?

- Очень немного, – бесстрастно ответил Корио. Затем взял у нее жаровню. – Ну, если ты настаиваешь, кухня. – Он озорно улыбнулся.

Когда мужчины вернулись к своим делам, Кейлин снова поднялась наверх. Корио, черт его побери, оказался более предусмотрительным, чем она. Он сообразил, что сундуки, которые они использовали для хранения своих вещей, тоже надо поднять наверх. Она передвинула ткацкий станок к окну.» Стол тоже надо поставить по центру «, – подумала она и поправила его, подровняв стулья.

На спальное место Кейлин уложила свежее сено, смешала его с веточками лаванды, лепестками роз и свежей травой. Перину в полотняном чехле она накрыла небесно-голубым шелковым покрывалом, которое хранила для этого. Покрывало было предметом непозволительной роскоши, но кто, кроме них, узнает об этом? Взбив перину, она положила ее на сено с душистыми травами. Затем, взяв лампу, стоящую в нише их спальни, наполнила ее ароматным маслом, поменяла фитиль и поставила на место. У подножия постели она положила лисье покрывало. Теперь спальня готова.

Кейлин осмотрела комнату. Конечно, на стены нужно повесить драпировки и добавить еще

кое-что из мебели, чтобы комната стала уютной. Со временем они все сделают, а пока она вполне пригодна для жилья. Хотя саксонцы не очень ценили уютную домашнюю обстановку, Кейлин привыкла к комфорту с детства. Вульф должен одобрить ее решение, подумала она, улыбнувшись. Она услышала, что он зовет ее снизу. Спустившись по лестнице, Кейлин поспешила встретить своего мужа.

- Мы закончили строительство укреплений! - В голосе его звучала гордость. Он не скрывал своего удовлетворения. - Только что навесили ворота на входе.

- Амбары внутри тоже готовы, - сообщила она, - и почти весь урожай засыпан в них. Сегодня я не ходила в поле, потому что была занята другим делом, мой господин. - Она неодобрительно посмотрела на него, испачканного грязью. - Тебе надо вымыться, Вульф Айронфист. От работы ты весь провонял.

- Я слишком устал, чтобы идти мыться к реке, - сказал он. - Пусть будет так, ягненок. Я помоюсь утром.

- Нет, сейчас, - твердо произнесла она тоном, которого он раньше не слышал у нее, - и не в холодной реке, мой господин. Сядь у огня и выпей пива, а я пока все приготовлю. Сегодня я занималась уборкой и обстановкой комнаты наверху. Я больше не желаю спать в зале, Вульф Айронфист. Если хочешь, чтобы у Авроры родился братик, мы должны хоть немного бывать наедине. О нас уже болтают невесть что! Мир не перевернется, если мы по ночам будем уединяться.

- А дочка тоже будет спать наверху? - спросил он лукаво, приподняв густую рыжеватую бровь.

- Пока Аврора останется в зале под присмотром Нелвин, - строго ответила Кейлин. Затем пошла в конец зала, давая указания слугам.

Он удивился, когда прикатили большую дубовую кадку.

Раньше он никогда не видел ее и понял, что Кейлин заказала ее бондарю.» Она очень предусмотрительная хозяйка, - решил он. - В такой ванне хорошо вымыться «. Несколько слуг наполнили кадку горячей водой. Через полчаса ванна была готова. Затем Кейлин принесла мыло и другие принадлежности для мытья. Она махнула рукой, и он, поднявшись, прошел через зал туда, где она ждала его, нетерпеливо постукивая ногой.

- Сними одежду, мой господин, - скомандовала она и приказала слугам прикрыть место вокруг кадки. Когда он снял одежду со своего усталого тела, она собрала ее в кучу и протянула через перегородку прачке, которая обслуживала дом.

По ее команде Вульф застенчиво залез в кадку. Он был удивлен, когда она тоже скинула свою одежду и залезла к нему.

- Я вижу, ты хочешь сделать мое купание еще более приятным, - улыбнулся он.

- Я хочу сделать его полноценным, - ответила она строго. - Хотя это нелегко. Конечно, это не римская ванна, но лучше, чем ничего. - Она взяла скребок и начала отчищать пот и грязь с его тела. Вода в кадке едва прикрывала ее грудь, а Вульфу доходила до талии.

Вытянув руки, он обхватил обе выпуклости и начал играть ими; она продолжала работать.

- Нам надо купаться каждый день, - пробормотал он, наклонившись вперед, чтобы поцеловать

ее в мочку уха. Она засмеялась:

- Веди себя как следует, Вульф Айронфист. Как можно работать, если ты отвлекаешь меня?

- Я действительно отвлекаю тебя, ягненок? - спросил он тихо, щекоча языком ее ухо. Потом опустил руку под воду и нежно пожал ее правую ягодицу.

Ее фиалковые глаза сверкнули.

- Ты отвлекаешь меня, мой господин, - призналась она. - Перестань, а то я никогда не закончу дело. И тогда мы не сможем подняться наверх, где нас ждет свежая постель. Там много еды и вина, моя любовь. В этой комнате мы можем уединиться, и, если мы поднимем за собой лестницу, никто не доберется до нас. - Затем она страстно прижалась к нему. - Разве ты не хочешь побыть со мной наедине, Вульф? - Она пробежала языком по его губам и нежно поцеловала.

Его голубые глаза обжигали ее.

- Заканчивай свою работу, ягненок, - проговорил он низким голосом. - Авроре давно уже нужен брат, и если ты сейчас же не прекратишь мытье, мы начнем наши попытки прямо здесь, в этой кадке!

Кейлин соблазнительно улыбнулась и без лишних слов намылила его; затем она ополоснула Вульфа и отправила вытираться. Потом быстро вымылась сама. Свежая туника едва прикрывала его бедра. Кейлин, выбравшись из кадки, насухо вытерлась под его обжигающим взглядом и надела длинную рубашку.

- Нам надо устроить специальное место, где мы могли бы мыться. Слугам тяжело постоянно двигать эту огромную кадку. Тебе понравилось, как я сделала это, мой господин?

- Да, - улыбнулся он. - Гораздо приятнее мыться теплой водой, а не холодной. Некоторые вещи мне нравятся. Мы построим баню рядом с домом. Там не надо будет двигать кадку. - Он взял ее за руку. - Пойдем, ягненок. Теперь я хочу взглянуть на комнату.

Зал оказался абсолютно пустым, когда они прошли к лестнице, ведущей в их комнату. Вульф, вслед за Кейлин забравшись наверх, наклонился и втянул лестницу за собой. Затем закрыл дверь, задвинув железный засов, и положил лестницу поперек двери. Повернувшись, он осмотрел комнату. Последние лучи заката пробивались сквозь два узких окна. Он увидел звезды, загорающиеся на небе.

- Ты голоден? - спросила она. На столе лежала еда. - Ты так много работал.

- Потом. Еда подождет. - Он снял тунику, кивком предлагая ей сделать то же самое. Кейлин скинула рубашку.

- У тебя голод другого рода, - заметила она мягко.

- Я слишком долго ждал, - ответил он тихо, - но сейчас, глядя на тебя, ягненок, понял, что больше не в силах ждать. Боюсь, мне не до тонкостей.

Она видела, как он дрожит, его член напрягся и жаждал ее. Протянув руку, она поласкала его своими нежными пальцами, и Вульф вздрогнул.

- Я покажу тебе способ, которому научилась в Византии, - сказала она. - Похоже на то, что мы делали, когда я носила Аврору. - К своему удивлению, она почувствовала, что так же готова, как и он, без предварительных игр. Взяв мужа за руку, она подвела его к постели, но не легла на нее, а встала на колени у основания ложа. - Найди мой вход, милый. Войди в меня в этом положении, и ты увидишь, какое получишь наслаждение. Она ощутила его осторожные поиски, а затем почувствовала, как его кончик коснулся ее влажной пульсирующей плоти. Его большие руки крепко обхватили ее бедра, и он достиг цели, застонав от явного блаженства, когда почувствовал, что вошел в нее глубже, чем когда бы то ни было. Какое-то время он наслаждался ощущением тепла и плотного сжатия. Затем он со все нарастающим рвением стал толчками двигаться внутри ее. Его пальцы впились в ее мягкое тело, крепко удерживая его.

Стоя на коленях у ложа, Кейлин изогнула спину, двигая бедрами ему навстречу, чтобы он мог еще глубже войти в нее. У нее перехватило дыхание: она забыла, каким большим он был. Но потом ритмичные толчки начали возбуждать ее, она застонала, когда он заполнил ее своим жаром. Она закричала от блаженства, которое он вызвал в ее теле. Кульминация их обоюдной страсти спала так же быстро, как началась. Он рухнул на нее, всхлипнув от облегчения.

Кейлин чуть не задохнулась в перине под его весом, но ей как-то удалось вывернуться из-под мужа. Перевернувшись на спину, она лежала не двигаясь, давая своему бешено бьющемуся сердцу успокоиться. Наконец она тихо сказала;

- Я уже почти забыла, каким прекрасным любовником ты можешь быть, Вульф Айронфист. Ты восстановил мою память. Он приподнял голову; торжество светилось в его голубых глазах.

- Теперь наверняка больше не забудешь, ягненок, - пошутил он.

Она осторожно дернула за пшеничный локон.

- Не забуду, - произнесла она серьезно, - но за это ты должен обещать, что никогда не допустишь, чтобы меня снова украли. - Она подвинулась на постели. Приглашая его лечь рядом. А когда он лег, обняла его, прижав золотистую голову к своей груди.

Он уткнулся носом в ее мягкое тело.

- Никогда не позволю тебе исчезнуть, Кейлин, жена моя! - воскликнул он. - Никогда! Никогда!

Они снова любили друг друга, на этот раз более спокойно, не спеша. Когда они достигли пика их обоюдного желания, она обхватила его лицо руками и страстно поцеловала. Затем, изможденные, они уснули.

Проснувшись среди звездной ночи, они поняли, что голодны. Кейлин предусмотрительно запаслась жареным петухом, хлебом, сыром, яблоками и крепким вином. Они вместе поели и, вернувшись в постель, опять целовались, ласкали друг друга и еще раз любили.

Счастье, которое они обрели, быстро передалось всем обитателям дома. Аврора, бедное запуганное дитя, теперь стала веселой, счастливой девочкой, обожаемой родителями. Неприятные воспоминания стерлись. Ее третий день рождения отмечали торжественно. Стояла ясная, теплая погода. Урожай зерна полностью собрали и засыпали в амбары. Крестьяне приготовились к сбору яблок, чтобы делать сидр.

Наблюдатель на стенах неожиданно сообщил:

- Всадники на вершине холма!

И тотчас ворота Кадда-Вик закрыли и заперли на засов, Всадники медленно спускались с холма, когда Вульф Айронфист, вызванный из своей комнаты, поспешил занять удобную позицию на стене.

Темно-синие глаза Рагнара Стронгспира сузились от злости, когда он увидел выстроенные вокруг дома укрепления. Слишком поздно он понял, что допустил ошибку, убрав своего наблюдателя. Приблизившись, он обнаружил, что стены вокруг Кадда-Вик очень прочные. И поля вокруг убраны. Но где же амбары? Укрыты за этими проклятыми стенами, решил он. Рагнар не отличался большим умом, но понимал, что захватить эти земли будет нелегкой задачей. Посмотрев выше, он увидел на стене Вульфа Айронфиста, наблюдавшего за ним.

Рагнар улыбнулся и громко произнес:

- Доброе утро, Вульф Айронфист! Вы, конечно, не закрыли ворота для меня? Мы ведь соседи и должны быть друзьями.

- Друзья не приезжают с утра пораньше с отрядом вооруженных людей, - последовал ответ. - Изложите свое дело ко мне, Рагнар Стронгспир.

- Это просто дружеский визит, - заявил он. - Может быть, вы откроете ворота и пустите меня, мой друг?

- Мы не друзья, - ответил Вульф Айронфист холодно. - Если хотите войти в Кадда-Вик, то только один, людей оставьте за стенами. Мы миролюбивые люди и не хотим столкновений.

- Хорошо. - Рагнар решил посмотреть, что имеется за стенами Кадда-Вик: может быть он в конце концов завладеет домом. Он спешился и отдал поводья своему помощнику.

- Мой господин, - сказал человек по имени Гаральд, - это небезопасно.

- Безопасно, - уверил его хозяин тихо. - Мы вряд ли поменяемся ролями. Вульф Айронфист человек слова.

Ворота приоткрылись, и Рагнар протиснулся сквозь узкую щель; затем крепкие железные засовы опустились, закрывая вход от незваных гостей. Он заметил, что ворота обиты железом. В Кадда-Вик все было хорошо продумано. В центре двора - колодец, несколько амбаров расположились на достаточном расстоянии от стен.

- Дом практически неуязвим, - сказал Вульф Айронфист в ответ на молчаливый вопрос Рагнара, когда присоединился к своему гостю. - Вы ели? Пойдемте в дом, Рагнар Стронгспир.

Двери дома, также из толстого дуба, были обшиты полосками железа, прибитого большими гвоздями. Мужчины прошли через них в дом. В зале чисто, нет дыма, как у него, заметил Рагнар. Дым от очагов выходил прямо наружу через несколько дымовых отверстий в крыше. Тростниковые коврики на полу чистые, свежие, издают приятный запах, проминаясь под ногами. Несколько хорошо откормленных, лоснящихся гончих собак подошли обнюхать его, а затем вернулись на свои места у огня. Мужчины сели за высокий стол. Тотчас несколько спокойных, приятной наружности слуг принесли деревянные тарелки с едой, разлили темное пиво. Глаза Рагнара расширились от разнообразия и обилия еды, предложенной ему. Конечно, у себя в доме он так не питался. Здесь и густая похлебка, и теплый, только что испеченный хлеб, яйца, сваренные вкрутую, жареная форель, окорок, свежее масло, твердый сыр и целая ваза яблок и груш.

- Вы ожидали гостей? - спросил он хозяина.

- Нет, - ответил Вульф. - Моя жена всегда хорошо готовит, а ваша?

- У нас нет такую разнообразия, - признался Рагнар и стал не стесняясь угощаться всем, что ему предложили.

Мужчины молча ели. Когда они закончили и стол освободили, Вульф спокойно сказал;

- Если вы думаете забрать назад эти земли, Рагнар Стронгспир, выбросьте эту мысль из головы. Они принадлежат мне.

- Только до тех пор, пока вы сможете удержать их, - ответил тот улыбаясь.

- Они останутся моими гораздо дольше, чем вы проживете, - холодно заметил Вульф. - Этот дом и земли к северу и востоку мои. Я буду охранять их. Для себя и своих детей ищите земли южнее. Моих владений вам не видать.

- Вы заняли земли добунни? - спросил Рагнар удивленно.

- Они признали меня своим господином. - Вульф едва заметно улыбнулся. - Пока вы все лето замыслили и планировали интриги, я действовал. Поезжайте домой и передайте Антонии Порции, чтобы она выбросила из головы свои алчные замыслы. Не могу понять, зачем вы взяли ее в жены. Она очень вредная женщина. Если вы не знаете об этом, будьте осторожны. Несомненно, она хочет заполучить эти земли для своего сына Квинта. Она сделает все возможное, чтобы добиться своего. Она даже убьет вас, если сможет.

- Похоже, вы хорошо знаете мою жену, - сказал Рагнар сухо.

- Антония украла мою дочь и отправила в рабство мою жену, а мне сказала, что они умерли, - ответил Вульф. - Она предлагала мне себя, раздевшись в атрии своей виллы и выставив напоказ свою грудь. Мне она показалась ужасно неприятной.

- Да, иногда она бывает такой, - согласился Рагнар, - но она, как никто, чертовски страстно отдается. Клянусь самим Вуденом!

- Тогда поздравляю с удачей, - усмехнулся Вульф, - но все-таки советую остерегаться ее. Нам нет нужды ссориться, Рагнар Стронгспир. Для нас обоих достаточно земли. Держитесь южных земель, и между нами восстановится мир. В ответ гость кивнул. Затем спросил:

- А где ваша жена, Вульф Айронфист? Надеюсь, она не больна?

- Нет, она занята приготовлениями к небольшому торжеству по случаю дня рождения нашей дочери. Впервые мы можем отпраздновать этот день вместе. Ведь еще несколько месяцев назад мы даже не знали, что у нас есть дочь.

Рагнар покраснел:

- Это не моя вина. Я поверил Антонии, когда она сказала, что ребенок ее. Она такая же светлая, как Антония. Почему я должен был не верить ей?

- Вы не виноваты, - уверил его Вульф снисходительно.

- Я должен идти. - Рагнар встал. Поведение Вульфа начинало раздражать его. - Благодарю за

угощение. Я, конечно, учту то, что вы сказали, Вульф Айронфист.

Рагнар покинул Кадда-Вик в растерянном состоянии. Вульф Айронфист действительно дал ему хороший совет. Земли к югу от его владений богатые, большинство бедняков, обрабатывающих их, не могут противостоять его силе.

О» без труда отберет эти земли с минимальными людскими потерями со своей стороны. Он не боялся ни смерти, ни сражений, но здесь, в Британии, его что-то заставляло сдерживать воинственные порывы. Он не понимал, в чем дело, и это раздражало его.

Антония, однако, смотрела на это совсем по-другому.

- Почему тебя устраивает малое, когда ты можешь иметь больше? - презрительно спрашивала она.

К ее чести, подумал Рагнар, она не боялась его гнева. Антония знала, что находится в безопасности, поскольку была беременна. Он не мог бить женщину, в которой зрел его ребенок, хотя только боги знают, как эта женщина утомила его. Вот саксонские жены совсем другие, с мягким характером. У Антонии же жестокое сердце, мягкость она проявляла только к своему сыну. «Мальчик? - подумал Рагнар. - Да это трусливая ласка, всегда прячущаяся за юбку матери!»

- Чего ты хочешь от меня? - спросил он раздраженно. - Почему я должен воевать с Вульфом Айронфистом, когда к югу есть богатые земли и это более легкая пожива? Может быть, Антония, ты надеешься, что Вульф Айронфист победит меня и ты завладеешь этими землями для твоего сына? Выбрось эту мысль из головы, жена. Скоро ко мне приедет брат со своей семьей. Если я вдруг умру ни с того ни с сего, Гуннар отомстит за меня и возьмет эти земли для себя и наших сыновей.

Она была поражена. Впервые она услышала от него о брате, но, притворившись, Антония скрыла удивление за любезной улыбкой:

- Ты не рассказывал мне, Рагнар, что у тебя есть брат и что он собирается приехать к нам. Есть ли у него жены и дети? Когда он прибудет? Мы должны как следует подготовиться к встрече наших родственников.

Громкий смех Рагнара наполнил их спальню:

- О, Вуден, Антония, ты хитра, но я вижу тебя насквозь! Ты не подозревала, что у меня есть еще одна семья, но саксонцы плодовиты, о чем свидетельствует твой живот. - Он похлопал ее по тому месту, где зрел его ребенок. - У тебя в голове был план, а теперь, я не сомневаюсь, ты замыслила другую хитрость. Хорошо, если тебе нравится это. У беременных женщин бывают всякие причуды, но это не вредно, я думаю. - Он наклонился и поцеловал ее пухлое плечо. Его длинные, до плеч, волосы щекотали ее груди.

Приподнявшись, Антония задумчиво гладила его бороду. Она ненавидела его, но он мужественный человек.

- Не будь дураком, Рагнар, - наконец сказала она. - Забери земли на юге, поскольку Вульф Айронфист дал тебе хороший совет. Даже я согласна с этим. Усыпи бдительность нашего врага и, когда он меньше всего будет ожидать этого, захвати также его земли! Зачем довольствоваться малым, когда ты можешь стать королем?

При этих словах ребенок внутри сильно стукнул ножкой, и Рагнар почувствовал рукой этот толчок.

- Это знамение, - произнес он почти испуганно. - Почему даже ребенок в твоей утробе растет таким норовистым?

Конечно, это какой-то знак.

- Наш сын знает, что я говорю истину, - заявила она. - Или, может быть, это боги общаются с тобой через младенца. - «Какой же он дурак!» - подумала она про себя. Если бы боги существовали, а Антония, откровенно говоря, не была в этом уверена, зачем им связываться с глупым и суеверным самцом, который лежит с ней рядом, размышляя о будущем?

- Мой брат со своей семьей будет здесь через несколько дней, - нарушил он затянувшееся молчание. - У него только одна жена, так как он никогда не мог позволить себе большего, но теперь, конечно, все изменится. Он моложе меня на несколько лет, но стал отцом первого ребенка, когда ему было четырнадцать. У него восемь живых детей. Шесть сыновей.

- Какая прекрасная семья, - сказала Антония сухо, подумав, сколь ужасный дом он построил вместо ее красивой виллы - виллы, которую разрушил. Еще десять человек добавят шума и грязи. О боги! У нее нет теперь ванны с живительным, омолаживающим паром и восхитительной горячей водой. Теперь жены Рагнара высмеивают ее, когда она настаивает на мытье в небольшой дубовой лохани, наполненной теплой водой. Она готова спорить, что Кейлин Друзас имеет ванну! - Рагнар, - позвала она мужа, который уже задремал.

- Что? - проворчал он.

- Если Кадда-Вик действительно так хорошо укреплен, что его не возьмешь силой, мы придумаем другой способ захватить его.

Он покачал головой:

- Нет способа. Вульф Айронфист строит прочно и хорошо. Даже колодец защищен стенами дома. Я не тот человек, Антония, который легко признает поражение, но Кадда-Вик невозможно захватить. Невозможно!

- Позволь мне рассказать тебе историю древних времен, Рагнар, - настаивала Антония, но он заставил ее замолчать, махнув рукой.

- В другой раз, женщина. - Он перевернул ее на бок. - Я придумал кое-что другое, а потом мне надо выспаться. Утром расскажешь свою сказку, а сейчас я хочу заняться тобой.

- Ты так примитивен! - съязвила она, тихо зашипев, когда он ловко овладел ею. - Если ты такой же хороший воин, как и любовник, тебе не составит труда взять Кадда-Вик, когда я расскажу, как это сделать. А-а-а, да... Рагнар! Да!..

Кадда-Вик. Он думал о нем, овладевая женой. Земли хороши, дом прочный и Кейлин в придачу. Он видел ее всего несколько раз, но не мог забыть. Какой огонь, какой характер! Он чувствовал, что она крепкая и приятная, как его саксонские жены, и страстная, как Антония. Это превосходное сочетание, и он мечтал завладеть ею. Однако нужно выждать. Ни она, ни Вульф Айронфист никуда не выезжали. Они не сомневались, что земли их. У него будет достаточно времени, чтобы захватить земли к югу. Предоставить брату и его семье ближайшие владения. Найти Гуннару вторую жену с хорошим приданым. О да, времени вполне хватит.

Наступила осень, и Нуала родила Вайнфритцу прекрасного крупного мальчика, которого назвали Барри. Нуала сама придумала такое имя. Кейлин присутствовала при родах, она восхищалась размером малыша и жадностью, с которой он сосал грудь матери, когда его приложили к ней.

- Скоро у тебя родится свой сын, - шутила Нуала. - Уверена, кузина, ты с Вульфом проводила все это время наверху не только разговаривая. Я знаю!

- Бесстыжая! - Кейлин притворилась возмущенной. - К твоему сведению, Вульф любовался мной за ткацким станком, Нуала. А потом мы пели песни.

Нуала открыла рот от удивления.

- Ты шутишь! - вымолвила она.

- Уверю, это правда, - ответила Кейлин невозмутимо.

- Конечно, - поддержал жену Вульф. - Кейлин ткет для меня удивительное обаяние и поет песни страсти, лучше которых я никогда не знал.

Нуала разразилась смехом, поняв, что они подшучивают над ней. Младенец у груди срыгнул и заплакал.

- О, смотрите, что вы сделали с Барри! - притворно рассердилась она, проявив свою материнскую заботу и беспокойство. - На, мой малыш. Не волнуйся.

К зиме хозяйка Кадда-Вик начала набухать вторым ребенком, к всеобщему удовольствию. Кейлин сообщила, что он должен родиться после праздника костров.

- Я уверена, это сын, - сказала она Вульфу.

- Откуда ты знаешь? - спросил он улыбаясь.

Она пожала плечами;

- Знаю. Женщина чувствует такие вещи. Разве не так? - Она повернулась к другим женщинам в зале за поддержкой, и те кивнули, соглашаясь. - Вот видишь!

Установилась зима, выпал снег и покрыл землю белым ковром. Короткие дни быстро пролетали. Длинными ночами было слышно, как неподалеку от Кадда-Вик воют волки. В ответ на эти звуки в зале жалобно выли гончие собаки.

Вульф и Кейлин остались одни: все вернулись в свои деревни вслед за Вайнфритцем. Кейлин скучала без Нуалы. Нелвин, милая и преданная, была не особенно интересной собеседницей. Однако Аврора обожала ее, и без лишних слов бывшая рабыня Кейлин стала нянькой. Это пришлось очень кстати. Кейлин могла позаботиться о себе. Теперь, в роли хозяйки Кадда-Вик, она считала себя ответственной за благополучие всех, кто был на ее попечении.

Наконец дни стали заметно длиннее. В воздухе чувствовалось приближение тепла. Стали видны проталины, и снег быстро оседал. Появились подснежники, нарциссы и фиалки. Кейлин обрадовалась, обнаружив несколько куртин цветов рядом с родными могилами. Мраморные памятники так и не были закончены. На камне была лишь простая надпись: «Семья Гая Друзаса Кориниума». Посмотрев на нее, Кейлин вздохнула, положив руку на свой живот, как

бы защищая его. Как хотела ее семья, чтобы у нее были дети!

- Ребенок, которого я ношу, сын, - произнесла она вслух. - Как я хочу, чтобы вы могли увидеть его, когда он родится! Я назову его Ройзи. Аврора очень ждет малыша. О! - Кейлин оглянулась, почувствовав, что на ее плечи опустилась чья-то - Вульф, как ты напугал меня!

- Ты скучаешь по своей семье, не так ли? А я не могу вспомнить свою мать. Я часто думаю, какой она была.

- До того как их убили, - ответила Кейлин, - они составляли всю мою жизнь. Ничего не изменишь, но я часто думаю, что если бы мои родители были живы, они, конечно, уже стали бы стариками, а братья... Они выросли бы и стали настоящими мужчинами, завели семьи. Как радовалась бы моя бабушка внукам! Больше всего я грущу о Бренне. Тебе, должно быть, странно слышать все это.

- Извини, я не знал их, - сказал он.

Они вместе вернулись в дом, где им навстречу выбежала дочка.

Весна была дружной, началась пахота. Однажды утром, открыв ворота, стражники обнаружили скрючившуюся на земле молодую девушку. Из дома вызвали Вульфа и Кейлин.

- О боги! - воскликнула Кейлин. - Ребенок жестоко избит! Она мертва? Как она добралась сюда, в Кадда-Вик?

Как бы в ответ девушка застонала и повернулась, обнаружив более зрелые формы. Невысокая и стройная, она, очевидно, была старше, чем они сначала предположили.

Кейлин опустилась на колени и осторожно дотронулась до ее руки.

- Ты слышишь меня, девушка? Что случилось с тобой? Девушка медленно открыла глаза. Она была бледной и смущенно смотрела на них.

- Где я? - прошептала она так тихо, что Кейлин нагнулась поближе, чтобы слышать ее.

- Ты в Кадда-Вик, владении Вульфа Айронфиста, - ответила она. - Кто ты? Откуда пришла и кто так жестоко обошелся с тобой? - Кейлин подвинулась. Ей было неудобно в этом положении из-за живота. До рождения ребенка оставался всего месяц.

Казалось, девушка не знала, что ответить, и ее глаза наполнились слезами, которые тут же потекли по хорошенькому личику.

- Как тебя зовут? - мягко настаивала Кейлин. Девушка на минуту задумалась, а затем сказала:

- Эльфа. Мое имя Эльфа. Я вспомнила! Меня зовут Эльфа.

- Откуда ты пришла? - спросила Кейлин. Девушка опять задумалась.

- Я не знаю, госпожа. - По ее лицу снова покатались слезы.

- Бедняжка, - покачал головой Вульф. - Очевидно, ее избивали так, что она потеряла память. Со временем она вспомнит.

- Я отнесу ее в дом. - Корио, прибывший за день до этого из Брелиха, осторожно поднял

девушку на руки, и когда ее голова склонилась ему на плечо, на лице молодого человека промелькнуло необычное выражение. Еще ни одна женщина не покорила сердце Корио.

Девушку принесли в зал, где Кейлин тщательно осмотрела ее. Если не считать синяков, все остальное оказалось в порядке, за исключением потери памяти. Кейлин попросила принести кадку и сама помыла девушку. Волосы Эльфы были подобны желтому шелку – бледно-золотистого цвета. Ей быстро подыскали тунику и рубашку по росту. Когда она пришла к столу, все в зале увидели, что Эльфа не просто хорошенькая девушка, она красавица. Казалось, Корио одурел, глядя на нее.

- Он околдован, - прошептала Кейлин мужу.

- Я бы тоже был околдован, если бы не встретил тебя, ягненок, - ответил он.

К удивлению Кейлин, его ответ смутил ее. Она не подозревала, что способна на такую глупую ревность. Она взглянула из-под ресниц на девушку. «Я еще мила, если не выгляжу свиноматкой, готовой родить поросят, - подумала она. - Почему мужчины становятся такими глупыми при виде красивой беспомощной женщины? Мне следует быть гораздо более твердой».

Когда Эльфа закончила есть, Вульф осторожно начал расспрашивать девушку:

- Не помнишь ли ты еще что-нибудь о себе? Наверное, твоя семья обеспокоена.

- Может быть, она беглая рабыня? - предположила Кейлин.

- На ней нет ошейника, - ответил Вульф. - Ты не видела какой-нибудь метки хозяина на ее теле, когда мыла ее, ягненок?

Кейлин отрицательно покачала головой:

- Нет, не видела.

- Я ничего не помню о себе. - У Эльфы был нежный, музыкальный голос. - О, мне страшно! Почему я ничего не могу вспомнить?

- Со временем вспомнишь, - бодро сказала Кейлин, видя, что Эльфа готова опять заплакать. Мужчины глупы, их так просто обмануть. - Неужели у тебя нет работы на полях? - спросила Кейлин мужа. - Не беспокойся об Эльфе. Она останется со мной, и я позабочусь о ней. Корио, разве отец не нуждается в твоей помощи дома? Мы рады, что ты навестил нас, кузен, однако поезжай и не возвращайся до праздника костров!

- Неужели все женщины так раздражительны, расставаясь со своей юностью? - спросил Корио Вульфа, когда они вышли из дома. - Я никогда не видел Кейлин такой резкой. - Затем добавил:

- Разве Эльфа не самое прелестное создание? Мне кажется, я уже влюбился в нее. Возможно такое, Вульф Айронфист?

Вульф засмеялся:

- Да, возможно, и я вижу, ты определенно увлечен нашей заблудшей овечкой. Если мы узнаем что-нибудь важное о ней, вроде тоскующего мужа где-нибудь неподалеку, я сообщу тебе.

Однако Эльфа ничего не могла вспомнить о своей жизни до того, как ее нашли, кроме своего

имени. Вульффу казалось, что она знатного происхождения, и он хотел поместить ее в комнате наверху, а не в зале. Но Кейлин наотрез отказалась.

- Комната наверху для господина и его семьи, - оборвала она мужа. - Эльфа не член семьи. Она останется в зале. Ее присутствие наверху вызовет ненужные разговоры.

«Среди кого?» - хотел он спросить, но выражение лица Кейлин было столь угрожающим, что он промолчал и решил, что ее раздражение связано с приближением родов.

- Ты хозяйка в этом доме, - успокоил он ее и удивился, когда она пристально посмотрела на него. Он раньше не видел ее такой. Когда Кейлин носила Аврору, она так не злилась.

- Девушка должна остаться, - продолжала Кейлин. - Выгнать ее из Кадда-Вик - значит нарушить закон гостеприимства, несмотря на таинственные обстоятельства ее появления. Тем не менее она не член семьи, и я не могу считать ее таковой.

Он был вынужден согласиться, и Эльфе объяснили, что она будет жить в зале. Она была вежливой и милой со всеми, но Кейлин заметила, как она ловко обвораживает мужчин. Кейлин не знала, что заставляло ее подозревать Эльфу, но внутренний голос предостерегал неумолимо. В прошлом она научилась прислушиваться к нему даже тогда, когда совсем не понимала, о чем он ее предупреждал. Кейлин знала по своему опыту, что со временем все откроется. А до этого ей следует быть бдительной и осторожной. Ее семья и все, чем она дорожила, опять под угрозой. «Неужели никогда не наступит спокойная, безопасная жизнь?» - подумала она с отчаянием. В другом конце зала Эльфа сидела на полу с Нелвин, и они, смеясь, играли с Авророй. Сцена выглядела такой трогательной! Если Эльфа действительно что-то замышляет, то почему остальные не видят, какая лицемерная и лживая эта девчонка? Внутренний голос вовремя дал ей мудрый совет.

Вовремя!

Глава 17

Праздник костров - это праздник весны, пробуждающейся жизни, но у Кейлин этот праздник связывался с горем. Всегда в этот день веселье отдавало грустью. Ведь она не забывала, что именно в праздник костров погибла ее семья. В прошлом году, когда они вернулись в Британию, этот праздник прошел не очень весело. Однако сейчас все по-другому. У них есть надежный теплый дом, земля, достаток. В душе ожила надежда на счастье. Кейлин давно не испытывала ничего подобного.

Погода стояла прекрасная, и Кейлин встала рано, чтобы нарвать цветов. Она взяла с собой Аврору. Возвращаясь домой, она заметила Нелвин и Эльфу, слоняющихся у входа в дом и флиртующих со стражниками. Она резко окликнула Нелвин и передала ей Аврору, а Эльфу отругала за безделье. Затем поспешила в дом и, услышав смех за своей спиной, догадалась, что Эльфа, вероятно, сказала какую-нибудь гадость.

Кейлин не могла понять, почему память не возвращается к девушке. Никаких серьезных ран, ушибов ни на голове, ни на теле не было. Относились к девушке с большой добротой. Кейлин подозревала, что Эльфа ничего не забыла, но не хочет говорить, опасаясь потерять теплое местечко в Кадда-Вик, которое для нее, очевидно, оказалось лучше того, что она имела раньше. Кейлин чувствовала, что хочет избавиться от дальнейшего присутствия Эльфы в Кадда-Вик. Если девушка не может или не хочет вспомнить что-либо, надо найти ей мужа в одной из деревень к концу лета. Кейлин даже готова обеспечить ее приданым, лишь бы Эльфа ушла отсюда.

- Мама! Мама! Смотри, огонь! - воскликнула Аврора, уютно устроившаяся на руках матери, и указала своими пухлыми пальчиками на праздничные костры, вспыхнувшие на склонах холмов, когда село солнце.

- Да, Аврора, вижу, - ответила Кейлин дочери.

- Посмотри на папу! - закричала Аврора. Кейлин улыбнулась, когда Вульф, смеясь, прыгнул через костер. Остальные мужчины и женщины последовали его примеру.

- Прыгай, мама! - крикнула Аврора.

- Нет, милая, не в этот раз, - засмеялась Кейлин. - Я слишком толстая. В следующем году, - пообещала она.

Через огонь прыгнула Эльфа, ее золотистые волосы развевались. Она веселилась, и Кейлин неохотно признала, что Эльфа очень красива. Мужчины собрались вокруг нее, как пчелы у горшка с медом. Корио приехал из Брелиха, чтобы только посмотреть на нее, но Эльфа, к его великому разочарованию, не проявляла к нему благосклонности. Ее внимание привлекли два деревенских парня, стражники Альберт и Бренхард, которые соперничали между собой. Тем лучше, подумала Кейлин. Ей было жаль Корио, когда она смотрела на его обиженное лицо, но в то же время она знала, что он мог бы найти кого-нибудь получше Эльфы, если действительно хочет жениться. Ей было смешно и досадно видеть, как Эльфа исчезла в темноте сначала с одним поклонником, а вернувшись, вскоре скрылась с другим.

- У нее повадки норки, - сказала Кейлин Вульфу. - До конца ночи она обоих возьмет за горло.

- Она молода, и сегодня праздник, - ответил он добродушно.

- Мы должны найти ей мужа, и чем скорее, тем лучше, судя по тому, что я наблюдала сегодня ночью, мой господин, - произнесла Кейлин строго. О боги! Она начала ворчать, как старуха! Что с ней творится?

- Думаю, ты права, ягненочек, - согласился он, к ее удивлению. - Она слишком привлекательная девушка, чтобы так долго оставаться свободной. Я не могу допустить раздора среди своих людей из-за хорошенькой девчонки.

Ревность - это слабость, которую мы не можем позволить. Рагнар Стронгспир воспользовался моим советом и расширил свою территорию к югу. К нему присоединился его брат Гуннар. Не сомневаюсь, что он, подстрекаемый Антонией, по глупости устремит свой взор на наши земли когда-нибудь в будущем. Мы должны оставаться начеку.

Аврора, полусонная, оттягивала руки Кейлин. - Нелвин, - позвала Кейлин служанку, - возьми Аврору и уложи спать. - Затем повернулась к мужу:

- Съезди в Орфорд и поинтересуйся, не хочет ли кто-нибудь из молодых людей жениться. Если ты предоставишь Эльфе выбор между Альбертом и Бренхардом, у них возникнут недобрые чувства друг к другу. Она никого не любит, но играет с каждым, как кошка с мышкой. Корио увлекся ею, но она неподходящая женщина для него. Нам лучше отправить ее как можно дальше от Кадда-Вик и Брелиха. Тогда ее поклонники успокоятся. К концу лета Эльфа должна выйти замуж.

- Скоро я поеду по деревням, чтобы посмотреть, как идут дела, - сказал Вульф. - Я только дождусь сына, которого ты мне обещала, прежде чем покинуть тебя, ягненочек. Я найду в

Орфорде подходящего мужа для Эльфы.

- Хорошо, - кивнула Кейлин, но, несмотря на их решение, внутренний голос продолжал терзать ее. Она по-прежнему была настороже, но почему, не могла сказать.

Ройзи родился девятнадцатого мая. В отличие от тяжелых первых родов он появился на свет быстро и легко. Кейлин проснулась на рассвете, почувствовав, что начали отходить воды. Через несколько минут она уже мучилась схватками, а вскоре с громким криком родился ребенок - мальчик с красным личиком и маленькими ручками. Нелвин помогала хозяйке при родах, а Эльфа упала в обморок при виде крови, и ее вынесли из комнаты.

Кейлин и ее сын вскоре окрепли и чувствовали себя здоровыми. Он жадно сосал материнскую грудь и, казалось, всегда был голоден. Лишенная возможности нянчить свою дочь, Кейлин теперь упивалась материнством. Однако, учитывая чувства Авроры, она постаралась не забыть и о девочке. Как старшая сестра, Аврора, которой исполнится уже четыре к концу лета, все делала с восторгом и при каждом шуме, доносящемся из колыбели братика, бежала сообщить об этом матери, помогала одевать его и следила за ним вместе с Нелвин.

- Она так нянчится с ним, - заметила Кейлин. - Боюсь, он вырастет избалованным. Он уже узнает ее.

- Видишь, какой он сильный? - с гордостью спросил Вульф. - Когда-нибудь он станет большим мужчиной. Может быть, больше меня.

Когда Ройзи исполнилось шесть недель и Кейлин полностью оправилась от родов, Вульф Айронфист отправился навестить свои деревни. Перед отъездом он позвал Эльфу к себе. Она кротко подошла, выглядя при этом особенно привлекательной в бледно-голубой тунике, которую сшила из куска материи, подаренного ей Кейлин на празднике костров.

- Чем могу служить, господин? - вежливо поинтересовалась она.

- Твоя память еще не вернулась к тебе, хотя бы частично? - спокойно обратился к ней Вульф мягким и ободряющим голосом.

Ярко-зеленые глаза Эльфы затуманились.

- Увы, мой господин, еще нет. Я пытаюсь вспомнить что-нибудь о себе, но не могу. О, что будет со мной?

- Пришло время тебе выйти замуж, - ответил Вульф.

- Замуж? - Эльфа выглядела испуганной. Очевидно, она совсем иначе смотрела на свое будущее. - Вы хотите жениться на мне?

Кейлин сердито зашипела. Наглая девчонка!

- Не я, - сказал Вульф, отчасти пораженный ее словами. - Завтра я отправляюсь в поездку по деревням. Так как ты ничего не помнишь о себе и за время пребывания у нас мы не слышали о пропаже девушек, пришло время начать тебе новую жизнь. Как хозяин этих земель, я отвечаю за твое благополучие. Поэтому я найду тебе хорошего мужа, и ты скоро вступишь в брак. Я думаю, до конца лета.

- Но я не уверена, что хочу замуж, - недовольно пробурчала Эльфа. - А вдруг я уже замужем,

мой господин? Что, если это так?

- Неужели, Эльфа? У тебя есть муж? - Он пронзил ее острым взглядом. - Может быть, ты убежала от мужа, который застал тебя с любовником, а потом избил за неверность?

- Не помню, мой господин, - упрямо твердила она.

- Тогда, - улыбнулся Вульф, - думаю, будет лучше, если мы найдем тебе хорошего мужчину и переселим тебя, девушка. Согласна?

Эльфа долго молчала, затем наконец произнесла:

- Да, мой господин. А вы сами не можете жениться на мне?

- Мне вполне достаточно одной жены, - рассмеялся он. - Да, ягненок? - И он с любовью посмотрел на Кейлин.

- Тебе никогда не потребуется другая, - тихо произнесла она.

Когда Нелвин узнала о том, что ожидает Эльфу, она пожаловалась хозяйке:

- Почему Эльфа может иметь мужа, а я нет? Разве я плохо служу вам, госпожа?

- Очень даже хорошо, Нелвин, - уверила ее Кейлин. - Ты сможешь выйти замуж, как только выберешь себе мужа, если, конечно, не предпочтешь, чтобы мой господин и я подобрали тебе хорошего человека. Эльфа одинока и нуждается в нашей помощи, но ты, Нелвин, всегда со мной, и я выполню все твои разумные желания.

- Когда Эльфа впервые появилась, - проговорила Нелвин, - я думала, она хорошая, но это не так, госпожа. Она дразнит мужчин до сумасшествия.

- Я знаю, - кивнула Кейлин. - Вот почему я предложила моему господину найти ей мужа, по возможности в Орфорде.

- Орфорд? - Нелвин захихикала. - Это далеко, госпожа. Небольшое селение, и там очень много коров. Мне кажется, больше, чем людей.

- Неужели? - сказала Кейлин, приподняв одну бровь.

- Ей придется много работать, - продолжала Нелвин. - В Орфорде жизнь суровая, и, выйдя замуж, она не сможет флиртовать с другими.

- Нет. - Кейлин стала серьезной. - Ни один муж не потерпит распущенную жену, Нелвин. Эльфа должна стать хорошей, порядочной женой, верно? - Она улыбнулась служанке.

Нелвин засмеялась:

- Не думаю, что Эльфе понравится Орфорд, госпожа. Она притворится кроткой и скромной, но у нее острый, а иногда и злой язык. Мне кажется, она не та, за кого себя выдает, хотя никогда не говорила мне о своем прошлом. Она даже не разговаривает во сне, иначе я бы услышала.

- Скоро мы избавимся от нее. - Кейлин попыталась успокоить Нелвин. - К концу лета она уйдет от нас к своему мужу.

- Скатертью дорога! - пожелала Нелвин с чувством. - Мне не жаль, госпожа.

Внезапно Кейлин осенило.

- Тебе нравится Альберт или Бренхард, Нелвин? - спросила она девушку.

Нелвин покраснела до корней своих золотистых волос:

- О, госпожа! Как вы догадались? Мне нравится Альберт, глупец, но он не замечает меня, потому что в голове у него только Эльфа, хотя она играет с ним, сначала поощряя его, а , потом Бренхарда. Оба смущены ее ужасным поведением, но я люблю Альберта.

- К Новому году он забудет ее, обещаю, - сказала Кейлин девушке. - И тогда увидим, согласится ли он на брак с тобой.

Глаза Нелвин наполнились слезами:

- О, госпожа, благодарю вас! Я стану Альберту хорошей женой. Хорошей. Глупец!

Да, подумала Кейлин после откровенного разговора с Нелвин, чем скорее Эльфа покинет Кадда-Вик, тем лучше. Все-таки совесть мучила ее. Справедливо ли поступает она, сбывая девицу несчастному, ничего не подозревающему молодому человеку? Однако Вульффу все известно о недостатках Эльфы. Он выберет подходящего мужчину. Жених сможет обучить Эльфу хорошим манерам. Кейлин надеялась, что он окажется достаточно твердым.

Вульф отсутствовал уже неделю, когда однажды днем Эльфа исчезла. «Может быть, она сбежала?»- подумала Кейлин.

Однако Эльфа опять появилась у закрытых ворот в тот же вечер. Когда ее спросили, где она была. Эльфа заявила, что собирала ягоды.

- Но ты ничего не принесла, - резко заметила Кейлин.

- Я ничего не смогла найти, госпожа, - последовал кроткий ответ.

- Она врет, - сказала Нелвин, когда вместе со своей хозяйкой делала обход, чтобы погасить огни на ночь, закрыть двери на засов и проверить сторожевые посты. - Она пришла без корзинки, госпожа. Как можно собирать ягоды без корзинки?

- Не было никаких ягод, - ответила Кейлин. - Скорее всего она встречалась с любовником на склоне холма, наглая девчонка.

- За ужином в зале Альберт и Бренхард смотрели друг на друга с явной неприязнью, госпожа, - доложила Нелвин.

- Вот и ответ на наш вопрос, - успокоилась Кейлин. - Она настраивает их друг против друга, но с какой целью - не знаю.

Кейлин поднялась наверх, где Аврора и Ройзи давно спали. Вынув ребенка из колыбели, она покормила его, полусонного, прежде чем самой лечь отдыхать. Лучшей жизни она не могла себе представить. Вульф. Дети. Кадда-Вик. Иногда перед ее глазами мелькал старый мраморный пол, который был в доме ее детства, и ее захватывал поток воспоминаний. Недавно, когда такое случилось, она обнаружила, что больше не грустит. Теперь она вспоминала в основном о хорошем, и, что бы ни случилось, эти воспоминания не покинут ее. Они останутся с

ней, а вместе с ними и ее семья.

Кейлин уснула и не слышала, как в зале тихо отодвинули засов. Дверь открылась, а затем еле слышно закрылась. Эльфа постояла с минуту у входа, прислушиваясь к ночным звукам, а потом побежала босыми ногами через двор к сторожевой будке. Луна осветила ее обнаженное тело. В руке она держала небольшой кожаный мешок с вином. Добравшись до цели, Эльфа быстро вошла в маленькую будку, тихо прикрыв дверь. Насмешливая улыбка появилась у нее на лице при виде дремлющего мужчины на стуле в углу. Каким незащитным он выглядел, забыв о своем долге.

Опустившись на колени рядом с ним, Эльфа поцеловала Бренхарда в губы, заставив его проснуться.

- Ты не хочешь взглянуть на меня? - промурлыкала она призывно, и он уставился на ее наготу широко раскрытыми глазами. - Я принесла тебе немного вина из бочки самого хозяина. Никто не заметит. - Она протянула ему полный мешок. - Возьми немного. - Затем быстро поцеловала его.

- Эльфа! - испугался он. - Тебе нельзя здесь находиться. Где твоя одежда? Что, если кто-нибудь войдет?

- Альберт не стал бы падать в обморок от этого, - съязвила Эльфа. - Сегодня мы встретились на склоне холма, и он попытался взять меня. Я сопротивлялась и отказала ему, потому что я хочу только тебя. Пусть Альберт занимается Нелвин, которая пялит на него глаза. - Ее маленькие ручки опустились вниз и скользнули ему под тунику. - Ты настоящий мужчина! Теперь я знаю! - Затем она крепко поцеловала его. - Ты не хочешь меня, Бренхард, мой большой, сильный воин? - Эльфа соблазнительно пробежала языком по его губам.

К своему удивлению, Бренхард обнаружил, что у него перехватило дыхание. Он со свистом выдохнул, когда ее руки нашли его член и начали играть с ним. Она оказалась гораздо опытнее, чем он мог предположить. Глаза его закрылись, и блаженство, которого он раньше никогда не испытывал, охватило все его существо. Сначала ее маленькие пальчики медленно ласкали его. Затем, крепко сжав кожицу его вздувшегося поршня, она начала быстро двигать рукой. Он почувствовал страстное желание.

- Эльфа! - жадно простонал он, поймав рукой ее волосы и прижимая поближе к себе. - Я хочу тебя. Эльфа...

Хихикнув, она взяла его плащ и расстелила на узком полу крошечной будки. Улегшись на него, она широко раскинула ноги и хрипло сказала:

- Иди, засунь свой огромный кол в меня, Бренхард! Ты же хочешь меня всем телом, как и я тебя! Никто не придет и не увидит нас. Все спят, и мы можем наслаждаться друг другом сколько угодно!

Он уже не мог остановиться, даже если бы захотел. Она была так красива... Ни один мужчина на его месте не отказался бы от Эльфы. С глухим стоном он рухнул на нее, воткнув свой напряженный член в ее горячую, влажную щель. Он яростно вжимался в нее, а она, поощряя его, двигалась ему навстречу, нашептывала на ухо грязные, возбуждающие непристойности и неистово извивалась под ним. Он был поражен тем, что она знала такие слова, ведь выглядела Эльфа весьма целомудренной. Однако сейчас это кстати: за такую девку не надо нести ответственность.

Казалось, она наполняла его невероятной силой, и его желание не знало границ. Он погружался, погружался и погружался в нее, а Эльфа вертелась и стонала под ним, и ее вскрики еще больше возбуждали его. Наконец он уже не смог сдерживаться, и его страсть бурно брызнула в ее трепещущее тело. Он рухнул на нее со стоном удовлетворения.

- Клянусь Вуденом, ты лучше всех! У меня никогда не было лучше бабы! - От него сильно пахло луком.

- Слезь с меня, дубина, - приказала она, - ты раздавишь меня.

Он скатился с нее.

- Где вино, которое ты принесла? - спросил он, чувствуя, что теряет контроль над ситуацией. - Давай выпьем вместе, а потом я еще раз засуну тебе, если ты в состоянии. Будешь? - спросил он с плотоядной усмешкой. - Я никогда не знал женщин, подобных тебе, Эльфа. Ты одна из тех девиц, которым всегда мало, не так ли? - Он сел, откинувшись на стул, и привел в порядок свою одежду. Затем, протянув к ней руки, привлек к себе поближе, пощипывая розовые соски ее налитых, полных грудей. Одежда скрывала это богатство.

«Похотливый дурак», - подумала Эльфа, улыбнувшись ему. Она подняла мешок с вином и сделала вид, что пьет, прежде чем передать его Бренхарду.

- Хорошее вино, - вслух произнесла она, когда он жадно глотал пурпурно-красную жидкость, обливая свою густую светлую бороду.

Бренхард лил сладкое холодное вино прямо в глотку. Такого напитка он никогда раньше не пробовал. Хорошо живет Вульф Айронфист! Он протянул ей назад мешок с вином и начал ласкать большие груди Эльфы.

- У тебя самые лучшие груди, девочка, - сделал он комплимент, - и твоя щель теснее всех, что мне приходилось долбить. Клянусь! Ты действительно знаешь, как дать мужчине наслаждение. Эльфа. С трудом верю в это, но, кажется, я готов снова поиметь тебя. Ложись-ка, моя девочка, - скомандовал он и, вытащив свой член, повалил ее на пол.

«Он грубоват, но вынослив и силен, как животное», - подумала Эльфа, притворившись, что охвачена страстью. Первый раз она тоже испытала удовольствие, но сейчас не могла позволить себе такой роскоши. Когда его страсть вновь достигла вершины и он скатился с нее, она опять предложила ему вина, поощрительно улыбаясь, пока он глотал крепкий напиток. Затем внезапно Бренхард рухнул, потеряв сознание. Эльфа облегченно вздохнула. Он в самом деле измотал ее своей страстью. В третий раз она бы, конечно, не выдержала.

Эльфа поднялась с пола и с большим трудом ухитрилась оттащить безвольное, тяжелое тело Бренхарда назад на стул. Его лохматая голова свесилась на грудь. Казалось, что он просто дремлет. Она выскользнула из будки и быстро пробежала по двору к дому. Войдя внутрь, поспешила к своей постели. В доме было тихо, слышался только спокойный храп его обитателей.

Эльфа оделась и вернулась в будку. Бренхард по-прежнему пребывал в бессознательном состоянии. Усевшись на пол так, что ее не было видно, она стала дожидаться рассвета. Когда наконец рассвело, Эльфа встала, потянулась и, выйдя из будки, направилась прямо к большим воротам Кадда-Вик. Медленно, с большим трудом она попыталась отодвинуть тяжелый засов. Небо быстро светлело. По ее спине струился пот от напряжения и страха быть обнаруженной, когда она возилась с засовом. Наконец она справилась с ним; одна створка, качнувшись,

открылась, и у ворот оказался большой отряд вооруженных людей.

- Дядя, - сказала Эльфа проказливо, - добро пожаловать в Кадда-Вик.

- Ты сделала все как надо, племянница! - похвалил ее Рагнар Стронгспир и тихо повел своих людей через ворота во двор. - Где хозяйка дома? И когда должен вернуться Вульф Айронфист?

- Кейлин спит в комнате наверху с детьми, - ответила Эльфа. - Что касается ее мужа, я полагаю, он вернется через несколько дней.

- Охраняйте ворота, - приказал Рагнар своему помощнику Гарадьду и повернулся к Эльфе:

- Приведи госпожу Кейлин и ее детей. Я хочу есть.

- Да, дядя, - ответила Эльфа. Она поспешила в дом выполнять его приказ, слишком поздно вспомнив, что Кейлин всегда на ночь поднимает лестницу наверх. Другого входа в комнату не было. Когда Рагнар вошел в холл, она подбежала к нему и объяснила ситуацию.

- Не имеет значения, - сказал он. - Она должна спуститься в конце концов, и я подожду. Госпожа Кейлин очень аппетитная женщина.

- Ты хочешь ее? - Эльфа удивилась. Она считала. Кейлин слишком чопорной и порядочной для своего похотливого дядюшки. К тому же она слишком стара, ей уже за двадцать.

- Не обманывайся ее благородством и манерами, девочка, - усмехнулся он. - За всем этим стоит женщина, и очень страстная женщина, готов спорить.

Сонных, удивленных обитателей Кадда-Вик подняли и привели к Рагнару Стронгспиру. Всех собрали в зале, включая еще не пришедшего в себя Бренхарда.

- Теперь Кадда-Вик мой по праву победителя! - объявил Рагнар громким голосом. - Вам не причинят вреда, если вы будете повинаться мне. Если же попытаетесь сопротивляться, убьем. А сейчас начинайте свой день, как обычно, и пусть кто-нибудь принесет мне еду. Я изрядно проголодался!

Какое-то время они смотрели на него, все еще не до конца проснувшись и не вполне понимая, что следует делать. Как все это произошло? Как Рагнар Стронгспир проник в Кадда-Вик? Эти вопросы мучили всех.

- Теперь вы должны подчиняться Рагнару Стронгспиру, - обратилась Кейлин к своим людям. - Я не хочу, чтобы вы пострадали. - Она была очень красива в темно-зеленой тунике, вышитой золотыми нитками. Потом Кейлин повернулась к Рагнару и спросила высокомерным тоном:

- Как вы здесь оказались?

Он пожирал ее глазами. Ей-богу, она прекрасна, и сегодня ночью она будет под ним!

- С помощью троянского коня, - ответил он. - Вы знаете эту историю? Антония рассказала мне.

Кейлин кивнула:

- Я хорошо знаю ее. - В ее глазах блеснула догадка. Она пристально осмотрела комнату и нашла ту, которую искала. - Эльфа, - сказала она. - Эльфа ваш троянский конь, не так ли, Рагнар Стронгспир? Кто она?

- Старшая дочь моего брата Гуннара. Ей пятнадцать, и она очень хитрая, - ухмыльнулся он.

- Эльфа предала нас, - объяснила Кейлин собравшимся людям. - Она племянница Рагнара Стронгспира. Из уст Бренхарда вырвался ужасный стон.

- Сука! - закричал он, падая на колени перед Кейлин. - Госпожа, простите меня! Я хотел ее, и она знала это. Она пришла ко мне ночью, когда я был на посту, и предложила себя. Потом напоила меня вином с каким-то зельем, и я отключился. Это моя вина, что поместье захватили! Простите меня!

- Ты глуп, Бренхард, однако встань и приступай к своим обязанностям. Что случилось, то случилось, но ты, вероятно, не избежишь наказания, когда вернется мой муж, - промолвила Кейлин.

Бренхард поднялся на ноги. Лицо его было желто-зеленого цвета. Его вот-вот могло стошнить.

- Благодарю, госпожа, - еле выговорил он.

Теперь Кейлин поняла, почему Эльфа выбрала бедного Бренхарда и несчастного Альберта. Они оба дежурили в сторожевой будке у ворот по очереди каждую ночь. Эльфа никого из них не любила, и бедный Альберт точно так же мог стать ее жертвой, если бы оказался на посту прошлой ночью. Бренхарду не повезло, что выпала его очередь.

- Как Эльфа связалась с вами? - спросила Кейлин Рагнара, сидя за большим столом. - Я почувствовала неладное, но не знала, что именно.

Он нетерпеливо посмотрел в конец зала в ожидании слуг, которые должны были принести с кухни завтрак. Рагнар хорошо помнил, какая отменная еда у Кейлин.

- С того самого дня, когда вы обнаружили Эльфу у своих ворот, мой человек вел наблюдение с холма. - Он глотнул из чашки темного пива. - Никогда не пробовал лучше, - похвалил он с улыбкой.

- Вчера, - медленно начала Кейлин, - вчера днем она встречалась с женщиной, когда улизнула за ворота будто бы собирать ягоды, но у нее не оказалось даже корзины. Я поняла, что она врёт, но не знала причины.

Наконец принесли еду. Рагнар вытащил из-за пояса нож и отрезал два толстых куска ветчины. Он положил себе также несколько сваренных вкрутую яиц и небольшую булку.

- Еще пива! - приказал он слуге, затем спросил Кейлин:

- Где ваши дети, госпожа? Я слышал, вашему сыну уже несколько недель. Эта сука Антония не смогла доносить моего ребенка и потеряла его после дня солнцестояния. Тоже сына. Она плохо вынашивает детей, но ты сможешь сделать это лучше. Ты знаешь, что я собираюсь жениться на тебе, Кейлин? Как только я увидел тебя, я сразу понял, что ты нужна мне. Мои саксонские женщины - прекрасные создания, верные и трудолюбивые, как коровы. Антония - ведьма, но иногда немного отравы даже приятно получить. Однако ты, моя лисичка, со своими рыжими кудрями доставишь мне удовольствие во всем.

- У меня есть муж, - спокойно ответила Кейлин. Она не боялась этого хвастуна. Он не смог бы захватить Кадда-Вик без предательства, и его вышвырнут отсюда.

- Я убью Вульфа Айронфиста, - похвастался Рагнар.
- Уверена, скорее он убьет тебя, - возразила Кейлин.
- А твои дети? - снова спросил он. - Где они?
- Они ушли, - сказала она с улыбкой.
- Этого не может быть! - заорал он, взбешенный. Ведь дети - его главное оружие, которое он намеревался использовать против нее. - Как это они могли уйти? - На его шее вздулись жилы.
- Вы хитростью проникли в Кадда-Вик, Рагнар Стронгспир, - проговорила она. - Но я уже проснулась, когда вы вошли в дом. Сначала я решила, что вернулся мой муж, и приоткрыла дверь. Заглянув вниз, я увидела вас. Я недавно покормила сына. Затем разбудила дочку, одела детей и, пока вы хвастались и что-то мычали, пытаюсь запугать моих людей, спустила детей вниз в зал и передала их моей служанке Нелвин. Я видела, как она прошла через ворота с ними. Ваши люди были так заняты, что даже не заметили, как Нелвин проскользнула между ними. Теперь она на пути в Брелих. Я полагаю, вам не поймать ее, - закончила Кейлин, весело рассмеявшись.
- Брелих? Что это за место? - проворчал он.
- Одна из деревень, принадлежащих Кадда-Вик, - ответила она. - Вы, конечно, думали, что мы одни, за исключением нескольких родственников среди добунни? Нам принадлежат четыре деревни. Вы не сможете захватить их, если даже найдете. Нелвин поднимет тревогу, и Вульф Айронфист приедет с большим отрядом, чтобы выкинуть вас отсюда. На вашем месте я бы закончила завтрак и поспешила домой.
- Что ты за женщина! - ответил он усмехаясь. - Даже если бы я воспользовался твоим советом, я увез бы тебя с собой, Кейлин. Ты не просто сильна и красива, ты мыслишь, как воин. Думаю, мне не понравилась бы такая черта характера в других женщинах, но тебе это идет, моя лисичка. Ей-богу, это красит тебя!
- Кейлин потягивала вино, разбавленное водой, и с аппетитом ела хлеб, ветчину и сыр. Ей больше нечего сказать Рагнару Стронгспиру. Наконец она встала и решительно вышла из-за стола.
- Остановить ее, господин? - предложил Гаральд, нервничая.
- Надеюсь, теперь-то ворота охраняются? - спросил Рагнар саркастически.
- Да, господин! - ответил Гаральд.
- Тогда пусть идет. Куда она денется, дурачок? Я везде найду ее. Думаю, она пошла по своим обычным делам, и ничего более.
- Кейлин действительно обошла Кадда-Вик, ободряя прислугу в своей обычной спокойной манере.
- Что нам делать, госпожа? - спросил он взволнованно. Он прекрасно понимал, как близко сам был к тому, что случилось с Бренхардом.
- Не оказывать сопротивления, - велела она ему, а затем обратилась к остальным:

- Если, конечно, нет угрозы вашей жизни. Займитесь, как обычно, своими повседневными делами. Скоро придет Вульф Айронфист и выгонит Рагнара Стронгспира. Не бойтесь. Нелвин поднимет тревогу. Рагнар Стронгспир хотел застать Вульфа врасплох. Теперь он не имеет этого преимущества. - Кейлин пошла дальше. До полудня она собрала всех женщин и сказала:

- Я не допущу, чтобы кто-то обижал вас. Спрячьтесь в погреб под самым большим амбаром. Сделайте это как можно быстрее и не забудьте запастись мехами с водой. Не выходите до утра, пока я не позову вас. А теперь поторопитесь!

- А как же вы, госпожа? - спросила одна из служанок.

- Мне не причинят вреда, - успокоила их Кейлин. Она уже решила, что надо делать. Если ей не удастся удержать Рагнара Стронгспира от его воцелений, она убьет его. Ее груди начали ужасно болеть, и, взглянув на них, она поморщилась от досады. Молоко начинало сочиться из сосков и запачкало тунику. Последний раз она покормила Ройзи рано утром. Нелвин найдет для него в Брелихе кормящую мать. Кейлин понимала - надо что-то сделать, чтобы освободиться от своего молока.

В пекарне Кейлин взяла хлеб, а в маслодельне немного сыра. Слуги принесли, как обычно, в комнату наверху несколько кувшинов с водой. Войдя в зал, Кейлин увидела, что Рагнара Стронгспира там нет. Усмехнувшись, она забралась наверх и, втянув за собой лестницу, быстро закрыла дверь на засов. Другой лестницы, которая доставала бы до комнаты, не было. На время она была в безопасности. Сняв тунику, она вздохнула при виде намокшей рубашки. Она стянула ее тоже и начала сцеживать молоко из своих набухших грудей в пустой тазик. Ей сразу стало легче, и, умывшись, она надела чистую одежду.

Кейлин услышала, как внизу в зале началась какая-то суета. Она дала наказ слугам-мужчинам накрывать ужин как обычно и не отказывать незваным гостям ни в еде, ни в питье. До возвращения Вульфа Айронфиста она должна по возможности сделать все, чтобы Рагнар Стронгспир и его люди были довольны. Кейлин ничуть не сомневалась, что ее муж придет и снова вернет Кадда-Вик. Никому не удастся отобрать эти земли у них. Она родилась здесь, и здесь жили десять поколений ее предков. Ее дети продолжат их род. Никто не отнимет у нее земли! Ни Рагнар Стронгспир, ни Антония Порция. Никто!

- Госпожа? Вы наверху? - Она услышала, как Рагнар Стронгспир зовет ее. - Госпожа, я хочу, чтобы вы сели с нами за стол. Спускайтесь вниз.

- Я плохо себя чувствую, - ответила Кейлин. - Сегодня слишком напряженный день. Я должна отдохнуть. Прошло не так много времени с тех пор, как я родила сына. Я еще слаба.

- Вам станет лучше, если вы поедите. Это поможет восстановить силы. Спускайся, моя лисичка. Я покормлю тебя самыми лакомыми кусочками мяса с моей тарелки и дам тебе сладкого вина, чтобы облегчить твой недуг, - сказал он нежным тоном.

Кейлин подавила смех.

- А я не хочу, Рагнар Стронгспир, мне лучше побыть одной, - ответила она и, притворяясь, жалобно застонала.

- Наверное, тебе действительно лучше побыть одной, - согласился он, забеспокоившись, и она услышала, как он поспешно удалился, прощаясь на ходу:

- Увидимся завтра, госпожа.

Кейлин с усмешкой подумала: ничто так не расхолаживает желания мужчины, как женщина, готовая исторгнуть содержимое своего желудка ему на колени. Она отломала немного хлеба и отрезала кусочек сыра, который прихватила с собой. Запив еду холодной водой из кувшина, она села вышивать гобелен. Когда стемнело, Кейлин посидела в тишине, прислушиваясь к звукам, доносившимся снизу. Мужчины уже были пьяны. Она поняла это по шумному веселью, смеху и песням. Время от времени она слышала звук бьющейся посуды и злилась. Сейчас трудно приобрести что-либо к Новому году. Однако в конце концов шум стих и дом погрузился в тишину.

Она проснулась, как всегда, в свое обычное время и, поднявшись, подошла к окну. Небо уже начало светлеть, и она могла различить дымок, поднимающийся из пекарни. Ее груди опять были полны, и она еще раз сцедила молоко. Потом ополоснула лицо водой и, почувствовав облегчение, быстро оделась. Отодвинув сундуки от двери, она тихо приподняла засов, открыла дверь и, приставив лестницу, спустилась вниз.

Там Кейлин увидела Рагнара Стронгспира и его людей, валявшихся повсюду в пьяном сне. Никаких следов присутствия Эльфы; впрочем, эта девица перестала ее интересовать. Дом превратился в бардак: столы и скамейки перевернуты, посуда побита, кругом остатки еды, разлитое вино. Кейлин сморщила нос от отвращения. Надо немедленно сменить тростниковые половики. Дверь дома была не заперта, и она выскользнула во двор. Ворота также свободны, но она никого не увидела на посту. Поспешно войдя в пекарню, Кейлин спросила пекаря:

- Где люди? Во дворе никого нет.

- Не знаю, госпожа, - ответил пекарь, волнуясь. - Я не покидал пекарню с тех пор, как явились непрошеные гости. Думаю, здесь я в безопасности.

- Пожалуй, - согласилась Кейлин. - Не бойся, скоро приедет Вульф Айронфист и выгонит этих людей из Кадда-Вик. Кейлин вышла из пекарни и направилась в амбар.

- Выходите, - позвала она женщин. - Уже утро, и эти негодяи лежат пьяные в зале. Сейчас безопасно.

Женщины выбрались из погреба и встали перед хозяйкой. Она внимательно осмотрела их. Две молодые и очень хорошенькие. Они явно подвергались опасности. Остальные, постарше и попроще, вряд ли, если, конечно, эти мужланы не напьются и не начнут хамить. Хорошеньких служанок она отправила в пекарню.

- Скажите пекарю, что останетесь у него. Там безопаснее. Если войдет кто-либо из людей Рагнара Стронгспира, опустите головы. Старайтесь не попадаться на глаза. Это единственная ваша защита. Теперь идите. Двор свободен и безопасен. Наши мужчины, кажется, исчезли.

Обе девушки убежали, и Кейлин обратилась к оставшимся:

- Приступайте к своим обычным делам. Если Вульф Айронфист не приедет сегодня, на ночь опять спрячьтесь здесь. Я не смогу прийти к вам на помощь. Вы должны сами позаботиться о себе. Это все, что я могу сделать, главное, постарайтесь не попасть в лапы Рагнара Стронгспира.

Рагнар и его люди наконец проснулись и, спотыкаясь, выбрались из дома, чтобы облегчиться. Кейлин и женщины освободили зал от остатков ночного разгула и постелили свежий тростник, смешанный с душистыми травами. Завтрак был готов, но есть сели только после уборки.

Рагнар уселся за стол, зажав в кулаке большой бокал вина.

- Где твои мужчины? - спросил он Кейлин.

- Не знаю, - ответила она. - Я решила, что, может быть, вы заперли их где-нибудь. Когда я проснулась сегодня утром, их уже не было. Я зла на них, так как они знали, что можно сбежать, и не взяли меня с собой, - закончила она, и ее раздраженный тон убедил его больше, чем слова.

Он кивнул:

- Хорошо. Я прослежу, чтобы ваши женщины вернулись.

- Я отправила их в безопасное место на ночь, - резко сказала она. - Не хочу, чтобы моих женщин насильовали и оскорбляли. А где Эльфа? Я все утро не видела вашей племянницы.

- Она должна выйти замуж за Гаральда на праздник Лага.

Они, вероятно, где-нибудь изображают зверя с двумя спинами. Эльфа очень страстная девушка.

Остаток дня, казалось, длился необычайно долго. Когда наконец солнце начало садиться, Кейлин с удовлетворением отметила, что все женщины снова исчезли. Она поспешила в свою комнату прежде, чем Рагнар Стронгспир остановил ее. Груды Кейлин снова готовы были лопнуть от избытка молока, и оно уже просочилось сквозь одежду. Быстро забравшись по лестнице, она подняла ее за собой, потом закрыла дверь и заперла на засов.

Вдруг голос Рагнара Стронгспира заставил ее похолодеть от страха. Глаза Кейлин расширились от удивления, когда он слез с ее постели.

- Как вы здесь оказались? - спросила она. Ее сердце бешено колотилось.

- Залез по лестнице, - просто ответил он, и она молча прокляла свою глупость. Почему она не спрятала лестницу?

- Я должна сцедить молоко, - сказала она, - поскольку моего сына нет здесь, чтобы отсосать его. - Она произнесла это холодным, лишенным эмоций голосом.

Рагнар медленно улыбнулся, затем подошел к ней, сорвал с нее одежду и схватил своими большими руками за талию. Он приподнял Кейлин кверху так, что ее груди нависли над его лицом. Потом, слегка опустив, он начал сосать ее.

Кейлин почувствовала, что ее тело осквернили, как будто он насильовал ее; впрочем, она знала, что именно это он намеревался сделать потом.

- Нет! - закричала она, испытывая муки, но все было напрасно. Она отчаянно вырывалась, но не могла освободиться. Высосав первую грудь, он с улыбкой посмотрел ей в глаза.

- Мне нравится вкус, - сказал он. - Говорят, что если мужчина выпьет молоко своей возлюбленной, он станет сильнее всех. - Теперь его жадный рот впился в другую грудь и начал сильно сосать ее. Выпив все до последней капли, он понес ее и грубо бросил на мягкую постель. Она с ужасом смотрела, как он снимает свою одежду. - Я никогда не обладал полностью обнаженной женщиной, - сознался он.

Кейлин попыталась улизнуть из постели. Ее охватила паника. Рагнар громко смеялся, глядя на ее попытки. Повалив Кейлин одной рукой, он забрался на нее, устроившись на груди.

- Открой рот, - приказал он, и когда она отрицательно покачала головой, Рагнар крепко зажал ей нос. Кейлин, задыхаясь и теряя сознание, открыла рот, чтобы вдохнуть воздух. Как только она сделала это, он запихнул ей в рот свой член. - Если укусишь, - предупредил Рагнар, - я вышибу тебе все зубы. - И она поверила ему. - Соси, моя лисичка, так же хорошо, как я тебя, - приказал он.

Она замотала головой, отказываясь, но он улыбнулся и, отклонившись назад, нащупал пальцами ее маленькое сокровище и начал грубо щипать. Кейлин закричала от боли и, побежденная, уступила его желанию.

- Вот так, моя лисичка, - застонал он, когда она начала возбуждать его. - Ты очень способная, я всегда это знал! - Его глаза закрылись от удовольствия.

Кейлин потихоньку закинула руку назад за голову, продолжая возбуждать своего насильника. Ее рука украдкой шарилась в соломе под периной. Она двигалась медленно и осторожно, опасаясь привлечь его внимание. Ну где же? Только бы он не заметил.

- Достаточно! - прорычал Рагнар Стронгспир, вытаскивая свой возбужденный член из ее рта. - Теперь этот бродяга хочет отыскать другое местечко! - Он начал сползать вниз.

Ну где же, где? Пальцы Кейлин отчаянно шарили под периной. Необходимо задержать его.

- О, мой господин, - начала упрашивать она, - неужели вы не подарите мне хоть немного того удовольствия, которое я доставила вам? О, пожалуйста! Я так хочу!

Из его груди вырвался смех.

- Значит, ты тоже хочешь, моя рыжая лисичка? Я не разочарую тебя! - Раздвинув ее ноги в стороны, он погрузился между ними.

Кейлин попыталась отвлечься от ощущения его влажного языка на своей плоти. Она неистово шарилась в соломе под периной, и когда решила, что он вот-вот заметит и опередит ее, рука слегка порезалась о лезвие ножа, который она искала. Облегченно вздохнув, Кейлин сжала оружие, не обращая внимания на боль от ранения.

- О! О! - застонала она, помня, что он ожидает от нее именно этого. - О, хорошо! Я готова для тебя, мой господин! Не говоря ни слова, Рагнар Стронгспир сменил позу.

- О, поцелуй меня! - крикнула Кейлин, и когда он наклонился вперед, чтобы прижаться к ней губами, она несколько раз вонзила нож ему в спину.

Хрюкнув от удивления, он скатился с нее на спину. Она поняла, что он ранен, но не смертельно.

- Сука! - прорычал он. - Ты заплатишь за это! Кейлин вскочила на него верхом, схватила за волосы и, оттянув голову назад, полоснула по горлу. На мгновение в глазах Рагнара Стронгспира мелькнуло изумление. Она сползла с него и теперь стояла, дрожа и глядя на мертвого мужчину, еще не вполне уверенная, что он мертв. Она еще долго вглядывалась, не пошевелится ли он. Нет, он мертв. Совсем мертв. Она убила Рагнара Стронгспира. Она убила человека!

Кейлин заплакала. Когда наконец ее рыдания стали затихать, она обнаружила, что вся испачкана кровью. Его кровью. Она вздрогнула от отвращения и, заставив себя действовать, пошла в другой конец комнаты, налила воды в тазик и мылась, мылась, мылась, пока не смыла все следы. Мытье и чистая одежда, кажется, немного помогли. Она старалась не смотреть на постель, где, раскинувшись в луже крови, лежал Рагнар Стронгспир. Затем села за ткацкий станок и задремала, пока птицы, громко защебетавшие на рассвете, не разбудили ее. Проснувшись, Кейлин вспомнила, что случилось ночью.

Что делать? Когда люди Рагнара обнаружат, что она убила их хозяина, а они, конечно, узнают об этом, они убьют ее. Она больше не увидит Вульфа и своих детей. По ее бледным щекам потекли слезы. Нет! Она не позволит зарезать себя, как испуганного кролика.

Может быть, она сможет сбежать из Кадда-Вик прежде, чем обнаружат тело Рагнара. Еще очень рано, и в доме пока никто не проснулся. Она может спуститься вниз и спрятать лестницу. Все подумают, что Рагнар спит после утомительной ночи. Она подняла бы остальных женщин, и все вместе они проскользнули бы через ворота под тем или иным предлогом. Нет! Это невозможно. Их слишком много. Это может вызвать подозрение. Она не могла оставить женщин перед лицом взбесившихся от ярости людей Рагнара Стронгспира. Она отведет двух девушек, прячущихся в пекарне, к другим женщинам в погребе. Да! Этот план намного лучше. Никто не будет искать их там, да и Вульф скоро приедет.

Кейлин отодвинула сундуки от двери, подняв засов, открыла ее и спустила вниз лестницу. Потихоньку закрыв за собой дверь, она быстро спустилась в зал. «Куда бы спрятать лестницу?» – подумала Кейлин. Она бросит ее в колодец! Она никогда больше не вернется в комнату наверху после того, что произошло там этой ночью. На ее плечо легла тяжелая рука, и, не в силах сдержаться, Кейлин тихо вскрикнула от ужаса.

- Ягненочек! Это я.

Она повернулась с бьющимся сердцем, перед ней стоял Вульф Айронфист. За ним в зал ввели связанных людей Рагнара Стронгспира.

- О, Вульф! – всхлипнула она, со вздохом облегчения упав в его объятия. Через минуту она взяла себя в руки и, освободившись, спросила:

- Как вы проникли в Кадда-Вик? Разве на стенах не было людей Рагнара Стронгспира?

- Мы прошли тем же самым путем, каким наши люди вышли прошлой ночью. В одной из сторожевых будок есть небольшой люк. Он ведет к узкому туннелю под нашими укреплениями, ягненочек. Я послал Корио за людьми. Они подробно рассказали мне об обороне Рагнара Стронгспира. На заре мы вернулись тем же путем и захватили Кадда-Вик.

- Почему же мне ничего не было известно о туннеле? – спросила Кейлин обиженно. – Я вынуждена была прятать женщин в погребе, чтобы оградить их от непрошенных гостей. Почему мне не сказали о нем?

- Корио послал Альберта поискать тебя, ягненочек, но ты исчезла. Альберту ничего не оставалось делать, как уйти со всеми, – пояснил Вульф, но Кейлин не хотела слушать.

- Он мог бы сказать кому-нибудь из женщин, – настаивала она, забыв, что сама ради безопасности спрятала их. – Я вынуждена была забаррикадироваться в комнате наверху, чтобы избежать нежелательного внимания Рагнара Стронгспира. Неужели тебе хотелось, чтобы я моталась по дому, изображая гостеприимную хозяйку перед этой грубой свиньей? – Кейлин

была вне себя от ярости.

- Но тебе не удалось удрать от моего дяди прошлой ночью, - подло заявила Эльфа, выступив вперед с гаденькой улыбочкой на своем красивом лице. - Ты выглядишь очень хорошо, несмотря на бурную ночь, которую провела под моим дядюшкой!

- Я убью его, если он только прикоснулся к тебе! - прорычал Вульф Айронфист.

- Я уже сделала это! - сказала Кейлин резко, и от ее слов Эльфа побледнела. - Он не изнасиловал меня, мой господин, хотя пытался сделать это.

- Как ты смогла убить такого огромного мужчину, ягненок? - мягко спросил ее муж. В своем ли она уме?

- Я перерезала ему глотку.

- Чем? - спросил он. О боги! Она так бледна.

- Мой внутренний голос не давал мне покоя, - начала она. - Не знаю почему, но когда ты поехал осматривать деревни, я положила нож под перину. Когда Рагнар залез на меня, я нашла нож и убила его. Там так много крови, Вульф! Я никогда больше не смогу спать в этой комнате. Никогда! - Она заплакала.

Он успокаивал ее, как только мог. Когда она наконец перестала всхлипывать, Вульф сообщил:

- У меня много новостей, ягненок, и хороших. - Затем, заметив темное пятно, расплывшееся по ее тунике, он воскликнул:

- Ягненок, ты не ранена?

Кейлин посмотрела вниз и слегка улыбнулась:

- Мне нужен Ройзи. Мои груди переполнены молоком.

- Нелвин скоро придет с ним, - пообещал он и ласково обнял ее. - И Аврора тоже.

- Как вы преданы друг другу! - усмехнулась Эльфа. - А что будет с нами, хотелось бы знать?

- Я полагаю, память вернулась к ней. - Вульф хитро улыбнулся. Они вошли в зал и сели за большой стол. Эльфа последовала за ними, но остановилась рядом с Гаральдом.

- Она никогда не теряла памяти, - сказала Кейлин. - Позволь мне рассказать историю, которую я узнала в детстве. В древние времена греческий царь Менелай имел прекрасную жену по имени Елена. Царь был старым, но любил ее. Однако молодая царица влюбилась в красивого юношу Париса. Они сбежали в Троя. Из-за оскорбления, нанесенного Менелаю, и его попыток вернуть прекрасную царицу Елену вспыхнула война между Троей и несколькими греческими государствами.

Однако Троя считалась неприступной. Ее окружали очень высокие стены. Там был достаточный запас свежей воды и пищи. Много лет греки осаждали Троя, но так и не смогли взять город. Наконец они решили прекратить войну с Троей и в качестве дружественного жеста отвели греческие армии на значительное расстояние, оставив для Трои огромного, вырезанного из дерева и раскрашенного коня на колесах. Граждане Трои открыли ворота и вкатили коня в город. Весь день они праздновали победу над Менелаем и его союзниками.

А темной ночью, когда все легли спать, греческие воины, которые прятались в брюхе троянского коня, вылезли наружу и захватили город, никого не щадя. Все были убиты, а город разрушен.

Эльфа – троянский конь Рагнара Стронгспира. Она позволила избить себя и притворилась, что ничего не помнит, кроме имени. Затем она начала завлекать и соблазнять обоих наших стражников, так как не знала точно, кто из них будет на посту в ночь, когда она намеревалась впустить дядю и его людей в Кадда-Вик.

– Альберт и Бренхард рассказали мне, что случилось, – прервал ее Вульф. Он посмотрел на воинов Рагнара. – Теперь я должен решить, что делать с этими людьми. Убить их или помиловать?

– Помилуйте, господин! – закричали мужчины в один голос. – Помилуйте!

Кейлин наклонилась и прошептала мужу:

– Брат Рагнара, Гуннар, выгадает от его смерти, но, думаю, его дочка Эльфа очень честолюбива. Она хочет присвоить земли дяди для Гаральда, который должен стать ее мужем. Есть ли какой-нибудь способ восстановить этих мужчин друг против друга? Если они займутся своими распрями, у них не останется времени беспокоить нас, мой господин. И давай не забудем нашу старую подругу Антонию Порцию. Те земли принадлежали ей, пока Рагнар Стронгспир не захватил их. Не думаю, что Антония Порция готова отказаться от своей мечты получить земли для Квинта, пока еще юного.

Вульф улыбнулся жене:

– Поистине Флавий Аспар и Византия потеряли в твоём лице ценного стратега, ягненок. – Затем он повернулся к своим пленникам с жестким выражением лица. – Рагнар Стронгспир мертв, – сказал он. – Гаральд Свифтсворд, клянётесь ли вы в верности мне? Если да, я не буду возражать против приобретения вами земель Рагнара Стронгспира, Думаю, вы являетесь его единственным наследником. Его сыновья ещё слишком юны, чтобы серьёзно претендовать на них.

– А как же мой отец? – спросила Эльфа. – Он брат Рагнара. Разве он не наследует дядины земли?

– Почему ты хочешь, чтобы отец получил то, что может иметь твой муж, Эльфа Гуннарсдотгар? Это единственный шанс для Гаральда получить земли. Если он достаточно силен, чтобы отстоять их от притязаний твоего отца, зачем тебе возражать? Разве ты не желаешь стать хозяйкой?

– Я достаточно силен, чтобы отстоять эти земли! – громко похвастался Гаральд и повернулся к своим людям:

– Вы со мной? – Они отвечали согласием. Гаральд посмотрел на Вульфа Айронфиста:

– Тогда я клянусь быть твоим подданным, мой господин, и сохранять мир между нами. Что ты скажешь. Эльфа?

– Да! – кивнула она. – Между нами давно все решено, Гаральд, и если я хотела выйти за тебя без земель, то, конечно, не отвергну тебя, когда ты вот-вот должен стать могущественным и обеспеченным господином.

- Тогда, - заговорил Вульф Айронфист, - я освобождаю вас всех!

Все громко приветствовали его.

Принесли пива и выпили за мир между Вульфом Айронфистом и Гаральдом Свифтсвордом. Затем люди Гаральда приготовились к отъезду, а Вульф отвел его в сторону:

- Остерегайся Антонии. Земли, которыми ты хочешь завладеть, принадлежали многим поколениям ее семьи.

Может быть, ты мог бы взять ее в качестве второй жены, чтобы она не досталась другому мужчине, который может попытаться через нее заполучить эти земли.

- Благодарю за совет, - ответил Гаральд. - Возможно, это хорошая идея. Рагнар всегда говорил, что у нее плохой характер, но в постели она не сравнится с другой женщиной. При таких обстоятельствах я должен либо жениться на ней, либо убить ее. Я подумаю об этом.

- Лучше женись, - посоветовал Вульф. - Она будет постоянно воевать с Эльфой, и, следовательно, они не станут вмешиваться в твои дела.

Гаральд засмеялся.

- Может быть, ты прав, - медленно произнес он. - Да! Думаю, прав!

Они уехали. Вульф взял жену за руку и вывел ее из дома. Они пошли в поле.

- Этот случай заставил меня понять, что мы не можем оставаться в Кадда-Вик, - сказал он. - В этой узкой долине на нас удобно нападать. Холмы плотно окружают нас. Я приказал построить новый дом в Бранд-Дане. Он расположен на холме, и там враг не сможет застать нас врасплох. Мы, конечно, будем обрабатывать эти земли, но жить здесь больше не станем, ягненочек. Ты не возражаешь?

- Нет. - Кейлин покачала головой. - Хотя у меня много радостных воспоминаний об этом доме. Эта земля насквозь пропиталась кровью моей семьи, а теперь еще и кровью Рагнара Стронгспира. Действительно, лучше покинуть этот дом.

Он понимающе кивнул, и она продолжала:

- Дороги, которые построили римляне в Британии лет триста назад, стали небезопасными. А ведь было время, когда люди не боялись передвигаться по ним. Но легионы ушли, и с ними изменился образ жизни, который существовал веками. Раньше никто бы не осмелился напасть на поместье Гая Друзаса Кориниума или Антония Порция. Теперь другие времена, Вульф, и другие люди. Думаю, чтобы выжить, мы должны поступить так, как решили, и не подвергать опасности себя и детей. Ты не Рагнар Стронгспир и не Гаральд Свифтсворд. Ты другой тип саксонца. Твои ноги, как и мои, не увязли в тяжелом прошлом. Ты также мечтаешь о будущем, которое многие даже не могут представить. Я с радостью уйду с тобой в Бранд-Дан! Ничто не связывает нас с Кадда-Вик, кроме воспоминаний. Плохие я отброшу, а хорошие всегда останутся в моем сердце. О, Вульф! Мы опять едва не потеряли друг друга, по боги помогли нам воссоединиться, чтобы снова любить. Я так счастлива!

- Мама! Мама! - По полю к ним бежала Аврора, ее шелковые золотистые волосы развевались, маленькие ножки мчали ее изо всех сил. - Мама!

За ней шла Нелвин, неся на руках Ройзи. Кейлин поймала дочку в объятия и покрыла ее лицо поцелуями.

- Я так соскучилась по тебе, милая, - сказала она. - А ты скучала по маме?

- Плохие люди ушли, мама? - спросила Аврора беспокойно.

- Они ушли навсегда и никогда не вернуться, обещаю тебе, дочка, - ответила Кейлин, обнимая ее.

- Когда мы отправимся в Бранд-Дан? - Вульф смотрел на жену, чувствуя, как сердце его переполняется любовью к этой храброй женщине.

- Сегодня! - сказала Кейлин. - Пусть люди выносят вещи из дома, Мы сожжем то, что горит, а остальное разломаем. Все кончено.

- Куда мы пойдем? - спросила Нелвин, поравнявшись с ними.

Кейлин взяла у служанки ребенка, похвалив ее за храбрость, и села на землю, приложив Ройзи к груди. Вульф рассказал Нелвин об их решении. Кейлин обратилась к мужу:

- Нелвин пора замуж. Она любит Альберта. Ты уладишь это, мой господин?

- Конечно, - согласился он, - и с радостью! Твоя преданность, Нелвин, спасла жизнь нашим детям. С моей стороны это лишь небольшая плата за твою службу. Альберту очень повезло, я поговорю с ним об этом.

Вульф приказал освободить дом от мебели, и когда это было сделано, он залез в комнату наверху. Рагнар Стронгспир лежал, раскинувшись, на спине, обнаженный и белый, как рыба брюхо. Казалось, повсюду была кровь. Вульф осторожно приподнял его голову, упавшую на грудь. Его безжизненные глаза были широко открыты, на лице застыло выражение удивления. Зияющая рана потрясла Вульфа. Горло Ратнара Стронгспира было располосовано от уха до уха. Как она сделала это? Казалось, его хрупкий ягненочек не способен на такой жестокий поступок, но он не мог отрицать того, что видел своими глазами. Это была, конечно, смертельная рана, и по лицу мужчины было видно, что он едва ли ожидал такой смерти. В лучшем случае мужчина умирал в бою. В худшем - от старости в постели. Но умереть от руки слабой женщины - позор. Для Рагнара Стронгспира не будет Валгаллы. Вероятно, он никогда не попадет в это место.

Кейлин права. Они вряд ли смогли бы спать и любить друг друга там, где Рагнар пытался изнасиловать ее и где она убила его.

- Очистили дом? - обратился он к стоявшим внизу.

- Да, - ответили ему. - Мы готовы поджечь его.

Ему подали факел, и он поджег постель, на которой лежал Рагнар Стронгспир. Затем, отбросив факел в сторону, спустился вниз и дал указание людям поджечь остальные постройки.

Когда он вышел из горящего дома к ожидающей его Кейлин, она уже сидела верхом на своей кобыле. Аврора устроилась впереди матери, а Нелвин с Ройзи на руках - в повозке. Вульф посмотрел на свою жену, и их глаза встретились. Они без слов понимали друг друга. Он взглянул на детей и улыбнулся. Аврора и Ройзи, а также дети, которые появятся вслед за

ними, – вот их светлое будущее. Он больше не боялся мрачной судьбы. Что бы ни случилось, годы впереди будут освещены их любовью и надеждой, что мир изменится к лучшему.

Вскочив на своего мерина, Вульф улыбнулся жене, и она улыбнулась ему в ответ. С его любовью, подумала Кейлин, она сможет смело встретить любые невзгоды и преодолеть их.

– Я люблю тебя, – тихо сказала она и затрепетала, услышав в ответ:

– Я тоже люблю тебя, ягненок! Они вместе тронулись в путь от мрачного прошлого к светлому завтрашнему дню...

mir-knigi.org